

Raymond Boudon
La place du désordre
CRITIQUE DES THÉORIES DU CHANGEMENT SOCIAL

Р.БУДОН

МЕСТО БЕСПОРЯДКА

КРИТИКА ТЕОРИЙ
СОЦИАЛЬНОГО
ИЗМЕНЕНИЯ

Raymond Boudon

La place du désordre

**CRITIQUE DES THÉORIES
DU CHANGEMENT SOCIAL**

QUADRIGE / PUF

Р.БУДОН

МЕСТО БЕСПОРЯДКА

КРИТИКА ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ

*Перевод с французского
канд. социол. наук М.М.Кириченко*

*Научный редактор перевода
канд. философ. наук М.Ф.Черныш*

**Москва
1998**

УДК 3.2.1
ББК 60.55
Б 90

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

Редакционный совет: В.И. Бахмин, Я.М. Бергер, Е.Ю. Геннева,
Г.Г. Дилигенский, В.Д. Шадриков

Рецензент канд. философ. наук **А.Ф. Филиппов**

Будон Р.

Б90

Место беспорядка. Критика теорий социального изменения/Пер. с фр. М.М. Кириченко; Науч. ред. М.Ф. Черныш — М.: Аспект Пресс, 1998. — 284 с.

ISBN 5—7567—0216—4.

Раймон Будон — французский социолог, проф. Сорбонны, Женевского университета и университета Р. Декарта, руководитель Центра социологических исследований Национального центра научных исследований, автор многочисленных работ в области методик и методологии социальных исследований.

Цель книги — раскрыть методологию и философию научного познания.

Для студентов, аспирантов и научных работников.

УДК 3.2.1
ББК 60.55

ISBN 5—7567—0216—4

© Presses Universitaires de France, 1984
Sociologies
108, boulevard Saint-Germain,
75006 Paris

© Издание на русском языке
«Аспект Пресс», 1998.

*Страсть во что бы то ни стало доиски-
ваться до «законов» социальной жизни —
это не более, чем возврат к философскому
кредо древних метафизиков, согласно кото-
рому знание должно быть абсолютно всеох-
ватывающим и необходимым*

Георг Зиммель

Предисловие

За период с 1950 по 1980 г. общественные науки — социология, экономика, политология — произвели на свет значительное число «теорий социального изменения». Эти теории не представляют собой единого целого, и для начала необходимо определить и уточнить их задачи, а также установить основные типы, по которым возможна их классификация.

Состояние краха — вот наиболее распространенное, разделяемое сегодня очень многими мнение по поводу этих теорий. Большинство строившихся на их основе прогнозов были опровергнуты самой жизнью. Эти теории ввели в оборот представления, не просто упрощающие (что, в принципе, было бы допустимо), но и примитивизирующие понятие социальных систем. И большинство общих закономерностей, рассматривавшихся этими теориями как универсальные и вневременные, оказались ограниченно значимыми.

Понятно, что в конце концов эти теории столкнулись со скептической реакцией. Но этот скептический настрой, как бы он ни был распространен, овладел далеко не всеми, и отдельные исследователи продолжают упорно разрабатывать теории Изменения, Развития, Модернизации, Зависимости с теми же претензиями на их универсальную значимость. Таков, например, давний закон «порочного круга бедности», на время забытый, но затем в обновленном виде воскресший под пером Гэлбрейта¹. В него многие продолжают верить, некритически воспринимая идею, высказанную Токвилем и Т.Х. Маршаллом относительно того, что следствием

¹ Galbraith K. Théorie de la pauvreté de masse. Paris, Gallimard, 1980. «Всякий резкий рост прибыли порождает силы, которые сводят на нет и устанавливают наименее допустимый уровень бедности».

эволюции общества является рост участия граждан в политической жизни; но они не замечают того обстоятельства, что это расширение политического участия может сопровождаться ростом деспотизма. В то же время другие исследователи пытаются показать, что суть социальных конфликтов в постиндустриальных обществах заключается в том, что в борьбе за контроль над историческими перспективами они сталкивают четко определенные, конкурирующие между собой классы акторов. В качестве последнего примера приведем такой факт: весьма заметное число историков, социологов и экономистов сегодня убеждены в истинности иллюзии, будто *зависимость* стран третьего мира является причиной их слабого экономического развития.

Именно поэтому настал момент, когда необходимо *критически* взглянуть на теории социального изменения. Следует уточнить сущность решаемых ими вопросов и выявить, при каких условиях на них можно получить доступные практической проверке ответы.

В работе «Нищета историцизма»² К. Поппер представил программу, очень близкую к идеям данной книги. «Нищета историцизма» является *критическим* произведением в истинно кантовском понимании этого термина. Поппер пытается показать, что одни положения и теории, затрагивающие вопросы социальных изменений, могут быть отнесены к научным, другие же имеют метафизический характер. Некоторые вопросы, на его взгляд, ставятся таким образом, что не могут иметь удовлетворительного решения, в то время как на другие можно получить ответы, валидность которых поддается точной проверке. Кантовский дух настолько очевиден в данном тексте, что проявляется даже в самой манере изложения: подобно Канту, Поппер развертывает свою аргументацию, практически не прибегая к конкретным примерам.

Вновь обратиться к вопросам, поставленным Поппером, сегодня заставляют две причины. Первая заключается в том, что за последнее время появилось немало теорий социального изменения из числа тех, которые Поппер, не называя, впрочем, имен их авторов, подверг резкой критике за то, что они ставят вопросы, на которые нельзя получить доступные проверке ответы. Вторая состоит в том, что критический анализ этих теорий позволит углубить и уточнить выводы Поппера. В частности, в уточнении нуждается его известное противопоставление метафизических и научных теорий.

Вероятно, некоторых удивит тот факт, что «профессиональный социолог» избирает тему, относящуюся к области философии

Popper K. Misère de l'historicisme. Paris, Plon, 1956.

социальных наук. Но я полагаю, что критический анализ — это основной путь научного прогресса. Ощущение краха, внушаемое публике теориями социального изменения, есть *факт*, анализ которого представляет собой не только сугубо умозрительный интерес. Поэтому нельзя ограничиваться лишь скептическим восприятием этих теорий, необходимо более четко представить себе причины их краха, т.е. уяснить суть явления, с которым столкнулось научное познание. Как исследование причин аварии позволяет лучше понять правила дорожного движения, так и анализ неудач в области науки способствует прогрессу познания. Подобный анализ с равным успехом можно отнести и к сфере философии науки, и к области методологии. Хочу добавить, что поднимаемые в этой книге *философские* вопросы представляются мне значимыми не только в философском и научном плане, но и с *политической* точки зрения. Многие теории социального изменения (как, например, теория развития или теория зависимости) оказали большое воздействие на социальную практику. Это стало возможным благодаря тому научному авторитету, которым они располагали тогда и имеют до сих пор. Однако очень часто теории, не будучи ложными в собственном смысле этого слова, претендуют на тот уровень достоверности, каковым в действительности не располагают, порождая тем самым бесплодные ожидания и необоснованные выводы. Такова еще одна причина, определяющая необходимость критического анализа.

Наконец, одно замечание более общего порядка. Специалистам по философии науки свойственно то общее, что они редко проявляют интерес к работам обществоведов. Однако последние могут не хуже физиков или биологов выявлять пути научного познания. То обстоятельство, что в сфере социальных наук более ожесточенны споры, более хрупок консенсус ученых, а также тот факт, что поставленные ими вопросы имеют более «*публичный*» характер, делают эту сферу еще более перспективной с точки зрения философии познания.

Как вы, очевидно, поняли, моей задачей является попытка раскрыть некоторые моменты методологии и философии научного познания, но никак не систематизация или формулировка окончательных выводов по поводу теорий социального изменения. Выдвигаемые в этой книге положения были предварительно представлены на конференциях в Манхейме (1979), Женеве (1979), Лондоне (Хобхаусовские чтения, 1982, Лондонская школа экономики), Нью-Йорке (Лазарсфельдовские чтения, 1983, Колумбийский университет).

Несколько лет назад возобновилась давняя научная дискуссия. Роберт Нисбет, историк в области социальных наук, опубликовал книгу «Социальные изменения и история» («Social Change and History»)¹. В этом заголовке соединительный союз «и» по смыслу являлся противительным. Более точно название книги могло бы звучать так: «История против социального изменения» или «История — да, социальное изменение — нет». Вкратце и, соответственно, несколько упрощенно основную идею книги Нисбета можно представить как утверждение о том, что относительно социальных изменений не существует теории, научной схемы или исследования, которые принципиально отличались бы от того рода интеллектуальной деятельности, которую мы обычно называем «историей».

Этот тезис Нисбета произвел впечатление дороги, ведущей в никуда. С тех пор как существуют социальные науки (в институционализированном, разумеется, виде, ибо как интеллектуальное течение они существуют много дольше, если не сказать всегда), они рассматривают социальные изменения как одну из своих основных тем. Разумеется, в разные эпохи тема раскрывалась с помощью различных терминов. Сегодня, подобно тому, как нельзя представить себе учебник по дескриптивной статистике без описания классических распределений, так ни один фундаментальный труд, ни один учебник в области социальных наук не мыслим без главы, посвященной социальным изменениям. Понятие социального изменения стало обозначать если не раздел социальных наук, то, как минимум, особое направление теоретической и практической деятельности фундаментального характера. Эта деятельность, признанная в научном мире не только законной, но и сущностно необ-

Nisbet R. Social Change and History. N.Y. Oxford University Press, 1969.

ходимой, уже принесла свои плоды: появилось множество разработок, которые можно обозначить общим понятием «теории социального изменения».

Однако Нисбет объявляет данное направление вне закона и яростно атакует наиболее заметных его представителей, в частности Парсонса. Основной целью атаки служат не сами оппоненты, а общая ориентация научных поисков. Теории социальных изменений, предлагаемые социологами, политологами, равно как экономистами и демографами (нельзя сказать, что аргументация Нисбета затрагивает какое-то одно из этих направлений больше, чем другие), разделяются, по мнению автора, на две группы. Первая включает теории ложные или, как минимум, неприемлемые. Вторую составляют работы, которые можно, при большом желании, обозначить как «теории социального изменения», но которые ничем не отличаются от трудов историков. Теории социального изменения, понятие социального изменения уже самим своим существованием утверждают наличие особого научного направления вне рамок исторической науки. Эту претензию Нисбет объявляет необоснованной. Историческая наука существует как общепризнанная дисциплина, чего нельзя, по его мнению, сказать о теориях социального изменения.

Я не буду подробно обсуждать здесь доводы, приводимые Нисбетом в поддержку его тезиса. Читатель будет иметь возможность оценить их, поскольку они будут представлены (явно или неявно) далее. Разумеется, занятая Нисбетом позиция не замедлила вызвать критическую реакцию: Ленски² опубликовал в самом престижном американском социологическом журнале статью, название которой есть перевернутое название книги Нисбета: «История и социальное изменение» («History and Social Change»). Он напомнил несколько аксиом, в частности то, что за бурей и натиском исторического процесса, за комплексным характером единичного изменения не так уж сложно разглядеть закономерности изменений, имеющих постоянную направленность. Можно ли всерьез сомневаться в реальности процессов накопления знаний человечеством, технического прогресса, демографического роста, урбанизации? Если резюмировать позицию Ленски, то можно сказать, что он не только настаивает на правомерности понятия *социального изменения*, но и пытается восстановить прежний авторитет концепции эволюции, значимость которой была сильно подорвана временем. От Конта до Дюркгейма, от Спенсера до Хоб-

² Lenski G. History and Social Change/American Journal of Sociology. LXXXII. 3. 1976. P. 548–564.

хауса³ эта концепция занимала видное место в социальных науках, но впоследствии была серьезно дискредитирована. В начале 60-х годов антропологи Салинс и Сервис⁴ вдохнули в нее новую жизнь, предложив различать две концепции эволюции: линейную, однонаправленную и многолинейную, разнонаправленную. По их мнению, на забвение обречена только первая концепция: представление, согласно которому история человечества целенаправленно стремится к некой финальной точке, не имея возможности повернуть вспять, очевидно неприемлемо. Столь же неприемлема и мысль о том, что каждое отдельное общество должно подстраиваться, приспосабливаться к общему историческому процессу. Неприемлема также идея о том, что различные составляющие эволюции должны развиваться синхронно: техническая культура может развиваться опережающими темпами по сравнению с научным прогрессом; процесс индустриализации не требует с необходимостью развития демократической организации политической власти. Исходя из этих соображений, Салинс и Сервис рассматривают концепцию линейной эволюции (концепцию, практически неотличимую от того, что в менее научном, но более популярном толковом словаре XIX в. именовалось *Прогрессом*), как не подтвердившуюся.

По мнению данных авторов, понятие эволюции «работает» при условии уточнения, что эволюция относится к типу *многолинейного* процесса: пути развития различны, цель плохо поддается определению, но общий курс развития вполне различим, даже если его протяженность и не может быть определена временными рамками. Основываясь на теории многолинейной эволюции, опираясь на бесспорный факт существования отдельных изменений в рамках общей ориентации, Ленски, в противовес Нисбету, настаивает на легитимности существования теорий социального изменения, отличных от исторической науки. Таким образом, номологические или *номотетические* притязания (используя знаменитый термин Пиаже⁵), выдвигаемые теоретиками социального изменения, что бы не думал по этому поводу Нисбет, обоснованы.

Имена Нисбета и Ленски не относятся к числу часто упоминаемых в ходе разворачивающихся время от времени масштабных

³ Spenser H. Essais sur le progrès. Paris, Alcan, 1885//Essais de morale, de science et d'esthétique. P. 1. Hobhouse L.T. Social Evolution and Political Theory. N.Y. Columbia University Press, 1911; Washington, Kennikat Press, 1968.

⁴ Sahlins M., Service E. (ed.). Evolution and Culture. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1960.

⁵ Piaget J. La situation des sciences de l'homme et le système des sciences. in Unesco, Tendances principales de la recherche dans les sciences sociales et humaines. Paris, La Haye, Mouton, 1970-1978. Vol. 3, vol. 1: Sciences sociales. P. 1-65.

теоретических дискуссий в сфере социальных наук, хотя как первый, так и второй — авторы серьезных научных работ. «Социологическая традиция» («The Sociological Tradition»)⁶ Нисбета, несмотря на спорность отдельных ее сторон, — одна из лучших среди доступных сегодня книг по истории общественных наук. «Власть и привилегии» («Power and Privilege») Ленски⁷ относится к числу классических работ в области теории и истории социальной стратификации. Намеренное замалчивание первым эволюционизма во всех его проявлениях особенно заметно в «Социологической традиции». В этой работе социология рассматривается вовсе не в контовском ее понимании, т.е. не как последняя и самая комплексная наука, чье появление возможно лишь при наступлении завершающей фазы эволюционного развития. Напротив, согласно Нисбету, она является следствием интеллектуального течения, порожденного историческими потрясениями. Нисбет считает, что социология появляется на почве традиционалистской и романтической реакции на Великую французскую революцию — реакции, тесно связанной с философией эпохи Просвещения. Тот же отказ от эволюционизма мы встречаем не только в «Социальном изменении и истории», но и в «Истории идеи прогресса» («History of the Idea of Progress»)⁸: прогресс рассматривается как идея, которая эпизодически, в зависимости от эпохи и конкретных обстоятельств, то исчезает, то возникает вновь.

Ленски в книге «Власть и привилегии», напротив, выступает как последовательный эволюционист: он проводит мысль о направленном характере исторического процесса стратификации общества. Учитывая это, не стоит удивляться, что он решительно выступил против книги, которая поставила под сомнение не только концепцию социальной эволюции, но даже само понятие социального изменения.

Вполне очевидно, что в основе взглядов как Нисбета, так и Ленски можно обнаружить наличие философской установки, некой постоянной мировоззренческой позиции, хотя их выводы за или против понятия социального изменения, концепции эволюции основываются на точной аргументации. Но значит ли это, что мы не можем решить спор в пользу кого-либо из них?

Если я и позволил себе предварить рассмотрение предмета, которому посвящена данная книга, ссылкой на дискуссию Ленски

⁶ Nisbet R. The Sociological Tradition. N.Y., Basic Books, 1966.

⁷ Lenski G. Power and Privilege. A Theory of Social Stratification. N.Y., McGraw, Hill, 1966.

⁸ Nisbet R. History of the Idea of Progress. N.Y., Basic Books, 1980.

и Нисбета, то лишь потому, что она, насколько мне известно, служит последним по счету проявлением давнего спора. А точнее, это было сделано потому, что дискуссия поднимает, говоря современным языком социальных наук, кардинальный эпистемологический вопрос: существуют ли закономерности в социальном изменении? Тот же самый вопрос регулярно поднимался и предшественниками Нисбета и Ленски. Назовем, например, Шумпетера, который в работе «История экономического анализа» обсуждает роль того, что он называет *исторической социологией*⁹. Шумпетер недвусмысленно заявляет, что рассматривает это название как синоним концепции, появившейся намного ранее, — концепции философии истории. Он поясняет, что хотя понятие исторической социологии и более привычно для уха современника, оно поднимает те же эпистемологические проблемы, что и философия истории. Шумпетер не углубляется в суть этих проблем, но его жесткая критика Кондорсе и восхищение, высказываемое в адрес Монтескье и Вико, достаточно ясно обозначают его предпочтения. Главная его заслуга состоит в привлечении внимания к тому факту, что одни и те же проблемы можно формулировать по-разному.

Следуя указанию Шумпетера, можно задаться вопросом: не ставит ли понятие *социального изменения* в новой формулировке те же проблемы, что и существовавшие в предшествовавшие периоды понятия исторической социологии и философии истории. Одно наблюдение склоняет меня к тому, чтобы дать положительный ответ на этот вопрос. Когда в начале века Георг Зиммель в работе «Проблемы философии истории» («Probleme der Geschichtsphilosophie») ¹⁰ обсуждал эпистемологические проблемы, относящиеся, по его мнению, к сфере «философии истории», он развернул систему аргументов, отдельные из которых, правда изложенные иначе, мы встречаем у Нисбета. Однако, хотя Зиммель яростно ополчается против *реализма* Ранке, Нисбет, наоборот, ссылается на него и пытается привлечь к нему внимание представителей общественных наук. К вопросу о реализме мы вернемся в главе 7.

Таким образом, вполне возможно, что понятие *социального изменения* является современным «перевоплощением» Истории с большой буквы. По-видимому, все теории социального изменения есть не что иное, как подобное «перевоплощение» философии ис-

⁹ Schumpeter J. History of Economic Analysis. Londres, Oxford University Press, 1954, 1972. P. 135 sq.

¹⁰ Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Munich, Duncker und Humblot, 3-e ed. 1907, 5-e ed. 1923/Trad. Les problèmes de philosophie de l'Histoire. Paris, Puf, a paraître. Aron R. La philosophie critique de l'histoire, Paris, Vrin, 1964, 1969.

тории. Разве не утверждал Парето, что для воскрешения из мертвых старой идеи нужно только преподнести ее обществу в столь новом обличье, чтобы о ее родословной нельзя было и догадаться?

Далее в тексте я не буду обращаться к вопросу о возможной преемственности (хотя нахожу таковую вполне вероятной) между философией истории (если использовать терминологию Зиммеля), исторической социологией (Шумпетер) и теориями социального изменения (Нисбет). Я хочу ограничить рассмотрение вопроса теориями социального изменения, или, если угодно, анализом социального изменения в современных социальных науках, в частности в современной социологии. Но я хотел бы подчеркнуть, что философские, а точнее, эпистемологические вопросы, возникающие при анализе понятия социального изменения и теорий социального изменения и по-разному рассматривавшиеся Нисбетом и Ленски, не могут быть получены удовлетворительного решения без обращения к тем вопросам, которые в начале века были поставлены, например, Г. Зиммелем относительно «философии истории».

Программа: теории социального изменения

Специалист в области философии науки Имре Лакатос термином «программа» обозначает общие ориентации, которыми руководствуются научные сообщества в своей работе¹¹. Пример программы — картезианская метафизика, механистическая теория, согласно которой Вселенную можно представить как подобие огромных настенных часов. Классическая политэкономия, выделяющая классы экономических субъектов в соответствии с их функциями, видящая в труде основу стоимости и считающая основной своей задачей анализ явлений роста производства, — вот другой пример программы. Ей противостоит неоклассическая программа, склонная к недифференцированному рассмотрению экономических акторов, видящая основу стоимости в факте полезности вещи и интересующаяся в первую очередь проблемами экономического равновесия. Точно так же теории социального изменения составляют, или, скорее, предполагают существование программы — той самой, которую обосновывает Ленски и опровергает Нисбет.

Рассмотренная на самом высоком уровне обобщения, эта программа базируется на постулате возможности выдвижения отно-

¹¹ Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Program.— In: Lakatos I., Musgrave A. (ed.). Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, Cambridge University Press, 1970. P. 91—196.

сительно социальных изменений таких утверждений, которые были бы одновременно и интересны, и доказуемы, и *номотетичны*, т.е. валидность (правомерность) которых не ограничивалась бы определенным пространственно-временным контекстом, а имела бы более общий характер.

Такое определение, очевидно, чересчур абстрактно, чтобы быть полезным. Выразить в нескольких словах программу теорий социального изменения так же сложно, как и передать программу картезианской метафизики или классической политэкономии. Более уместным и полезным для решения проблемы дефиниции такого сложного интеллектуального феномена, как *программа*, был бы метод, заключающийся в рассмотрении нескольких теорий социального изменения. Исследуя элементы этой, так сказать, выборки, можно определить, какие принципы проводят и какие цели выдвигают данные теории.

Такой анализ, я полагаю, позволил бы выделить четыре или пять основных типов теорий социального изменения. Четыре или пять, ибо один из типов имеет, как будет показано далее, два варианта. В любом случае задачей программы служит выявление закономерностей или поиск доказательств, подтверждающих их существование. Но форма и природа закономерностей в каждом из выделяемых типов различны. Краткое, подтвержденное примерами, описание этих четырех или пяти типов теорий позволит нам установить основные сущностные черты программы, общей для всех теорий социального изменения.

Некоторые из этих теорий (тип первый) стремятся выявить и доказать существование более или менее значимых и необратимых тенденций (*трендов*): процесс разделения труда должен бесконечно усложняться; бюрократизация современного общества является нарастающим процессом; взаимоотношения между индивидами обречены становиться все более и более обезличенными и т.д. Нетрудно привести в качестве примеров множество утверждений такого типа. Сегодня эти утверждения обычно передают понятием *тенденция* от английского слова *trend*. Ранее, когда Зиммель писал свои «Проблемы философии истории», и даже позднее, когда Поппер публиковал свою «Нищету историцизма»¹², мы скорее говорили бы о законе истории. Благодаря постоянно возрастающему влиянию статистики на социальные науки, тренд сегодня представляет собой тот лежащий в основании описания хронологических рядов прием, который служит приданию нового облика старо-

¹² Popper K. Op. cit.

му понятию. С точки зрения статистики если из временного интервала удалить циклы различной длительности, то в остатке мы получим тенденцию, или *тренд*. Когда из временных рядов, описывающих, например, объемы импорта, исключаются многолетние, годовые и сезонные колебания, тогда в них обнаруживается *тенденция* либо увеличения, либо снижения, либо стабильности размеров импортируемой продукции.

Но одно дело — эмпирически констатировать тенденцию к увеличению или падению импорта, и совсем другое — установить, что, например, основная тенденция существования современных обществ заключается во все более отчетливо просматриваемом замещении отношений безличностного типа, или, по терминологии Парсонса, в переходе от *универсалистского* типа отношений к *партикуляристскому*. Тенденции в сфере объемов импорта выявляются путем использования простых и относительно надежных процедур. Второе предположение, напротив, основывается на интерпретации интуитивных и плохо поддающихся проверке впечатлений, базирующихся, в свою очередь, на достаточно неопределенных данных. Между этими двумя крайностями могут быть расположены все промежуточные варианты. Основной вывод из данного отступления следующий: необходимо отличать техническую точность понятия *тренд* от надежности данных, по отношению к которым он применяется.

Без сомнения, к первому из выделенных нами типов необходимо отнести утверждение о существовании *этапов*, или, используя выражение Конта, *стадий*, которые должны реализоваться в определенной последовательности. Контовский закон трех стадий — вот действительно первое, что приходит на ум как самый явный пример. Хотя сегодня признаком хорошего тона является отрицание гипотез подобного рода, можно вспомнить, что несколько ранее Ростоу пытался показать, что экономическое развитие должно пройти через определенное число стадий роста (*stages of growth*)¹³. Совсем недавно теория демографического перехода¹⁴ выдвинула предположение, что демографическая ситуация в современных обществах характеризуется тремя последовательно сменяющимися друг друга стадиями: падение смертности без одновременного снижения рождаемости; стабилизация смертности и падение рождаемости, обуславливающие режим умеренного прироста населения; стабилизация демографического роста. В книге, появившейся в

¹³ Rostow W W Les étapes de la croissance économique. Paris, Le Seuil. 1970.

¹⁴ Loschky Cf. Par ex. D., Wilcox W Demographic Transition: a Forcing Model// Demography, № XI. 1974. P. 215—225.

начале 60-х годов и посвященной классам и классовым конфликтам¹⁵, Р. Дарендорф утверждал, что по своему характеру социальные конфликты в индустриальных обществах все менее соответствуют классовым конфликтам. Благодаря росту социальной мобильности и другим сопутствующим «факторам», согласно Дарендорфу, классовый конфликт должен утратить свою прежнюю значимость и уступить место другим типам конфликтов, в основе которых лежит раздел власти и влияния. Однако некоторое время спустя Ч. Райт Миллс выдвинул утверждение¹⁶ о том, что на определенном витке экономического роста и возрастания социальной мобильности общество войдет в фазу стабилизации социальной мобильности, что повлечет за собой воскрешение классовых конфликтов и политической конфронтации на почве классовой борьбы. Общая картина, складывающаяся на основе высказываний Дарендорфа и Миллса (если полностью принять их выводы), представляет собой некое подобие закона трех стадий, предусматривающего возвращение к начальной точке развития на третьей стадии. Другие теории, «археологическое» исследование (в том смысле, какой придавал этому термину Фуко) которых вернуло бы нас к идеям графа Сен-Симона, рассматривают роль групп, последовательно сменяющих друг друга в развитии общества. Рабочих сменяют техники, держателей капитала — хранители знаний. Соответственно некоторые полагают, что, подобно тому как конфликты в индустриальном обществе сталкивали рабочих с «функционерами капитала», в постиндустриальном обществе происходит столкновение служителей Информации (говоря словами Дэниела Белла, «служащих четвертичного периода») с доминирующими классами, вышедшими из недр индустриального общества. Таким столкновением было, по мнению Алена Турэна, движение 1968 г.: как «первый звонок» предстоящих конфликтов постиндустриального общества оно отражало глобальное «противоречие» между значимостью Информации, Знания в постиндустриальную эпоху и слабостью власти, которой располагали «служащие четвертичного сектора». Как видим, было бы достаточно легко увеличить число законов стадийного развития. Закон трех стадий мало кого убеждает сегодня. Однако это вовсе не мешает тому, что поиск этапов происходящих изменений продолжает оставаться весьма распространенным явлением.

Ко *второму типу* теорий относятся те, которые обычно обозначают как «*причинно-следственные законы*», а именно — утверж-

¹⁵ Dahrendorf R. Classes et conflits de classe dans la société industrielle. Paris/La Haye, Mouton, 1972.

¹⁶ Lipser S.M. The Limits of Social Science//Public Opinion. Oct–nov. 1981. P. 2–9.

дения типа «если А, то В» или (если речь идет о суждениях вероятностного характера) типа «если А, то (скорее всего) В». В первых же фразах предисловия к работе «Старый режим и Революция» Токвиль¹⁷ пишет, что в его намерения входило не создание истории Французской революции, а, скорее, исследование ее. «Публикуемая мною книга вовсе не является историей Революции... это исследование Революции». За внешней скромностью* термина «исследование» проглядывают и претензии, и основное намерение выдвинуть на основе изучения конкретного в пространственном и временном отношениях явления (Французской революции) утверждение более значимое и правомерное. Говоря современным языком, стремлением Токвиля было не желание предложить еще одну интерпретацию Французской революции, а попытка внести вклад в теорию социального изменения. Стремление Токвиля реализовано в сложной и разносторонней манере, но я не ставил перед собой задачу дать анализ этого вопроса во всей его полноте. Следует отметить, что свои усилия Токвиль в известной мере направил на установление законов причинно-следственного характера. Один из его наиболее известных законов — тот, который без преувеличения можно было бы назвать его именем, токвильевым законом политической мобилизации. «Чаще всего бывает так, что народ, безропотно перенесший... тяжесть самых жестоких законов, яростно сбрасывает их бремя, как только оно несколько ослабевает»¹⁸. Перед нами действительно «если А, то (скорее всего) В». Не стоит и говорить, насколько интересен этот закон, привлекательность которого заключается в его парадоксальном характере. Здравый смысл заставил бы нас предположить, что объективное улучшение условий, в которых существует индивид, делает его более удовлетворенным и побуждает признавать легитимными существующие законы, институты и властные структуры. Токвиль, напротив, утверждает, что либерализация политической жизни общества, отвечающая в большинстве случаев интересам населения или, по крайней мере, значительных его слоев, может иметь своим следствием выражение недовольства и общественное противостояние.

Формулирование причинно-следственных законов, несомненно, представляет собой важную часть той программы, которой,

¹⁷ *Tocqueville De A. L'Ancien Régime et la Révolution. Paris. Gallimard, 1952. T. 2. Vol. 1. P. 69.*

* Непереводимая игра слов: термин *étude* означает как «исследование», так и «этюда», литературно-художественный жанр малого объема. — *Прим. перев.*

¹⁸ *Tocqueville De A. Ibid. P. 222—223.*

как подразумевается, подчинены теории социального изменения. В этом отношении теория политической мобилизации дает множество примеров — их перечисление, описание и обсуждение можно встретить в часто цитируемой статье Джеймса Дэвиса¹⁹. Некоторые полагают, что политическая мобилизация, точнее, коллективное насилие, с особой легкостью разворачивается тогда, когда период длительного улучшения экономических условий резко переходит в период застоя или упадка. Подразумеваемая или формулируемая в явном виде гипотеза заключается в том, что постоянный экономический рост создает в обществе ожидания, которые жесточайшим образом рушатся с наступлением периода упадка. Другие авторы выдвигают предположение, что коллективное насилие может проявляться в том случае, если относительно резко меняются в лучшую сторону условия существования каждого члена общества. Такое улучшение действительно может смягчить проявление общественного недовольства — таков случай, отмеченный Токвилем. Улучшение также может сформировать ожидания, превосходящие реальные возможности для их осуществления, предоставляемые системой, — такова гипотеза, выдвинутая Дюркгеймом²⁰. Третьи авторы полагают, что коллективное насилие есть производная от ухудшения условий существования: индивиды приспособливают свои ожидания к реальности, но становятся чрезвычайно восприимчивыми и готовыми реагировать на любую смену ситуации. Ряд авторов подчеркивает: ухудшение условий жизни может с намного большей вероятностью повлечь за собой деморализацию и апатию, нежели политическую мобилизацию²¹. Вопрос, таким образом, заключается в том, в какой мере эти закономерности являются совместимыми, дополняющими друг друга, или, употребляя выражение Фейерабенда, «соизмеримыми»²². Оставим пока этот вопрос в стороне — у нас еще будет возможность вернуться к нему.

Естественно, поиск законов причинно-следственного характера не ограничивается областью политической мобилизации. Напротив, он представляет основное направление программы «теорий социального изменения». Известный «закон», сформу-

¹⁹ *Davies J. Vers une théorie de la révolution // Birnbaum P., Chazel F. (reds.). Sociologie politique. Paris, A. Colin, 1971. 2 vol. Vol. II. P. 254–284.*

²⁰ *Durkheim E. Le suicide. Paris, Presses Universitaires de France, nouvelle édition. 1960. P. 277.*

²¹ *Jahoda M., Lazarsfeld P., Zeisel H. Marienthal; the Sociology of an Unemployed Community. Chicago, Aldine, 1971.*

²² *Feyerabend P. Contre la méthode. Esquisse d'une théorie anarchiste de la connaissance. Paris, Le Seuil, 1979.*

лированный Парсонсом²³, утверждает, к примеру, что следствием индустриализации является превращение «нуклеарной» семьи (состоящей только из родителей и детей) в «нормальный», модальный тип. Эта эволюция, по мнению Парсонса, является следствием производимых индустриализацией изменений в системе разделения труда и процессах обретения социального статуса. Тогда как в «традиционных» обществах статус, как правило, наследуется, в «современных» обществах он скорее приобретается (достигается). Так, в большинстве «традиционных» обществ сын крестьянина наследует отцовский участок и обрабатывает; его обучение осуществляется в рамках семьи. Сын инженера, напротив, должен *заоевать* свой статус сначала путем получения одного из предлагаемых системой образования дипломов, а затем — поиском места работы, скорее всего вдали от родных мест. Совместное действие этих частичных механизмов обуславливает, согласно Парсонсу, единый процесс разрушения семьи расширенного типа и развитие семейной модели нуклеарного типа. Соответственно, анализ приводит к выявлению причинно-следственной закономерности (следствием развертывания процесса индустриализации общества является нуклеаризация семьи), обоснованность которой предположительно не ограничивается конкретными рамками единичного случая. Хотя Парсонс и сформулировал свой знаменитый закон на основе анализа совершенно определенного (а именно — американского) общества, все же логическая структура его анализа правомерно выходит за те единичные рамки, в которых былработан закон. Также и закон Токвиля о политической мобилизации, который хотя и был разработан автором на основе конкретных в пространственно-временном отношении событий, тем не менее содержит, по самой логической основе своих посылок, претензии на всеобщность, т.е. то, что можно назвать «*пространством действия (правомерности)*» данного закона, превосходит рамки породившего его конкретного в пространственно-временном отношении процесса.

Подпрограмма «поиска причинно-следственных закономерностей» содержит важный элемент, на котором необходимо остановиться особо. В противовес причинно-следственным необходимо выделять скорее «структурные» закономерности, если в утверждениях типа «если А, то В» или «если А, то (скорее всего) В» элемент А представляет собой *систему* переменных, а не отдельное условие или единичную переменную (хотя и последняя может быть,

²³ *Parsons T* Some Considerations on the Theory of Social Change//*Eisenstad S.N.* (ed.). *Readings in Social Evolution and Development*. Oxford, Pergamon, 1970. P 95—139.

как в случае с понятием «индустриализация», явлением комплексного порядка, т.е. представлять собой комбинацию более простых переменных). Граница между закономерностями причинно-следственного и системного порядка не может быть проведена с предельной точностью, между ними явно существует целый набор переходных вариантов. Несмотря на это, такое разделение необходимо.

Рассмотрим пример. Предметом изучения в неомарксистских теориях социального изменения традиционно являются стабильность или нестабильность какой-либо *системы* производственных отношений. Так, они обычно утверждают, что полуфеодальная система производства обладает тенденцией к стабильности. В системе этого типа арендатор участка, хотя формально и свободный в праве продажи своей рабочей силы, находится в постоянной зависимости — он постоянный должник собственника земли, который часто относится со скрытой настороженностью к внедрению инноваций, способных увеличить производительность земли или труда²⁴. Действительно, повышение производительности привело бы к возрастанию доходов арендатора и, как следствие — к возможному снижению его задолженности. Таким образом, собственник может опасаться, что рост его прибыли вследствие повышения продуктивности земель не будет компенсировать снижения доходов, которые ранее он извлекал из эксплуатации арендатора. Из этого следует, что в полуфеодальной системе производственных отношений шансы на внедрение технической инновации невелики — более вероятно, что она может быть отвергнута. Основной вывод: система производительных сил и производственных отношений в обществе полуфеодального типа более или менее гарантирована от привнесения изменений, если только она не подвергнется воздействию каких-либо внешних событий, т.е. факторов *экзогенного* характера.

Оставим в стороне вопрос о степени достоверности этой теории (в дальнейшем у нас будет возможность вернуться к ней вновь), отметим лишь, что ее выводы отвечают типу утверждений «если А, то В». Отличие от ранее рассмотренных случаев заключается лишь в том, что здесь А является не переменной, а системой переменных или характеристик, системой, суть которой выражает понятие «производственные отношения полуфеодального типа».

Как мы уже отмечали, программа «поиска причинно-следственных (и структурных) законов» не ограничивается частными пробле-

²⁴ См. гл. 4.

мами и направлениями, напротив, она имеет более общий характер. Мы проиллюстрировали это на примере закона политической мобилизации. Последний пример по своим ориентациям относится к марксистской традиции, а по предмету изучения — к социологии экономического развития. Можно сказать, что подавляющая часть авторов этого направления занята изучением роли структуры производительных сил и производственных отношений в процессе изменения социальных систем. Но было бы не совсем правильно полагать, что в «исторической социологии» (по терминологии Шумпетера) марксистского толка это направление является единственным. С какой бы интеллектуальной традицией, марксистской или какой-либо другой, не соотносились теории экономического развития (и, соответственно, теории «политического развития»), все они имеют своим содержанием изучение динамических воздействий «структур». Теории развития очень часто ставят задачу получить ответ на вопрос типа: если известно, что в момент t социальная система характеризуется состоянием S_t , то каким будет ее состояние в момент $t + 1$? Рассмотренная сейчас нами вкратце теория действительно представляет собой ответ на вопрос данного типа. Диагноз, который она ставит, таков: если в момент t мы имеем структуру полуфеодального типа, то инновация (возможная) будет (скорее всего) отброшена в момент $t + 1$. Прежняя структура восстановится, производительные силы и производственные отношения на момент $t + 1$ будут идентичны тем, которые имелись в момент t . Аналогично и в теории «порочного круга бедности» (Нурксе), которая была столь популярной в 60-х годах, утверждается, что страна, относящаяся в момент t к числу бедных стран, имеет тенденцию оставаться таковой и в момент $t + 1$, если только не будет иметь место мощное внешнее воздействие. Причина этого заключается в том, что бедность страны предполагает у населения стремление к накоплению средств и отсутствие желания инвестировать капитал, вследствие чего возникает якобы невозможность обеспечения роста производительности. А коль скоро производительность труда не меняется, то сохраняется и прежний уровень бедности. Как и в предыдущем случае, мы не будем обсуждать степень достоверности или правомерности этой теории. Необходимо отметить лишь, что каковы бы ни были ориентации и интеллектуальные традиции, породившие ту или иную конкретную теорию экономического развития (это относится и к теориям политического развития), чаще всего они приобретают форму поиска структурных законов.

Отметим попутно, что оба типа теорий не являются абсолютно независимыми друг от друга. Говоря точнее, утверждения, описы-

вающие какую-либо *тенденцию*, часто основываются на более или менее явно выраженных причинно-следственных законах. Так, тенденция необратимого роста бюрократизации общества обосновывается чаще всего с помощью веры в законы причинно-следственного типа («если А, то В»), анализирующие последствия процесса индустриализации (переменная А).

Особенностью теорий двух первых типов является то, что производимые ими выводы и заключения можно определить как *эмпирические* (оставим пока в стороне вопрос о степени надежности их эмпирической базы) в том плане, что они возмещают о появлении определенных состояний общества: в полуфеодальной системе инновация имеет все шансы быть отвергнутой; по мере развития процесса индустриализации семья расширенного типа замещается семьей нуклеарной; прекращение роста социальной мобильности ведет к тому, что социальные конфликты начинают приобретать форму классовых, и т.д.

В противовес этому теории третьего типа не затрагивают вопрос о *содержании* происходящих изменений, а исследуют их *форму*. В данной главе я ограничусь некоторыми краткими примерами.

Философ и историк науки Т. Кун²⁵, разрабатывая понятие *структуры научных революций*, выдвигает положение, что научное развитие в целом представляет собой процесс, разделяющийся на три последовательные фазы. На протяжении первой фазы, которую он назвал фазой «нормальной науки», научная парадигма как сумма более или менее связанных между собой теоретических ориентаций служит тем каркасом, который объединяет поиски исследователей, работающих в рамках одной науки или научного направления. Но через некоторое время начинают проявляться сложности, или, употребляя термин Куна, «аномалии». Научное сообщество начинает замечать, что данные получаемых наблюдений с трудом поддаются интерпретации в рамках доминирующей парадигмы. Точнее говоря, они противостоят одной или нескольким теориям, сформулированным в рамках данной парадигмы. Однако в течение первой фазы эти теории, равно как и парадигма, на которой они основываются, не подлежат немедленному пересмотру. Ведь необходимо время, чтобы создать, разработать и внедрить новую парадигму. Кроме того, вполне вероятно, что отдельные исследователи, которые, несмотря ни на что, заинтересованы в сохранении прежней парадигмы, будут пытаться приспособить существующие теории к новым данным таким образом, чтобы они смогли поглотить возникающие «аномалии». Но со временем «ано-

²⁵ Kuhn T. La structure des révolutions scientifiques. Paris, Flammarion, 1970.

малии» накапливаются. Как отработавший свой мотор, прежняя парадигма неожиданно рушится к выгоде спешащих воспользоваться этим обстоятельством представителей одного или нескольких конкурирующих направлений. Линейному конвенциональному образу научного развития Кун противопоставляет схему «нормальная наука → революция → (новая) нормальная наука» — схему, при взгляде на которую невозможно не вспомнить одновременно как знаменитую гегелевскую триаду, так и гегелевско-марксистскую концепцию, рассматривающую противоречие в качестве основы развития.

Является ли представленная Куном трехфазная картина развития науки более или менее предпочтительной по сравнению с традиционной картиной линейного развития? На этот счет могут возникнуть сомнения. Но нас в данный момент интересует совсем другой вопрос. С нашей точки зрения, важно отметить, что выводы Куна касаются *формы* протекания процесса. Он не указывает, *что именно* должно измениться, а описывает, *как*, в какой форме и каким образом осуществляется изменение. Соотнесенность с гегелевской и марксистской диалектикой подчеркивает, что поиск *форм* изменения — довольно давняя традиция. Со своей стороны, схема Куна показывает, что, несмотря на дискредитацию «диалектики» в глазах обществоведов (это, вероятно, временное явление), задача, которую она стремилась разрешить, не потеряла своей актуальности.

Попутно отметим: успех Куна объясняется тем, что он противопоставил прежнему, «традиционному» видению поступательного развития науки подход, основанный на конфликте и дискретности процесса развития. Причина успеха Гегеля также в значительной мере кроется в проводившемся им противопоставлении дискретного подхода иному подходу, который основывается на понятии линейного характера изменений, выдвинутом некоторыми философами эпохи Просвещения, особенно Кондорсе.

Пример Куна не единичен. Совсем в другой сфере и совсем по другому поводу Крозье²⁶, например, защищал идею, согласно которой во Франции процесс социального изменения принимает форму длительных периодов застоя с последующим вступлением в фазу кризиса. Ход анализа, на котором основывается это утверждение, весьма похож на куновский, хотя и опирается на гипотезы социокультурного порядка, отсутствующие у Куна. Согласно Крозье, чисто французские культурные традиции задают определенный стиль поведения: в случае возникновения «проблем» в функ-

²⁶ Crozier M. La société bloquée. Paris, Le Seuil, 1970.

ционировании какой-либо организации каждый стремится по-своему приспособиться к ситуации, не пытаясь прибегнуть к совместным действиям. По правде говоря, в данном случае «проблема» далеко не сразу воспринимается в качестве таковой. Подобно тому как куновские «аномалии» в полной мере обретают статус аномалий лишь после того, как научное сообщество убеждается в бесплодности всех попыток их преодоления, так и проблемы, возникающие в ходе функционирования какой-либо организации, не получают статуса «проблем» до тех пор, пока их накопление не создаст «взрывоопасной» ситуации, пока не выяснится бесплодность всех индивидуальных попыток выправить ситуацию или не будут всерьез затронуты интересы «окружения» организации. Но самым главным для нас является то обстоятельство, что, подобно Куну, Крозье выдвигает в данном случае теорию, рассматривающую *форму* протекания отдельных процессов.

Имеет ли социальное изменение (в какой бы области оно ни происходило) последовательный, дискретный, линейный или циклический характер? Этот вопрос, по всей видимости, столь же стар, сколь и рефлексия по поводу самого понятия «социальное изменение». В своих эмпирических и модернистских метаниях социальные науки чаще всего склонны отвергать те *формулировки*, которые предложила этому вопросу философия истории. Какой специалист в области социологии организаций, историк науки или политолог сможет без пренебрежения отозваться, к примеру, о гегелевской диалектике? Однако, как бы ни оспаривалась форма постановки вопроса, социальные науки не могут отбросить сами *вопросы*, выдвинутые философией истории. Вот почему важно отметить близкую родственную связь понятий «противоречие» и «аномалия», диалектической триады и процесса трехфазного развития Куна.

В теориях четвертого типа рассматриваются *причины* или *факторы* социального изменения. Поскольку в мире существуют процессы циркулярной (круговой) причинности, постольку в анализе социального изменения само понятие причины часто становится двусмысленным. Всегда есть возможность привести достаточно простые примеры типа: правительство предпринимает действие А; действие А имеет следствием реакцию В, которая заставляет правительство модифицировать действие А или заменить его действием А'. В этом достаточно банальном случае циркулярной причинности не является предосудительным поиск причин появления ситуации А'. Необходимо лишь заметить, что в этом поиске нельзя ограничиваться выбором единичного фактора, поскольку и само государство, и вызванная им реакция В одновременно представляют собой причину появления А'. В других случаях поиск конкрет-

ной причины решительно невозможен. Например, правительство убеждено, что политическая проблема может быть решена методами *технического* порядка; но по мере их реализации все методы подобного рода терпят крах. Постепенно начинает вырисовываться идея о том, что решение имеет не технический, а *социальный* характер. Что же будет служить причиной появления новой политики? Идея, которую можно передать утверждением «решение имеет социальный характер»? Крушение предшествовавшей парадигмы? Общий набор обстоятельств, обусловивший ее крах? Ставить вопросы в такой форме по меньшей мере абсурдно. Новая политика является результатом *процесса*, представляющего собой переплетение действий, реакций, но никак не следствием одной причины или даже серии причин. Новая политика выступает как результат целостного процесса, и бесполезно приписывать причину ее появления одному или нескольким элементам этого процесса.

Данное замечание позволяет выявить сложные эпистемологические вопросы, к рассмотрению которых нам еще предстоит вернуться. Утверждение типа «А является причиной В» в определенных случаях может быть правомерным, лишенным двусмысленности. Я могу без большого риска выдвинуть умозаключение относительно того, что «непогода явилась причиной плохого урожая, который, в свою очередь, обусловил рост цен». Но во всех других случаях утверждения типа «А является причиной В» предстают как двусмысленные и ненадежные. И риск двусмысленности выдвигает на первый план проблему *демаркации*, которую можно сформулировать следующим образом: при каких условиях утверждение «А является причиной В» теряет двусмысленность и неопределенность?

Пока отмечу лишь, что, несмотря на существование проблемы демаркации, поиск причин и факторов социального изменения всегда был и продолжает оставаться одним из направлений программы «теорий социального изменения». Произведение М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»²⁷ несомненно является весьма значимым, хотя, вероятно, и не самым законченным и бесспорным. Последнее обстоятельство отнюдь не помешало тому, что это произведение стало и самым известным, и даже самым популярным из всех его работ. Причина успеха «Протестантской этики» кроется ни в ее глубине, ни в истинности теории (сегодня уже ясно, что она должна быть серьезно пересмотрена и дополнена). Без сомнения, в первую очередь причина заключается в антиматериалистическом характере ее основного вывода. Если теория

Weber M. L'Éthique protestante et l'esprit du capitalisme. Paris, Plon, 1964. (См.: гл. 5.)

Вебера верна, то она свидетельствует о том, что человеческие ценности могут служить причиной изменений в производственных отношениях, а это полностью противоречит системе отношений, установленной К. Марксом между данными понятиями.

Современный социолог-«профессионал» наверняка сочтет необходимым уклониться от подобной дискуссии, если таковая возникнет в его присутствии. Он сочтет, что подобные вопросы относятся к разряду философских проблем. В действительности же большая часть социальных наук занимается именно этими вопросами. В 60-х годах и позже значительное число исследователей в области теории экономического развития занималось изучением влияния *ценностей* на развитие экономики. В 60-х и 70-х годах анализ функционирования социальных систем основывался на идее основополагающей роли социализации, которая якобы не только должна обеспечить передачу ценностей от одного поколения к другому, она также ответственна за «воспроизводство» и становление социальных «структур», т.е. классовых отношений. В те же годы теоретики в области политического развития общества проявляли интерес к роли ценностей и механизмов социализации в поддержании существования и трансформации политических режимов и социальных систем. Одна из наиболее известных работ этого плана — книга Мак-Клелланда²⁸. Ее основная мысль заключается в том, что, когда общество вступает в период индустриального развития, его граждане склонны придавать особое значение и высоко ценить идею *достижения*. Реализация целей, воспринимаемых всем обществом как легитимные, равно как и *самореализация*, становятся в подобном обществе доминирующими ценностями. Однако идеи книги Мак-Клелланда сегодня выглядят устаревшими, а понятие «достижения» может ассоциироваться лишь с образом молодого, динамичного и успешного руководителя эпохи 50-х годов. Но используемая им схема объяснения, если абстрагироваться от ее содержания, ничем не отличается от принятой в большинстве современных социальных наук. Она строится на следующем постулате: любой социальный процесс в конечном счете является результатом поведенческих актов, основанных на тех понятиях и ценностях, которые были интериоризованы индивидами в процессе их социализации.

Другие социологи, приверженцы иной традиции, полагают, что процесс изменения (или отсутствие такового) определяется состоянием структур общества. В этом случае, очевидно, необхо-

²⁸ McClelland D. The Achieving Society. Princeton, D. van Nostrand Co., 1961: N.Y. The Free Press, 1967.

димо еще выяснить, что именно понимается под «структурами». На этот счет имеется богатый выбор подходов. Совсем недавно в своей глубокой аналитической работе Г. Коэн²⁹ доказывал, что производительные силы необходимо рассматривать как *primum mobile** в марксовом понимании исторического процесса. Таковой же в свое время явилась гипотеза Линн Уайт³⁰, согласно которой техническую инновацию следует рассматривать как принцип социальных изменений. Впрочем, Уайт признает, что внедрение инновации происходит только при наличии благоприятных условий. Так, плуг с металлическим лемехом, позволяющий производить глубокую запашку, но требующий большой тягловой силы, не может вытеснить соху в зонах неконцентрированного аграрного населения, где каждый крестьянин располагает в лучшем случае лишь одним хилым быком. Одни исследователи в качестве *primum mobile* склонны рассматривать производительные силы. Для других таковыми выступают производственные отношения, для третьих — технический прогресс. Естественно, этот перечень далеко не полон.

Все эти дискуссии, относительно которых я должен ограничиться лишь общим упоминанием, представляют собой ответы на вопрос, ставший уже классическим. Если сформулировать его кратко, то он звучит так: как определить ту сферу реальности, в рамках которой возможен поиск факторов, вызывающих социальные изменения? Структуры или институты?³¹ Структуры или идеи? Идеи или мифы? Эти структурные переменные или другие? Производительные силы или производственные отношения? В крайне редких случаях вопрос ставится в столь явно выраженной форме. Но в скрытом виде его можно встретить в большинстве научных дебатов, дискуссий. Точнее говоря, многие теории социального изменения имплицитно содержат идею о том, что в сумме переменных, выделяемых в ходе теоретического анализа социального изменения, некоторые составляющие играют в целом большую роль, нежели остальные. Имеет ли смысл подобная постановка вопроса? Это еще один из тех моментов, к которым нам придется вернуться в дальнейшем.

Для удобства читателя в табл. 1 сведены четыре типа проектов, которым соответствует общая программа «теории социального изменения». Вполне естественно (у меня не было возможности рас-

²⁹ *Cohen G. A. Karl Marx's Theory of Society. A Defense. Oxford, Clarendon, 1978.*

* Перводвигатель, первопричина (лат.). — Прим. перев.

³⁰ *White L. Technologie médiévale et transformations sociales. Paris, Mouton, 1969. The Science of Culture. N.Y. Grove, 1949.*

³¹ См. дискуссию по вопросу «автономии» государства в кн.: *Badie B., Birnbaum P. Sociologie de l'Etat. Paris, Grasset, 1979.*

крыть эту сторону вопроса, но она представляется вполне очевидной), все четыре типа нельзя рассматривать как совершенно независимые. Произведения Маркса содержат не только высказывания относительно причин, вызывающих социальные изменения, и форм их протекания; в них также есть утверждения, сформулированные в форме структурных или причинно-следственных законов. Произведения других авторов представляют более сжатую программу. Некоторые из них удовлетворяются поиском причинно-следственных или структурных законов. Но и в этом случае законы нередко имеют в своей основе подходы четвертого типа.

Таблица 1

Анатомия программы: четыре типа теорий социального изменения

	Дефиниции	Примеры
<i>Первый тип</i>	Поиск тенденций (трендов)	Парсонс: тенденция к универсализации Конт: три стадии (закон трех стадий) Росту: стадии роста
<i>Второй тип</i>	а) причинно-следственные законы б) структурные законы	Парсонс: индустриализация → нуклеарная семья Дарендорф: индустриализация → исчезновение классовых конфликтов Нурксе: порочный круг бедности Бадюри: производственные отношения и их самовоспроизводство в обществе полуфеодального типа
<i>Третий тип</i>	Формы изменения	Гегелевская триада Кун: научные революции
<i>Четвертый тип</i>	Причины изменения	Вебер: протестантская этика Мак-Клелланд: достижительское общество

Таблица 1 будет полезна, я надеюсь, и для тех, кто пожелает уяснить историю возникновения теорий социального изменения. Меня лично данная сторона вопроса не интересует. Проблемы, которые я пытаюсь осветить в настоящей книге, относятся (как бы ни были связаны эти две стороны вопроса) к разряду не исторических, а эпистемологических.

Иллюзия?

Начиная разговор о программе теорий социального изменения в рамках данного выше определения, самое малое, что о ней можно сказать, — это заметить, что она, говоря словами Куна, перегружена *аномалиями*. Факты опровергли многие из, казалось бы, достоверно установленных *тенденций*. Продолжая же научные поиски, пришлось отказаться и от большого числа ранее выдвигавшихся причинно-следственных законов. Изучение одного случая приводило к утверждению типа «если А, то В». Другое исследование выдвигало утверждение «если А, то — не В». То же самое можно сказать и относительно структурных законов. Что же касается вопроса о причинах и факторах изменения (или, по другой версии, об отсутствии таковых), то он остается открытым.

Как нам объяснил Парсонс, для процесса индустриализации наиболее подходит семья нуклеарного типа — супружеская пара с детьми младшего и подросткового возраста. Без сомнения, *часть* истины это утверждение содержит. Вполне очевидно, что в обществе аграрного типа орудия труда и социальное положение часто передаются от отца к сыну; статус же учителя или врача не подлежит наследованию и должен быть приобретен. Следствием этого является эффект автономизации индивида по отношению к родной семье. Но зафиксировать эти различия — одно дело, и совсем другое — выводить из них причинно-следственные закономерности типа «если А (*индустриализация*), то В (*нуклеарная семья*)». Довод *non sequitur** основывается на том факте, что в *определенных* обществах, как, например, в Японии, индустриализация развивалась, не только не противореча традиции многопоколенной семьи, но скорее укрепляя ее.

Нам было разъяснено, что нищая страна обречена пребывать в таком состоянии³². Развитие невозможно без роста производительности, рост производительности невозможен без инвестиций. Базой инвестирования является процесс накопления, но он невозможен в ситуации всеобщей нищеты; *следовательно*, без внешней поддержки развитие невозможно. Опять-таки каждое из этих утверждений, несомненно, содержит часть истины. Рост производительности, естественно, является источником роста благосостояния. Инвестиционный процесс действительно предполагает, что у части экономических агентов есть возможность немедленно вложить

* Не вытекает (лат.). — Прим. перев.

³² Nurkse R. Les problèmes de la formation du capital dans les pays sous-développés. Paris, Institut pour le Développement Economique, 1963.

все наличные ресурсы. Таким образом, эта теория состоит из ряда предположений, из которых ни одно, взятое в отдельности, не вызывает возражений, но которые, будучи сведенными вместе, приводят к ложным результатам. Ведь если бы эта теория была верна, то Япония не имела бы шансов на индустриальное развитие, во всяком случае, в том виде, в каком этот процесс исторически сложился.

Нам было заявлено, что в перспективе активное население будет постепенно включаться в различного рода организации, которые будут все более укрупняться и бюрократизироваться. Однако характер распределения по количественным параметрам французских и итальянских предприятий, по всей видимости, не претерпел изменений с начала века³³. Следовательно, теория *неизбежности* бюрократической экспансии также основывается на предположениях, каждое из которых в отдельности не вызывает возражений. Однако, будучи сведенными в единое целое, они приводят к сомнительным выводам.

Некоторые ученые уже объяснили нам, что модернизация неразрывно связана с секуляризацией общества, но после этого другие стали объяснять нам, что XXI в. будет эпохой религиозного ренессанса. К тому же и Макс Вебер отметил, что ошеломляющие успехи индустриализации в Соединенных Штатах Америки в XIX в. не привели к упадку протестантизма, а придали ему новые силы.

Нам уже разъясняли, что, по одной версии, возникновение революционной ситуации наиболее вероятно при смене периода роста периодом резкого упадка, по другой — в период стагнации, следующий за периодом роста. Была выдвинута и версия о том, что развитие революционной ситуации никак не связано с экономическими показателями.

Было выдвинуто предположение, что завоевание и расширение юридических прав личности потребовало, в определенной последовательности, расширения сперва политических, а затем и социальных прав³⁴. Однако, к сожалению, сегодня приходится признать, что социальные права могут расширяться за счет урезания политических — это, пожалуй, предвидел еще Токвиль.

Теория демографического перехода дала нам прогноз относительно того, что после снижения уровня смертности наступит общее снижение уровня рождаемости, следствием чего будет стабилизация демографического роста.

³³ Piore M., Berger S. *Dualism and Discontinuity in Industrial Societies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1980.

³⁴ Marshall T.H. *Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge, the University Press, 1950.

Было заявлено, что социальные конфликты, политический выбор масс более или менее приспособились к существующему классовому расслоению. Однако существует теория, предсказывающая возвращение на историческую сцену классовых конфликтов. Кажется, ни первое, ни второе предположение не получило окончательного подтверждения.

Короче говоря, правомерность многих и, может быть, даже большинства тенденций или причинно-следственных законов, предложенных социальными науками, сомнительна. Многие из них были явно опровергнуты фактами. Другие обладают намного менее универсальной значимостью, чем та, что ранее ожидалась.

Разумеется, перечисленные мною примеры ни в коей мере не являются результатом какой-либо сознательной выборки. Речь идет о наиболее известных примерах, которые, каждый в свое время, привлекали всеобщее внимание, а порою даже вызывали восхищение и энтузиазм.

Было бы очень легко продолжить этот печальный список. Но я прерву его и остановлюсь на истории одного исследования, выводы которого позволяют, на мой взгляд, поставить ряд интересных вопросов.

В 1929 г. Роберт и Элен Линд опубликовали результаты известного исследования «Мидлтаун: исследование американской культуры» («*Middletown: a Study in American Culture*»)³⁵. Эта работа признается классической, поскольку в свое время она представила нечто совершенно новое в плане методологии.

Мидлтаун — средний городок. Он был одновременно и конкретным поселением, и, кроме того, городом, который по сумме критериев показался Роберту и Элен Линд типичным для всей Америки. По их мнению, на примере этого отдельного городка имелась возможность описать все американское общество в целом. Поэтому они решили отследить здесь все поддающиеся наблюдению процессы и принялись за дело, разрабатывая новые анкеты, прибегая к различным методам сбора информации. Несколько лет спустя они вновь вернулись к этому объекту исследования и повторили свои наблюдения. Результаты их нового исследования были опубликованы в 1937 г. под названием «Мидлтаун в переходный период: исследование культурных конфликтов» («*Middletown in Transition: a Study of Cultural Conflicts*»)³⁶. Через полвека после первого исследования четыре Линд Теодор Каплой и его сотрудники

³⁵ *Lynd H. et R. Middletown; a Study in American Culture*. N.Y. Harcourt Brace, 1930, 1956.

³⁶ *Lynd H. et R. Middletown in Transition*. N.Y., Harcourt Brace and World, 1937

приехали в Мидлтаун и повторили, с незначительными изменениями, те наблюдения, которые проводились в предыдущих исследованиях. Целью Каплоу была «проверка» на конкретном, но типичном объекте тех гипотез, которые выдвинули теоретики социального изменения. Однако он обнаружил, что если за истекшие полвека в Мидлтауне и произошли изменения, то их суть вовсе не соответствует предсказаниям теоретиков. Значение полученного вывода таково, что текст Каплоу заслуживает, на мой взгляд, развернутого цитирования.

«В противовес тем ожиданиям, которые сформировали у нас различные теории социального изменения, нам не удалось зафиксировать сближения тенденций секуляризации, бюрократизации, возрастания социальной мобильности и деперсонализации личности. Вместо всеобщей тенденции к уравнительности при сравнении 1921 и 1937 гг. наши данные зафиксировали заметное сглаживание различий в образовательном уровне, заметный рост неравенства в доходах, малоразличимое сглаживание различий в социально-профессиональном статусе. Что касается тенденции к секуляризации, то мы отметили явный рост числа посещений церкви, участия в религиозных мероприятиях, увеличение количества церквей, возрастание — как в абсолютном, так и в душевом измерении — доли доходов семей, чья деятельность связана с деятельностью религиозных институтов, а также заметное возрастание роли и престижа церкви. Вместе с тем исследование выявило падение интереса к чтению Библии, особенно углубляющееся сомнение в религиозных догматах, сокращение длительности церковных служб, падение интереса к религиозному образованию. Тенденция к заключению браков с единоверцами ослабла, но число церковных бракосочетаний возросло; рост религиозной терпимости сочетается с всплеском политической активности религиозных организаций. Вместо однозначной тенденции к бюрократизации было отмечено, что местная рабочая сила рассеяна по совершенно незначительным производственным единицам. С другой стороны, организации, находящиеся в ведении федерального правительства, — явление, в 1924 г. просто не существовавшее, — в 1977 г. можно было встретить на каждом шагу. Вместо повышения социальной мобильности данные исследования зафиксировали явное снижение мобильности, связанной со сменой жилья, в семьях промышленных рабочих и незначительные изменения в прочих типах семей. Отмечено снижение уровня миграции, а также профессиональной мобильности в рамках индивидуальной карьеры при увеличении межпоколенной профессиональной мобильности. Что касается тенденции деперсонализации личности, то было установлено, что, по сравне-

нию с 1924 г., в 1977 г. семейные связи стали более тесными. Роль политических клубов и объединений в межличностном общении снизилась, чего нельзя сказать о гражданских ассоциациях. Знаменитости вызывают гораздо меньший интерес. Единственная когерентная тенденция полученных результатов — некогерентность отдельных тенденций...»³⁷

Тенденция некогерентности — вот единственный когерентный элемент полученных результатов...

Три ответа

Можно по-разному относиться к рассуждениям и общему выводу Каплоу, но *первая реакция* — это желание отрицать значимость такого вывода. Вполне вероятно, что теория Парсонса о связи индустриализации и структуры семьи является ложной. Может быть, ложен и закон Токвиля о причинах возникновения революционной ситуации. Но никакой законченный перечень ложных законов не является доказательством того, что невозможно обоснование истинных законов.

По поводу выводов Каплоу можно было бы возразить также, что *Мидлтаун* нельзя признать подходящим объектом исследования. Безусловно, в нем невозможно было зафиксировать в чистом виде выраженную тенденцию «бюрократизации», так как в середине 70-х годов его активное население было рассеяно по поселкам, намного более многочисленным (и в среднем значительно меньших размеров), нежели в начале 20-х годов. Но разве это не могло явиться следствием набора случайностей? Структура социально-экономической активности в отдельном городе подвергается определенным изменениям; но эта же структура, наблюдаемая на другом уровне, скажем, на общенациональном, может изменяться совершенно иначе. Это действительно так, и Мидлтаун не может рассматриваться как автономная система. Но зафиксированные Каплоу в Мидлтауне расхождения между данными наблюдений и предложениями авторов теорий социального изменения прослеживаются и на других уровнях, в других контекстах.

Для того чтобы устранить сложности, описанные Каплоу и подтвержденные примерами предыдущего раздела главы, необходимо иметь возможность представить не только список ложных утверждений, — в конце концов, составить его не так уж и трудно.

³⁷ Caplow Th. La répétition des enquêtes: une méthode de recherche sociologique// L'Année Sociologique. 1982. № 32. P 9–22.

Необходимо привести также перечень (каким бы кратким он ни был) тех утверждений, которые можно считать бесспорными. Это будет явно нелегкой задачей.

Разумеется, всегда были, есть и будут авторы, доказывающие, что видимость обманчива или что нужно уметь отличать существенное от несущественного. *Очевидные* факты подсказывают нам, что демократия не является неизбежной формой политической организации развитых обществ. Этого, вероятно, придется ждать еще долго. Они подсказывают нам также, что социализм не обеспечивает с неизбежностью расширения прав личности. Но *истинный* социализм, может быть, еще и не построен. Совершенно очевидные вещи подсказывают нам, что общество изменяется «некогерентным» (Каплоу) образом; однако более внимательный взгляд за видимыми изменениями различит постоянство структур. Япония развивалась, несмотря на практически полное отсутствие контактов с внешним миром. Но путь ее развития можно признать нетипичным, а в качестве типичного привести пример Англии. Нет ничего удивительного и примечательного в том, что все ресурсы риторики пускаются в ход ради «опровержения» самой возможности существования теорий социального изменения, из которых сложно вывести хотя бы несколько правдоподобных утверждений. А вот что действительно примечательно, так это всеобщность и постоянство веры в возможность построения теорий социального изменения, хотя эта всеобщность и не является доказательством истинности первого подхода.

Второй подход можно определить как *скептический*. Он характерен для книги Роберта Нисбета, упомянутой мною в начале этой главы. Понятие социального изменения обозначает некий проект, заключающийся в поиске закономерностей процесса изменений, определении законов эволюции социальных систем, вычленении типичных процессов. Но, по мнению Нисбета, теории социального изменения имеют привычку, что называется, грезить наяву. Они желают, чтобы социальное изменение было и эндогенным, и неизбежным; чтобы «структура» системы в момент t позволяла прогнозировать ее состояние в момент $t + 1$. Нисбет отмечает, что модель эндогенного изменения присуща не только Марксу, разделявшему законы развития феодальных и капиталистических систем, но и Парсонсу. В более общих чертах ее существование можно обнаружить у всех, кто работает с понятием социального изменения. Нисбет утверждает, что само по себе это понятие привносит в практику представляющееся ему ложным эндогенистское видение. Ему не составляет большого труда доказать, что социальное изменение не обязательно является эндо-

генным. Крушение империи инков было обусловлено в первую очередь испанским вторжением, нежели общим упадком, который переживала страна. Но, может быть, лучше усилить научные поиски, чем одним росчерком пера перечеркивать целый пласт человеческой мысли? Как мы упоминали, Токвиль уточнял, что в его намерения входило не создание истории Французской революции, а исследование, посвященное ей. Как бы мы уточнили сегодня — социологическое исследование, посвященное социальным изменениям. Может быть, не стоит обращать внимание на приведенное Токвилем уточнение? Или его работу «Старый режим и Революция» следует отнести к числу незначимых для науки произведений? Марксов «Капитал» не является историческим исследованием, но следует ли из этого, что он весь соткан из ошибок? (То, что в «Капитале» имеются в той или иной мере спорные утверждения — это другой вопрос.)

Еще один вариант скептического подхода заключается в том, что многие исследователи ищут утешения в утверждении: просчеты познания в сфере социального изменения (как, впрочем, и в других) объясняются *комплексным характером* действительности. Мысль настолько же обоснованная, насколько и бессодержательная, несмотря на то, что в 70-х годах отдельные ученые, и прежде всего в США, предпринимали попытки определить содержание понятия «комплексность» и построить «теорию комплексности» (*Theory of complexity*)³⁸. Но, кажется, иллюзорна попытка списать трудности, с которыми сталкивается процесс познания в своих поисках, на какое-либо понятие, пусть даже понятие комплексности. В нем, как таковом, сложности не больше, чем круглого — в понятии окружности.

Третий подход я обозначу как *релятивистский*, или *критический*, следуя в употреблении этих терминов классической кантовской традиции. Суть его заключается в постановке вопроса об условиях, при наличии которых возникает возможность реализации программы, резюмируемой понятием «теория социального изменения». Вполне очевидно, что многие из выдвинутых этой программой положений опровергнуты жизнью. Но следует ли из этого, что сама по себе программа лишена смысла, что теории социального изменения ничего не могут сообщить нам о своем объекте — социальном изменении? Значит ли это, что их претензии на всеобщность (или, говоря словами Ж. Пиаже, номотетические

³⁸ Simon H. The Architecture of Complexity/General Systems. I. 1965. P. 63–76; Todd La Porte R. (ed.). Organized Social Complexity. Princeton, Princeton University Press, 1975; Morin E. La méthode. T. 1: La nature de la nature. Paris, Le Seuil, 1977

притязания) полностью лишены оснований? Иначе говоря, должно ли приемлемое, законное или правомерное утверждение по поводу социального изменения с необходимостью быть конкретным в пространственно-временном отношении? Что остается от теорий социального изменения после того, как многие из их эмпирических положений либо опровергаются фактами, либо оказываются несостоятельными в ходе дальнейших исследований? В чем причина несостоятельности многих положений, относящихся к сфере социального изменения?

В последующем изложении материала я не намерен прибегать к анализу *a priori*³⁹. На мой взгляд, ответ на только что перечисленные вопросы можно получить лишь с помощью анализа конкретных теорий. Среди огромного моря интеллектуальной продукции, которую можно отнести к сфере социального изменения, одни разработки явно слабы (мы уже видели несколько примеров), но другие успешно выдерживают, говоря словами Поппера, самую жесткую рациональную критику. По самой своей природе *критическое* исследование предполагает попытку определить или хотя бы установить и уточнить причины слабости либо устойчивости той или иной теории, а также попытку построить — на основе исследования — выводы общего порядка.

Если попытаться в общих чертах сформулировать идею, которую я отстаиваю в этой книге, то она заключается в следующем. Если мы склонны принимать всерьез принципы той интеллектуальной традиции, которой обычно навешивают ярлык «социологии действия», если мы придаем этим принципам то значение, которое они заслуживают (хотя зачастую они вызывают непонимание и сопротивление), то тогда мы имеем несколько примечательных выводов. А именно:

1) относительно социального изменения рискована сама попытка устанавливать причинно-следственные связи, например пытаться определить условия, при которых коллективное насилие может, *как правило*, проявляться с наибольшей вероятностью или при каком стечении обстоятельств социально-экономический прогресс имеет наибольшие шансы на развитие;

2) в большинстве случаев столь же рискованы и попытки обнаружить динамические следствия «структурных» данных. Так, возвращаясь к часто поднимаемому в рамках марксистской традиции вопросу, мы видим, что такая характеристика системы, как «струк-

³⁹ Boudon R. Théories, théorie et Théorie//La crise de la sociologie. Genève, Droz, 1971.

тура условий производства»⁴⁰, обычно мало что говорит о ее дальнейшем развитии;

3) с точки зрения логики и социологии в большинстве случаев не обоснован поиск *причин* социального изменения. Так, предположения типа «причиной данного изменения, в конечном счете, является техническая инновация (или культурный “сдвиг”» чаще всего лишены смысла;

4) несмотря на эти оговорки, социальное изменение может быть объектом научного анализа, подчиняющегося принципам рациональной критики в том виде, в каком эти принципы используются в науках, именуемых «точными». Данное замечание относится в равной мере и к социальным изменениям на макросоциальном уровне, т.е. на уровне общества (что в основном мы и будем рассматривать далее), и к феноменам, находящимся на более низком уровне, например к организациям;

5) несмотря на то что относительно социального изменения трудно пытаться выдвинуть эмпирические утверждения, обладающие универсальной значимостью, под понятием «теория социального изменения» имеется в виду интеллектуальное действие, которое не только не лишено смысла, но, наоборот, является фундаментальным. При условии, что в данном контексте будет правильно воспринят смысл самого понятия «теория».

⁴⁰ Используем этот термин, чтобы сохранить традицию употребления понятия *Produktionsverhältnisse* как менее условного и более точного, нежели понятие «производственные отношения».

2

Индивидуальное действие, эффекты агрегирования и социальное изменение

Фундаментальный принцип социологии действия заключается в том, что социальное изменение есть результат совокупности индивидуальных действий. Различные школы социологии действия вбирают в себя важнейшие положения немецкой классической традиции (Вебер, Зиммель), классической итальянской традиции (Парето, Моска), наиболее известных представителей американской социологии (Парсонс, Мертон). Из этих положений складывается общий ствол дерева, одной из ветвей которого является социология действия, другой — экономика. И классический, и неоклассический варианты экономики исходят из положения о том, что любой экономический феномен может анализироваться исключительно путем сведения его к сумме составляющих его элементарных действий. Основа обоих лежит в шотландской философии XVIII в. и философии эпохи Просвещения. Их можно рассматривать как частные парадигмы, каждая из которых по-своему, в соответствии с собственными целями и согласно присущим ей принципам, реализует более общую парадигму действия. Эта парадигма имеет огромное значение для социальных наук, и коренной эпистемологический вопрос таков: в какой мере данная парадигма совместима с программой, лежащей в основе теорий социальных изменений.

Макс Вебер первым заметил, что парадигма действия никак не может быть ограничена рамками экономической науки (в которой со времен Адама Смита она широчайшим образом используется) и что, напротив, она применима во всех социальных науках, о какой бы из них не шла речь. Парадигма действия — без сомнения, одно из важнейших открытий, совершенных современными науками, пусть даже значимость этого открытия признается далеко не всеми. Универсальный характер данной парадигмы Вебер продемонстрировал одновременно и в теоретическом плане

(особенно в работе «Хозяйство и общество»), и в практическом — во многих конкретных аналитических работах.

Парадигму действия можно кратко изложить следующим образом. Допустим, необходимо объяснить какой-либо социальный или экономический феномен, обозначим его M . M должен быть интерпретирован как функция $M(m)$ суммы индивидуальных действий m . Что же касается индивидуальных действий m , то каждое из них само по себе является (условия и специфику этого еще предстоит уточнять) функцией $m_i(S_i)$ структуры S_i ситуации, в которой находятся социальные агенты, или акторы. Функция (в математическом смысле слова) $m_i(S_i)$ должна интерпретироваться как наличие у актора i функции *адаптации* к ситуации S_i . Вебер сказал бы, что действие m_i должно быть *понимаемым*. Структура S_i является, со своей стороны, функцией $S_i(M')$ суммы M' данных, определенных на макросоциальном уровне, или, как минимум, на уровне *системы*, в рамках которой происходит развитие феномена M .

Короче говоря, объяснить M , — это, в соответствии с общей парадигмой, означало бы решить уравнение $M = M\{m[S(M')]\}$. Проще его можно записать как $M = MmSM'$. Словесно данную формулу можно выразить следующим образом: феномен M является функцией суммы действий m , зависящих от ситуации S , в которой находятся акторы. Та же ситуация, в свою очередь, определяется макросоциальными характеристиками M' . Это сущностное эпистемологическое утверждение является истинным, какова бы ни была логическая природа M . В частности, оно будет истинным и тогда, когда M обозначает изменение, и тогда, когда оно подразумевает его отсутствие, т.е. когда оно несет в себе какую-либо информацию или сумму сообщений относительно эволюции определенной системы: $M_1, M_2, \dots, M_{kk}$.

Формула, которой мы попытались обозначить парадигму, общую для представителей социологии действия, может показаться банальной. Заметим лишь, что такое мнение разделяют далеко не все и что эта формула часто оспаривается. В качестве альтернативных можно привести примеры других парадигм.

В частности, существует обширное поле парадигм *позитивистской*, или *натуралистической*, ориентации. Согласно этим парадигмам, социальные науки должны взять за образец исключительно естественные науки, точнее, тот образ естественных наук, который сложился у представителей наук социальных. Вследствие этого понятие действия, не имеющего эквивалента в природном мире, не может, согласно мнению приверженцев данных парадигм, быть составной частью анализа, претендующего на статус научного. Парадигмы позитивистского, или натуралистического типа игра-

ют большую роль в истории социальных наук, как, впрочем, и в современной практике. Так, многие теории изменений — социальных, политических, экономических — принимают форму анализа взаимосвязи агрегированных переменных. Некоторые из них, напротив, задаются вопросом о том, действительно ли перспективы социально-экономического развития (агрегированная переменная величина, определяемая не на уровне индивида, а на уровне социального целого) зависят от других агрегированных переменных, например от повышения уровня образования. По мере того как корреляция устанавливается на более или менее значимом уровне и если она остается стабильной при введении контрольных переменных, то делается вывод о более или менее значимом воздействии второй переменной на первую. При осуществлении анализа подобного рода ни в коей мере не встает вопрос об индивидах, их действиях или взаимосвязях между их действиями и ситуациями.

Другие парадигмы отмечают сам принцип, в соответствии с которым действия $m_i(S_i)$ якобы обладают функцией адаптации. Соответственно они отбрасывают веберовскую категорию «понимание». Для Вебера возможность понять индивидуальное действие означала возможность овладеть информационными ресурсами, позволяющими анализировать мотивации, которые вызвали к жизни данное действие. Наблюдатель *понимает* действия наблюдаемого субъекта тогда, когда имеет возможность сделать следующее умозаключение: в такой же ситуации я, очевидно, поступал бы таким же образом. Веберовское «понимание» не является, следовательно, непосредственной данностью. Оно ни в коей мере не требует «прозрачности» другого индивида. Напротив, наблюдатель, если он действительно желает понять мотивацию наблюдаемого, должен, как правило, приложить усилия к тому, чтобы получить информацию о ситуации, в которой находится наблюдаемый субъект. Но для многих неприемлема сама мысль о том, что мотивации могут служить объектом анализа. Мотивации трудно фиксировать; они могут не отражаться в сознании субъекта или же субъект может иметь искаженное понимание собственных мотиваций (ср.: марксистское понятие «ложное сознание»). Но если мы допускаем такую возможность, то не стоит ли вообще исключить из процедуры анализа само понятие мотивации? Многие готовы пойти на это. Марксисты, дюркгеймианцы, а также некоторые представители бихевиоризма (все они основывались на разных аргументах, но каждый исходил исключительно из интересов *Науки*) считали, что освободились от этого неудобного понятия.

По всей видимости, вопрос заключается в том, чтобы разобраться, как можно объяснить индивидуальные действия, если их

нельзя интерпретировать исходя из понятия мотивации по той причине, что мотивация является «ложной» или трудно наблюдаемой. Вопреки позитивистскому предрассудку, нет никакой уверенности в том, что освобождение от субъективизма акторов может облегчить задачу объяснения как их поведения, так и *социальных фактов*, являющихся следствием агрегирования их поведенческих актов.

Другие парадигмы исходят из того, что можно назвать аргументом *масштаба*. Согласно этому аргументу, мы можем дать себе ясный отчет об индивидуальных действиях только в том случае, если анализируем процессы на низовом уровне. Если же мы поднимаемся на более высокий уровень, то учет индивидуальных действий станет практически невозможным. Мы не можем анализировать процедуру развода, не принимая в расчет действия участвующих в нем индивидов. Напротив, невозможно дать анализ процессов, например, экономического роста или политического развития общества, пытаясь анализировать действия и мотивации индивидов, включенных в этот процесс. Далее, в следующих главах, у нас будет возможность на основе многочисленных примеров доказать слабость этого аргумента и показать, что не только возможно, но даже желательно анализировать *макроскопические* изменения при помощи «индивидуалистических» методов.

Другие авторы выдвигают против использования парадигмы действия то возражение, что индивид, собственно говоря, существует лишь в *индивидуалистических* обществах и методологический индивидуализм этой парадигмы может быть приложим, следовательно, только к обществам определенного типа. В дальнейшем у нас будет возможность увидеть, что данная методология с одинаковым успехом применима как к «традиционным», так и к «современным» обществам.

Как видим, немало аргументов выдвигается против той приведенной выше формулы, которую далее я буду обозначать как «веберовская парадигма действия». Некоторые из этих аргументов имеют чисто технический характер (например, аргумент сложности определения мотиваций актора), другие — эпистемологический (как, скажем, утверждение о том, что понятия действия или мотивации не могут быть встроены в *научный дискурс*). Сомнения, порожденные этими парадигмами, служат основой для выдвижения новых парадигм. Некоторые из них уже вкратце упоминались ранее. Эти сомнения были достаточно постоянны и породили демаркационные линии, разделившие давно установившиеся традиции. Не внимание, а враждебность — такова была реакция Дюркгейма на произведения Вебера и Зиммеля, и отчасти это объясня-

лось тем, что понятия мотивации и действия являлись для него *non dignae intrare**. Вполне вероятно, Вебер, со своей стороны, не уделил Марксу того внимания, какого тот заслуживал, лишь потому, что у него были все основания воспринимать некоторые марксовы понятия, например «ложное сознание», как противоречащие его собственной категории «понимание».

.. Веберовская парадигма

На основании множества примеров можно конкретно проиллюстрировать принципы веберовской парадигмы действия. Мы выберем примеры из сферы анализа процессов социальной диффузии, исходя не столько из того интереса, который они представляют сами по себе, сколько из их дидактических достоинств. Несмотря на частный характер этих примеров, они дают удобную точку опоры для ведения дискуссии по поводу принципов и состоятельности веберовской парадигмы. Данная дискуссия будет продолжена в четырех последующих параграфах настоящей главы.

Изложение же в этом параграфе мы начнем с классического исследования процесса проникновения фармакологических новинок в медицинские круги, и нам придется детально проследить этот процесс. Впоследствии у нас будет возможность убедиться в том, что наши принципы анализа могут быть распространены на весьма различные сферы, такие, например, как процесс диффузии идеологий, и вообще могут быть использованы при любом анализе, нацеленном на объяснение процессов социального изменения.

Исследование процесса диффузии фармакологических новинок, проведенное Колеманом и его сотрудниками¹, выявило одно интересное обстоятельство. Если рассматривать группу врачей, работающих в больницах, то можно обнаружить, что процесс диффузии принимает специфический характер. Вначале он весьма неспешен — число медиков, воспринявших новацию, растет медленно. С течением времени процесс ускоряется — число «обращенных» возрастает все более и более высокими темпами. Скорость процесса достигает максимума в тот момент, когда уже примерно половина медиков стала сторонниками новинки. Начиная с этого момента темп процесса последовательно замедляется с тем, чтобы

* Не заслуживающий упоминания (лат.). — Прим. перев.

¹ Coleman J., Katz E., Menzel H. Medical Innovation. A Diffusion Study. N.Y., Bobbs-Merrill, 1966.

полностью сойти на нет к тому времени, когда *почти* все сообщество превратится в сторонников новшества. Если представить этот процесс в декартовой системе координат, в которой временные интервалы откладываются на оси абсцисс, а накопленная численность сторонников новации в каждый интервал времени — на оси ординат, то процесс примет форму *сигмоида* — линии, именуемой S-образной кривой. Почему на агрегированном или коллективном уровне, т.е. на уровне взятой в своей целостности группы, мы наблюдаем процесс, структура которого характеризуется сигмоидом? Если воспользоваться приводившейся ранее терминологией, то следует сказать, что эта специфическая структура представляет собой подлежащий объяснению агрегированный феномен М. Объяснение М в том виде, как оно было выполнено Колеманом, заключается, как нам предстоит убедиться, в уточнении терминов, входящих в формулу $M = M\{m[S(M')]\}$, или, короче, $M = MmSM'$.

Конечно, как каждый может убедиться сам, это объяснение не лежит на поверхности. Почему возникает структура, характеризующаяся формой сигмоида? Загадка становится еще более непонятной, если отметить, что эта структура, характерная для врачей, работающих в больницах, неприменима к их коллегам, занятым частной практикой на дому. В последнем случае число принимающих новацию специалистов резко возрастает в самом начале. Затем скорость, с которой новация находит новых сторонников, начинает монотонно снижаться. Скорость все более и более падает по мере того, как новые врачи становятся сторонниками новинки, и, наконец, падает до нуля, когда *почти все* станут таковыми. Если представить этот процесс в декартовой системе координат, также отмечая временные интервалы на оси абсцисс, а численность сторонников новинки в каждый последующий момент времени — на оси ординат, то получим фигуру, напоминающую уже не S-образную линию, а вытянутую в форме дуги². В обоих случаях обнаруживается наличие специфической структуры, но для каждого из двух типов врачей характерна своя структура процесса. Объяснение их различия заключалось бы, согласно веберовской парадигме, в раскрытии того, каким образом действия m_i (принимать или не принимать инновацию) порождаются характерными для двух групп различиями в структуре ситуации S_i .

Для того чтобы определить переменные $m(S)$ (зависимость принимаемого решения от структуры ситуации), необходимо предпринять, так сказать, феноменологический анализ реакции меди-

² Решение задачи имеет экспоненциальную форму. поэтому подлежащая объяснению переменная является отрицательной величиной.

ка, столкнувшегося с фактом появления нового лекарства. Рассмотрим сначала ситуацию с врачом, работающим в больнице. Будет он назначать больным новинку или нет? Взять на себя ответственность заставлять ближних вводить в организм снадобье, которого ранее никому не назначал и эффект которого сомнителен, — это, естественно, серьезное решение. Если собственный опыт применения лекарства отсутствует, то на какую информацию сможет опереться наш медик? На публикации и сообщения, распространяемые фармакологическими фирмами, а также, вероятно, на оценки независимых от производителя лекарства организаций, например лабораторий, осуществляющих анализ по заказу государственных структур. Информация из этих источников, несомненно, полезна, но в силу особой значимости решения, с необходимостью принятия которого сталкивается врач, она может показаться ему недостаточной. Кроме того, возможны две ситуации. Или наш медик в рассматриваемый момент далек от ситуации, в которой остро стоит проблема замены при первом удобном случае прежних лекарств на появившуюся новинку. Или же, напротив, именно в этой ситуации он и находится.

В первом случае у него есть возможность положиться на свои профессиональные «привычки». Проблема перед ним *и не стоит*: возможные выгоды применения лекарства, учитывая характер лечения, не заслуживают и рассмотрения, в то время как опасности от его применения хотя и не прогнозируемы, но вполне вероятны. Однако если будет иметь место случай, в котором новое средство проявило себя как заслуживающее внимания (была доказана его потенциальная эффективность), то наш врач будет вынужден снизить свое недоверие и, как следствие этого, он займется поисками дополнительной информации. Он обратится к такому источнику информации, который в его глазах облечен гораздо большим доверием, нежели анонимные документы, распространяемые правительственными организациями или фармакологическими фирмами, — к своим коллегам. Он ежедневно трудится с ними рука об руку. Он знает, что г-ну Дюпону он может доверять больше, нежели г-ну Дюрану. Ему известно, что он может проконсультироваться у коллег, не роняя при этом своего авторитета¹. Перед тем, как сделать окончательный выбор, он несомненно поинтересуется мнением коллеги Дюпона. Вопрос, соответственно, заключается лишь в том, имеет ли на данный момент сам Дюпон опыт при-

¹ В отношении более сложного случая, когда поиск информации чреват социальными потерями, см. ставшую классической работу: *Homans G.C. Social Behavior as Exchange//American Journal of Sociology. LXIII. 6. 1958. P. 597–606.*

менения нового лекарства. Если он такой опыт имеет и если к тому же составил о новинке благоприятное мнение, то у него есть все шансы обратить нашего персонажа в число сторонников новинки.

Это «феноменологическое» описание позволяет охарактеризовать ситуацию S_i , в которой находится медик. Высока вероятность того, что в определенный момент он окажется в той профессиональной ситуации, в которой [1] новое медикаментозное средство представляет определенный интерес, однако [2] его применение чревато риском, характер которого мало изучен; [3] непосредственно доступная информация, исходящая из анонимных источников, недостаточно надежна. В то же время [4] его коллеги представляют собой легкодоступный, хотя и не самый надежный источник информации. Наш врач считает, что [5] он в состоянии оценить надежность этого источника, и весь вопрос заключается лишь в том, [6] обладает ли g -н Дюпон проверенной информацией на тот момент, когда к нему обратятся за консультацией.

Подобное описание ни в коей мере не претендует на оригинальность — оно лишь способ анализа, но не его результат. Действительно, при наличии такой аналитической задачи, как объяснение $M[m(S)]$, а именно S -образного характера диффузии информации, описание позволяет уточнить отношение действия/ситуации $m(S)$. Для этого необходимо «агрегировать» поведенческие акты отдельных субъектов действия.

Чаше всего операция *агрегирования* бывает достаточно простой. В данном же случае она требует некоторых размышлений. Наш герой получил консультацию у Дюпона. Если тот уже опробовал новое лекарство и считает его эффективным, то следствием консультации будет появление еще одного сторонника новинки. В начале этого процесса, когда лекарство еще только появилось на рынке, Дюпон не имеет представления о нем. Если сам Дюпон консультировался в середине процесса, когда примерно половина медиков опробовала лекарство и признала его терапевтические свойства эффективными, то с вероятностью 50:50 он также присоединится к числу сторонников новинки. С той же степенью вероятности (50:50) и наш медик может быть обращен Дюпоном в число сторонников. Эта пропорция будет характерна не только для нашего персонажа — назовем его i , но и для любого другого — j , k , l и т.д. Так что в определенный момент времени процесс обращения врачей в число сторонников новинки станет настолько быстрым, насколько [1] среди медиков будет высока численность тех, кто, подобно i , j , k , l , ориентирован на мнение коллег, и насколько [2] высока доля тех, кто, подобно Дюпону, уже будут в этот момент сторонниками новинки.

Вначале большинство врачей будут запрашивать мнение своих коллег, но весьма немногие будут в состоянии дать ответ — прогрессия вовлечения новых сторонников будет медленной. Затем она будет нарастать, вплоть до достижения критической точки. Действительно, по мере увеличения числа сторонников новинки число информационных запросов врачей по поводу нее будет снижаться. Максимальная скорость процесса диффузии достигается тогда, когда численность врачей, способных дать консультацию, так же велика, как и численность тех, кто обращается к ним за консультацией. С этого момента скорость процесса вновь начинает снижаться. Когда все или почти все становятся сторонниками новинки, тогда число консультаций по ее поводу падает и факты приобщения к новинке очередных сторонников становятся все более и более редкими⁴.

В конечном счете, замедленное вначале увеличение числа сторонников новинки становится все более ускоренным, и так продолжается вплоть до того момента, когда число врачей, обращающихся к коллегам за консультацией, будет примерно равно числу тех, кто может дать ответ. С этого момента численность новых сторонников начинает прирастать все более замедляющимися темпами. Когда почти все убеждаются в превосходстве нового лекарства, привлечение новых сторонников из числа «запоздавших» становится все более медленным. «Агрегируя» индивидуальные поведенческие акты $m(S)$, получаем S -образную агрегированную структуру $M[m(S)]$. В данном случае она будет представлять собой сигмоидной формы кривую, отражающую накопленное число сторонников новинки в зависимости от времени. Соответственно структура ситуации S объясняет эмпирически зафиксированный S -образный характер кривой.

В основной формуле, описывающей веберовскую парадигму, структура ситуации S представлена как производная от макро-социологических данных или, как минимум, от данных, определенных на уровне той социальной системы, которая подлежит анализу: $S = S(M')$. Таковым является рассмотренный нами случай. Больничная структура действительно предоставляет медику возможность доступа к практически бесплатной информации (к мнению его коллег), вызывающей к тому же более высокое доверие, нежели анонимные источники. Кроме того, следствием и спецификой больничной структуры, предоставляемых ею каналов меж-

⁴ По мере того как число сторонников приближается к общей численности группы, скорость процесса в единицу времени стремится к нулю.

личностной коммуникации является и то, что медик может считать себя вправе оценивать уровень компетентности мнения коллег⁵.

Ситуация частнопрактикующего врача полностью противоположна по своей *структуре*. Когда новое лекарство появляется на рынке, он также может не сразу начать использовать его в своей практике. Как и его больничный коллега, он отдает себе отчет в возможном риске. Без сомнения, он изучает, хотя и с определенной осторожностью, анонимные сообщения. Он, как и его коллега из больницы, может столкнуться со случаем, в котором новое лекарство, с теоретической точки зрения, могло бы быть использовано для соответствующего лечения. Разумеется, он должен быть убежден, что риск возможных осложнений не перекрывает вероятность успеха, — условие, которое трудно оценить заранее. До этого момента нет особой разницы в ситуациях, в которых находятся оба врача. Различия начинаются лишь тогда, когда частнопрактикующий врач решает получить дополнительную информацию. В реальности, в отличие от своего больничного коллеги, который может прибегнуть к легкодоступному источнику информации, он, будучи изолированным от своей профессиональной среды, окажется в затруднительном положении. Разумеется, он может обратиться к коллегам. Но круг его общения с высокой долей вероятности окажется значительно уже, нежели круг общения больничного врача. Более того, из-за отсутствия опыта постоянной совместной работы ему будет намного труднее оценить характер работы коллег. Ему будет сложно приписать их оценкам какой-либо коэффициент доверия, основывающийся на его собственных наблюдениях. И последнее по порядку, но не по значимости обстоятельство: он находится в ситуации конкурентной борьбы со своими коллегами. Короче говоря, информация для него гораздо менее доступна; более того, ему намного сложнее оценить ее качество. Наконец, она не будет для него бесплатной. Высока вероятность того, что частнопрактикующему врачу шире, нежели его больничному коллеге, придется опираться на анонимные источники информации. Структура ситуации (S), в которой он находится, отлична от структуры ситуации первого врача. Соответственно, его поведение $m(S)$ тоже наверняка будет отличаться от поведения его больничного коллеги.

⁵ О решающей роли воздействия межличностной коммуникации в оценке степени достоверности, приписываемой актором анонимным сообщениям, см. ставшей классической работу: Katz E., Lazarsfeld P. *Personal Influence. The Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. N.Y The Free Press/Londres, Collier Macmillan, 1955, 1965.

Что же из этого следует на агрегированном уровне? Вначале специалист будет колебаться — принимать или не принимать ему малоизвестную новинку. С течением времени объем анонимной информации будет возрастать. Начнут появляться публикации, рассматривающие качество новинки, последствия ее применения и противопоказания. Станет формироваться коллективное мнение о ней. Предположим, что новое лекарство обладает явно выраженным положительным терапевтическим эффектом. В каждый момент времени число частнопрактикующих врачей, ставших его сторонниками, будет возрастать в той мере, насколько велика численность тех, *кто с ней еще не ознакомился*. Напротив, в случае с больничным врачом, вследствие феномена межличностной коммуникации, характерного для больничных структур, этот рост в каждый момент времени будет пропорционален как числу медиков, не являющихся сторонниками новшества, так и числу тех, кто это новшество воспринял. В случае с частнопрактикующими врачами феномен влияния межличностных контактов будет выражен намного слабее. Численность тех, кто способен дать собственное заключение по поводу новинки, поскольку уже располагает опытом ее применения, может не приниматься в расчет, поскольку к их мнению будут обращаться довольно редко. Поэтому в данном случае численность новообращенных в каждый момент времени будет зависеть только от численности группы не ознакомившихся с новинкой.

Произведя этот анализ, мы можем определить структуру М. Поскольку скорость роста в определенный момент времени зависит от числа сагитированных в данном интервале (и это число может только уменьшаться), постольку сама по себе скорость падает по мере того, как все новые и новые врачи становятся сторонниками новинки. Кривая, которая описывает процесс в декартовой системе координат, представляющей численность сторонников новинки в зависимости от времени, примет форму дуги. В отличие от характерной для первого случая кривой, вначале идущей на подъем, а затем снижающейся после критической точки, кривая, соответствующая второму процессу, является равномерно убывающей.

Два типа ситуаций, характерных для двух типов врачей, имеют как общие черты (неуверенность, ответственность за принимаемое решение), так и отличия (с одной стороны — доступность информации, ее бесплатность, высокий уровень доверия к ней; с другой — сложность доступа к информации, затраты на ее получение, ее неопределенность). Вследствие этого влияние межличностных контактов играет важную роль в первом случае и незначи-

тельную — во втором. На уровне *агрегирования* из этого следует, что изменение с течением времени числа сторонников новинки соответствует двум кривым, различающимся по своей структуре.

Что же касается структуры *объяснения* процесса, то она принимает ранее описанную форму. $S(M')$, структура ситуации, зависит от агрегированных переменных M' : и больничная среда в первом случае, и окружение частнопрактикующего врача в другом определяют возможность доступа к информации этих двух категорий врачей. В силу их различий мы наблюдаем и существенную разницу $m(S)$: опора на мобилизуемый информационный ресурс, с одной стороны, и необходимость прибегать к информации, исходящей из анонимных источников, — с другой. Относительная разница в индивидуальных действиях m порождает различия на уровне структуры $m(M)$, которую мы определяем как функцию, описывающую численность сторонников новшества в зависимости от времени. Взятый в своей целостности, наш анализ действительно соответствует формуле $M = MmSM'$

Данный пример позволяет сделать некоторые интересные эпистемологические выводы. Анализ содержит некий «феноменологический» момент в виде упрощенного описания реакций врача, столкнувшегося с появлением новинки: его субъективность реконструирована, исходя из данных ситуации. Это предполагает, что наблюдатель или аналитик, несмотря на пребывание их в *иной*, нежели врач, ситуации, тем не менее способны воспроизвести его мыслительные акты, начиная с того момента, как ему становится известна минимальная информация по определению «роли» врача и об условиях реализации этой роли. Впрочем, ничто не мешает проверить эмпирическим путем осуществленную операцию реконструирования $m(S)$. Относительно легкий с точки зрения организации опрос (он был успешно проведен авторами исследования) может подтвердить, что гипотезы $m(S)$ не умозрительны, более того, их разделяют сами акторы. Но также важно отметить, что в определенном смысле анализ может быть проведен и *a priori*. Это означает, что при наличии достаточной информации о ситуации, в которой находится наблюдаемый, наблюдатель может в определенных пределах предвидеть его реакции или же, при наблюдении данных реакций, способен *понимать* их именно в том смысле, какой этому термину придавал Вебер. Выработка $m(S)$ является в таком случае следствием как наличия информации об особенностях S , так и приложения к S *априорного психологического анализа*. Вероятно, $m(S)$ может быть подвергнуто рассмотрению самими акторами. Но в любом случае конструкция $m(S)$ предполагает, что между наблюдателем и наблюдаемым установлено взаимопонимание.

Второй момент, который необходимо подчеркнуть, заключается в том, что $m(S)$, «феноменологическое» описание процесса, является необходимым моментом в объяснении структуры M , каковая, как в рассмотренном нами случае, может быть выражена в математической форме. Феноменология и «количественный» анализ могут, таким образом, не только не расходиться, но и органически дополнять друг друга. Мы не можем *объяснить* сигмоидную структуру первой кривой, если не в состоянии *понять*, что происходит в голове медика, столкнувшегося с инновацией. Резюмируем: *объяснение* (структуры) и *понимание* (актов, совершаемых наблюдаемыми субъектами) суть два неразрывно связанных аспекта анализа. Впрочем, эти составляющие обладают универсальным характером: какова бы ни была форма M — математическая, статистическая или фактологическая, — объяснение M с необходимостью содержит феноменологический момент $M(m)$.

Рассмотренный нами пример позволяет подчеркнуть и третье обстоятельство: *верификация* анализа не только может, но преимущественно и должна строиться на двух уровнях. *На уровне m* , уровне понимания, при наличии возможностей выясняется, соответствуют ли реальности психологические механизмы, предложенные наблюдателем на основе информации о важнейших характеристиках ситуации S . *На уровне M* осуществляется проверка: соотносятся ли на агрегированном уровне следствия микросоциологических гипотез, выдвинутых в отношении m , с эмпирически наблюдаемыми агрегированными данными?⁶

Несложно доказать, что веберовская модель $M = MmSM'$ универсализируема, точнее, что она описывает структуру объяснения любого феномена M , какова бы ни была его логическая структура. В осуществленном ранее анализе подлежащий объяснению агрегированный феномен M является в статистическом смысле слова «законом», т.е. математической функцией известной формы, выражаемой графически при помощи четко определенной кривой. Но M может обладать определенной логической природой. В данном тексте я ограничусь упоминанием нескольких примеров, которые приводились мною ранее в других публикациях⁷ В своей ставшей классической работе Зомбарт на рубеже веков задавался вопросом⁸ о причинах отсутствия социалистического движения на тер-

⁶ То, что К. Поппер обозначает как «операция опровержения» («фальсификация»).

⁷ Boudon R. La logique du social. Paris, Hachette, 1979.

⁸ Sombart W. Why is There no Socialism in the United States? Londres, Macmillan, 1976.

ритории США. Здесь вопрос М касается некой *особенности*. Почему среди всех индустриально развитых стран, обладающих в политическом плане парламентской системой, США — единственная страна, не знавшая сколько-нибудь значительных проявлений социалистического движения? Ответ Зомбарта основывается на том обстоятельстве, что США представляют собой «страну пограничного типа» (М'). Следствием (М') служит то, что индивид, недовольный своим положением, может отправиться в другие места в поисках счастья или считает, что может сделать это. Ему доступна стратегия *exit* (Хиршман) — уклонения. Это структурное условие S(М') является основополагающим: из S следует, что индивид будет прохладно воспринимать идею включения в различные движения протеста, которые, по большей части, ставят целью достижение не индивидуальных, а социальных целей. Действительно, подобная коллективная стратегия ненадежна, эффект от нее возможен лишь в отдаленной перспективе. Следовательно, индивид скорее предпочтет стратегию исхода, нежели стратегию коллективного протеста: *m*(S). Будучи агрегированными, поведенческие акты *m*(S) приводят к следствию: поскольку индивиды более ориентированы на стратегию индивидуального самоустранения, нежели на стратегию коллективного протеста, постольку потенциальная база движений коллективного протеста будет незначительна. Итак, по мнению Зомбарта, социализм по сути дела является идеологией, позволяющей предложить псевдообъективные основания движениям подобного рода. Он может воздействовать только на тех, кто заинтересован во вхождении в это движение. Вследствие узости данного круга влияние социализма будет очень слабым: М(*m*). Оставим в стороне вопрос о достоверности теории Зомбарта. Все, что нам необходимо, это подчеркнуть: структура предлагаемого ею объяснения соответствует форме $M = MmSM'$

Теория Зомбарта нацелена на выяснение причин появления некоего *своеобразия*. Иначе говоря, М представляет собой единичную особенность, в данном случае — слабое влияние социализма в США конца XIX в. В так называемом *компаративистском* (сравнительном) анализе вопросы, составляющие сущность М, нацелены на выявление *различий*. Так, в «Старом Режиме...»⁹ Токвиль задается вопросом о причинах существования целого комплекса вскрытых им различий между Францией и Англией в конце XVIII и первой половине XIX в. Почему в конце XVIII в. французское сельское хозяйство было столь слабо развито по сравнению с анг-

⁹ Tocqueville De A. Op.cit. Ch. IX. P. 149—151; Ch. XII. P. 179—180.

лийским (М)? Поскольку французская административная централизация (М') предопределяла специфическую сумму последствий, постольку условия (S), в которых были вынуждены действовать отдельные категории акторов во Франции, отличались от ситуации в Англии. Так, французский земельный собственник, обосновываясь в городе из-за тех привилегий, которыми обеспечила себя в борьбе с засильем центральной власти городская буржуазия, мог тем самым обезопасить себя от налоговых тягот: $m(S)$. Кроме того, следствием централизации власти были многочисленность королевских налогов и престижность государственной службы — во всяком случае, во Франции она была престижна намного больше, чем в Англии: $S(M')$. По этой причине наш земельный собственник гораздо сильнее, чем его британский собрат, стремился занять одну из таких должностей: $m(S)$. Что же из этого следует на агрегированном уровне? Французские землевладельцы намного чаще бросали свои участки, нежели английские. Они сдавали свои земли арендаторам. Арендаторы же проявляли мало интереса к техническим новшествам, позволявшим увеличить продуктивность земель, — ведь земля им не принадлежала. У них не было ни желания, ни возможности производить инвестиции. Что же касается собственников, то их головы были заняты совсем другим. Несмотря на авторитет физиократов и вопреки тому восхищению, которое физиократы снискали в салонах, практика ведения сельского хозяйства остается традиционалистской. В итоге имеем: процессу модернизации сельского хозяйства в Англии противостояла стагнация французского сельского хозяйства: $M(m)$. Вследствие подобной структуры ситуации у акторов редко встречалось сочетание и мотивации, и возможностей к модернизации сельскохозяйственных технологий. Физиократы соблазняли своими идеями министров, интендантов, интеллектуалов. Государство соблазняло земельных собственников, тем самым отвращая их от земли.

В своей абстрактной структуре «качественный» анализ Токвиля и Зомбарта не отличается от «количественного» математического анализа процессов диффузии, который послужил отправной точкой нашей дискуссии. Во всяком случае, эта структура легко сводима к тому, что я называю веберовской моделью.

Агрегированное или макросоциологическое данное М, служащее отправной точкой анализа, может иметь разную природу. В одних случаях (см. первый пример) М обладает *математической или статистической структурой*, в других (см. второй пример) речь идет о *единичной особенности*, в третьих (см. третий пример) — о *различиях*: развитое сельское хозяйство в одной стране и отсталое — в другой. В иных случаях М является утверждением относи-

тельно суммы диахронных заданных величин. Например, когда ставится вопрос, почему в определенной стране наблюдается экономическая стагнация, то это делает необходимым подвергнуть анализу причину того факта, что между t , $t + 1$, ..., $t + k$ наблюдается слабая вариация какой-либо переменной или какого-либо комплекса переменных (например, НВП, численности промышленных предприятий и т.п.). Иногда M имеет одновременно и сравнительный, и диахронный характер, как, например, в решении вопроса: чему обязана Япония, несмотря на имевшую место изоляцию, своим бурным экономическим ростом в XIX в.?

Эти примеры ясно показывают, что M , агрегированная или макросоциологическая величина, составляющая объект анализа, может принимать более или менее комплексную форму (а также то, что эта комплексность, несомненно, с трудом поддается измерению). Но как бы ни был выражен комплексный характер M , веберовская модель, передаваемая формулой $M = MmSM'$, может быть обнаружена в большинстве известных нам социологических работ. Естественно, необходимо признать *тезисный характер* данного утверждения. Доказать этот тезис, какой бы интерес он у нас ни вызывал, невозможно: процедура доказательства с необходимостью потребовала бы разбора всех элементов разнообразного и бесконечного по своим размерам объема социологических работ. Несколько приведенных выше примеров наглядно показывают, что веберовская модель применима в самых разных по своей природе и стилю исследованиях и что M может принимать самые разные формы. В частности, M может выступать в качестве утверждения или суммы утверждений относительно изменяющихся с течением времени данных — M_t . В этом случае мы вступаем в область социального изменения. У нас нет оснований предполагать, что здесь веберовская парадигма будет менее эффективна, чем в других областях. Это подтверждают приведенные выше примеры: Токвиль рассуждает о *неразвитости* французского сельского хозяйства, Зомбарт — о *недиффузном характере* социализма в США в XIX в. Указанные примеры, а также первый из рассмотренных нами примеров о *диффузии* инновации растянуты во времени.

Основным вопросом той точки зрения, которую мы разделяем, является вопрос о сопоставимости веберовской парадигмы и программы теорий социальных изменений.

Отметим также, что во всех предшествующих рассуждениях мы определяли M очень широко — это практически любой предмет, интересующий социолога, демографа или экономиста, иначе говоря, любая комбинация наблюдений, которая представляется исследователю не имеющей удовлетворительного объяснения.

Основная форма вопросов, которые ставят социальные науки, принадлежит к типу «Почему М?». Почему данный процесс диффузии описывается S-образной кривой? Почему французское сельское хозяйство переживало застой в то время, когда английское развивалось? Почему в XIX в. отсутствовало социалистическое движение в США? Почему происходило интенсивное развитие Японии на той фазе ее истории, когда отсутствовали контакты с внешним миром? Все эти вопросы, а также, я полагаю, в целом и все вопросы, которые ставят социальные науки, имеют форму «Почему М?», где М является какой-либо комбинацией наблюдений, вызывающих чувство удивления. Этот бесконечный круг вопросов и составляет *предмет* социальных наук. Я полагаю, что только недомыслием объяснимы отдельные попытки перекроить, действуя на манер географа, континенты знания, относящиеся к сферам социологии, экономики или демографии. Каждая из этих дисциплин, по традиции, занимается преимущественно тем или иным типом феноменов. Но разделяющие их границы очень зыбки. Социолог тоже интересуется семьей, как и демограф. И социолога, и экономиста интересуют проблемы преступности и разводов. Специфика каждой из этих дисциплин заключается, скорее, в определенной традиции мышления. Но всем им присуща общая форма вопроса «Почему М?». Именно поэтому зачастую трудно бывает понять некоторые дискуссии относительно предмета социологии и способов его конструирования. Разумеется, предмет социологии не может быть вычленен из реальности так, как зачерпывают из моря ведро воды, по той хотя бы простой причине, что цель познания всегда есть поиск ответа на поставленный вопрос и нет вопросов без задающего их субъекта. Выступая в виде вопросов, предметы социальных наук с необходимостью являются «сконструированными»; говоря словами Поппера, они принадлежат к *третьему миру*¹⁰. Это значит, что мы обязаны соблюдать правила и нормы их конструирования. Именно *ответом* на вопрос о причинах медленного развития французского сельского хозяйства (ответом, доступным далеко не первому встречному) Токвиль доказывает, что поставленный вопрос — простая и легко наблюдаемая констатация существующих различий — представляет интерес.

Огромной эпистемологической значимостью обладает тот факт, что в веберовской модели М может принимать какую-либо форму и представлять собой событие, отдельную посылку, серию различий, распределение или сумму распределений статического или

¹⁰ Popper K. La connaissance objective. Paris, Press Universitaire de France, 1978.

динамического порядка, а также любую другую форму. Здесь, в частности, важно отметить различие в подходах Дюркгейма и Вебера. В то время как Дюркгейм полагал, что социология может претендовать на всеобщность, лишь ставя своей целью поиск эмпирических закономерностей, независимо от того, описывают они тенденции или отношения, в веберовской модели эти закономерности, в случае если они наблюдаемы, являются не более чем одним типом объектов среди прочих. Говоря иначе, в его модели содержится отказ рассматривать социальные науки как науки номотетические. Такое определение с точки зрения веберовской модели является неправомерным сужением их.

Итак, мы установили (или, во всяком случае, выразили мысль на основании ряда примеров, перечень которых мы намерены далее пополнить), что веберовская модель может рассматриваться как валидная. Рассмотрим теперь ее принципы, а также ряд зачастую порождаемых ими недоразумений.

Психология социальных наук

О. Конт однажды вынес приговор, смысл которого заключался в том, что психология, будучи не чем иным, как подсчетом случайностей, есть «абerrация», не способная претендовать на статус науки. Как и большинство резких суждений, это высказывание основывается на реальном факте, а именно на том обстоятельстве, что любое индивидуальное поведение, каким бы банальным оно не было, является бесконечно сложным феноменом. Даже самое утонченное самонаблюдение (самоанализ) сталкивается с трудностями при попытке определить вкусы в художественной или гастрономической сфере. Напротив, довольно несложно установить корреляции (большой частью весьма слабые) между вкусами (или любой другой психологической переменной) и социологическими переменными, такими, как социальный класс, религиозная принадлежность, возраст или место жительства. Есть риск поспешить с выводами и на основании этих выводов решить, что психологические феномены не фиксируются научными методами и представляют интерес лишь в той мере, в какой они подчинены «социальным детерминизмам». Именно на основе сомнительного противопоставления этих двух очевидных вещей и вырос социологизм, в первую очередь контовский, затем дюркгеймовский. Мотивации не поддаются проверке, в то время как поведенческие акты с легкостью меняются в зависимости от социальных характеристик агентов. Не следует ли из этого, что пора поставить крест

на мотивации и ограничиться изучением взаимосвязей между социальными характеристиками и поведенческими актами? Такое заключение явно несовместимо с веберовской моделью, предполагающей возможность реконструкции субъективности акторов: $m(S)$. Как эта реконструкция может быть согласована с комплексным характером мотивации?

Социальные науки по определению никогда не интересуются объяснением индивидуальных поведенческих актов во всей их комплексности. Индивид, как таковой, не является объектом их исследования. Экономист не может претендовать на понимание причин, заставляющих некоего актора предпочитать один продукт другому — в целом этот вопрос очень сложен. Напротив, если ему известно, что Некто отказался от рассматриваемого продукта Р, как только цена на него незначительно возросла, и перешел на потребление аналогичного продукта Q, то он может сделать заключение: *предпочтение* продукта Р было выражено у Некто в слабой степени. Если же какой-то Другой не заменяет продукт Р на Q до тех пор, пока цена на Р не станет в два раза выше стоимости Q, то экономист решит, что предпочтение Другого по отношению к продукту Р выражено гораздо сильнее, чем у Некто. Это предположение является утверждением относительно *субъективных* состояний Некто и Другого, но в таком случае не ставится задача объяснить, почему у Некто предпочтение продукта Р выражено слабее. Аналогично и утверждение типа «Некто бежит, *потому что* заметил на углу улицы автобус, и спешит, чтобы его не пропустить» является утверждением, объясняющим *смысл* поступка, хотя и не может претендовать на исчерпывающее объяснение. Непонятно, спешит ли Некто на автобус из-за того, что опаздывает, или потому, что ему не хочется торчать на остановке в ожидании следующего? А если принять второе объяснение, то не служит ли торопливость Некто проявлением его нетерпеливого темперамента? И т.д. «Психологическое» объяснение столь банального поведения — задача огромной сложности. К счастью, ни социолог, ни экономист, ни демограф практически никогда не выдвигают «психологических» объяснений (в том смысле, какой я придаю этому слову). Аналогично и Токвиль, когда он заявляет, что земельные собственники XVIII в. были весьма заинтересованы как в получении налоговых льгот, которыми пользовалась городская буржуазия, так и в преимуществах, предоставлявшихся королевской службой, вовсе не погружается в «психологический» анализ поведения земельных собственников. Он довольствуется выдвижением на микросоциологическом уровне утверждений, которые объясняют феномен, наблюдаемый на макросоциологическом уровне. Или еще один

пример: видя толпу, движущуюся в сторону Парк де Пренс, я прихожу к выводу, что эти люди идут на матч. Подобное утверждение касается, несомненно, субъективного состояния каждого из составляющих толпу индивидов, но его нельзя считать утверждением относительно их «психологии». Это, скорее, *микросоциологическое* утверждение, поскольку оно [1] касается того, что происходит в голове каждого из *индивидов*, и [2] выявляет причину того *агрегированного* феномена, который я пытаюсь объяснить, а именно — спешащей толпы.

Не пытаюсь отличать «психологические» утверждения от «микросоциологических», мы рискуем попасть в запутанное и безвыходное положение. Утверждения первого порядка касаются связи между наблюдаемым поведением и личностью индивида, т.е. тех отношений, которые для микросоциологических утверждений большей частью не представляют интереса.

Коль скоро микросоциологические утверждения *m* определяются природой вопроса *M*, то из этого также следует невозможность построения *общей* микросоциологической модели. Короче говоря, построение универсальной модели *homo sociologicus* или *homo oeconomicus* невозможно. Попытка опровергнуть это предположение будет противоречить утверждению о том, что *M* определяет *m*. Иначе говоря, утверждения *m* не обязаны своим происхождением той упрощенной психологии, которая создана под нужды социологов и экономистов. Так, модель расчетливого и рационального человека может зачастую удобным для нас образом резюмировать ту «психологию», к которой прибегают экономисты. И такое ограничение довольно эффективно, во всяком случае, намного более эффективно, чем обычно считают социологи. Но из этого не следует, что данная модель является универсальной. «Когнитивная» модель, противопоставляемая некоторыми «утилитаристской» модели экономистов, тоже представляет интерес¹¹. Кто, например, возьмется отрицать такой факт: конкретные поведенческие акты останутся непонятыми, если мы не будем отдавать себе отчет в том, что субъект является носителем определенных представлений? Но зачастую и эта модель оказывается неприменимой. До очевидности абсурдной стала бы попытка объяснить религиозное поведение при помощи «утилитаристской» модели; но не менее абсурдным было бы не замечать, что в основе многих поведенческих актов лежит материальный интерес. Вести общую дискуссию о сравнительной правомерности утилитари-

Doise W. L'explication en psychologie sociale. Paris, Presses Universitaires de France, 1982.

стской и когнитивной моделей, о сравнительной правомерности моделей *homo sociologicus* и *homo oeconomicus* было бы, пожалуй, так же правомерно, как и затевать дискуссию о сравнительных достоинствах пинцета и клещей. Правомерность микросоциологической модели может проверяться только одним: позволяет ли она объяснить М? Несомненно, было бы весьма полезно время от времени обращать внимание социологов на то обстоятельство, что в рамках разбираемых ими проблем модель *homo oeconomicus* иногда может дать больше плюсов, нежели они полагают¹², и напоминать им при этом, что выдвигаемые против данной модели возражения имеют скорее метафизический характер: ведь было бы грустно наблюдать, как личность превращают в подобие английского бакалейщика. Но столь же необоснованным было бы и утверждение о том, что эта модель (равно как и любая другая) обладает универсальной значимостью. А необоснованным потому, что это противоречило бы очевидному факту: значимость микросоциологической модели зависит от ее способности (которую еще предстоит оценить по набору критериев) дать ответ на вопрос М; а также противоречило бы тому обстоятельству, что микросоциологическая модель *m* зависит от природы М. Совершенно очевидно, было бы абсурдно обвинять Токвиля в наличии у него утилитаристского «видения» мира на основании выдвинутой им гипотезы о том, что некоторые налогоплательщики чувствительны к возможности получения налоговых льгот.

О понятии рациональности

Весьма часто без всякого риска можно выдвинуть утверждение, что причиной поведенческого акта является цель, которой стремится достичь субъект, используя для этого определенные средства. Значит ли это, что любой поведенческий акт подчиняется схеме «средства — цель» (*moyens — fins*) или, говоря точнее, может быть объясним данной схемой?

Разумеется, существуют случаи, по отношению к которым применима классическая рационалистическая модель. Например, субъект ставит себе какую-либо цель, и при этом он способен исчерпывающим образом определить набор средств ее достижения и может выбрать среди них наиболее эффективные или, во всяком случае, наиболее предпочтительные. Но чаще всего такую рацию-

¹² См.: Boudon R. Effets pervers et ordre social. Paris, Presses Universitaires de France. 1977, 1979.

нальность следует рассматривать как «ограниченную»¹³ В ситуациях, для которых характерна ограниченная рациональность, установление исчерпывающего перечня является и невозможной, и высокзатратной задачей¹⁴. Было бы «нерационально» затратить массу времени на получение информации о способах, не позволяющих достичь цели; весьма вероятно, что изучение средств остановится на каком-то конкретном рубеже, местоположение которого, собственно говоря, не может быть зафиксировано точно. Это обуславливается тем, что в идеале данный рубеж определяется путем сопоставления ценности еще не проверенной информации (которую в большинстве случаев трудно оценить, поскольку предположительно речь ведется об информации, природа которой неизвестна) и затрат на ее получение. На практике такой рубеж устанавливается более или менее произвольно под влиянием импульсивного порыва, веры в собственную интуицию или по причине усталости.

В принципе не так уж и трудно представить себе такие ситуации действия или принятия решения, в которых возможно проявление рационального решения (в классическом понимании термина «рациональность»), однако в других ситуациях налицо тенденция размывания границы между рациональным и иррациональным.

Аналогичное замечание можно сделать и относительно ситуаций, имеющих стратегическую значимость: в соответствии со структурой ситуации рациональность в ней может то проявляться, то отсутствовать. В *кооперативной** игре между двумя игроками, по самому определению понятия кооперации, всегда будет существовать *доминантная* стратегия, являющаяся рациональной для каждого из этих игроков. Но вместе с тем возникают ситуации, в которых каждый игрок обладает *доминантной* стратегией (т.е. каждый игрок, независимо от выбора других, заинтересован в выборе собственной стратегии), и в этой ситуации осуществляемый акторами выбор может привести к неблагоприятным последствиям¹⁵. Гонка вооружений является прекрасной иллюстрацией ситуации данного типа. Для каждой из двух противостоящих сторон продол-

¹³ Simon H. Rationality and Administrative Decision Making//Models of man. N.Y., Wiley, 1957 IV. P. 196.

¹⁴ Lévy-Carboua L. L'économique et le rationnel//L'Année Sociologique. 1981. № 31. P. 19–47.

* Подразумевается соответствующий раздел математической теории игр. См.: Фон Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970. С. 679–687. — Прим. перев.

¹⁵ На языке теории игр это называется субоптимальной стратегией равновесия.

жение гонки вооружений более приемлемо, чем ее прекращение, поскольку ни одна из них не имеет твердой уверенности в том, что другая сторона всерьез намерена разоружаться. Но следствием этого являются непомерные расходы, конец которым положило, кажется, недавнее разоружение. В подобных случаях понятие рациональности имеет неопределенный характер. Несмотря на «рациональный» характер действий, противостоящие стороны обрекают друг друга на достижение результата намного менее благоприятного, нежели тот, которого они могли бы достичь, действуя «иррационально».

Парето, автор знаменитого разделения действий на логичные и алогичные, полностью отдавал себе отчет в возможности существования подобных *двусмысленных* ситуаций. Он приводит множество примеров нелогичных действий, которые, несмотря на то, что они базируются на «рациональном» основании, приводят к результатам, не совпадающим с предполагавшимися заранее¹⁶. Например, Некто, являясь предпринимателем и испытывая давление конкуренции, снижает цены, чтобы привлечь клиентуру Другого. Коль скоро структура ситуации подталкивает Другого к аналогичным действиям, то задуманная Некто «стратегема» терпит крах. В результате единственным следствием становится борьба между Некто и Другим к вящей выгоде потребителя. Естественно, Некто способен предвидеть реакцию Другого. Но даже в этом случае он все равно обречен на снижение цен, иначе Другой окажется в положении, позволяющем ему перехватить клиентов Некто. Таким образом, поведение Некто рационально, поскольку обеспечивает ему защиту от возможной агрессии со стороны Другого, но вместе с тем оно и иррационально в том плане, что Некто терпит убытки. *Договоренность* между Некто и Другим могла бы, разумеется, решить все проблемы. Но она вероятна лишь в том случае, если Некто и Другой вдвоем делят рынок или число их конкурентов невелико. В противном случае подобная договоренность может дорого обойтись. Соответственно, как подчеркивал Парето¹⁷, численность протагонистов определяет *структуру ситуации*, в которой находятся ее участники. Если они *немногочисленны*, то достижение соглашения вполне вероятно, поскольку действие каждого из них может быть рациональным или «логичным». Если же они *многочисленны*, то шансы каждого из них на рациональность поступка невелики.

¹⁶ *Pareto V Traité de sociologie générale*. Lausanne/Paris, Payot, 1917 Новое издание см.: Genève, Droz. 1968. Vol. Xll. § 159.

¹⁷ *Ibid.*

Понятие рациональности, следовательно, может быть задано только в *определенных* ситуациях. Говоря иными словами, *возможность придания ему четкого смысла является функцией структуры рассматриваемой ситуации*. Парето ясно видел это обстоятельство и хорошо описал его. Я полагаю, что приведенные выше примеры позволяют опровергнуть общую, весьма распространенную (распространенную, вероятно, именно в силу своего общего характера) и часто воспроизводимую интерпретацию понятия «нелогичное действие»¹⁸. Настойчивость, проявляемая Парето в изучении нелогичного действия, ни в коей мере не позволяет свести его произведение к популярному метафизическому «видению», согласно которому человеческое поведение либо определяется слепым инстинктом (человек-зверь), либо является следствием оторванного от реальности безудержного воображения (человек-ангел). Сказанного, очевидно, достаточно, чтобы пойти в противоположном направлении и сравнить типологию Парето с веберовской типологией действия. Тогда мы сможем отметить, что некоторые типы действий, относимые Парето к числу «нелогичных», трактуются Вебером как «рациональные»: в одних случаях как «рациональные по отношению к ценности», в других — как «рациональные по отношению к цели».

Зачастую относительно понятия рациональности выдвигают возражение, суть которого заключается в том, что поведение человека определяют более или менее надежно обоснованные *представления*. Инженер, строящий мост, использует некие научно обоснованные «представления» о действии силы тяжести. Политик, выступающий за определенную политическую линию, также располагает некими «представлениями», однако в большинстве случаев они будут намного менее обоснованными, нежели представления инженера. Очевидно, «представления» политика обладают характером «мифа». Но можно ли из этого заключить, что поведение социальных акторов, за некоторыми исключениями, следует признать «иррациональным»? Здесь необходимо договориться о понятиях. Если использованием этого термина хотят сказать, что социальный актор вечно пребывает в состоянии бредовой галлюцинации, то такое предположение бессмысленно и неверно. Если же этим хотят сказать, что *в некоторых ситуациях*, в частности в тех, которые характеризуются высоким уровнем неопределенности, актор прибегает к более или менее обоснованным

¹⁸ Для Парето «нелогичным» является любое действие, не укладывающееся в схему «средство — цель» (например, «акт — рефлекс») или характеризующееся неадекватностью средств и целей.

представлениям, то, без сомнения, его поведение можно назвать *иррациональным*. Однако его можно определить и как *рациональное*, но лишь при условии вводимого уточнения о том, что рациональность ограничена здесь неопределенностью ситуации, и при наличии оговорки о том, что мы отходим при этом от *классического* определения понятия рациональности.

Например, речь идет о моем голосовании в ходе президентских выборов. Я выслушал обещания всех кандидатов. Лично я не знаком ни с кем из них. Я не знаю, будут ли реализованы их обещания, и не представляю, в какой мере они вообще реализуемы. Даже если предположить, что они будут выполнены, я не уверен, что их реализация не повлечет за собой нежелательные последствия. Что делать? Воздержаться от голосования? Почему бы и нет? Ведь мой голос практически ничего не значит¹⁹. Голосовать за того, кто покажется более искренним? Или за того, чьи принципы наиболее близки к моим? За того, кто, кажется, намерен защищать интересы той социальной группы, к которой я принадлежу? Почему бы и нет? Все эти стили поведения рациональны в равной степени²⁰. Точнее говоря, трудно проранжировать эти поведенческие акты по шкале рациональности; не менее сложно представить себе не включенное в данный перечень решение, которое было бы *неоспоримо* более рационально, нежели остальные, составляющие данный перечень. *Учитывая структуру ситуации*, все эти стили поведения можно признать рациональными при условии, что это понятие мы употребляем в широком смысле.

Столкнувшись с проблемой выбора, актер пытается обосновать свой выбор определенными доводами, каковые представляются ему обоснованными, хотя и не имеют (да и не могут иметь) строгости и веса законов. В соответствии с ситуацией действие может основываться на более или менее окончательных или определяемых ситуацией доводах. Но в некоторых ситуациях невозможно представить саму возможность нахождения *решающего* довода. Актер, чьи действия в таком случае основываются на доводах неясного порядка, не заслуживает по этой причине эпитета «*иррациональный*». Напротив, такого определения заслуживает тот, кто, оказавшись в подобной ситуации, не видит, что в этих условиях нахождение *окончательных* доводов в пользу того или иного выбора невозможно. Эта мысль обладает определенной практической значимостью. Так, когда корреляция между социальными характе-

¹⁹ См., напр.: Barzel Y., Silberberg E. Is the Act of Voting Rational?/Public Choice. XVI. Automne. 1973. P 51—58.

²⁰ Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., Harper, 1957

ристиками и поведением оказывается слабой, это нередко зависит от того, что данное поведение является реакцией на ситуацию, в которой выбор не может основываться на окончательных доводах. Слабость корреляции служит сигналом. Не явление энтропии, а информация определяет структуру ситуации.

Но можем ли мы определить как иррациональные те действия, которые обязаны своим появлением приверженности актора традициям (см. «традиционалистские действия» Вебера²¹)? Не затронем ли мы тем самым вопрос (употребляя выражение, ставшее одним из самых одиозных в силу содержащихся в нем предрассудков и ассоциаций с авторитаризмом) о «сопротивлении (иррациональном) изменениям»?

Однако зачастую, когда наблюдатель бывает удивлен фактом приверженности и *подчиненности* актора традициям, анализа заслуживает, скорее, именно это чувство удивления. Прибыв из страны, где малочисленная семья является нормой и правилом, западный наблюдатель нередко *удивляется*, видя сколь многочисленное потомство продолжают производить на свет крестьянские семьи в странах «третьего мира». Вне всякого сомнения, демографический взрыв в этих странах влечет за собой неблагоприятные для общества последствия и погружает самих крестьян в пучину нищеты. Совершенно очевидно, что в развитых странах Европы и Америки сокращение размера семьи предоставляет индивиду определенные выгоды и обеспечивает, при прочих равных условиях, более высокий уровень жизни. Но из этих двух предположений вовсе не следует, будто уровень рождаемости всегда объясняется принудительным действием традиций.

Эту мысль можно проиллюстрировать несколькими простыми примерами. В некоторых районах Индии ирригация позволила крестьянам перейти на возделывание сахарного тростника — культуры более рентабельной, нежели традиционные культуры²². Для того чтобы избежать перепроизводства, государственные организации, которым крестьяне продавали продукцию, оговорили в контрактах ее максимальное количество, обязательное для приобретения ими у каждого производителя. В такой ситуации крестьянину оказалось выгодно как можно скорее пристроить одного (или, еще лучше, двух) из своих сыновей на самостоятельный участок. Коль скоро доходы с земли во всем штате достаточно скромны, то се-

²¹ Weber M. *Economie et Société*. I-re partie. Chap. I: Les concepts fondamentaux de la sociologie. Paris, Plon, 1971.

²² Epstein S. *Economic Development and Social Change in South India*. Manchester, Manchester University Press, 1962.

мья получит более осязаемый доход, если из прочих детей еще один сын (а лучше — двое) найдет себе работу в соседнем городе. Его зарплата тоже окажется, скорее всего, довольно скромной, но все-таки она пополнит доход семьи. В свою очередь, нашедшие работу в городе сыновья могут получать от оставшихся на земле членов семьи поддержку сельхозпродукцией и рассчитывать на какие-либо услуги, что компенсирует им малый размер их заработной платы. Семья, имеющая четырех сыновей (при средней численности восемь детей в семье), приспособилась к ситуации, с точки зрения собственной выгоды, значительно лучше, чем семья с двумя сыновьями. И не удивительно, что в ситуациях подобного типа агитация за снижение рождаемости оказывается неэффективной²³. Структура ситуации «укрепляет» традиционную модель многодетной семьи. Несомненно, из этого будут происходить сперва на коллективном, а *затем* и на индивидуальном уровне — социально негативные последствия. Но совершенно очевидно, что в подобных ситуациях индивид не будет заинтересован в адаптации к малодетной модели семьи²⁴. Наблюдатель, ставящий диагноз «сопротивление изменениям» или объясняющий это поведение «иррациональной» подчиненностью актора традициям, тем самым обнаруживает свое невежество.

Точно так же работающие в сфере образования социологи, чье положение в обществе определено наличием у них дипломов, зачастую воображают, будто дети из низших классов проявляют в школе недостаточное честолюбие в силу их приверженности («иррациональной») некоей «субкультуре» или «классовому этосу»²⁵. Но иррациональным это поведение является только в соотносительности с ситуацией наблюдателя. Итак, совершенно очевидно, что степень «рациональности» может оцениваться, лишь исходя из ситуации, в которой находится *сам актер*, за исключением, быть может, тех случаев, когда ситуации актора и наблюдателя неразличимы, что совершенно не относится к рассматриваемому случаю (если разве что признать социальные классы несуществующими).

²³ Berger P. Les mystificateurs du progrès. Vers de nouvelles pyramides du sacrifice. Paris, Presses Universitaires de France, 1978.

²⁴ Этот парадокс был описан в статье Дж. Хардина: The Tragedy of Commons// Hardin G., Baden J. (eds.). Managing the Commons. San Francisco, W.H. Freeman, 1977.

²⁵ Degenne A. Une méthodologie douce en sociologie//L'Année Sociologique. 1981. № 31. P. 97—124. Автор показывает, что зачастую можно выгодно подменить интерпретацию, опирающуюся на анализ стратегии ресурсов, каковыми располагает актер, на интерпретацию школьных мотиваций, выраженных в терминах классового этоса.

В этих примерах обвинения в иррационализме, выдвигаемые наблюдателем, содержат в себе эгоцентричный, или социоцентричный, подход. Я, наблюдатель, лучше, чем сам актер, понимаю, что он должен был бы сделать в своих собственных интересах. Актер же не делает этого. Следовательно, он «иррационален». Но как вообще могло случиться такое, что актер оказался слеп в отношении собственных интересов?²⁶ Как получается, что кто-то сторонний может видеть их лучше, нежели он сам? Будь это случайностью, в нее вполне можно было бы поверить. Но как может случиться, что собственного интереса не видело множество индийских крестьян или представители целого класса? Разумеется, на данный вопрос можно изобрести ответ в духе софистики и начать перечислять последствия *груза традиций, отчуждения, сопротивления изменениям, ложного сознания*. Но чем нагромождать подобные *эпициклы* и прибегать к таким туманным понятиям (в этом смысле они все немногого стоят), не проще ли было бы признать, что любой наблюдатель, пусть даже дипломированный, может быть подвержен влиянию предрассудков; что он не всегда в должной мере информирован относительно ситуации, в которой находится актер, и что, проще говоря, он тоже может ошибаться? Что же касается традиций, то когда актер принимает их, это свидетельствует о том, что они обладают для него неким *смыслом*, т.е. предоставляют адаптивные возможности. Это значит, что они *рациональны* в самом широком смысле слова или что они *понимаемы* в веберовском значении данного термина.

Микросоциологический момент *m(S)* социологического анализа заключается, следовательно, в выявлении адаптивного характера поведения (или типа поведения) в конкретной ситуации. Такой анализ требует со стороны наблюдателя усилий, направленных на дистанцирование от проблемы и смещение ракурса видения. То есть он должен стремиться к получению информации об элементах, составляющих ситуацию *S*, и рассматривать ее как сторонний объект. Тогда, и только тогда, он сможет «понять» поведение актора.

Как видим, если процесс «понимания» в веберовском смысле слова (который, надеюсь, я здесь достаточно хорошо изложил) и требует от наблюдателя умения *поставить себя на место* актора, то это ни в коей мере не предполагает, чтобы субъективность актора была непосредственно прозрачной для наблюдателя. То, что один человек может поставить себя на место другого, свидетель-

²⁶ Или в отношении своих предпочтений. Ведь в целом предположение типа «Я предпочитаю *X*, а не *Y*» не может быть отклонено наблюдателем.

ствуется о существовании определенного отношения (эмпатии), которое может возникать между двумя определенными индивидами, несмотря на разделяющие их время и пространство. Это отношение, которое не может возникнуть (во всяком случае, не может возникнуть в той же степени выраженности) между человеком и попугаем, способно придать смысл понятию человеческой природы. Но оно является продуктом (потенциально возможным) методически предпринимаемого усилия дистанцирования, а вовсе не следствием неведомого нам синтеза актов сознания.

В действительности веберовская категория «*понимание*» представляет собой явление, весьма напоминающее то, что в учебниках логики именуется «полицейской индукцией», которая заключается в реконструкции мотиваций, недоступных непосредственному наблюдению, методом перекрестной проверки фактов.

О понятии «индивидуализм»

Это понятие также представляет собой скопище неясностей. Вебер недвусмысленно высказался по этому поводу. «Социология также должна принять на вооружение чисто *индивидуалистические* методы»²⁷. Мы видим, что всякий феномен М является результатом агрегирования поведенческих актов и не может быть объяснен вне процесса «понимания» этих актов; при этом наблюдатель должен уметь поставить себя на место актора. Но последнее утверждение имеет смысл лишь в том случае, если мы говорим об *индивидуальных* акторах. Действительно, приписывать наличие мыслительных актов можно только индивидам, а распространение таких концептов, как «воля», «сознание», «психология», на коллективных «субъектов» — не более чем метафора. Понятие «классовое сознание» можно считать полностью приемлемым, если придавать ему индивидуалистический смысл, т.е. интерпретировать его как меняющуюся шкалу мнений индивида по поводу его принадлежности к определенному классу. Понятие *коллективного сознания* еще более неопределенно. Что же касается такого выражения, как *психология толпы*, то оно является не более чем метафизическим

²⁷ Письмо Макса Вебера Р. Лифману (1920 г.). Союз «также» подразумевает экономику, поскольку письмо было адресовано весьма известному в свое время экономисту маржиналистского направления. Важно отметить, что методологический индивидуализм начался не с Хайека; к концу XIX в. он был весьма характерен для социальных наук Австрии и Германии. Очевидно, именно война, не особенно считаясь со взглядами Куна, отодвинула эту парадигму на второй план.

нагромождением, основанным на сомнительной риторике. Находясь в толпе, индивид растворяется в ней; ergo*, субъектом коллективного действия может быть лишь коллектив сам по себе.

Трудно усомниться в том, что, будучи частью толпы, индивид находится под непосредственным контролем других людей и на это время его автономия ограничена. «Находиться в толпе» и «находиться на приеме» — вот две совершенно различные ситуации, в которых один и тот же индивид будет демонстрировать различное поведение. Можно ли из этого заключить, что в первом случае он теряет не только свою автономию, но и присущие ему индивидуальность, субъективность, в результате чего его единичная индивидуальность переходит в более высокую инстанцию — Толпу? Как и другие понятия (типа «сопротивление изменениям», «груз традиций» и т.д.), понятие *психологии толпы* является, в конечном счете, следствием переживаний, иллюзий, душевных состояний наблюдателя. Оно скорее обозначает его субъективность, нежели объект, на объяснение которого он претендует. Колонны маршируют, «как один человек», — люди передали группе свою способность принимать решения, свою автономию и, *как следствие этого*, свою индивидуальность. Они пребывают в состоянии гипноза, т.е. в том состоянии, которое странным образом моментально исчезает, как только им будет отдан приказ рассеяться в разные стороны²⁸.

Разумеется, речь вовсе не идет о том, чтобы отрицать наличие таких феноменов, как влияние, авторитет и харизма. Но эти феномены не следует воспринимать как подтверждение пассивности социального актора, наличия у него такой сущностной черты, как манипулируемость. Наоборот, такой феномен, как влияние, может быть познан только в том случае, если мы признаем актора субъектом, способным к целеполаганию. Врач из приведенного нами примера, столкнувшись с ситуацией принятия решения, *согласен* стать объектом воздействия своего коллеги, поскольку тот является носителем ценной для него информации. За исключением четко ограниченных случаев, влияние и авторитет относятся к числу феноменов, не имеющих особого отношения ни к внушению, ни к гипнозу. Интерпретация этих феноменов как «гипнотических» объясняется лишь предвзятостью наблюдателя. Аналогично наблюда-

* Следовательно (лат.). — Прим. ред.

²⁸ Такова интерпретация книги Д. Лебона «La psychologie des foules», предпринятая С. Московиси в его работе «L'âge des foules». Paris: Fayard, 1981. (В русском переводе см.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.; Московиси С. Век толп. М., 1996. — Прим. перев.)

тель, нетерпеливо ожидающий, что индийские крестьяне начнут стремиться к уменьшению размеров семьи, и надеющийся, что дети из низших классов примутся развивать в себе ученические амбиции, склонен решить, что их сознание *отягощено грузом традиций* и классовым *этносом*. Но достаточно даже незначительно углубиться в эти коллективные представления (*Kollektivbegriffe*²⁹), о которых говорит Вебер, чтобы с легкостью обнаружить: их основанием является не что иное, как социоцентрические иллюзии наблюдателя.

Одно важное дополнение заслуживает того, чтобы мы предварительно сказали о нем. Своим происхождением чувство непонимания, с которым весьма часто сталкивается понятие методологического индивидуализма, обязано главным образом преувеличенным ожиданиям, порожденным классическим понятием *Gemeinschaft* (общность). Разделяя понятия *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, Тённис³⁰ хотел привлечь внимание к одной очевидной вещи. В различных социальных контекстах взаимное влияние индивидов может меняться в очень широком диапазоне: в рамках провинциального городка каждый житель является объектом всеобщего внимания и наблюдения в значительно большей степени, нежели в рамках метрополии. Подобное разделение было повторено впоследствии Дюркгеймом, затем Редфилдом и многими другими³¹. Постепенно в учебниках социологии оно заняло место, подобное месту теоремы Пифагора в учебниках по элементарной геометрии. Но выявленная Тённисом очевидность породила не очень приятные выводы: в *Gemeinschaft* индивидуальность должна была бы раствориться, индивид как таковой не мог бы в ней (общности) существовать, а был бы не чем иным, как выразителем коллективности. Доказательством тому служат согласие и единодушие, царящие в деревенских общинах. Индивид является, соответственно, не непосредственной данностью, а неким понятием, связанным с особой социальной формой — *Gesellschaft*, все более и более противопоставляющей себя *Gemeinschaft*. Благодаря этому индивидуализм получил свою характерную идеологию — идеологию *Gesellschaft*.

Данные выводы в реальности оказались один слабее другого. Из того факта, что в провинциальном городке индивид находится у всех на виду, вовсе не следует, что его индивидуальность утрачивается. Если в какой-нибудь азиатской деревушке жители единодушны

²⁹ См. письмо к Р. Лифману (1920 г.).

³⁰ *Tönnies F. Communauté et société. Paris: Retz, 1977.*

³¹ *Redfield R. The Folk Society//American Journal of Sociology. LII. 4. 1947. P. 293–308.*

в принятии решений, то это еще не означает наличия согласия. Напротив, единодушие может быть следствием недоверия, порождаемого, в свою очередь, их взаимной зависимостью друг от друга.

Дабы показать, что такая интерпретация не содержит в своей основе парадокса, достаточно немного поразмыслить над значением правила единодушного решения. В самом деле, договоренность о принятии единодушного решения есть договоренность о том, что каждый оставляет за собой и признает за другим право вето. Однако право вето скорее *максимизирует*, нежели минимизирует вес индивида в принятии коллективного решения, поскольку предоставляет каждому право отклонить желательное для остальных решение. Таким образом, требование единодушия не выявляет с необходимостью момента согласия, убедительным доказательством чему служит тот факт, что достижение единодушного решения возможно лишь в ходе длительного обсуждения.

Со своей стороны, строгая приверженность общинным ценностям вовсе не объясняется каким бы то ни было исчезновением индивидуальности, она свидетельствует об эффективности социального контроля и высоком уровне взаимной зависимости членов группы. Традиционализм и слабая способность к освоению инноваций, характерные для традиционалистских деревенских общин, также не являются необходимым признаком наличия у общинников подчиненности принудительному порядку коллективистской модели. В большинстве случаев в этом логичнее видеть следствие высокого уровня взаимной зависимости индивидов. В системе, характеризующейся высоким уровнем такой зависимости, любая инновация несет возможность проявления сторонних эффектов, т.е. последствий, которые могут оказаться неблагоприятными для окружающих. Как было отмечено в недавнем исследовании вьетнамской деревни, если Некто повышает продуктивность жатвы на своем поле, то следствием может стать уменьшение доходов Другого³², а именно того Другого, который занимается сбором оставшихся после жатвы колосьев. Это и объясняет — вернемся к предыдущему пункту — всеобщий интерес к коллективной системе принятия решений с таким ее моментом, как право вето³³.

Следствия, выведенные из произведенного Теннисом разграничения, являются достаточно сомнительными и опасными в силу того, что создают основу для смешения *Gemeinschaft* и характерного для романтической традиции образа деревенской общины как

³² Popkin S. The Rational Peasant. Berkeley, University of California Press, 1979.

³³ Buchanan J., Tullock G. The Calculus of Consent. Ann Arbor. University of Michigan Press, 1962, 1965.

гармоничной общности родственников. Утверждать, что уровень взаимной зависимости, эффективность и строгость социального контроля сильно варьируют в зависимости от рассматриваемой социальной формы, — это одно дело, и совсем другое — утверждать, что индивиды полностью растворяются в отеческих объятиях *Gemeinschaft* и в качестве индивидов могут существовать только в рамках *Gesellschaft*. Первое утверждение имеет познавательную ценность, так как выдвигает приемлемые — ясные и очевидные — разграничения. Второе не только не служит познанию, но и тормозит его, поскольку предлагает утопический взгляд на реальные общества.

Какая бы социальная форма не представляла для нас интерес, нам стоит отодвинуть в сторону описанные Вебером *Kollektivbegriffe* и заняться агрегированными феноменами, каковые, по нашему предположению, поддаются объяснению через составляющие их *индивидуальные* поведенческие акты. Это предположение будет правомерным независимо от того, будем мы рассматривать столь дорогую для марксистской традиции тему существующей в азиатских деревнях практики принятия коллективных решений, неразвитость сельского хозяйства Франции в предреволюционный период, социальную мобильность в индустриальных обществах или любую иную тему.

Вместе с тем, какова бы ни была временная и пространственная дистанция между наблюдателем и актором, первый всегда сможет *понять* второго при условии, если он обладает достаточной информацией относительно *условий*, характеризующих социальное окружение второго. Повторимся: *понимание* вовсе не означает попытки пережить ощущения, испытываемые актором. Эта попытка заранее обречена на неудачу, во всяком случае, ее результаты неконтролируемы. Понять — в веберовском значении этого слова — означает установить связи между ситуацией, в которой находится актор, и его мотивациями и поступками. Эти связи должны быть таковы, чтобы наблюдатель мог на их основании заключить (и заставить сделать то же самое своего читателя), что в подобной ситуации он поступил бы аналогично актору.

Можно *понять* селянина, когда он, рассчитывая, что собранные им после жатвы колосья с чужих полей увеличат его благосостояние, хочет избежать каких-либо ненужных последствий, которыми могут быть чреваты инициативы его соседа; и потому рассматривает свое право вето как легитимную меру. Мы понимаем поведение этого крестьянина, *удаленного* от нас в пространственном и в «культурном» плане, ничуть не хуже, чем поведение нашего соседа-медика, который, опасаясь осложнений в случае применения незнакомого ему препарата, пытается навести о нем справки у тех собратьев по профессии, коим он особо доверяет.

Тот факт, что один человек принадлежит к *Gemeinschaft*, а другой к *Gesellschaft*, никак не сказывается на способности понимания у наблюдателя. Единственное, чего должен остерегаться наблюдатель (и для первого случая такое более вероятно, нежели для второго), так это переноса на наблюдаемый объект элементов, заимствованных из собственной ситуации. Действительно, ошибочный анализ сложнее поддается проверке, и с большей вероятностью он будет касаться первого случая, нежели второго.

Эти принципы, разработанные школой немецкой классической социологии (Вебер, Зиммель), в целом обозначаются определением «методологический индивидуализм». Как мы видели, они не исключают использования и не несут в себе никакой отдельной «микросоциологической модели». В рассматриваемой ситуации уместным может оказаться применение моделей «утилитаристского», «когнитивного», «стратегического» и т.д. типа. В соответствии с этими принципами цель заключается в объяснении поведения *субъекта в его собственной ситуации*, в объяснении его действий или, говоря точнее, адаптивной ценности последних. С другой стороны, данные принципы ни в коей мере не предполагают *атомизации*, поскольку они никоим образом не исключают анализа таких феноменов, как влияние и авторитет, а также поскольку они требуют объяснять поведение актора лишь в конкретной ситуации, которая частично определяется макросоциологическими переменными.

Агрегирование индивидуальных поведенческих актов

Когда группа индивидов осуществляет некое действие *m*, то его следствием является *M* — эффект агрегирования. В этом же смысле употребляют термины «эмерджентный эффект», «композиционный эффект» или, если эффект обладает коллективной или индивидуальной негативной ценностью, понятие «порочные эффекты» (*effets pervers*). В принятой нами терминологии «*M*» обозначает *эффект* (результат) агрегирования, «*M*()» — *операцию* агрегирования.

Зачастую можно интуитивно предвидеть последствия агрегированных действий или индивидуальных поведенческих актов. Например, основываясь на тех или иных положениях, большинство людей приходит к мнению, что цена какого-либо продукта скоро возрастет. Следствием является всплеск спроса, в результате которого возможен либо дефицит данного продукта, либо рост его стоимости. Последние два феномена стали бы следствием эффекта агрегирования, и их определение не представляет особой сложности.

сти. Следствием описанного Токвилем поведения земельных собственников служит агрегированный эффект исторической значимости, а именно — относительная неразвитость сельского хозяйства во Франции конца XVIII в. Подобные результаты, которых, как таковых, очевидно, никто и не добивался, выступают следствием некоей «силы» — присущего каждому человеку желания достичь определенных целей.

Нередко эффекты агрегирования не могут быть определены интуитивно. Говоря точнее, определить M при известном m можно только путем изучения информации и тщательного анализа. Пример подобного рода мы рассмотрели выше — анализ процесса социальной диффузии. Из того факта, что все медики, заинтересованные в информации, склонны обращаться за советом к собратьям по профессии, уже опробовавшим новинку, вовсе не следует с очевидностью, что отображенный на шкале времени процесс должен выражаться S-образной линией. Соответственно, когда процесс диффузии принимает S-образную форму, то это вовсе не означает, что данный *макросоциологический* феномен отражает *микросоциологический* процесс межличностного взаимодействия. Интуиция неспособна установить непосредственную связь между математической формой, выраженной S-образной линией, и микросоциологическим механизмом взаимного влияния.

В завершение главы я приведу еще несколько примеров интуитивно не воспринимаемых эффектов агрегирования. Я буду приводить их без определенной последовательности, поскольку их число безгранично, а классификация не только сложна, но и бесполезна. Остановимся на их кратком перечислении, поскольку в дальнейшем многие эффекты агрегирования будут проанализированы.

1) Если производители имеют тенденцию закладывать в создаваемый продукт относительную стоимость, сравнимую с предыдущими аналогичными операциями, то следствием этого станет циклический рост цен³⁴.

2) Если каждый захочет жить в среде, в которой как минимум половина его соседей должна принадлежать к его социальной категории, то следствием этого будет то, что все соседи каждого жителя будут в конечном счете принадлежать к одной группе. Агрегирование умеренных индивидуальных запросов (быть не хуже других) порождает эффект сегрегации, следствием чего является доходящее до карикатуры утрирование этого запроса³⁵.

³⁴ В данном случае мы имеем дело с «теорией паутины». Циклический эффект проявляется по отношению к определенным значениям экономических параметров.

³⁵ Schelling T. La tyrannie des petites décisions. Paris, Presses Universitaires de France, 1979.

3) Если шансы каждого отдельного человека объективно возрастают, то следствием этого может стать рост коллективного недовольства, ибо каждый будет нацелен, в определенных ситуациях и исходя из определенных соображений, на достижение *большего*, чем то, на что он способен³⁶.

4) Индивидуальные предпочтения могут быть непротиворечивыми, или, точнее говоря, транзитивными (если для меня А предпочтительнее В, а В предпочтительнее С, то из этого следует, что А предпочтительнее С), чего нельзя сказать о коллективных предпочтениях³⁷.

5) Степень выраженности межпоколенного социального наследования зависит от того, в какой мере неравенство образовательного уровня обусловлено социальным происхождением и в какой мере неравенство социальных позиций обусловлено образовательным уровнем. Но несмотря на это, приближение образовательного уровня низших слоев к образовательному уровню более благополучных слоев не влечет за собой изменений в социальном наследовании³⁸.

6) Уровень образования может значительно определять социальное положение, но не может оказывать никакого влияния на социальную мобильность: мой социальный статус в большой степени зависит от моего образовательного уровня; но из этого не следует, что на агрегированном уровне будет существовать хоть малейшая связь между образовательным уровнем индивида и вероятностью того, что он сможет остаться на социальном уровне своей семьи, подняться выше или опуститься ниже него³⁹.

7) С прекращением эпидемии инфекционной болезни каждый будет стремиться избежать неприятностей, связанных с вакцинацией. Вследствие этого высока вероятность возобновления эпидемии, и только вновь начавшаяся кампания вакцинации способна погасить болезнь. Циклический характер возвращения болезни ни для кого не желателен, однако он является следствием *сознательного* отношения каждого к болезни и процедурам лечения.

8) Возьмем в качестве примера случай, в котором спрос и предложение никогда не совпадают. Допустим, в момент времени

³⁶ Boudon R. La logique de la frustration relative//Boudon R. Effets pervers et ordre social. Paris, Presses Universitaires de France, 1977, 1979. P. 131–155.

³⁷ Таков парадокс Кондорсе. См.: Guilbaud G. Th. Les théories de l'intérêt général et le problème logique de l'agrégation//Economie appliquée. V. 4. 1952. P. 501–551, либо: Guilbaud G. Th. Eléments de la théorie mathématique des jeux. Paris, Dunod, 1968. P. 39–109.

³⁸ Boudon R. L'Inégalité des chances. Paris, Colin, 1973, 1978.

³⁹ Ibid. Это принято называть парадоксом Андерсена. См.: Thélot C. Tel père, Tel fils. Paris, Dunod, 1982.

т возникает дефицит врачей. Общество осознает этот недостаток, и молодежь толпами ломится в двери медицинских факультетов. На следующий год дефицит не снижается, поскольку студенты еще не вышли на рынок труда. Молодежь продолжает стремиться к получению медицинского образования. В конце цикла налицо «перепроизводство» медиков.

9) Пример спирального эффекта агрегирования. При ухудшении ситуации в каком-либо типе школ, определенном регионе, на предприятии или в политической партии наиболее требовательные индивиды начинают подыскивать себе новые школы, места жительства, предприятия или партии. Оставшиеся не могут предпринять какие-либо действия ввиду изменения ситуации, вызванной уходом части людей. Следствием является новое ухудшение положения, провоцирующее новый исход и очередное ухудшение⁴⁰.

10) Интеллектуальный конформизм как эффект агрегирования. Работник умственного труда по самой своей роли вынужден добиваться влияния и престижа, ему выгодно привлекать интерес к себе. Развивать общепринятые идеи, заискивать перед той или иной частью «общественного мнения» — вот хорошая стратегия, если только *форма* твоего доказательства достаточно оригинальна⁴¹.

11) Если рассмотреть на какой-либо момент времени заработную плату в выборке индивидов, то зачастую она будет выглядеть как увеличивающаяся до определенного возраста, а затем уменьшающаяся. Этот агрегированный результат вовсе не противоречит тому факту, что для населения в целом характерен рост заработной платы на протяжении всего периода активной жизни⁴².

Операция определения эффектов агрегирования $M = M(m)$ требует известных усилий, более или менее длительных затрат времени. Для человеческого рассудка она не более «естественна», чем операция дифференциального исчисления; как и дифференциальному исчислению, данной операции необходимо предварительно обучиться. Лучшим для этого способом является, без сомнения, обращение к тем авторам (от шотландских моралистов до немецких диалектиков, а от них — до современных экономистов, социологов и политологов), которым свойствен интерес к глобально-

⁴⁰ Hirschmann A. Face au déclin des entreprises et des institutions. Paris, Editions ouvrières, 1972.

⁴¹ Boudon R. The Freudian-Marxian-Structuralist (FMS) Movement in France: Variations on a Theme by Sherry Turkle//Revue Tocqueville. II.1. Winter 1980, P 5–24; L'intellectuel et ses publics: les singularités françaises//Reynaud J.D., Grafmeyer Y. Français, qui êtes-vous? Paris, Documentation française. 1981, P 465–480.

⁴² Baudelot C. L'évolution individuelle des salaires. 1970–75//Collections de l'INSEE. Série M. Octobre 1983.

му понятию *агрегирования* индивидуальных актов, независимо от того, какими бы терминами («диалектические», «непредвиденные следствия» и т. д.) они не пользовались для его обозначения.

Противоположную операцию можно обозначить как «деагрегирование». Она заключается в поиске микросоциологической модели, ответственной за возникновение агрегированного эффекта М. Будучи параллельной по отношению к первой и дополняющей ее, эта операция подвержена тому же риску «тавтологии». Ведь и при ее осуществлении может появиться искушение *транспозиции*, заключающейся в желании наложить на микросоциологический уровень макросоциологические данные: наблюдаемый феномен М реализовался потому, что действия людей создавали благоприятные предпосылки его наступления. Иногда такое объяснение бывает справедливо. Но тогда отпадает и надобность в социальных науках. В тех случаях, когда акторы не демонстрируют явно выраженного желания реализовать М, нередко выдвигается предположение, что М явилось следствием их *бессознательного* желания. Но почему их бессознательное желает не замечаемого сознанием результата? Некоторые понятия социальных наук, такие, как *сопротивление изменению*, *груз традиций*, *габитус*, *интериоризация ценностей*, могут предложить удобный ответ на данный вопрос, но обычно этот ответ имеет тавтологический характер⁴³. Действительно, практически ничего не проясняет утверждение, согласно которому макросоциологическая характеристика обязана своим появлением тому, что индивидов охватило стремление к «сопротивлению изменениям». В главе 5, при обсуждении веберовской теории развития капитализма, у нас будет возможность вернуться к этой проблеме, т.е. проблеме *транспозиции*.

Начиная с того момента, когда мы признаём, что социальное изменение должно рассматриваться как продукт агрегирования индивидуальных действий (спрашивается, следствием чего еще оно может быть?), что остается от программы, именуемой «теорией социального изменения»? Этот вопрос мы намерены детально разобрать в следующих главах.

⁴³ Здесь, как и в других местах книги, необходимо заметить, что зачастую старые идеи скрываются под новыми одеждами и что создаваемая этими одеждами иллюзия новизны может быть просто великолепной. В тех случаях, когда Конт употреблял термин «ретроградный», в 1950 г. говорили «реакционный», а в 1970 и в 1980 гг. эти случаи обозначались не иначе, как «сопротивление изменениям». Если в 1950 г. говорили об «отражении сознания» («conscience reflet»), то в 1980 г. стали употреблять понятие «габитус» («habitus»), но оба термина идентичны: они оба постулируют фундаментальную внутреннюю взаимосвязь между индивидом и Обществом.

Затрагивавшиеся нами принципы социологии действия⁴⁴ в целом вполне приемлемы, если речь идет о малых группах или организациях. В этом случае сегодня вполне допустимо и не вызывает особых споров утверждение о том, что «система» может быть подвергнута анализу исключительно с помощью индивидуалистской методологии (исключение составляет неомарксизм, сохраняющий холистский подход даже в том случае, когда речь идет об организациях). Напротив, при разборе случаев изменения на более сложном уровне, нежели уровень «организаций», эти принципы зачастую продолжают восприниматься как бесполезные и неэффективные, если не сказать опасные. Для меня же интерес будут представлять исключительно *макросоциальные* изменения, т.е. те изменения, которые затрагивают не какую-либо организацию, а общество во всей его целостности. На этом уровне также вполне может быть рекомендовано применение индивидуалистской методологии — такова идея, которую я намерен проводить в данной книге.

Завершая главу, хотел бы сделать одно замечание, детально развить которое здесь у меня просто нет возможности. Как я уже упоминал, в книге «Социологическая традиция» («The Sociological Tradition») Нисбет утверждает, что социология развернулась на поле, созданном романтической реакцией на философию Просвещения. В действительности это утверждение бесспорно приложимо лишь к французской социологической традиции (Конт, Дюркгейм). Что же касается немецкой (Вебер, Зиммель), итальянской (Парето, Моска), американской (Парсонс, Мертон) традиций, а также той части французской традиции, которая не подпала под влияние Конта (Токвиль), то в них, напротив, заметна постоянная соотнесенность с индивидуалистской методологией, берущей свое начало в эпохе Просвещения. Важно отметить, что когда направления социологии действия дистанцируются от экономики, тогда предметом дискуссии выступает вовсе не принцип индивидуализма, а, во-первых, роль *интересов* в объяснении поведения — роль, которую, не отбрасывая целиком, социология действия в отличие от экономической традиции склонна считать относительной; во-вторых, роль расширительно трактуемого социологией действия понятия «рациональность действия». Далее на развернутых примерах мы проиллюстрируем это двойственное положение социологии действия, каким оно предстает в исследовательской практике.

⁴⁴ Для того чтобы исключить риск смешения понятий, замечу, что употребляемый мною термин «социология действия» является всего лишь омонимом аналогичного термина А. Турена, у которого он означает анализ «социальных движений», предполагаемых носителей «историчности».

В работе «Нишета историцизма» Карл Поппер противопоставляет причинно-следственные законы, отражаемые в форме утверждения «если А, то В», законам последовательности, которые выражаются в форме утверждения «А, затем В, потом С...». Из них лишь первые он относит к числу научных законов. Действительно, умозаключения физика всегда принимают форму утверждений: «в определенных условиях произойдет такое-то событие» или «если имеет место данное событие или феномен, то следствием будет появление другого известного феномена или события». И напротив, он никогда не позволит себе заявлений типа: «Произойдет событие А, затем — В, потом С...» Таков физик. А астроном? Не склонен ли он формулировать «законы последовательности» относительно будущего звезд? Например, относительно тех фаз, которые они должны пройти? Что касается биолога, то никто не оспаривает его право на выдвижение, в ходе обсуждения биологических систем, законов их развития. Право психолога (см., например, работы Пиаже) на выдвижение законов ментального развития также общепризнано. Следовательно, мы не можем *абсолютно* отрицать научный характер законов последовательности, хотя возможны серьезные сомнения по поводу выдвижения таких законов применительно к социальным системам.

Другая сложность произведенного Поппером разграничения заключается в том, что в социальных науках «законы последовательности» являются зачастую явно или неявно выраженным следствием «причинно-следственных законов». Но если признавать вторые обоснованными и правомерными, то не следует ли из этого возможности аналогичного признания и относительно первых? Так, Парсонс заявляет, что современная семья принадлежит к нуклеарному типу. Тем самым он формулирует эволюционный закон. Но сам этот закон основывается на причинно-следственном законе,

который можно выразить следующим образом: модернизация социально-профессиональных структур имеет следствием разрушительное воздействие на традиционную модель расширенной семьи. Закон стадий роста Ростоу также опирается на причинно-следственные законы. Например, развитие мощного индустриального сектора экономики приводит в действие механизмы цепной реакции, дающие ход кумулятивному процессу. В свое время Мендрас¹ тоже объявил о *закате крестьянства*, т.е. о конце крестьянской субкультуры, которая отличалась ярко выраженной спецификой от городской, индустриальной культуры. Термин «закат крестьянства» явно обозначает «тенденцию», или закон последовательности. Но этот закон основан на сумме причинно-следственных связей: техническая инновация имеет следствием рост задолженности крестьян, и вследствие этого возрастает их зависимость от финансового рынка. Увеличение доли выбрасываемой на рынок сельскохозяйственной продукции приводит к тому, что уровень жизни крестьянина начинает все больше зависеть от цен на продукцию сельского хозяйства. Эти обстоятельства побуждают крестьян организовываться и вступать в борьбу с целью оказать влияние на органы власти — ведь от них в определенной мере зависят и условия кредита, и цены на сельскохозяйственную продукцию. Следствием данного процесса является то, что крестьянин вынужден вести расчеты, брать кредиты, модернизировать свое хозяйство и, включаясь в политическую деятельность, интересоваться политической жизнью. Вследствие этого он вынужден отказываться от своей бывшей изоляции и культурных особенностей.

В таком случае невозможно поддержать строгое попперовское деление законов на причинно-следственные и законы последовательности. Зачастую вторые базируются на первых. Допустим, мы убеждены в правомерности причинно-следственного закона «если А, то В» и при этом уверены, что событие А непременно должно произойти. В таком случае закон последовательности «А, затем В» механически вытекает из причинно-следственного закона «если А, то В». Но тогда важно детальнее проанализировать условия правомерности причинно-следственных законов в сфере социальных наук. Как мы уже отмечали, Поппер утверждает, что поиск законов данного типа в сфере социальных наук не менее обоснован, чем в науках естественных, из чего следует, что такой поиск составляет главную (точнее говоря, единственно возможную) цель любой теории социального изменения. Не является ли утверждение о том, что неизменной целью научного познания служит выд-

Mendras H. La fin des paysans. Paris, Sedeis, 1967.

вижение эмпирических положений, обладающих универсальным характером, определенным предрассудком — предрассудком *номологического* толка? Данная глава и будет посвящена обсуждению этого вопроса.

О причинно-следственных законах в целом

В случае, если два элемента, А и В, связаны причинно-следственным законом типа «если А, то В», речь идет о том, что элемент А побуждает участвующих в процессе субъектов к совершению таких поведенческих актов, которые в агрегированном виде производят феномен В. В рамках терминологии предыдущей главы можно сказать, что закон причинно-следственного типа наблюдается при $V = MmS(M', A)$. Ситуация, в которой находятся акторы (или какая-то их часть), зависит как от макросоциологических переменных M' , так и от А в том смысле, что А задает микроскопические индивидуальные поведенческие акты m . Что касается В, то оно является следствием агрегирования микроскопических поведенческих актов m . Итак, структура ситуации S зависит от А, В также зависит от А. В целом все это укладывается в схему «если А, то В».

Тем не менее важно сразу же отметить, что А в большинстве случаев не представляет собой ни необходимого, ни достаточного условия появления В. В предыдущем абзаце я намеренно использовал определенную форму выражения, чтобы подчеркнуть: В сменяет А лишь при условии проявления всей цепи их взаимосвязей. Однако все же легко представить себе такие ситуации, в которых положение актора не определялась бы действием элемента А. Можно представить и ситуации, в которых имеет место воздействие со стороны А на положение актора, но по каким-либо причинам это воздействие не влечет за собой изменений в его поведении. В обоих случаях при наличии А возникновения В мы не наблюдаем. Таким образом, А не является достаточным условием. С другой стороны, нет никаких свидетельств против той идеи, что В может быть порождено воздействием не А, а какого-либо иного феномена. А, следовательно, не является необходимым условием появления В.

Проверить сделанные выводы позволит нам простой пример. Представим себе, что нашей целью является определение следующего причинно-следственного закона: при росте цен на продукт Р (А) спрос переориентируется в сторону более дешевого продукта (В). Несложно вообразить себе идеальные случаи, в которых эта взаимосвязь может быть проверена. Допустим, что продукт Р

удовлетворяет наши насущные потребности, что в среднем в единицу времени каждый индивид потребляет определенное количество P и что, кроме того, на рынке имеется продукт Q , представляющий примерно ту же потребительную ценность, что и P . Кроме того, допустим, что Q не менее известен, нежели P , т.е. каждый из нас информирован не только о его существовании, но и о его свойствах так же, как и о существовании и свойствах продукта P . Кроме того, допустим, что отсутствует различие в «образе» обоих продуктов, что различаются они лишь какими-то вторичными характеристиками, не имеющими отношения к их потребительной ценности, хотя и способными оказывать влияние на поведение покупателя (например, P является продуктом отечественного производства, а Q — импортным). При соблюдении этой суммы условий (обозначим ее K) мы сможем проверить отношение «если A , то B »: повышение цены на продукт P повлечет за собой сокращение спроса. Можно даже утверждать, что если K будет соблюдено, то у нас имеется почти полная уверенность в существовании этого отношения. Такая мнимая уверенность может оказаться настолько сильной, что мы можем даже не дать себе труда проверить истинность постулируемого отношения.

На чем же будет основываться наша уверенность? На том факте, что данная сумма условий (K) создала ситуацию не обязательно фиктивную, но в любом случае *идеальную*; в ней предполагается, что каждый отдельно взятый актер вынужден будет выбирать между двумя продуктами P и Q , имеющими абсолютно одинаковую *потребительную ценность*, одинаковый *образ* и не различающимися *по внешнему виду*. Единственно возможное различие между ними, которое возникнет в момент повышения цены на P , это то, что просто в промежуток времени между t и $t + 1$ количество продукта P , приобретаемого за определенную сумму денег, уменьшится, но за ту же сумму можно будет приобрести большее количество Q . Таким образом, актер окажется в идеальной ситуации, когда он сможет выбирать между уменьшением своей покупательной способности и сохранением ее на прежнем уровне. В ситуации подобного рода ответ $m(A)$ не представляет собой загадки: актер, по всей видимости, выберет путь, позволяющий ему не сокращать свою покупательную способность, если только он будет иметь такую возможность. Со своей стороны, эффект агрегирования примет форму простого эффекта *суммирования*: каждый актер, находясь в аналогичной ситуации, будет действовать таким же образом. Следствием явится повышение спроса на Q за счет снижения спроса, ориентированного ранее на P . В конечном счете, макроскопический закон является мнимочевидным, поскольку он основыва-

ется на *микроскопической очевидности*. Своим появлением эта микроскопическая очевидность обязана той *идеальной* ситуации, которую создает сумма условий К, т.е. ситуации, в которой условия выбора альтернативы, в том виде, в каком они предстают перед актором, очерчены с предельной ясностью и в которой относительная ценность имеющихся у актора альтернатив такова (не считая возможных исключений), что полностью устраняет какие-либо сомнения.

Однако лишь при наличии четко ограничивающих ситуацию условий К можно иметь мнимую уверенность в том, что наблюдаемое отношение принадлежит к типу «если А, то В». Действительно, предположим, что одно или несколько условий К не удовлетворяют идеальным условиям. Цена продукта Р поднимается, цена продукта Q остается стабильной. Р и Q действительно обладают одинаковой потребительной ценностью, но продукт Q относится к числу новинок. Вследствие этого он мало известен. Некоторым вообще неизвестно о его существовании, другие же если и слышали о нем, то либо не имели возможности попробовать его сами, либо им не доводилось слышать в кругу их общения разговоров об этом продукте. В такой ситуации рост цены продукта Р может не оказать никакого влияния на спрос, даже если Q по каким-либо объективным параметрам и является более предпочтительным. Через некоторое время, когда потребитель получит более полную информацию, произойдет переключение спроса на продукт Q. Но *a priori* трудно определить длительность этого промежутка времени, несомненно, весьма изменчивого в зависимости от типа продукта, характеристик группы, ориентированной на его потребление, и множества других моментов. В этом случае мы совершенно не в состоянии предсказать тот результат, который в дальнейшем сможем наблюдать эмпирически. В зависимости от времени наблюдения, а также от множества других моментов повышение цены Р может оказать влияние на спрос, а может и не повлиять. Если этот период будет достаточно долог, то может случиться так, что производитель продукта Q будет вынужден, под действием каких-либо внешних факторов, повысить цену на свой продукт, вследствие чего факт повышения цены продукта Р вообще никак не повлияет на спрос.

Или допустим, что производитель Р является монополистом (таково новое условие суммы К, которая теперь теряет смысл, ибо Q в этом случае просто не существует). Что произойдет в такой ситуации? Очевидно, что на этот вопрос невозможно ответить *a priori*. Если продукт Р служит удовлетворению насущной физиологической или социальной потребности, то спрос на него не будет

подорван повышением цены. Потребителю будет влетать в копеечку сохранение прежнего объема p покупок продукта P , но он предпочтет сократить потребление других продуктов. Если же продукт P не служит удовлетворению насущной физиологической или социальной потребности, то повышение цены на него может повлечь за собой изменение структуры потребления в пользу R , S и т.д.

Несмотря на банальность, эти замечания позволяют сделать ряд важных эпистемологических выводов. Сразу же отметим, что некоторые сочетания условий K порождают ситуации, структура которых имеет одновременно и непротиворечивый, и *решающий* характер: принятие решения актором, поставленным в такую ситуацию, не вызывает сомнений. *Априорный* анализ позволяет нам с мнимой уверенностью выдвигать утверждение: «при наличии суммы условий K если A , то B ». Но существуют и другие сочетания условий K , при которых невозможно вывести никакого *априорного* заключения подобного рода. Так, если на рынке продукты P и Q конкурируют между собой, но при этом продукт Q является малоизвестной новинкой, то повышение цены на продукт P поставит актора в ситуацию *неопределенности* выбора. В результате в данных условиях эффект влияния роста цены на спрос не будет относиться к разряду *теоретических* вопросов, ответить на которые можно с помощью априорного анализа; в этом случае речь идет о вопросе эмпирического плана и ответ на него может дать лишь наблюдение, проведенное *a posteriori*.

Исходя из присущей нашему рассудку естественной склонности, в первую очередь мы будем отдавать предпочтение таким сочетаниям условий, которые создают недвусмысленные и благоприятствующие принятию решения ситуации, т.е. те ситуации, в которых поведение актора с высокой долей вероятности может быть определено *a priori*. Но *теоретический* интерес к данному типу ситуаций вовсе не означает, что *эмпирически* они будут наблюдаться чаще; теоретический интерес и эмпирическая частота вовсе не обязательно должны быть взаимосвязаны².

Таким образом, ситуация, в которой находится социолог, экономист, демограф, весьма существенно отличается от ситуации физика. Первые выдвигают законы, которые имеют *локальный* характер. Более того, граница, очерчивающая зону правомерности действительности закона в сфере социальных наук, практически всегда неопределенна. Ведь в самом деле, совершенно невозможно *исчерпывающим* образом описать все сочетания условий K . Лишь

² Это отметил Вебер (см.: Weber M. Essai sur quelques catégories de la sociologie compréhensive//Weber M. Essais sur la théorie de la science. Paris. Plon. 1965. P. 325—398).

некоторые (только некоторые) сочетания могут быть определены должным образом. Им присуще то общее, что они задают идеальную ситуацию S , не имеющую двусмысленного контекста и позволяющую актору принять конкретное решение. В ней $m(S)$, микроскопическое поведение, может быть выявлено без особых усилий. Как только иная сумма условий K' перестает соответствовать этому типу, так $m(S)$ сразу приобретает неотчетливый характер. Причем в одних случаях можно наблюдать совпадение A и B , в других B , после установления A , может и не наступить.

Локальный характер законов, размытость границ зоны их действия, сложность определения суммы условий, реально представленных в конкретной ситуации, — эти три момента побуждают нас придать понятию конституирующего закона в социальных науках совершенно иной эпистемологический статус, нежели в науках естественных. Ведь если более тяжелые, чем воздух, предметы не всегда падают, как, например, самолеты, ракеты или листья, подгоняемые ветром, то физик способен детально описать как те условия, в которых закон падения действует, так и те, в которых он не действует. Социолог же, напротив, лишь в исключительных случаях может столкнуться с ситуациями, в которых границы действия закона могут быть определены с подобной точностью.

Закономерности типа «если A , то B » не могут быть не чем иным, как результатом агрегирования микроскопических действий. Соответственно, в качестве таковых они не могут иметь какого-то иного характера, кроме локального, поскольку зависят от условий K . Попытка придать им универсальный характер означает, что мы исходим из предположения о наличии у них трансцендентальной основы, независимо от того, называется эта их основа *Обществом* (Дюркгейм), *Человечеством* (Конт), *Историей* (Маркс), *Разумом* (Гегель), *Модернизацией*, *Структурами*, *Эволюцией* или *Развитием*.

Именно поэтому всегда можно обнаружить корреляцию между натуралистическим видением социального изменения и отбрасыванием методологического индивидуализма. Дюркгейм, впитавший в полной мере контовский позитивизм и вдохновляемый натурализмом «социальной физики», с предельной настойчивостью пытался доказать, что социология не только *может* обойтись без рассмотрения мотиваций социальных акторов, но просто *обязана* не принимать в расчет индивида и его субъективность, если она желает достичь поставленной цели научным способом. Случай Маркса в этом отношении более сложен. Изучая в течение длительного времени английскую политическую экономию, Маркс мог оценить значимость методологического индивидуализма. В то же время он ввел такие несовместимые с этой методологией понятия, как

«ложное сознание», «отчуждение». Его отход от понятия отчуждения после работы над «Рукописями 1844 года» несомненно указывает на то, что он осознал несовместимость этого понятия и примененного им в «Капитале» методологического индивидуализма. К данным проблемам из области истории социальных наук мы еще вернемся в соответствующем месте. Здесь же ограничимся замечанием относительно того, что методологический индивидуализм несет в своей основе следующий вывод: из признания того, что причинно-следственные законы типа «если А, то В» являются результатом процесса агрегирования, вытекает невозможность установления обладающих всеобщей значимостью законов данного типа.

Само собой разумеется, наблюдать действие *локальных* закономерностей проще простого. Так, в изученный Дюркгеймом период число самоубийств во всех странах, статистикой которых он располагал, шло по нарастающей. Но, даже не учитывая предположение относительно того, что рост числа самоубийств мог быть «артефактом» статистики (причиной которого, например, могли послужить определенные процессы типа урбанизации, облегчившие статистическую фиксацию самоубийств), все-таки необходимо отметить, как это сделал Хальбвакс (Halbwachs) в своем исследовании причин самоубийств (1930), что установленные Дюркгеймом закономерности были полностью опровергнуты в последующий период. Однако номологические интерпретации Дюркгейма имплицитно «отринули» возможность самих подобных «опровержений».

Модели и законы

Относительно рассмотренного вопроса было бы полезно затронуть еще одну тему, к более детальному анализу которой мы вернемся позже, в главе 7. Эта тема, как и изложенный нами материал, относится к сфере эпистемологии и истории социальных наук. Мы уже имели возможность убедиться в том, что отдельные наборы условий (такие, как набор К в нашем примере) обладают той особенностью, что создают ситуации, позволяющие сделать *априорные* умозаключения по поводу как $m(S)$, так и $M[m(S)]$. На современном языке это означает, что в данном случае нами была построена *модель*. Сумма предлагаемых социологами и экономистами моделей составляет то, что традиционно принято называть *социологической теорией* и *экономической теорией*³. Однако совер-

³ О понятии теории в социальных науках см.: Boudon R. La crise de la sociologie. Paris/Genève, Droz 1971. Разумеется, математические модели являются не чем иным, как отдельным видом того рода явлений, которые обозначаются понятием «модели».

шенно очевидно, что модель, в той мере, в какой она основывается на *идеальных* условиях, применима лишь к ограниченному числу реальных ситуаций и что, более того, рассматривать ее мы можем лишь как приближительную. Последнюю мысль понять не трудно, ведь любой закон, даже в области естественных наук, приближителен. Первая же, напротив, позволяет нам оценить ту внушительную дистанцию, которая разделяет с эпистемологической точки зрения закон и модель. Закон обладает универсальной применимостью. Модель применима лишь к идеальным, т.е. *особым*, ситуациям. Так, условия К из предыдущего примера лишь в определенных случаях могут рассматриваться как приблизительно соответствующие реальности.

Зиммель, очевидно (отметим мимоходом это обстоятельство, подробнее оно будет рассматриваться далее, в главе 7), — один из тех авторов, которые наиболее четко поняли это различие. Когда он отстаивал важность формальной социологии⁴ (это понятие допускает многозначное толкование), то тем самым он хотел сказать, что теоретические усилия социолога, равно как и экономиста, в первую очередь должны направляться на выработку идеальных *моделей* (но не законов). Рассуждая о формальной социологии и заняв явно выраженную номиналистическую позицию, Зиммель стремился противостоять реализму тех, кто претендовал на установление законов, которым были бы вынуждены подчиняться социальные системы.

Все сказанное о причинно-следственных законах можно отнести также к законам математическим и статистическим. В главе 2 мы видели, что *некоторые* процессы развиваются по законам логики: сначала число сторонников новинки растет очень медленно, затем все быстрее вплоть до того момента, когда примерно половина от возможного числа сторонников не воспримет нововведение. С этого момента процесс вербовки сторонников новшества замедляется, и его скорость стремится к нулевому значению, что и наступает в тот момент, когда *практически все* становятся сторонниками новинки. Линия, описывающая этот процесс, представляет собой сигмоид. Речь идет о *модели* в том смысле, что процессы диффузии *редко*, даже в приближительных оценках, имеют такую специфическую форму. Логистическая модель действительно предполагает наличие весьма четко ограничивающих ситуацию условий: например, необходимо, чтобы все индивиды, могущие стать сторонниками новинки, имели одинаковые шансы на встре-

⁴ См.: *Simmel G. Sociologie et épistémologie*. Paris, Puf, 1981.

чу с коллегами и получение от них консультации. Однако данное условие даже в отдаленной мере не может быть соблюдено, если группа ориентирующихся на, скажем, техническую инновацию представляет собой группу сельского населения. В этом случае мы никак не можем допустить, даже в приблизительных оценках, что каждый индивид имеет равные шансы на встречу и получение консультации от любого другого индивида. Препятствия географического характера могут обусловить наличие практически изолированных ареалов, интенсивность общения которых будет намного ниже той, что устанавливается внутри каждого из них. Вместе с тем трудно предположить, что заинтересованность в восприятии инновации будет одинакова у всех индивидов. Одни из них — арендаторы, другие — собственники земли. Некоторые, будучи в преклонном возрасте и не имея детей, которым можно передать хозяйство, не захотят влезать в долги с целью инвестирования новшества — ведь его плодов они могут и не увидеть. Таким образом, логистическая модель приложима лишь к некоторым процессам диффузии, но далеко не ко всем. Она не применима, например, к тем процессам диффузии, для которых не характерны механизмы межличностного взаимовлияния. И даже среди процессов, которым свойственно наличие таких механизмов, она приложима лишь к тем, что подчиняются сумме условий, относительно четко ограничивающих ситуацию. Именно поэтому речь может идти только о *модели*, но не о *законе*. Модель обладает *локальной*, а не всеобщей значимостью. Она *типична* для отдельных процессов диффузии, процессов, содержащих в своей основе действие механизмов взаимовлияния. Но достоверно отразить она может лишь самые простые из реальных процессов данного типа. Безусловно, можно устранить отдельные ограничительные условия, лежащие в основании модели. Так, в качестве одного из вариантов рассмотренной выше модели можно выдвинуть идею о том, что вероятность контакта индивидов есть функция разделяющего их расстояния, и ввести в модель гипотезы или условия, основанные на распределении этих расстояний. В таком случае мы получим более универсальную модель, по отношению к которой классическая логистическая модель может выступать как частный случай. Но универсализация быстро исчерпает себя. Ведь даже наиболее универсальная (из всех возможных) модель сможет охватить лишь ограниченную часть подкласса реальных процессов диффузии, характеризующихся наличием механизмов межличностного влияния.

Подменяя понятие *закона* понятием *модели*, мы тем самым избегаем зияющей эпистемологической пропасти. Тард полагал, что существуют *законы* имитации и что эти *законы* способны дать

нам представление о всеобщем характере социальных процессов⁵. Сегодня мы знаем, что процессы диффузии представляют лишь часть социальных процессов и что не все процессы диффузии содержат в себе механизм «имитации» (влияния), что, более того, процессы диффузии, характеризующиеся наличием механизмов межличностного влияния, не могут быть переданы каким-либо строго определенным законом. Обобщающему и внушающему доверие мнению Тарда, согласно которому социальное становление будет так же регулироваться действием законов имитации, как импульсы Вселенной регулируются законами небесной механики, мы вынуждены противопоставить куда менее приятное видение: среди безбрежного океана разнообразных социальных процессов из пучины выступает довольно незначительный по своим размерам «архипелаг» процессов с упрощенной идеальной структурой, подчиняющихся ограничительным условиям *моделей*.

Сегодня Тард совершенно вышел из моды. Но если он и обречен пребывать в чистилище забвения (если только это действительно чистилище, а не ад), то вовсе не из-за его уверенности в возможность выдвижения законов социального становления. Ведь поиск таких законов, независимо от того, принимают они форму законов наследования, причинно-следственных, структурных, математических или статистических законов, всегда был одной из насущных и общепризнанных целей социальных наук. Дюркгейм, собрат и оппонент Тарда, не пережил подобного забвения. Однако, как бы он не расходился с Тардом в других вопросах, по интересующему нас вопросу их позиции совершенно не различаются. И тот, и другой считали делом чести поиск *законов*, которые, по их представлениям, не должны иметь принципиально иную основу по сравнению с законами природы. Два исследовательских направления, а именно направление политической мобилизации и направление социально-экономического развития, рассмотренные в качестве примеров, позволят нам проиллюстрировать притязания социальных наук на поиск законов и оценить хрупкость этих притязаний.

Законы мобилизации

В социальных науках нет, пожалуй, такой области исследований, в которой не проявлялось бы желание установить причинно-следственные законы. Не является ли, например, «совершенно очевидной» идея о том, что коллективное насилие должно про-

⁵ Tarde G. Les lois de l'imitation. Paris//Genève, Slatkine Reprints, 1979.

являться чаще в те моменты, когда наиболее высок уровень коллективного недовольства?

Для того чтобы проверить эту «очевидность», Снайдер и Тилли предприняли исследование⁶, охватившее сто тридцать лет французской истории (1830—1960). Они начали с того, что установили определенный показатель (точнее говоря, два показателя) годового уровня коллективного насилия. Первый основывался на подсчете числа социальных возмущений, имевших место в течение рассматриваемого периода, второй — на подсчете числа их участников. Под «возмущениями» авторы понимали «продолжительные взаимодействия, в которые вовлечено от пятидесяти и более человек и в ходе которых имевшие место посягательства или нанесение ущерба частным лицам или объектам встречали сопротивление». Оценка общего числа «возмущений» и численности их участников производилась путем анализа газетных обзоров, содержащихся в двух общенациональных ежедневных газетах. Выяснилось, что оба показателя очень взаимосвязаны: по мере роста числа «возмущений» росло и число участвовавших в них людей. И такой вывод вряд ли кого удивит. А вот уровень коллективного насилия очень сильно варьировал по годам. Перепады двух кривых, отражающих этот процесс, похожи на зубья пилы.

Является ли коллективное насилие функцией общественного недовольства? Поскольку само недовольство очень трудно измерить, Снайдер и Тилли прибегли к «объективным» переменным. Они предположили (и пожалуй, их предположение было достаточно обоснованным), что эти переменные должны измерять степень тяжести условий существования и, соответственно, должны быть связаны с интенсивностью коллективного недовольства. Был составлен индекс цен на продукты питания, на промышленные товары, индекс промышленного производства. После этого проблема заключалась в том, чтобы провести такой анализ доступных исследователям данных, который позволил бы выявить возможное влияние каждой из трех переменных на уровень коллективного насилия, измеренный тем или иным методом из изложенных выше. Была выдвинута гипотеза (далее эту гипотезу мы будем обозначать Н1), заключавшаяся в том, что *увеличение* из года в год цен на продукты питания, *повышение* из года в год цен на промышленные товары или *сокращение* из года в год промышленного производства должны иметь следствием *увеличение* числа «возмущений» или численности людей, вовлеченных в эти социальные возмущения.

⁶ Snyder D., Tilly C. Hardschip and Collective Violence in France. 1830 to 1960/ American Sociological Review. XXXVII. 1972. P. 520—532.

Наибольший интерес, который представляет данное исследование, заключается в том, что полученные результаты оказались полностью противоположными ожидавшимся. Коллективное насилие *не коррелирует* (во всяком случае, в рассматривавшихся пространственных границах (Франция) и во временном отрезке 1830—1960 гг.) с уровнем тягот жизни. Если допустить, что тяжесть условий существования является причиной общественного недовольства, то необходимо признать, что коллективное насилие в рассматриваемый период не являлось производным от уровня общественного недовольства.

Очевидно, озадаченные этим результатом Снайдер и Тилли задались вопросом: не кроется ли причина в ложности исходной гипотезы? Рост цен на продукты питания немедленно сказывается на условиях существования и уровне общественного недовольства. Аналогично этому последствия роста цен на продукты промышленного производства могут проявиться через какой-то промежуток времени, т.е. потребитель ощутит на себе последствия удорожания средств производства лишь через определенное время. Итак, в гипотезе H_1 вариации различных переменных «синхронизированы». Например, в соответствии с гипотезой ожидается, что изменения в ценах на продукты питания во временном интервале от t до $t-1$ будут иметь следствием изменение уровня коллективного насилия в интервале от t до $t-1$. Естественно, не составляет труда ввести ряд других гипотез, предусматривающих возможность смещения ожидаемого эффекта с течением времени. Можно предположить, например, что последствия изменения цен на промышленную продукцию, произошедшее в период между $t-2$ и $t-1$, окажут воздействие на изменение уровня коллективного насилия в интервале между $t-1$ и t . Подобная гипотеза основывается на следующем предположении: для того чтобы ощутить последствия роста (снижения) цен на промышленную продукцию, необходимо около года. Коль скоро уровень неопределенности при таком временном отрезке достаточно высок, то хорошим выходом из положения было бы увеличение числа возможных гипотез. Именно это и сделали Снайдер и Тилли. Но во всех случаях (какие бы гипотезы, учитывающие временной сдвиг, не выдвигались) корреляция между динамикой цен и уровнем производства, с одной стороны, и динамикой коллективного насилия, с другой, оказалась практически нулевой.

Вариации *причин* общественного недовольства, таким образом, совершенно не влияют на динамику *проявлений* недовольства. Причины, провоцирующие общественное недовольство, могут численно возрастать (или уменьшаться), не вызывая одновременного увеличения (снижения) числа проявлений недовольства.

Эти отрицательные результаты представляют большой интерес: если отсутствует связь между А (уровнем общественного недовольства) и В (интенсивностью, с которой оно должно в действительности проявляться), то спрашивается: между какими элементами А и В может все-таки быть установлен причинно-следственный закон типа «если А, то В»?

В действительности гипотетические предположения «если А (т.е. если существуют причины недовольства), то В (это недовольство скорее всего будет выражено)» или «чем более высок уровень недовольства (А), тем сильнее оно проявляется (В)» мы склонны воспринимать как *очевидные* по той простой причине, что они действительно очевидны и истинны *на индивидуальном уровне*. В самом деле, чем больше у какого-либо индивида причин, вызывающих недовольство, с тем большей легкостью это недовольство проявится в его поведении. На индивидуальном уровне отношение между А и В столь тривиально, что на его проверку не станет тратить время ни один психолог, каким бы эмпириком он не был — это без сомнения. На *коллективном уровне* данное утверждение тоже выглядит тривиальным, но на поверку его тривиальность оказывается ложной. Почему? Причину обнаружить не так уж и сложно: коллективное недовольство не является простым *суммированием* индивидуальных выражений недовольства. Некая ситуация S может стать причиной недовольства. Но подлежащий выяснению вопрос, а именно — проявится ли недовольство в форме включения индивида $m(S)$, например, в марш протеста, зависит от самых разных условий. Ведь необходимо, чтобы среди потенциальных организаторов акции нашлись такие, кто счел бы, что, *на их взгляд*, марш может оказаться и успешной (т.е. привлечет достаточно большое число участников), и выгодной акцией (т.е. увеличит их политический капитал). При выполнении этих условий необходимо также, чтобы могущий принять участие в акции индивид отдавал себе отчет относительно возможного риска, усилий и, естественно, возможности получения интересующих его выгод. Однако сами по себе и риск, и сумма прилагаемых усилий, и потенциальная выгода от участия в акции зависят — $[S = S(M')]$ — от варьируемых элементов: в период экономической депрессии, обуславливающей незащищенность рабочих мест, многие, несомненно, предпочтут направить свою активность скорее на сохранение рабочих мест, нежели на участие в неопределенных, неясных по последствиям коллективных акциях. Предчувствуя, что коллективная манифестация в подобной ситуации не объединит достаточное число людей, потенциальные организаторы могут, со своей стороны, воздержаться от призывов к участию в ней. В таком случае коллективное

недовольство будет высоким, но коллективные акции протеста будут вялы и малолюдны.

Вот почему бессмысленно тешить себя надеждой, что нам удастся выявить связь интенсивности недовольства и интенсивности его коллективного выражения. Недовольство и выражение недовольства как взаимосвязанные феномены могут с высокой долей вероятности проявляться на индивидуальном уровне. Ожидать же их взаимосвязанного проявления на коллективном уровне у нас нет совершенно никаких оснований. Незначительному увеличению «тяжести условий существования» (здесь я использую употребленное Снайдером и Тилли слово *hardship*) может соответствовать мощное проявление коллективного недовольства. Но также несложно представить ситуации совершенно противоположного порядка, когда сильное ухудшение условий существования сопровождается очень слабым коллективным протестом. «Очевидный» закон, связывающий недовольство и его проявления, полностью рассеивается, как только мы дадим себе труд понять, что выражение протеста есть *акт*, который, в соответствии с ситуацией актора, может казаться ему более или менее возможным, надежным, предпочтительным по сравнению с другими актами, столь же доступными ему. Во всяком случае, проведенный Снайдером и Тилли эмпирический анализ показывает, что во Франции между 1830 и 1960 гг. в моменты, когда тяжесть условий жизни была наиболее высока, коллективное насилие не становилось ни более интенсивным, ни более вероятным. Соответственно, этот эмпирический результат перестает вызывать у нас удивление, как только мы начинаем воспринимать коллективное насилие как *агрегированный* результат индивидуальных действий (поступков).

Впрочем, многие исследования показывают, и не только, как у Снайдера и Тилли, в косвенной форме, но и *напрямую*, почему А, т.е. коллективное недовольство, может иметь следствием то проявление В (коллективного насилия), то его отсутствие. Таковы работы Оберсчалла⁷, посвященные теме социальных движений. Развернувшись в 60-х годах в США движению негров зачастую был присущ насильственный характер на Севере и ненасильственный — на Юге. Почему? Причины невозможно обнаружить в *личностных качествах* лидеров, нельзя сказать, что одни из них предпочитали насильственные действия, а другие — ненасильственные. Но проявление на макросоциологическом уровне *беспорядка* не обрекает социолога на бессилие.

Oberschall A. Social Conflict and Social Movements. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1973.

В обоих случаях источник «проблемы негров» коренится, естественно, в неравенстве условий для черного и белого населения. Но это неравенство стало в конце 60-х годов *проблемой* потому, что, в соответствии со знаменитой «теоремой Томаса»⁸, не только многие представители темнокожего населения, но и часть культурной и политической элиты, состоящей из представителей обеих этнических общностей, обозначили его (это неравенство) как *проблему*, т.е. как ситуацию, нуждающуюся в оздоровлении. Когда какое-либо социальное движение пользуется поддержкой лишь того слоя населения, целям которого оно непосредственно служит, тогда оно рискует быть признанным в качестве девиантного, предосудительного и опасного. Но как только его влияние распространится на другие слои населения, а также группы элиты, чьи интересы косвенным образом связаны с целями социального движения, так отстаиваемая движением цель уже не будет восприниматься как опасная или предосудительная. Даже если цель социального движения является спорной, обсуждение ее становится легитимным. Основной задачей лидеров социально-политических движений становится, соответственно, выстраивание и, разумеется, сохранение системы максимально эффективных альянсов.

Однако выясняется, что на Юге США негритянские протестантские церкви были единственным институтом, не «разбавленным» белыми и лишь в незначительной мере контролировавшимся ими. Огромные по своей численности, они служили базой целой сети разветвленных и разнообразных социальных отношений. «Организованные как ассоциации с разделением труда, собственной иерархией, выборной системой, системой сбора пожертвований»⁹, эти церкви на Юге, с трудом выбиравшемся из системы патерналистских отношений, были тем единственным институтом, в рамках которого могли формироваться политические лидеры. Таким образом, протестантские церкви в силу их влияния на темнокожее население и присущей им роли центров притяжения и общения представляли собой крайне важного потенциального союзника для тех, кто в той или иной форме проводит в жизнь идеи негритянского движения. Эти люди должны, как минимум, избегать конфликтов с протестантским духовенством. Использование насилия на практике было бы чревато существенным риском для тех, кто хотел бы прибегнуть к помощи церкви. Риск заключался бы в возможности оттолкнуть не только протестант-

⁸ «Как только мы признаем ситуацию реальной, так она сразу начинает влечь за собой реальные последствия».

⁹ Oberschall A. Op. cit. P. 221.

ское духовенство, но и огромную часть темнокожего населения. Они оттолкнули бы и тех, кто признает религиозный и моральный авторитет этих церквей, и тех, кто, не имея глубоких религиозных убеждений, принимает участие в различных религиозных мероприятиях, организуемых этими церквями, или хотя бы просто симпатизирует им по той простой причине, что они являются единственным институтом, в котором не доминируют белые. Таким образом, на Юге указанные характеристики ситуации формировали стратегию ненасилия.

Обстановка на Севере была совершенно иной. Здесь церкви играют гораздо меньшую роль в формировании структуры социальных отношений; черный пролетариат Севера в значительно большей степени атомизирован. Потенциальные лидеры формируются в различного рода учебных заведениях. Огромные мегаполисы Севера порождают массу социальных проблем. Проблемы конкурируют друг с другом за внимание публики к ним. Ведь можно считать редкой удачей, если к какой-либо из них политическая и культурная элита проявляет не меньший интерес, чем общественность¹⁰. Такой интерес не может возникнуть сразу ко всем проблемам, как не может он быть и равно интенсивным по отношению к ним. Организованное насилие, как и признание и «установление в правах» насилия спонтанного, в подобной ситуации может восприниматься менеджерами от политики в качестве эффективной стратегии, способной, как минимум, привлечь внимание интеллектуалов и политиков.

Несмотря на то что многие составляющие «проблемы негров» были одинаковы и на Севере, и на Юге, все же из-за различий в ситуации насилие на Юге представляло собой опасную и неэффективную стратегию, в то время как на Севере оно вполне могло приносить политические дивиденды. Несмотря на свою простоту, этот пример подтверждает очевидную вещь, а именно: согласованность элементов А и В в одной и той же социальной системе зависит от структуры этой системы. Следовательно, у нас нет никаких оснований ожидать, что эта согласованность будет характерна для всех случаев или даже что она будет более частой, нежели «рассогласованность» типа «если А, то не В». Если признать основной задачей социальных наук поиск причинно-следственных законов, то данный вывод был бы обескураживающим. Однако ничто не указывает на то, что его стоит воспринимать подобным образом. Почему особый интерес должно вызывать *установление*

¹⁰ Downs A. Up and Down with Ecology, the Issue-Attention Cycles//The Public Interest. 1972. № 28. P 38–50.

того, что одни и те же причины всегда производят одинаковые следствия? Разве не интереснее было бы *объяснять*, почему одни и те же причины приводят к разным, в зависимости от контекста, последствиям?

Что касается коллективного насилия, то, как особо подчеркивает Тилли¹¹, постоянной целью социальных наук продолжает оставаться поиск причинно-следственных законов, управляющих этим явлением. Токвиль полагал, как мы уже отмечали, что вероятность революции наиболее высока в те моменты, когда длительный период политической и экономической стагнации сменяется фазой резкого увеличения шансов и возможностей каждого индивида. Действительно, прошлое дает нам немало примеров подобного рода; несомненно, мы будем наблюдать их и в будущем. Но речь идет вовсе не об универсальном законе, а о локальном, т.е. о взаимосвязи, которую можно увидеть при соблюдении некоторых, не поддающихся исчерпывающему уточнению, условий. Это означает, что данная взаимосвязь должна быть выражена в *экзистенциальной* форме «если А, то, при некоторых условиях (которые невозможно исчерпывающим образом уточнить), В». Эта форма отлична от *детерминистской* «если А, то всегда В» или *вероятностной* формы, которую предложил Токвиль: «если А, то чаще всего В». Действительно, ничто не дает оснований утверждать, что А должно завершаться В чаще, чем не переходить в него. Все, что можно сказать, это лишь то что А *может* иметь следствием В.

Вслед за Токвилем были выдвинуты другие *законы* политической и социальной мобилизации. Таков, например, сформулированный Дэвисом¹² закон, утверждающий, что вероятность революции высока в том случае, если период постоянного роста резко сменяется периодом стагнации: в ситуациях подобного рода индивиды склонны к опережению событий, выражению иллюзорных мечтаний, обреченных на неудачу. Но можно предположить и совершенно противоположное, а именно, что столь резкое замедление роста может иметь следствием уход индивида в себя и тем самым привести к ослаблению коллективного действия. «Закон» Дэвиса, подобно закону Токвиля, а также всем причинно-следственным законам данного типа, в реальности отражает лишь элементарные *случайности*.

Работа Гарра¹³ заслуживает отдельного упоминания. Стремясь

Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading, Londres, Addison-Wesley, 1978.

¹² Davies J. Op.cit.

¹³ Gurr T. Why Men Rebel. Princeton, Princeton University Press, 1970.

учесть то обстоятельство, что коллективное насилие сталкивает противоборствующие стороны, которые должны мобилизовывать имеющиеся в их распоряжении ресурсы (одни — с целью развернуть коллективные акции, а другие — организовать сопротивление этим коллективным действиям), Гарр предложил структурно более сложный закон, нежели его предшественники. Согласно этому закону, вероятность коллективного действия является функцией ряда переменных, таких, как общественное недовольство, ресурсы противостоящих сил, возможное превосходство ресурсов одной из сторон над ресурсами другой, и т.д. Таким образом, закон Гарра соответствует не форме «если А, то В», а, скорее, форме «если А, А', А'' и т.д., то В». Этот закон представляет интерес в том плане, что он, в частности, допускает отсутствие связи между А и В, поскольку для того, чтобы А сменилось В, необходимо выполнение условий А', А'' и т.д. Следовательно, пространство, в котором действует закон Гарра, гораздо шире, нежели тех законов, которые рассматривают коллективное насилие как функцию одного лишь общественного недовольства. И все-таки, несмотря на это, закон Гарра не перестает быть локальным. Впрочем, если абстрагироваться от формулы, с помощью которой Гарр выразил свой закон, его можно рассматривать скорее как *модель*. Ведь помимо всего прочего он лишь очерчивает формальные рамки и выдвигает определенное число переменных, которые необходимо учитывать при анализе политической мобилизации.

Похоже, что результаты работы, показавшей отсутствие связи между «тяжестью условий существования» и коллективным насилием, вовсе не привели Снайдера и Тилли к выводу об отсутствии законов, способных описывать феномен коллективного насилия. Их критика нацелена скорее на природу элемента А, чем на саму форму «если А, то В». Во второй части своей статьи они выдвигают мысль о том, что если во Франции в 1830—1960 гг. политическое насилие и не зависело от «тяжести условий существования», то оно определялось ритмом политической жизни (тем, например, проводились в данном году выборы или нет), зависело от тяжести давления со стороны государства и целого набора других политических переменных. Таким образом, Снайдер и Тилли склонны считать, что при изучении проблемы коллективного насилия поиск причинно-следственных законов типа «если А, то В» вполне возможен в том случае, если условия А определяются в сфере политических переменных. На самом же деле в других контекстах, особенно на примерах английской действительности, отмечается то, что коллективное насилие вполне может зависеть и от экономических переменных. Так, в определенные периоды стачечное

движение в Англии было тесно связано с экономическими переменными, в то время как для Франции это не характерно¹⁴.

Что касается коллективного насилия, то, заметим, до сих пор никем не был сформулирован общий закон типа «если А, то В». Единственное, что можно отметить — это выявленные конкретные в пространственном и временном отношении связи между некоторыми переменными А и В, причем смысл А меняется в зависимости от пространственно-временных параметров. В интересующем нас случае разница между Францией и Англией достаточно просто объяснима. Сегодня госаппарат Великобритании, во-первых, гораздо менее склонен к вмешательству в частную и общественную жизнь и, во-вторых, государство располагает более стабильными институтами, во всяком случае, населением оно воспринимается как более легитимное. Со своей стороны, и английские профсоюзы более сильны и более ориентированы на цели экономического порядка. Отсюда понятно, почему коллективное насилие в Великобритании значительно больше, нежели во Франции, связано с экономическими переменными и, соответственно, почему во Франции оно в большей степени определяется политическими переменными. Когда мы наблюдаем взаимосвязь А и В, то между ними всегда имеется опосредующая система $V = MmS(M', A)$. Если M' будет различным в каждом отдельном случае, то А может переходить в В, а может и не иметь подобного финала.

Как я полагаю, то обстоятельство, что непрекращающийся поиск (независимо от того, выступает он в имплицитной или эксплицитной форме) законов типа «если А, то В» продолжает занимать важное место в исследованиях, затрагивающих тему коллективного насилия, можно объяснять тремя причинами.

Первая и основная из них — это влияние натуралистической концепции в сфере социальных наук. Причинно-следственные законы воспринимаются как обычный продукт естественных наук. Соответственно и выдвижение подобных законов воспринимается как признак научности. Вспомним, что даже Поппер в своей «Нищете историцизма» подпадает под влияние этого аргумента.

Вторая причина заключается в том, что, упрощая дело, многие зачастую склонны сводить *агрегирование* индивидуальных действий к их *суммированию*. Разумеется, агрегирование может принимать форму суммирования, но это вовсе не является обязательным условием. Если каждый из нас начинает приобретать меньшее коли-

¹⁴ *Marchal A.* L'action ouvrière et la transformation du régime capitaliste. Paris, Librairie générale de Droit et de Jurisprudence, 1943.

чество какого-либо продукта, то общий спрос на него снижается. Если недовольство каждого отдельного человека возрастает, то из этого вовсе не следует, что одновременно должно усиливаться и коллективное недовольство. «Умножение» индивидуальных недовольств — это одно, но коллективное выражение недовольства есть нечто совсем иное. Впрочем, необходимо отметить, что два таких автора, как Олсон¹⁵ и Хиршман¹⁶, выделили несколько вариантов типичных случаев, в которых рост индивидуального недовольства ни в коей мере не влечет за собой возможности проявления коллективного протеста. Вариант подобного рода может иметь место тогда, когда, например, каждый индивид уверен, что найти выход из неприятной ситуации, в которой он находится, гораздо быстрее поможет индивидуальная стратегия уклонения, нежели участие в коллективном действии, особенно если результат его непредсказуем и оно требует больших усилий.

Третья причина, обуславливающая притягательность причинно-следственных законов при анализе коллективного насилия, заключается во влиянии холистской интерпретации социальных движений. Эта интерпретация основывается на следующих постулатах. В социальном движении индивид растворяется в массе. *Вследствие этого «индивидуализированный» анализ, представляющий общественное движение как агрегирование индивидуальных действий, является непродуктивным, исходя из чего, поиск может идти лишь в одном направлении — по пути определения коллективных условий А, определяющих коллективное действие В.* Можно предположить, что историко-эпистемологическое исследование социальных движений, если бы оно было проведено, не только дало бы крайне интересные результаты, но и, несомненно, выявило бы ту особенность, что холистские парадигмы, по сравнению с парадигмами индивидуалистическими, всегда были более привлекательными для публики.

Законы развития и модернизации

Здесь в качестве дополнительного примера проанализируем другое исследовательское направление, в рамках которого научный поиск также в значительной мере ориентирован на выдвижение причинно-следственных законов. Число этих законов велико: вклад в их формулирование внесли социология экономического

¹⁵ Olson M. La logique de l'action collective. Paris, Puf, 1978.

¹⁶ Hirschman A. Face au déclin. Op. cit.

развития, социология политического развития, экономика развития, социология модернизации¹⁷, а также многие другие дисциплины. Сегодня мы склонны считать, что правомерность всех (или почти всех) этих законов сомнительна. Едва ли не во всех случаях по каждому из них можно привести противоположные примеры.

Парсонс выдвинул утверждение, что вследствие индустриализации модель расширенной семьи заменяется моделью нукlearной семьи. Этот «закон» обязан своим происхождением следующим обстоятельствам: в современном обществе индивид получает образование чаще всего вдалеке от семьи; его профессиональный статус не передается по наследству, а достигается им самим; возрастает пространственная мобильность и т.д. Эти аргументы, по всей видимости, достаточно правдоподобны, но мы не можем приписать им универсальный характер. В Японии, если верить работам Эзры Фогель¹⁸, предприниматель, желающий нанять работника, ведет переговоры о трудоустройстве кандидата с его семьей. Последняя может пустить в ход все ресурсы семейной солидарности с целью уточнения пунктов контракта и получения гарантий того, что они будут соблюдены. Если бы этот рабочий оказался уволен без должных на то оснований, то семья сделала бы все, чтобы в будущем перекрыть предпринимателю источники рекрутирования рабочей силы. Подобная ситуация свидетельствует о том, что индустриализации присуща, скорее, тенденция *укрепления*, а не ослабления уз солидарности расширенной семьи, ведь эти узы представляют собой важный ресурс для ведения дел.

Является ли эта *несогласованность* («если А, то не В»: индустриализация скорее укрепляет, нежели ослабляет узы семейной солидарности) *нетипичной* или хотя бы менее частой, нежели *согласованность* А и В? Ответить на этот вопрос одинаково трудно как наугад, так и пытаясь использовать какие-либо данные. Действительно, каким образом можно определить статистическую величину, позволяющую оценить сравнительную частоту совпадений и несовпадений А и В? Все, что можно сделать, — это отметить, что рассогласованность никак не может быть признана исключительным явлением, что, напротив, ее могут создавать разнообразные сочетания отдельных факторов. Рассмотрим второй пример, по поводу которого никто не сможет усомниться в том, что он

¹⁷ См.: Badie B. Le développement politique. Paris, Economica, 1980; Eisenstadt S.N. (ed.). Readings in Social Evolution and Development. Oxford, Pergamon, 1970.

¹⁸ Vogel E. Kinship Structure, Migration to the City, and Modernization// Dore R.P. (ed.). Aspects of Social Change in Modern Japan. Princeton, Princeton University Press, 1967. P. 91—111

отражает множество реальных ситуаций. В случае если низкий уровень зарплаты в промышленности сочетается с достаточно скромным демографическим ростом в сельской местности, *приток* рабочей силы в промышленность и *отток* ее из сельской местности выражены достаточно слабо. В подобной ситуации получаемая некоторыми членами сельской семьи зарплата промышленного рабочего пополняет семейный бюджет, основой которого является сельское хозяйство. Взамен семья предоставляет этим членам семьи услуги, позволяющие им компенсировать снижение заработка. В конечном счете, в ситуациях подобного рода индустриализация не только не разрушает солидарность расширенной семьи, но, напротив, скорее укрепляет ее.

В исследованиях экономического развития было выдвинуто множество законов¹⁹. Приведем примеры:

1) Развитие не может идти при наличии *локальных* рынков. Если общий потенциальный спрос выражен слабо, то и производство с необходимостью будет вялым. Вследствие этого оно замрет на уровне ремесленничества. Действительно, для появления стимула к повышению производительности труда необходимо, чтобы общий спрос достиг определенной критической отметки. Так, хозяин сапожной мастерской не будет стремиться механизировать свое производство, если он уверен в том, что в этом месяце сможет продать лишь несколько пар обуви, и не больше.

2) Для осуществления процесса развития необходима инфраструктура (т.е. средства коммуникации, пути сообщения и т.д.). В противном случае рынки приобретают локальный характер и происходит возврат к прежним механизмам.

3) В случае если у населения мало возможностей для накопления капитала, процесс инвестирования невозможен, а соответственно, невозможен и рост производительности труда, вследствие чего индивидуальные сбережения не увеличиваются и возможность накопления капиталов снижается. Следовательно, в этом случае помощь извне является единственным источником развития²⁰.

4) Тогда, когда в слаборазвитом обществе элита располагает излишком ресурсов, она будет склонна растрачивать его на потребление, а не на инвестирование. Действительно, инвестирование предполагает наличие достаточного спроса, а в случае если

¹⁹ Многочисленные примеры и критический анализ большинства этих законов можно найти в кн.: *Bauer P.T. Dissent of Development. Londres, Fakenham and Reading, 1971.*

²⁰ *Nurkse R. Op. cit.*

подавляющая часть населения живет в условиях, приближающихся к черте бедности, наличие такого спроса просто невозможно.

5) Элиты слаборазвитых стран имеют обыкновение тратить на потребление больше, чем на инвестирование, в силу присущего им *демонстрационного эффекта*. Именно этот эффект побуждает элиты перенимать модели потребления «богатых» стран.

Разумеется, позволительно дополнить этот перечень и многими другими законами. Те законы, которые я только что перечислил, принадлежат к исследовательскому направлению, зачастую обозначаемому как «девелоппментаризм». Неомарксистские теории развития также предложили немало «законов». То же можно сказать и по поводу всех школ и направлений, интересовавшихся вопросами социально-экономического развития.

Все эти законы выявляют действие механизмов, *поддающихся* эмпирическому наблюдению. Логику действия этих механизмов теоретически постичь не трудно. В самом деле, как мы понимаем (и можем это наблюдать), *в некоторых случаях* повышение цены на определенный продукт *может* иметь следствием снижение спроса на него. Но *на самом деле* такие *идеальные* механизмы функционируют лишь при наличии ряда ограничивающих ситуацию условий. Скажем, повышение цены будет иметь следствием падение спроса лишь при наличии определенных ограничивающих ситуацию условий. Если же таких условий не будет, то нам придется наблюдать «несогласованность» там, где данный закон предсказывает «согласованность» А и В.

Так, теории, выводящей причины развития из предварительного развития социальной инфраструктуры, можно противопоставить пример Аргентины начала века, где впечатляющее экономическое развитие вовсе не было следствием развития транспортных артерий, а, скорее, предшествовало ему²¹. Закону, согласно которому причины экономического развития следует искать во внешней помощи, можно было бы противопоставить пример Англии в XVIII в. или Японии в XIX в.²². Что касается примера, сводящего проблему расширения рынка к состоянию отдельных территорий, то в качестве контраргумента можно привести пример Колумбии, где, как показал Хаген²³, в начале XX в. наблюдалось очень динамичное развитие, несмотря на то, что географическое

Hagen E. Structures sociales et croissances économiques. Paris, Editions Internationales, 1970.

²² Дискуссию по поводу идеологии развития за счет получения внешней помощи см.: Bauer P. T. Foreign Aid and the Third World//Duignan P., Rabushka A. (ed.). The United States in the 1980s. Stanford, Hoover, 1980.

²³ Hagen E. Op. cit.

положение страны и зачаточное состояние путей сообщения ограничивали возможности обмена между ее регионами.

Должны ли эти случаи восприниматься нами как подтверждающие правило исключения? Должны ли мы рассматривать одни случаи как типичные, а другим отказывать в таком определении? Попытка дать ответ на первый вопрос требует просто невозможного — подсчета частот. Второй вопрос включает в себя понятие оппозиции «типичное—нетипичное», относительно которого трудно решить, как вообще оно может быть не круговым (*circulaire*), а каким-либо иным, и не основано ли оно, в таком случае, говоря словами Парето, скорее на чувствах, нежели на опыте. Более уместным было бы предположить, что эти так называемые законы являются не чем иным, как *идеальными моделями*. Они могут казаться действующими в реальности (на уровне приблизительных оценок), однако в некоторых случаях точное определение границ их действия невозможно.

Анатомия одной теории социального изменения

В завершение данной главы было бы интересным остановиться на одной из теорий социального изменения, а именно на теории Хагена. Она прекрасно иллюстрирует, с одной стороны, влияние *номологических* или *номотетических* (концентрирующих внимание на поиске законов) концепций социального изменения, а с другой — невозможность вычленения законов изменения.

«Теория социального изменения» Хагена отталкивается от критики теорий экономического развития, выдвинутых экономистами. Эти теории, по мнению Хагена, не могут объяснить некоторые существенные факты, такие, например, как развитие Японии в XIX в. или Колумбии в начале XX в. И Япония, и Колумбия развивались без какой-либо посторонней помощи. Вплоть до послевоенного периода (после Второй мировой войны) доля иностранных капиталов в Колумбии была несущественной. Колумбийский рынок был раздроблен на отдельные сектора. И Япония, и Колумбия до начала своего впечатляющего экономического роста относились к разряду бедных стран, но в то же время они не подчинялись закону «порочного круга бедности». Короче говоря, ни одна из имевших хождение в 60-х годах экономических теорий не могла объяснить эти два случая, значимость которых, очевидно, трудно недооценить. Впрочем, аналогичное сопротивление «теории» оказывает и множество других примеров.

Хаген поставил экономическим теориям суровый диагноз, суть

которого заключалась в том, что с их помощью невозможно объяснить процесс экономического развития. На этом основании он сделал вывод, что переменные, обуславливающие экономическое развитие, следует, очевидно, искать не в экономике, а совсем в иной сфере. Сам по себе такой диагноз представляет интерес. При-
сущее ему отрицание высвечивает досадные последствия разделения труда в социальных науках: экономисты, социологи, политологи имеют обыкновение придавать значение лишь тем переменным, которые непосредственно относятся к их отрасли знания. Данный процесс зашел столь далеко, что когда экономист или политолог «открывают» факт существования стратификации общества или когда социолог обнаруживает наличие политических институтов, бюджетного дефицита или стоимости информации, то они объявляют это настоящим событием. Выдвинув утверждение о том, что экономическое развитие является следствием действия не относящихся к экономике переменных, Хаген тем самым значительно содействовал пересмотру постулата (основанного не на разумных доводах, а, скорее, на дурной традиции разделения труда, одновременно и негибкой, и аномичной) относительно независимости экономической подсистемы общества.

Социальная «теория» экономического развития Хагена основывается на нескольких исследованиях. Упрощенно ее можно изложить следующим образом: во всех проанализированных случаях отмечено, что экономическое развитие по большей части бывает следствием появления прослойки предпринимателей. Эта предпринимательская прослойка вовсе не возникает спонтанно, в момент, когда появляется *спрос*, как полагают авторы экономических теорий, за что Хаген и критикует их с полным на то основанием. Наличия спроса на обувь недостаточно для того, чтобы возникла динамично развивающаяся обувная промышленность. Существование потенциального спроса является, пожалуй, обстоятельством, благоприятствующим появлению соответствующего предложения, но оно не может стать достаточным условием индустриализации. В действительности можно наблюдать и отдельные варианты сочетания динамично развивающегося производства при слабом спросе (феномен раздробленности рынков), и варианты нединамично функционирующего производства на фоне всеобщего и значительного по объемам спроса. Начиная с момента, когда мы принимаем идею о том, что возникновение слоя предпринимателей не является механическим результатом процесса, обусловленного наличием спроса, основная проблема анализа развития будет заключаться в поиске социальных условий, объясняющих причины появления этого слоя.

Проанализированный Хагеном материал убедил его в наличии ряда социальных переменных, в той или иной мере способствовавших процессу появления слоя предпринимателей. В Японии среди предпринимателей была непропорционально высока доля выходцев из класса самураев. В Колумбии в 1956 г., по данным статистики, в которых фиксировалось место рождения предпринимателей, основавших 161 предприятие с численностью от 100 работников и выше, непропорционально высокой была доля выходцев из провинции Антиокья. Таковых было 75 человек против всего лишь 20 выходцев из провинции Кундинамарка, более значимой в политическом и культурном отношении, поскольку на ее территории располагалась столица страны Богота. Однако и самураям, и жителям провинции Антиокья была свойственна одна существенная общая черта: и тех, и других можно было считать деклассированными элементами.

Самурай, которые несли службу у своих сеньоров, были лишены своих занятий и обречены на социальный статус деклассированных элементов, когда императоры династии Токугава принялись укреплять центральную власть в ущерб власти феодалов, в конечном счете оказавшихся на коротком поводке при императорском дворце в Киото. Жители провинции Антиокья, как и Боготы, были потомками испанских колонистов, прибывших в XVII в. на поиски золота и серебра в Новую Гренаду. Драгоценные металлы были обнаружены в провинции Антиокья; в районе Боготы их не нашли. Соответственно, жители Антиокьи стали старателями, а те, кто обосновался в Боготе, принялись обрабатывать землю. Но с середины XVII в. шахты, в которых добывались золото и серебро, постепенно начали утрачивать былую рентабельность. Во всяком случае, они были недостаточно рентабельны для того, чтобы можно было, как это делалось на протяжении предшествующих десятилетий, использовать наемный труд рабочих-индейцев. Вследствие этого жители Антиокьи были обречены на процесс пролетаризации. По мере развития событий Антиокья превратилась, в глазах жителей соседних Боготы и Калиньос, в жалкие задворки страны. Когда в Японии наступила эпоха Мэйдзи, из самураев стали формироваться деловые люди. Когда в начале XX в. Колумбия вступила на путь экономического развития, аналогичный тому, который прошли многие другие страны, жители Антиокьи стали превращаться в предпринимателей.

Отметив эту общность черт развития Японии, Колумбии и ряда других стран, Хаген пришел к выводу, что коллективное деклассирование есть одна из причин появления динамичной прослойки предпринимателей. Именно потому, что они якобы были одержи-

мы идеей возвращения своего утраченного статуса, жители Антиокьи, равно как и японские самураи, устремились в бизнес, лишь появились первые робкие признаки развития экономики. Но трудности для объяснения создает то обстоятельство, что между временем, когда вельможи Токугавы лишили самураев их статуса, и периодом, когда потомки самураев обеспечили взлет японской экономики, прошло несколько поколений. Точно так же многие поколения разделяют начало XX в. и середину XVII в., т.е. то время, когда владельцы шахт в провинции Антиокья вынуждены были сами взяться за мотыги.

Абсолютно убежденный в обоснованности этих данных (деклассирование жителей провинции Антиокья и самураев, особая роль тех и других в индустриальном развитии), Хаген отказывается видеть простое совпадение в корреляции между деклассированием этих групп и их ролью в экономическом развитии. В несколько педантичной и совсем не убедительной манере, прибегая к авторитету отдельных психологических и психоаналитических теорий, он предпринимает попытку доказать, что ожесточение, возникшее вследствие «утраты статуса», может передаваться из поколения в поколение. Вписываясь через систему семейного воспитания в структуру личности, это ожесточение трансформируется в образ жизни. Конструирование личности будет в таком случае ориентироваться на некую доминирующую ценность — достижение (преуспевание) и бессознательную цель обретения утраченного статуса.

Очевидно, что теории Хагена присущи все слабые стороны тех теорий, которые имеют обыкновение загромождать характеристику личности актора горами понятий — «психическое состояние», «чувства», «образ жизни», считая, что именно они и побуждают актора к принятию той формы поведения, которую теория и стремится объяснить. Ведь как иначе, чем через поведение, можно доказать существование образа жизни?²⁴ Но в таком случае можем ли мы надеяться, что рассматриваемый образ жизни *объясняет* поведение? Однако, помимо кругового характера, теории Хагена присущи и некоторые другие черты, свидетельствующие о ее неправдоподобии. Как поверить, что образ жизни может передаваться из поколения в поколение с точностью большей, чем точность генетической наследственности, если, помимо прочего, генетическое наследование предполагает в качестве неперемennого условия наличие определенной *окружающей среды* и, вследствие этого, зависит от нее? Однако исследования показывают, что утраченный

²⁴ Хаген отдает себе отчет в этой сложности и пытается преодолеть ее путем использования проективных тестов.

статус *может* оказывать влияние на «уровень ожиданий». В случае если социальное происхождение матери превосходит ее нынешний социальный статус, то у ее детей, при равенстве всех прочих данных и условий, зачастую более высокий уровень ожиданий²⁵. Но этот случай отличается от описанного Хагеном, хотя предположение, что мать склонна вспоминать о том статусе, который она имела в молодости и утратила вследствие вступления в брак, и не будет выглядеть неправдоподобным. Однако гораздо более сомнительно, чтобы память об утраченном статусе могла сохраняться на протяжении целой череды поколений.

В конечном счете теория Хагена малодостоверна. Но что интересно отметить, так это причину ее несостоятельности, которая кроется не в исследовании, остающемся в своем роде образцовым, а в эпистемологическом предрассудке. Суть же его заключается в убеждении, что «теория социального изменения» должна иметь следствием установление «закона». Действительно, Хаген задался целью установить закон, связывающий в рассматриваемом им случае деклассированность и дух предпринимательства. Осуществив данную цель, он сам «скрыл» имплицитно содержащуюся в его книге в высшей степени достоверную и тщательно проработанную теорию экономического развития Колумбии. Эта теория приняла форму *membra disjecta**, которую надлежит исправить, поскольку Хаген предпочел не уточнять, несмотря на то что все необходимые элементы были им представлены, модель $M = Mms(M', A)$, а выразил свою идею в форме закона «если A, то B». Далее мы попробуем в общих чертах реконструировать эту модель. Мы увидим, что в ходе реконструкции можно полностью отказаться от сомнительных гипотез культурной трансмиссии, составляющих основу «теории» Хагена.

Начиная с XVII в. географические особенности Колумбии обуславливали одновременно как социальное, так и региональное дробление страны. Процесс пролетаризации охватил жителей провинции Антиокья: одни их часть эксплуатировали малорентабельные шахты; другие в определенный момент переключились на возделывание культуры кофе. Иные уходили в сферу транспортного обслуживания, начавшую развиваться вследствие широкого распространения культуры кофе. Но это было рискованным предприятием. До начала XX в. туннельное шоссе еще не связывало Меделин, столицу провинции Антиокья, с Сабаной, районом

²⁵ См.: Krauss I. Educational Aspirations Among Working-class Youth//American Sociological Review. XXIX. 1964. P. 867–879.

* Здесь: отвергнутый элемент (лат.). — Прим. перев.

Боготы. И только в 1940 г. дорога соединила Меделин с находящимся на юге городом Кали. С 1800 г. по конец века для Колумбии было характерно замедленное развитие — такое же, как и в соседних странах. Но это было характерно больше для Сабаны, нежели для Антиокьи. Несколько банков, текстильная промышленность, индустрия, ориентированная на производство предметов потребления, пивоваренные заводы, транспортные предприятия — все это постепенно появлялось на территории всей страны, но концентрировалось преимущественно в Сабане. Впоследствии, особенно в период, последовавший за первой мировой войной, характер неравномерного развития регионов изменился. Вплоть до середины XIX в. Антиокья была наиболее бедной и в экономическом плане наименее динамично развивавшейся провинцией. Три четверти века спустя она уже представляла собой важный центр экономического развития.

Почему же новые предприятия основывались чаще всего выходцами из провинции Антиокья, причем не только в самой Антиокье, но и за ее пределами? Было бы бесполезно (в полном противоречии с претензиями Хагена, но в полном соответствии с тем, что позволяют утверждать приводимые им данные) выдвигать гипотезу о коллективном воспоминании собственной декласированности, «запечатленном» в структуре личности. Напротив, достаточно рассмотреть различия в ситуациях акторов, т.е. те различия, причины которых кроются в разном характере «социальной инфраструктуры» Сабаны и Антиокьи, обусловленной их исторической и географической спецификой. Представление об этих различиях позволяют нам составить четыре набора данных.

С самого начала Сабана была провинцией с крупной земельной собственностью; в «Долине» же (провинция Кали) большую роль играло скотоводство. По ряду указанных исторических и географических причин в Антиокье роль земельной собственности была значительно более скромной.

Кроме того, в культурном плане Антиокья представляла собой «backwater»*. В глазах обитателей других провинций жители Антиокьи представляли как парии, в той или иной мере заслуживавшие презрения, что объяснялось предшествовавшей двухвековой пролетаризацией этой провинции. К тому же коллективное сознание оказалось столь чувствительным к характерным особенностям жителей Антиокьи, что породило мифы, проливавшие свет на причины этих особенностей. По одной из версий, они объяснялись происхождением жителей Антиокьи от еврейских или баскских

* Стоячсе болото (англ.). — Прим. перев.

переселенцев. Пренебрежение к Антиокие отразилось даже в учебниках истории, в которых преуменьшалась роль провинции в историческом прошлом страны. Неудивительно, что по мере развития системы образования отсталая провинция-падчерица не испытала на себе плодов этого развития. Перед получением страной независимости высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты начали распространяться в ней повсюду, за исключением Меделина. Беженцы гражданских войн, обосновываясь в Меделине, тем самым способствовали укреплению его имиджа гетто. Зарубежные контакты для Антиоки были гораздо более редким явлением, чем для других провинций.

И все же, как бы ни была бедна Антиокия, экономическая элита существовала здесь, как и в других местах. Она располагала неким излишком средств. До начала развития путей сообщения дефицит транспортных услуг, потребности торговли обусловили появление множества транспортных предприятий, занимавшихся перевозкой грузов на дальние расстояния. Когда были построены и пущены в эксплуатацию шоссе, туннели и железные дороги, этот вид деятельности пришел в упадок. Но предварительно он успел обогатить ряд семей.

Четвертый важный тип данных. В рамках своей деятельности, связанной с эксплуатацией шахт, жители Антиоки использовали современные формы организации труда, создавая нечто более или менее похожее на нынешние общества с ограниченной ответственностью. Поиски месторождений были в высшей степени рискованным предприятием, и каждая экспедиция финансировалась путем привлечения средств двадцати четырех компаньонов. В случае неудачи долги распределялись равными долями между всеми двадцатью четырьмя участниками предприятия. Большинство голосов часть акционеров имела право прервать экспедицию. Зачастую акционеры были связаны между собой родственными узами. Еще в начале XX в. предприятия, основанные жителями Антиоки, встречались намного чаще, чем предприятия, организованные семьями из других провинций.

Установив эти четыре набора данных, мы имеем возможность определить их последствия: $m(S)$. Финансовые элиты Сабаны и Антиоки располагали совершенно разными типами ресурсов и были предрасположены к совершенно разным *структурам оптимального действия*. Первых структура социально-профессионального окружения побуждала приобретать земли, отправлять детей в учебные заведения с тем, чтобы они могли получить какую-либо из свободных профессий или сделать административную или политическую карьеру. Вторые могли достигать этих целей с несравнимо

большими усилиями, а кроме того сами-то цели воспринимались ими как малопривлекательные. Во всяком случае в Меделине цели данного порядка обладали намного меньшей ценностью, нежели в Боготе. Гуманитарная культура в Антиоке считалась специализацией жителей Боготы. Наиболее престижные высшие учебные заведения распространялись повсюду, кроме Меделина. Структура ситуации, таким образом, не подталкивала представителей элиты Антиоки к поискам ни политической карьеры, ни карьеры в культурной сфере или в рамках свободных профессий. Элиты не могли также инвестировать свои «излишки» в земельную собственность, поскольку земельная аристократия, столь сильная в Сабане, в Антиоке находилась в эмбриональной стадии развития. Скотоводческая аристократия «Долины» (район Кали) даже не имела своего аналога в Антиоке. Таким образом, структура оптимальных действий и система ценностей в Сабане и Антиоке были абсолютно противоположны. Но помимо всего прочего жители Антиоки располагали еще и значительно более мощными ресурсами — организационным опытом и семейной солидарностью. Кроме того, то «пренебрежение», которое они проявили по отношению к характерной для Боготы гуманитарной культуре, ориентировало их на ценности прагматического порядка (во всяком случае, согласно Хагену, такой образ, свойственный самим жителям Антиоки, они перенесли на обитателей Боготы и Кали). В совокупности эти элементы составили две контрастные системы ориентаций, которые и обусловили то, что элиту Антиоки с гораздо большей вероятностью, нежели элиту Сабаны, привлекли возможности предпринимательства в коммерческой или промышленной области.

Итак, структура ситуации позволяет объяснить статистические различия и, в частности, ту непропорционально большую долю участия жителей Антиоки в промышленном развитии Колумбии, которая была зафиксирована после первой мировой войны. Вполне возможно, какую-то роль в этом сыграли и воспоминания вековой давности о собственном социальном деклассировании. Но это трудно и совершенно бесполезно не только доказывать (здесь мы позволим себе не согласиться с утверждениями Хагена), но даже и предполагать.

В самом деле, если Хаген и вводит данную гипотезу, то делает это не столько потому, что она необходима для интерпретации данных, сколько потому, что она позволяет ему подвести *многочисленные случаи* — Японию, Колумбию и т.д. — под действие общего закона: социальное деклассирование является причиной пробуждения духа предпринимательства. Впрочем, тот факт, что деклассирование и, шире, маргинализация нередко создают ситуа-

ции, благоприятствующие проявлению духа предпринимательства и инноваций, подтверждают многие исследования²⁶. Но ничто не позволяет расширить связь между этими двумя понятиями до рамок закона. Такая связь есть в примере Колумбии, но до тех пор, пока мы не уясним себе, что элементы ситуации в Антиоке и Сабане обусловили наличие двух противоположных *систем* ориентаций, понять эту связь невозможно. Что же касается той роли, которую сыграли в истории Японии самураи, то она определялась совсем иными причинами.

С эпистемологической точки зрения теория Хагена представляет собой крайне интересный случай. Пытаясь вывести из тех данных, которыми он располагал, «теорию» (т.е. в данном случае *закон*), исследователь закончил тем, что обеднил их интерпретацию и предположил, на основании сомнительных гипотез, наличие связи между маргинальностью и духом предпринимательства.

Но если попытаться освободить хагеновский анализ от окутывающего его тумана номологической предвзятости, то на свет выходит совершенно образцовая теория. С одной стороны, появление класса предпринимателей в провинции Антиоке объясняется как результат агрегирования, корни которого лежат в длительном историческом процессе. Именно дифференцированная структура возможностей оптимального действия, которой, с одной стороны, подчинялось население Боготы и Кали, а с другой — жители Антиоки, объясняет тот факт, что во второй половине XX в. жители провинции Антиоке составляли непропорционально большую часть среди владельцев промышленных предприятий и предприятий сферы обслуживания. Но сама по себе эта дифференцированная структура была результатом длительного исторического процесса. Введение королем Испании (по вполне понятным политическим причинам) доктрины «жилье и работа» обусловило следующее обстоятельство: колонны провинции Сабана смогли создавать крупные латифундии, существовавшие за счет труда индейских сельскохозяйственных рабочих, что способствовало быстрому распространению в этой провинции класса земельной аристократии. Ее наличие во второй половине XIX в. обусловило складывание макросоциологических факторов, приведших к созданию дифференцированной структуры оптимального действия, которую столь хорошо уловил Хаген. С другой стороны, оскудение золотых и серебряных рудников в XVII в. стало причиной процесса пролетаризации жителей провинции Антиоке, чем и объясняется, к примеру, политика размещения высших учебных заведений в XIX в. и

²⁶ Feuer L. Einstein et le conflit des générations. Bruxelles, Ed. Complexe, 1978.

тот негативный процесс дискриминации, который развернулся в отношении провинции Антиокья. И «материалистическая» этика элит Антиокьи, и приверженность жителей Боготы к «гуманитарной» культуре были следствием этого длительного процесса. Коротко говоря, дух предпринимательства, проявившийся в деятельности жителей Антиокьи во второй половине XIX в., отлично проанализирован Хагеном как результат агрегирования. Поведение акторов он объяснял как реакции на различавшиеся по своей структуре ситуации. Но эту дифференцированную структуру Хаген понимал одновременно и как результат длительного кумулятивного процесса, который можно исчерпывающим образом *понять*, лишь выделив определенное число макроскопических данных в историческом времени, как, например, политический принцип, передаваемый выражением «*morada y labor*». По своей логической структуре теория Хагена соответствует, таким образом, серии анализов типа $M = M\{m[S(M')]\}$.

Не вредит ли социальным наукам понятие *закона* гораздо больше, чем служит? Имеет ли вообще смысл отыскивать законы изменения, пусть даже причинно-следственные законы, особенно в тех случаях, когда системы, которые необходимо объединить в рамках этих законов, обладают высоким уровнем комплексности, как, например, национальные общности в анализе Хагена? Ответ, по всей видимости, должен быть отрицательным, несмотря на то, что номологическая концепция *объяснения* продолжает преваляировать в различных школах.

Критический анализ теории Хагена выявляет еще одно обстоятельство: результатом исследования выступает создание не *закона*, как он сам полагает, а *модели*. Кроме того, эта модель не есть модель *развития*. Она объясняет, хотя и достаточно четко, более скромное явление, а именно — формирование класса предпринимателей в частном изучаемом контексте.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в предыдущей главе, отмечу, что, как мне кажется, причина постоянного стремления социальных наук к выдвижению причинно-следственных законов объясняется влиянием эпистемологии, привнесенной из области естественных наук, или, по меньшей мере, представлением о том, что социальные науки ведут свое происхождение от естественных наук. Несомненно, можно установить некоторые закономерности, но для этого необходима возможность введения классического ограничения на *постоянство условий*. Однако совершенно очевидно, что такое ограничение может быть правомерным только в отдельных случаях. Именно поэтому поиск причинно-следственных законов не может служить первоочередной целью анализа социаль-

ного изменения. Когда мы встречаемся со случаем согласованности АВ, наша задача заключается вовсе не в доказательстве того, что данная согласованность является следствием действия закона типа «если А, то В». Скорее, мы должны доказать, что в рассматриваемой системе элемент А побуждает акторов к совершению действия В. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что в другой системе тот же элемент А может побудить акторов к совершению действия не-В.

Здесь мы сталкиваемся с фундаментальной эпистемологической проблемой. В полном противоречии с тем, во что верил, к примеру, Гемпель²⁷, у нас нет никаких оснований полагать, что *объяснение* феномена — это всегда подведение его под утверждения, обладающие универсальной значимостью, т.е. *под законы*. Представленная мною в предыдущей главе концепция объяснения, напротив, придает всем возможным наблюдаемым макроскопическим закономерностям статус скорее *следствий*, нежели *принципов*. Эта концепция объяснения, суть которой передает формула $M = MmSM'$, имеет то преимущество, что она более сильна и более универсальна, нежели прочие. И, как показывает разобранный выше пример исследования Хагена, «гемпелевская» концепция объяснения может играть роль призмы, искажающей и тормозящей процесс познания.

²⁷ *Hempel C. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Sciences.* N.Y., The Free Press, 1965.

4

Структуры и изменение: структуралистский предрассудок

Понятие структуры — одно из самых многозначных среди всех возможных. Это утверждение, верное в целом, становится, пожалуй, совершенно истинным, когда речь заходит о социальных науках¹. Однако, хотя ассоциирующиеся с понятием структуры значения многочисленны и несмотря на то, что при его употреблении зачастую возникает ситуация неопределенности по той причине, что неизвестно, какое конкретное значение имеется в виду, все-таки отдельные из этих значений обладают кристальной ясностью. Из них мы выделим два, имеющих непосредственное отношение к интересующему нас вопросу, поскольку данное понятие систематически встречается в таких словосочетаниях, как «структурные законы изменения», «структурные условия изменения» и т.д.

Структура = тип

В первом значении понятие структуры родственно (если не синонимично) понятию «тип». Тип — это совокупность характеристик. Так, когда рассуждают об этническом *типе*, *типе* романа, *типе* автомобиля, то этим хотят подчеркнуть, что некая группа людей, отдельные романы и определенные автомобили обладают характеристиками А, В, С, ..., N, которые и определяют их принадлежность к подразумеваемому типу. Чаше всего эти характеристики *связаны между собой* в том смысле, что если мы наблюдаем какой-либо из элементов, то наверняка будет иметь место *тенденция* возможного проявления и других. Скажем, существует тенденция сочетания у индивидов голубых глаз со светлыми волосами; или, говоря научным языком, вероятность того, что голубоглазый че-

¹ Boudon R. A quoi sert la notion de structure. Paris, Gallimard, 1968.

ловец окажется блондином, более высока, чем вероятность того, что блондином может оказаться черноглазый. Мы очень часто можем встретить блондинов с голубыми глазами (тип АВ) или темноволосых людей с черными глазами (тип А'В'), но намного реже — представителей типа А'В или АВ'

Если при наличии совокупности характеристик А, В, С, ..., N частота (или, в определенных случаях, вероятность) типов, которые можно сформировать на основании данных характеристик, весьма значительно меняется от одного типа к другому, то можно услышать заявление о том, что тем самым определены *структуры*.

Совершенно ясно, почему в ситуации подобного рода употребляется слово «структуры». Тип А, В, С, ..., N наблюдается достаточно часто; то же можно сказать и о типе А', В', С', ..., N'. Напротив, примеры типов А, В', С', ..., N, А', В, С, N' или А', В', С, N встречаются гораздо реже. Это подсказывает нам, что характеристики А, В, С, N обладают тем свойством, что наличие одной из них определяет наличие другой, образуя таким образом структуру. В свою очередь, признаки А', В', С', ..., N' также обладают тенденцией «притяжения» друг к другу и образуют отдельную структуру.

Но если достаточно просто условиться о возможности употребления термина «структура» в подобных случаях, то все же необходимо оговориться, что его употребление чревато опасностями. Структура в только что определенном нами смысле является не более, чем типом. Однако при том, что слово «тип» не несет в себе никакой загадки и воспринимается лишь как продукт классификации, слово «структура» порождает иную ассоциацию, вызывая ощущение загадочности и глубины. Именно поэтому структурализм, цели которого нередко ограничивались установлением классификаций и типологий, воспринимается отдельными людьми как метод, позволяющий выявить скрытое, показать таящуюся за внешней оболочкой глубинную суть.

В социальных науках задача установления типологии — не редкость. Так, принадлежащая перу Монтескье теория политических режимов основывается на выявлении определенной типологии. Если образ правления характеризуется формой А, то отношения между гражданином и государством стремятся установиться в виде формы В, а режим с точки зрения его стабильности — в виде С. Другой тип политического режима будет выражаться в виде А', В', С'

Произведенное Теннисом деление обществ на Gemeinschaft и Gesellschaft также предполагает два типа обществ, или две структуры. Для первого характерны эмоциональные отношения между индивидами (А); это возможно по той причине, что общество

невелико по своим размерам (В); роль формальных правил в нем несущественна (С); ...; уровень разделения труда невысок, иерархия и различия в статусе выражены слабо и лишь в редких случаях являются предметом спора (N). Для второго, напротив, характерны отношения безличностного порядка (А'); общество характеризуется гораздо большими размерами (В'); отношения между индивидами в нем регулируются набором формальных правил (С'); ...; для него характерен высокий уровень разделения труда и постоянная борьба индивидов за статус (N'). Gemeinschaft представляет собой структуру (или тип общества), характеризующуюся чертами А, В, С, ..., N. Gesellschaft — это противоположная первой структура с чертами А', В', С', ..., N'. Созданная Тённисом типология содержит в себе идею, согласно которой реальные социальные группы и общества стремятся к тому или иному из данных двух типов, и в той или иной мере их можно отнести либо к Gemeinschaft, либо к Gesellschaft. Мало шансов на то, что мы сможем наблюдать тип А, В', С', ..., N или А', В', С', ..., N. Характеристики А, В, С, ..., N выступают по отношению друг к другу как взаимно дополняющие, равно как и противоположные им характеристики А', В', С', ..., N'.

Классическое противопоставление *традиционных обществ* обществам *современным* также может рассматриваться как классическая составляющая структуралистского анализа. В традиционном обществе отношения родства доминируют и определяют все прочие типы отношений (А); традиция в них является предметом великого почтения (В); изменение в обществах данного типа воспринимается как нечто подозрительное и опасное (С); ...; отношения между членами общества имеют явно выраженный эмоциональный характер (N). В современных обществах роль отношений родства сведена к минимуму (А'); поведение людей имеет скорее рациональный, нежели традиционалистский характер, во всяком случае, роль традиции намного менее значима, чем в обществах иного типа (В'); изменение рассматривается как нормальное и даже желательное явление (С'); ...; отношения между людьми эмоционально нейтральны (N'). Характеристики А, В, С, ..., N, с одной стороны, и А', В', С', ..., N' — с другой, взаимосвязаны. Эти две совокупности представляют собой две *структуры*, состоящие из когерентных элементов. Неомарксистский структурализм, который произвел такой фурор в Париже в 70-х годах, также представлял собой попытку определения типологии обществ, рассматриваемых в экономическом, политическом и культурном аспектах².

Aron R. D'une sainte famille à l'autre. Essai sur les marxismes imaginaires. Paris, Gallimard, 1969.

Разумеется, это первое определение понятия структуры должно представлять для нас первоочередной интерес: в таком смысле структура может рассматриваться как обобщение понятия причинно-следственного закона. «Если А, то В» — утверждают причинно-следственные законы; «если А, то В, С, ..., N» — такова формулировка структурных законов. В более общем виде (в рамках первого понимания) структура может быть определена как «такое единство А, В, С, ..., N, в котором появление одного из элементов этого единства обуславливает появление остальных». Разумеется, как и в случае с причинно-следственными законами, утверждения структурного порядка могут быть определены в более или менее жесткой форме: «если ..., тогда (всегда, часто, более часто, наиболее часто, наиболее вероятно и т.д.) ...».

Структура = основные черты

Объекты, подлежащие рассмотрению социальными науками, представляют собой объекты комплексного порядка в том смысле, что даже мысленно невозможно составить перечень характеристик, описывающих исчерпывающим образом общество, организацию или хотя бы скромную по своей величине группу. Таким образом, мы можем упрощать и выбирать. Отдельные упрощения выглядят как нечто само собой разумеющееся, ибо напрямую задаются изучаемым объектом. С того момента, когда меня начинает интересовать не общество в целом, а определенный вопрос относительно конкретного общества (например, чем обусловлена его стагнация), некоторое число характеристик можно исключить из рассмотрения как не существенные для поставленной проблемы. Однако не всегда легко определить a priori, имеет отношение к затрагиваемой проблеме данный признак или нет. Географическое положение может не играть никакой роли, а может, наоборот, иметь решающее значение (см. пример Колумбии в гл. 3).

В действительности значение признака может быть определено лишь a posteriori, когда нам удастся построить теорию, позволяющую (к примеру, если суть затрагиваемой проблемы заключалась в факте стагнации рассматриваемого общества) объяснить причины изучаемого процесса. В различных случаях эта теория будет иметь более или менее комплексный характер. Она будет обладать той или иной степенью убедительности. Но какой бы она ни была, она в любом случае примет форму суммы предположений, выводящих причины стагнации данного общества из определенного

набора характерных для него черт А, В, С, ..., N. В целом эти черты, во-первых, будут определенным образом связаны между собой, во-вторых, они будут достаточно немногочисленными (во всяком случае, немногочисленными по сравнению с тем теоретическим и идеальным набором черт, который позволил бы дать исчерпывающее описание общества). По вполне понятным ассоциациям об этих немногочисленных и формирующих более или менее связанное единство характеристиках обычно говорят, что они составляют *структуру* общества.

Такое наименование является, опять-таки, одновременно и естественным и полезным. Понятие структуры явственно воскрешает понятие «набор основных черт», противостоящее идее их случайного соединения. Итак, когда мы говорим о структурах в указанном выше смысле, мы склонны рассматривать структурные элементы как обладающие свойством взаимозависимости или как приводящие, путем их объединения, к появлению следствия, которое нам необходимо объяснить. Но понятие структуры, по присущей ему синонимичности, точнее квазисинонимичности, с понятием сущности явления, таит в себе определенную опасность, которая заключается в возможности **выдвинуть** предположение о том, что «сущностные» черты или «структурные» характеристики, включенные в теорию, описывают «глубинную реальность» рассматриваемого общества, а все остальное является не более чем лишенной всякого значения видимостью. Подобная «реалистическая» интерпретация, как у нас будет возможность убедиться в дальнейшем, и бесполезна, и опасна.

В следующей части данной главы мы последовательно рассмотрим трудности, обусловленные употреблением понятий «структурный закон», «структурные причины» изменения.

Структурные законы

По правде говоря, структурные законы являются причиной возникновения тех же трудностей, что и причинно-следственные; и как причинно-следственные законы они зависят от типа анализа. Структура А, В, С, ..., N возникает в том случае, если, например, в системе, представляющей характеристики С, ..., N, акторы склонны производить А и В при том, что $A, B = MmS(M', C, \dots, N)$. Это означает, что структура может возникнуть лишь при наличии ряда условий, которые, *как правило*, трудно определить заранее. Однако можно заранее установить, что при соблюдении *определенных условий* особого рода должно наблюдаться одновременное

появление характеристик А, В, С, ..., N. Однако у нас нет возможности выявить все условия, при которых будут совместно проявляться или, наоборот, отсутствовать эти характеристики. Для ответа на вопрос, встречается ли комбинация А, В, С, ..., N чаще, нежели А, В', С', ..., N, необходимо сначала определить статистическую величину, по отношению к которой будет выясняться частота проявления данных характеристик. Однако чаще всего это не представляется возможным. Достаточно привести в качестве примера СССР и его союзников, чтобы показать: в полном противоречии со структурным законом, пользовавшимся популярностью в течение многих лет, общество может быть одновременно и промышленным, и военным (в том смысле, в каком употребляли это понятие Сен-Симон и Спенсер). Но является ли этот случай АВ' более распространенным, чем случай АВ? Совершенно очевидна бессмысленность подобной постановки вопроса, ибо невозможно в четкой и убедительной форме установить статистическую совокупность, по отношению к которой определялась бы рассматриваемая частота появления признака.

В дальнейшем мы более детально рассмотрим несколько примеров «структурных законов», породивших непрекращающуюся дискуссию в социологической литературе. Эти примеры будут заимствованы из двух научных областей: социологии идеологий и социально-экономического развития.

Структура и идеологии

Та отрасль социологии, которую называют социологией познания и программа которой в общих чертах была сформулирована К. Манхеймом, служит первым полезным для нас примером, позволяющим легко убедиться в том, что избыток претензий — характерное для структурных законов явление. Ограничимся здесь рассмотрением одного частного примера, однако заметим, что в своей основе социология познания претендует на выдвижение именно структурных законов — ведь ей присуща претензия на установление связи между социальными структурами и структурами познания. Крах данного направления социологии (а сегодня это — общепризнанный факт) несомненно является результатом присущих ему претензий на разработку структурных законов.

Образовательный бум, первые симптомы которого появились в 50-х годах, заставил социологов задуматься о его последствиях. В ту пору некоторые из них предложили теорию, породившую тогда продолжительные дискуссии, а именно — теорию «пролета-

ризации»³ интеллигенции. Вкратце ее можно свести к следующим положениям:

— развитие индустриальных обществ требует постоянного роста численности работников с высшим образованием (А);

— это «функциональное» требование общества достаточно легко выполнимо, поскольку одновременно несколько факторов комплексного порядка обеспечивают рост «спроса» на образование. В ряду этих факторов не последнюю роль играет повышение уровня жизни. Но не менее существенной является конкуренция всех против всех (с того момента, когда некоторые индивиды повышают свои образовательные запросы, остальные должны делать то же самое, если не хотят в будущем «сойти с дистанции»). Наконец, в обществе устанавливается понимание того, что завтра структура занятости потребует значительно более высокого уровня технической компетентности, нежели тот, что существует сегодня. В результате действия этих разнообразных факторов численность номенклатурной интеллигенции⁴ просто не может не возрасти (В);

— вследствие этого (С) интеллигенты будут вынуждены чаще, чем раньше, занимать более скромные места и социальные позиции. Иначе говоря, класс интеллигенции будет подвержен воздействию тенденции постепенного снижения статуса, которую можно обозначить как закон;

— в то же время будет продолжаться рост социальной значимости интеллигенции (D), поскольку современное общество чем дальше, тем все больше будет зависеть не только от теоретических и технологических навыков его членов, но и от наличия у них умения пользоваться и со знанием дела управлять все возрастающими объемами информации;

— информация в постиндустриальных обществах станет (становится) тем, чем в индустриальном обществе была (является) энергия. История индустриальных обществ определяется связями типа человек — природа. В истории постиндустриальных обществ их роль будут играть взаимоотношения типа человек — человек. Такие изменения (Е), отлично описанные Д. Беллом⁵, предполагают одновременное возрастание требований к качеству интеллигенции;

— поскольку интеллигенция становится, с одной стороны, все более значимой, а с другой — все менее уважаемой, поскольку

³ *Touraine A. Le mouvement de mai ou le communisme utopique. Paris, Le Seuil, 1968.*

⁴ Воспользуемся термином Ф. Буррико (см.: *Bourricaud. F. Le bricolage idéologique. Paris, Puf, 1980.*

⁵ *Bell D. Vers la société post-industrielle. Paris, Laffont, 1976.*

получаемое ею социальное вознаграждение снижается по мере того, как возрастает ее социальная роль, постольку можно ожидать, что следствием этого будет проявление оппозиционности интеллигенции по отношению к социальной системе (F);

— вполне возможно, что в кругах интеллигенции установится чувство солидарности. Отрицание «постиндустриального» общества вполне может развиваться среди представителей класса интеллигенции, причем настолько, что он может обнаружить в себе призвание к роли (подобно промышленному пролетариату XIX в. в марксистской доктрине) основного двигателя социальных изменений (G).

Данный анализ подводит к формулированию структурного закона: в постиндустриальных обществах элементы A, B, C, D, E, F и G имеют тенденцию к одновременному проявлению. Сумма этих элементов (а также ряда других) составляет, таким образом, специфическую *структуру* постиндустриального общества. Как противопоставление традиционного и современного обществ, так и противопоставление постиндустриального общества индустриальному соответствует выделению двух противоположных структур: A, B, C, ..., G против A', B', C', ..., G'

Причина хрупкости выведенного таким образом структурного закона заключается в том, что он не склонен принимать во внимание разнообразие и комплексный характер ситуаций, которые могут создавать «структурные» элементы A, B и т.д. Однако вследствие их многообразия может случиться, что в ряде ситуаций A, B будут действительно сопровождаться F (оппозиционное отношение к социальной системе), в то время как в других ситуациях эти структурные элементы будут иметь следствием не оппозицию и отказ, а скорее конформизм и проявление верноподданнических чувств к социальной системе. Достаточно простого примера, чтобы продемонстрировать это.

Проводившаяся в США при президенте Джонсоне так называемая политика Великого Общества имела следствием резкое увеличение социальных программ и служб, которые обеспечивали их поддержку. Это сопровождалось созданием большого числа рабочих мест. По своему профилю многие из них требовали наличия у работника высшего образования в области прикладных социальных наук. Весьма часто избравшие эту специализацию студенты разделяли ценности, которые обычно определяют как ценности левого движения. Они проявляли повышенную чувствительность к социальному неравенству и социальной несправедливости. Условия их жизни в большинстве случаев были достаточно скромными. Политика Великого Общества позволила многим из них не просто

получить работу, а посвятить себя деятельности, которую общество воспринимает не только как легитимную, но и как отвечающую его социальному запросу. Несомненно, эта деятельность осуществлялась в интересах отдельных групп и определенных личностей. Однако социальный запрос формулировался не самой заинтересованной стороной, а выступавшим от ее имени и действовавшим в ее интересах государством. Легко понять, что в *ситуации* подобного рода любой *социальный работник*, чья зарплата зависела от бюджета социальных программ, мог считать эти программы недостаточными либо полагать, что они нацелены на такой набор направлений, который в целом он не мог признать оптимальным. Но из этого едва ли можно заключить, что он находится в радикальной оппозиции существующей политической системе. Институты, использующие его труд, изначально признают необходимость политики «борьбы с неравенством» и расширения «социальной справедливости». Социальный работник может отвергать их методы, но ему было бы трудно абсолютно отвергнуть их цели и тем самым признать, что, служа им, он служит нелегитимной власти.

Однако мы вправе придать этому примеру более широкое значение. Д. Белл, несомненно, был абсолютно прав, когда говорил о развитии «четвертичного сектора», т.е. сектора социально-экономической деятельности, регулирующего отношения между социальными агентами. К этому сектору относятся социальные службы, а также профсоюзы и, наконец, группы, отстаивающие те или иные интересы, защищающие конкретные категории населения. Итак, четвертичный сектор предоставляет *возможность* отдельным лицам (во всяком случае, тем, кто этого желает) направить свои усилия на поддержку обиженных и отвергнутых социальной системой или тех, кто на себе испытал «несправедливость». Эта деятельность является легитимной и может поддерживаться, даже напрямую финансироваться существующей «системой».

Словом, можно без труда привести примеры и аргументы, обосновывающие противоположный приведенному нами «структурный» закон, согласно которому структурные характеристики А, В и т.д. могут привести к созданию класса интеллигенции, не только не являющегося оппозиционным «системе» (F), но, напротив, интегрированного в ее механизм (F'), несмотря на присущую этому классу чувствительность к социальной несправедливости, порождаемой системой. И действительно, такой альтернативный закон был предложен⁶. Развернулась дискуссия с целью, установить

⁶ Waxman C. (ed.). The End of Ideology Debate. N.Y., Simon et Schuster, 1968.

истинность одного из двух законов. Разумеется, истинным нельзя признать ни тот, ни другой. Каждый из них является истинным при определенных обстоятельствах. В зависимости от рассматриваемого случая структурные элементы А, В и т.д. создают ситуации, в которых потенциальные оппозиционеры могут либо интегрироваться в систему, либо быть отторгнутыми ею. И совершенно невыполнимой задачей была бы попытка алгебраического суммирования этих противоположных по своей направленности результатов.

Впрочем, необходимо отметить, что не одни лишь «структурные» элементы заслуживают того, чтобы их принимали в расчет. В ином случае, при равенстве всех прочих условий, многое будет зависеть, например, от того, пополнят ли потенциальные оппозиционеры ряды профсоюзов революционной ориентации или войдут в профсоюз реформистской направленности. *Идентичные* структурные элементы будут иметь *различные* последствия в зависимости от существующей системы профсоюзов. В первом случае процесс рекрутирования может вовсе не ограничиться одними лишь речами, восхваляющими идею разрыва с существующей системой.

В полном противоречии с одной из основных претензий социологии познания стала широко распространяться (что довольно опасно) склонность искать причины появления идеологических феноменов в структурных переменных. Структурные элементы могут по-разному и даже противоречиво влиять на ситуацию, в которой оказывается интеллигенция, так что в одних случаях $F = MmS(A, B, \dots, M)$, а в других $F' = MmS(A, B, \dots, M')$. При этом у нас нет никакой возможности определить а priori, к какому из этих двух вариантов будет склоняться конечный результат. В ситуации подобного рода высока вероятность развертывания дискуссии, в ходе которой будут выдвинуты два конкурирующих и противоположных друг другу структурных закона (что действительно и произошло в рассматриваемом нами случае). Но эти законы будут выражать не столько реальность, сколько чувства и ощущения тех, кто их выдвигает. Истина заключается в том, что даже «структурные» факторы способны порождать разные ситуации, побуждающие акторов из класса интеллигенции занимать столь же разные позиции, вследствие чего *ни один* из двух конкурирующих законов не будет истинным.

Другой способ выразить эту же идею — признать то, что в крайне редких случаях сами по себе «структурные» элементы несут детерминирующую функцию. Их действие всегда связано с действием либо институциональных, либо случайных элементов. Результат действия институциональных факторов (например, развитие институтов, относящихся, по терминологии Белла, к «четвертично-

му сектору») вполне представлен в описанной выше дискуссии. Что же касается результатов действия элементов случайного порядка, то пример подобного рода привести нетрудно.

В начале века Зомбарт предложил свое объяснение причин отсутствия социализма в США. Имевшиеся возможности мобильности, вера в ценности индивидуальных поисков выхода из собственных трудностей, которую «усиливала» мобильность, являвшаяся следствием «пограничного характера» страны, — все эти факторы обусловили слабую приверженность американцев к идеологиям легитимизации стратегий коллективного протеста. Но в предшествовавшие Второй мировой войне годы социалистические идеологии достаточно прочно укрепились и в США⁷. Американская коммунистическая партия располагала влиянием и значимостью. Интеллигенция заявляла о своей приверженности марксизму. Причем это касалось не только той части интеллигенции, в обязанности которой входили наблюдение, оценка и, в случае необходимости, обсуждение проблем функционирования социальных институтов и, даже шире, — всей социальной, экономической и политической системы, но также художников, писателей, деятелей кинематографии, артистов и т.п. Что касается профсоюзного движения, то оно пребывало в нерешительности. Одна его часть считала, что профсоюзы должны быть вне политики и ориентироваться исключительно на защиту прав своих потенциальных членов. По мнению других, если профсоюзное движение хочет расширить свои ряды, оно должно искать возможности установить связь с левым движением и даже подчеркивать эту связь.

То, что эти факты «опровергали» сделанные ранее выводы Зомбарта, объясняется достаточно просто. «Новый курс» (New Deal) узаконил понятие социальной политики, и с тех пор декларирование «ответственности» государства в области социальной защиты индивида и обеспечение этих деклараций стало «нормальным» явлением. Речь теперь идет не только о защите жизни и собственности гражданина, но и о том, чтобы в случае, если наличный уровень благосостояния является «социально» недостаточным, обеспечить его повышение. Что касается американской коммунистической партии, то, хотя она упорно заявляла о своей приверженности марксизму (этой достаточно чуждой американцам доктрине), тем не менее ей вполне удалось создать впечатление, что она ориентируется на не dogматический и не четко фиксированный вариант доктрины, который по сути ограничивался теперь несколькими общими направлениями, полностью совместимыми с

⁷ Bell D. The End of Ideology. Glencoe, The Free Press, 1960. ed. Rev. 1965.

принципами «Нового курса». В то же время как значительно уступавшая по численности традиционным партиям и не включенная непосредственно в политическую игру коммунистическая партия вынуждена была значительно меньше заботиться о поиске компромиссов. Вследствие этого она все больше приобретала образ бдительного стража принципов и неусыпного борца за то великое дело, которое две крупнейшие партии якобы если не предали, то и не защищали с должной решительностью. С присущим ей прагматизмом американская коммунистическая партия была готова поддерживать любое дело, если оно, хотя бы по видимости, основывалось на принципах социальной справедливости.

Таким образом, в 30–40-х годах набор факторов привел к тому, что марксизм стал и точкой опоры, и точкой отсчета как для той многочисленной группы людей, чьей профессиональной обязанностью было наблюдение и оценка наличного состояния общества, так и для тех, кто был способен рассматривать «социальный вопрос» в качестве источника артистического и литературного вдохновения.

Но к 1945 г. американская интеллигенция отвернулась от марксизма. Утверждение Зомбарта вновь и до середины 60-х годов обрело былую истинность: в США снова исчез социализм, во всяком случае, внимание американской интеллигенции к марксизму значительно снизилось по сравнению с предвоенным периодом. Причина, между прочим, заключалась и в том, что американская коммунистическая партия имела тесную связь с Москвой и в свое время поддержала советско-германский пакт. Последнее стоило ей немедленной утраты влияния. Более того, с этого времени уже не социальные вопросы, а проблемы международной политики начали определять политическую жизнь, именно они стали предметом расхождений и конфликтов. С другой стороны, будучи дискредитированной, коммунистическая партия лишилась поддержки профсоюзов. Вновь усилились позиции тех, кто выступал за деполитизацию профсоюзного движения. Тяжелые времена прошли, и опасность слишком тесной связи с такой организацией, как американская коммунистическая партия, была столь четко осознана руководящими органами профсоюзов, что это послужило причиной установления подчеркнуто выраженной дистанции между марксистской партией и профсоюзным движением. В конце концов, конъюнктура сменилась на полностью противоположную той, которая имела место в 30-х годах. Темы социальной справедливости лишились своего приоритетного характера; социалистические доктрины в целом утратили свою привлекательность в глазах интеллигенции. Это особенно касалось марксизма, который не только ут-

ратил свое прежнее влияние, но и начал восприниматься как нечто подозрительное: ни один из влиятельных социальных институтов больше не проявлял к нему интереса. Американская компартия потерпела полное фиаско — ее покинули многие прежние сторонники, отвергло профсоюзное движение, заявившее о своей деполитизации и не желавшее иметь дело с коммунистами. В этих условиях интеллигент, который заявил бы о своей приверженности марксизму, мог рассчитывать на положение изгоя или, по меньшей мере, на потерю всякого *влияния*, а ведь в самой роли интеллигента заложено стремление к расширению собственного влияния. Конечно, он может менять способ и манеру реализации своего влияния, может стремиться к нескольким разным целям. Он, несомненно, может пренебречь престижем, почетом и деньгами. Но если он не отрекается от своей роли, то он не сможет отказаться от стремления к расширению своего влияния.

В тот же период, т.е. сразу после окончания войны, *ситуация*, в которой находился французский интеллигент, была совершенно иной. Идеологии правого движения были надолго дискредитированы⁸. Коммунистическая партия сыграла большую роль в движении Сопротивления, вследствие чего получила кредит доверия и легитимность. Значительная часть профсоюзного движения была ориентирована на марксизм и не скрывала своих связей с ФКП. Другая крупная партия левого направления, Французская объединенная социалистическая партия (ФОСП), сыгравшая значительную роль в политической жизни III Республики*, плохо перенесла кризисные предвоенные годы⁹. В тот период сторонники Поля Фора и Леона Блюма боролись друг с другом, выдвигая противоположные оценки и суждения по поводу основных моментов движения. Некоторым сторонникам Поля Фора была близка идея национал-социализма о необходимости раздавить большевизм, однако большинство все-таки были пацифистами и приветствовали мюнхенское соглашение. С другой стороны, будучи плохо знакомыми с ленинскими идеями организации работы в условиях подполья, социалисты в годы войны не смогли трансформировать свои структуры мирного времени в подпольные организации Сопротивления. Вследствие такого сочетания факторов тогда, когда американский интеллигент утратил свою *убежденность* в том, что отправную точку

⁸ Bourricaud F. Le bricolage idéologique. Op. cit.

* 1871—1899 гг. — *Прим. nepes.*

⁹ Sadoun M. Les facteurs de la conversion au socialisme collaborateur/Revue Française de Science Politique. XXVIII. 3. 1978. P. 459—487; Les socialistes sous l'occupation. Paris, Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1982.

можно найти в марксизме, французский интеллигент был *вынужден* искать ее именно в нем.

Догматическая сущность ФКП (известно, что в те времена значительно строже, чем сегодня, соблюдалось правило абсолютного принятия новичком всех догм) достаточно наглядно объясняет, почему членство в ФКП в тот период, по свидетельству современников, воспринималось не иначе, как обращение в веру. Но ни степень убежденности, ни «внутренний» характер самого акта вступления в партию ни в коей мере не свидетельствуют об отсутствии у новообращенных способности оценивать ситуацию. Французский интеллигент 50-х годов, подобно своему американскому собрату эпохи 30-х, имел все *основания*, несмотря на различие причин, сформировавших такое отношение, считать марксизм «бескрайним горизонтом», а свою приверженность догмам воспринимать как следствие внутреннего акта веры.

Уточним, что данный анализ вовсе не ставит целью выдвинуть какую-либо утилитаристскую теорию формирования политических убеждений. Концепция подобного рода была бы столь же необоснованной, как и противоположная точка зрения, рассматривающая политические взгляды индивида как результат «ангажированности», причины которой неизвестны. То, что «ангажированность» с субъективной точки зрения может выглядеть как озарение или обращение, вовсе не означает, как следует из нашего примера, что она была лишена рациональных оснований. Так, наиболее часто встречавшийся вариант *выбора* американских интеллигентов 30-х или 50-х годов, равно как и французских интеллигентов 50-х годов, мы сможем *понять* лишь при учете характеристик ситуаций, в которых находились те и другие. Эти характеристики ситуаций, сами являющиеся следствием действия макроскопических факторов, определяют параметры, задающие поле действий индивида. Разумеется, эти параметры определяют не поведение самого индивида, а лишь мотивации и причины его *действий*.

Однако основной урок, который можно извлечь на основе приведенных примеров относительно интересующего нас в данной главе вопроса, заключается в том, что параметры, характеризующие структуру ситуации, в которой действуют акторы, в определенных случаях могут в значительно большей степени определяться *институциональными* или *случайными* элементами, нежели *структурными*.

Оба обстоятельства, т.е. возможность смешения случайных и структурных элементов, а также то, что структурные элементы могут иметь следствием локально меняющееся воздействие на структуру ситуации акторов, требуют взвешенного и осторожного под-

хода к структурным законам, которые в эксплицитной или имплицитной форме, под этим именем или под каким-либо другим (а то и вообще анонимно) постоянно выдвигают социальные науки, считая это своим долгом.

Причины структурного порядка далеко не всегда обладают приписываемой им *действительностью*, и их следствия отнюдь не всегда имеют тот знак, который им приписывается. Более того, эти следствия большей частью не обладают ожидавшимся *уровнем когерентности*.

Когерентность структур перед лицом изменений

Понятие структуры и понятие структурного закона с настоятельностью требуют когерентности составляющих систему элементов А, В, С, ..., N. Если А, В, С, ..., N или А', В', С', ..., N' являются типичными, вероятностными структурами, то все прочие должны рассматриваться как нетипичные, отклоняющиеся или переходные. Такова имплицитная концепция всех классических типологий, будь то деление обществ на *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, на современное и традиционное, на народное и урбанизированное и т.д. Вследствие этого если изменение затрагивает один из элементов, то должна иметь место тенденция влияния его и на все остальные.

Совсем нетрудно умножить число примеров, показывающих надуманный характер данной концепции. Изменение типа $A \rightarrow A'$ скажется на В, а тем более на всей сумме элементов В, С, ..., N только в том случае, если данное изменение повлияет на поле действий индивидов таким образом, что вынудит их избирать тот стиль поведения, следствием которого явится большая вероятность наступления В', С', ..., N', нежели В, С, ..., N. Естественно, возникновение подобного эффекта вовсе не является следствием трансцендентной необходимости, это зависит от характеристик той системы взаимозависимости, в рамках которой действуют акторы. В соответствии с природой этих характеристик А вызывает или не вызывает изменение на уровне либо отдельных элементов комплекса В, С, ..., N, либо всего комплекса в целом. Эту особенность мы проиллюстрируем на следующем примере.

Накануне Второй мировой войны индийское правительство разработало широкомасштабную программу ирригации. С. Элстейн посвятила свою замечательную работу¹⁰ последствиям экзогенного изменения на примере Вангалы и Далены — двух деревушек штата

¹⁰ Epstein Op. cit.

Мисор, расположенных неподалеку от города Бангалор. Ситуация сложилась таким образом, что расширение ирригации непосредственно сказалось на благосостоянии жителей Вангалы. Для жителей же деревни Далена, чьи земли в большинстве своем располагались значительно выше того уровня, на котором предполагалось проводить ирригационные работы, правительственная программа не представляла особого интереса. Выбор данных деревень при всей своей простоте дал отличный «план наблюдения»: предполагалось одновременно определить как непосредственные последствия экзогенного изменения в деревнях, где ирригационные работы проводились, так и его опосредованные последствия в тех, где такие работы не могли быть проведены.

В исследованиях, затрагивающих вопрос последствий экзогенных изменений в традиционных обществах, часто встречаются два типа доказательств, или моделей. Иногда эти исследования претендуют на подтверждение какой-либо модели воспроизводства. В своей работе «Культурные формы и технологические изменения» («Cultural Patterns and Technological Change») Маргарет Мид¹¹ создала вневременной, застывший образ индийской деревни: традиции в ней укоренились настолько глубоко и настолько тесно переплелись друг с другом, что сделали деревенскую структуру недоступной какому-либо изменению. Впрочем, М. Мид всего лишь вернулась к недвусмысленно сформулированной Марксом мысли об азиатской деревне, управляемой неумолимым законом экзогенного воспроизводства. Этот же подход характерен (хотя он разрабатывался в рамках иной терминологии) для многих исследователей, особенно для Хозелитца¹². Другой моделью является модель изменения по принципу снежного кома, или принципу цепной реакции (соответственно — модель цепной реакции, т.е. кумулятивная модель): с того момента, как какое-либо изменение экзогенного характера в чистом виде не отвергается, но и не воспринимается традиционным обществом, однако затрагивает его отдельные элементы, оно начинает постепенно влиять и на его остальные элементы. Модель воспроизводства, как и модель трансформаций, обозначаемая термином «цепная реакция», как бы на первый взгляд они не противоречили друг другу, тем не менее основываются на одном общем постулате, а именно на убежденности в существовании связи между составляющими «структуру» традиционного общества элементами, т.е. на уверенности в наличии их тесной взаимосвязи.

¹¹ Mead M. Cultural Patterns and Technological Change. Paris, Unesco, 1953.

¹² Hoselitz B. F., Moore W.E. Industrialisation et Société. Paris/La Haye. Mouton, 1963.

Исследование Эпстейн представляет огромный интерес: на примере *азиатских* деревень оно показывает, что, с одной стороны, обе модели могут быть ложными и упрощать ситуацию, а с другой — что последствия конкретного изменения могут быть весьма многообразны (в деревнях, напрямую затронутых ирригацией, и в тех, которые этот процесс затронул лишь косвенно, они различны). Кроме того, оно свидетельствует о том, что изменение не может воздействовать с равной интенсивностью и однонаправленно на все элементы структуры. Наконец, исследование наглядно демонстрирует тот факт, что последствия изменений невозможно понять и определить иначе, как с помощью анализа экзогенного влияния на *ситуацию* акторов.

Суммируя выводы проделанного Эпстейн анализа, можно отметить, что в Вангале (деревне, на землях которой была проведена ирригация) экзогенное изменение $A \rightarrow A'$ имело, по крайней мере в области наблюдаемых социальных процессов и явлений, разносторонние и, во всяком случае, *некогерентные* последствия. В одних случаях экзогенное изменение меняло порядок вещей (передадим этот процесс символами $X \rightarrow X'$), в других — подтверждало его (в символическом виде $Y \rightarrow Y'$).

С самого начала деревня, находившаяся под экзогенным воздействием, перешла от экономики натурального обмена к товарной экономике ($B \rightarrow B'$). Вслед за этим взаимоотношения между отцами и сыновьями стали весьма отчетливо меняться в направлении, предсказанном теоретиками модернизации, т.е. в сторону все большей независимости вторых от первых ($C \rightarrow C'$). Что касается взаимоотношений мужчин и женщин, то они изменились в благоприятную для женщин сторону. Вследствие произошедших изменений возросла их роль в разделении труда, что существенно повысило их автономию ($D \rightarrow D'$). Однако изменение *усилило* социальные стратификации и социальные иерархии внутри каст ($E \rightarrow E$): прежние иерархии оказались скорее *подтвержденными*, нежели *подорванными*. Кроме того, произошло усиление иерархий и отношений подчинения между крестьянами и неприкасаемыми ($F \rightarrow F$). Традиционализм неприкасаемых, их солидарность и присущее им ощущение принадлежности к деревенской общине стали гораздо более выраженными, чем прежде ($G \rightarrow G$). Уровень жизни возрос ($H \rightarrow H'$), но модернизация имела следствием скорее упадок, нежели развитие активности в несельскохозяйственной сфере ($I \rightarrow I$). Несмотря на переход к товарной экономике, связи с внешним миром остались слабо выраженными ($J \rightarrow J$); можно даже сказать, что деревня предпочла замкнуться в себе.

Короче говоря, следствием произошедшего изменения экзогенного характера была трансформация «структуры» ABCDEFGHIJ в структуру A'B'C'D'EFGH'IJ: ни общего процесса воспроизводства (по отношению ко всем элементам структуры), ни общего процесса трансформации (по отношению ко всем элементам структуры) не произошло. Несмотря на «взаимозависимость» элементов, одни из них претерпели изменения, другие же были подтверждены и усилились.

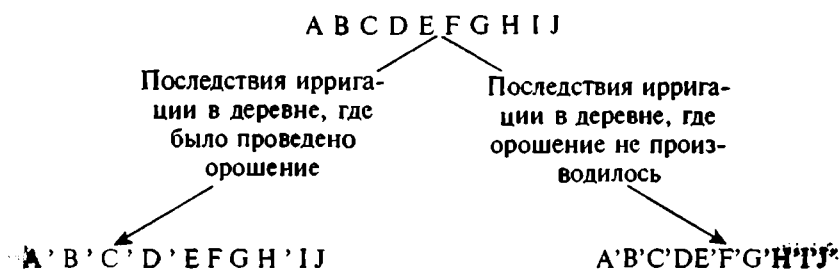
В Далене, «засушливом» поселке, экзогенное изменение ($A \rightarrow A'$) также вызвало весьма значительные последствия, несмотря на то, что в силу его месторасположения ирригация непосредственно его не коснулась. В нем, как и в Вангале, хотя по другим причинам и под воздействием иных механизмов, начался процесс перехода от системы натурального хозяйства к товарной экономике ($B \rightarrow B'$). Взаимоотношения между поколениями изменились в сторону большей автономии ($C \rightarrow C'$), а вот разделение ролей по признаку пола, напротив, не подверглось изменениям ($D \rightarrow D$): женщина продолжает оставаться в подчиненном положении и располагает малой автономией. Социальная иерархия внутри касты крестьян изменилась: некоторые приобрели относительно более высокий статус, у других он несколько снизился по сравнению с ситуацией, предшествовавшей процессу ирригации ($E \rightarrow E'$). Отношения клиентелизма между кастой крестьян и кастой неприкасаемых угасают ($F \rightarrow F'$). Присущий касте неприкасаемых дух общности подорван, и между членами касты устанавливаются ярко выраженные отношения конкуренции ($G \rightarrow G'$). Уровень жизни продолжает повышаться ($H \rightarrow H'$), и параллельно с традиционными занятиями сельскохозяйственным трудом развиваются новые виды активности ($I \rightarrow I'$). Переход к товарной экономике сопровождается заметным усилением связей с окружающим миром ($J \rightarrow J'$). Структура ABCDEFGHIJ трансформировалась в структуру A'B'C'D'E'F'G'H'I'J'

Именно к ситуации деревни, *непосредственно не затронутой* процессом ирригации, наиболее применима модель цепной реакции, хотя по отношению к одному элементу, а именно разделению ролей по признаку пола, изменение имело скорее укрепляющий, нежели «модернизирующий» эффект.

Отметим попутно, что из соображений экономии места в этом пересказе мы не сможем рассмотреть некоторые элементы, о которых проведенное Скарлетт Эпстейн исследование предоставляет ценную информацию, например отношения к религиозным ценностям. Укажем лишь, что и в этом случае последствия изменения имеют комплексный характер и, в зависимости от ситуации, со-

проводятся либо усилением культа местных божеств, либо появлением конкуренции между общенациональными и местными божествами.

Визуально представить итоги анализа нам поможет следующая схема:

Если считать, что основная задача социально-экономического анализа изменения заключается в выявлении эмпирических закономерностей, принимающих, к примеру, форму структурных или причинно-следственных законов, то выводы С. Эпстейн необходимо признать обескураживающими: более четко выраженный характер последствия ирригации имели в деревне, где орошение не проводилось; не будучи конвергентными, они весьма различаются по знаку, направленности и интенсивности. Комплексный характер последствий в равной мере сильно дискредитирует как репродуктивную модель «деревни, не подверженной действию времени и изменений», так и кумулятивную модель (цепной реакции). Здесь мы затрагиваем эпистемологическую проблему, являющуюся стержневой для данной книги: должен ли столкнувшийся с социальным изменением социолог (или экономист) пытаться предложить *нормативные* утверждения, т.е. стремиться обнаружить эмпирические закономерности? Или, напротив, наблюдая, как система, характеризующаяся в момент времени t структурой $A, B, C, \dots, N$, трансформируется в момент времени $t + 1$ в иную структуру, скажем, $A', B', C, \dots, N$, он должен задаться целью объяснить, *почему* это происходит? Объяснить в данном случае означает следующее: показать, каким способом некое изменение (например, $A \rightarrow A'$) преобразует ситуацию акторов так, что они вынуждены принять новые образцы поведения, и как из агрегирования этого поведения будет складываться новая структура $A', B', C, \dots, N$.

Во всяком случае, именно эту задачу и реализовала в своем исследовании С. Эпстейн. Не пытаясь, естественно, воспроизвес-

ти ее анализ во всех подробностях, ограничусь тем, что приведу его основные элементы.

Ирригация позволяет перейти к возделыванию новых сельскохозяйственных культур, в частности сахарного тростника, который значительно рентабельнее, чем традиционные культуры. Но такой переход требует капиталовложений — затрат на выравнивание участка, использование удобрений и т.п. На неорошаемых землях деревянная соха, которую тащат два полуживых быка, может лишь перевернуть или просто поцарапать почву; здесь достаточно побольше внести в землю навоза. На орошаемых землях не обойтись без металлического плуга, и, для того чтобы повысить их плодородие, требуется большее количество навоза. Инвестиции, необходимые для возделывания культуры сахарного тростника, производятся за счет займов, предоставляемых крестьянам как сахарным заводом, скупающим произведенную крестьянами продукцию, так и их более обеспеченными соседями. Финансовая зависимость крестьянина усиливается, но одновременно возрастает и уровень его жизни ($B \rightarrow B'$).

С другой стороны, сахарный тростник и рис требуют постоянного ухода. В результате крестьянин должен трудиться круглый год. Те же культуры, которые крестьяне традиционно выращивали на засушливых землях до ирригации, напротив, оставляли им свободный период с февраля по апрель. Прежде это время посвящалось другим занятиям, которые требовали от крестьянина поездок в соседнюю деревню или город. Отныне же он полностью поглощен сельскохозяйственным трудом и круг его социальных связей и контактов сужается ($J \rightarrow J$).

Благодаря косвенному воздействию, причем не только процесса ирригации, но и ряда других, параллельно проводимых администрацией штата мер, меняются отношения между поколениями ($C \rightarrow C'$). Поскольку сахарный тростник скупает завод, в управлении которым принимает участие администрация штата, то последняя в силу своей *роли* озабочена двойной проблемой: как избежать перепроизводства и как установить равные отношения со всеми крестьянами. Поэтому она вынуждена ввести душевые квоты покупки. Тем самым она побуждает крестьянина, который получает доход от продажи сахарного тростника больше, чем от продажи других культур, при любой возможности уступать часть своих земель наследникам. До проведения ирригации наследование осуществлялось без каких-либо узаконенных процедур, а уже после оно стало оформляться официально. Официальное же вступление в права теперь, наоборот, предшествует наследованию. Семейный способ ведения хозяйства, центральной фигурой ко-

торого является глава семьи, постепенно заменяется таким способом хозяйствования, который можно назвать федеративным. Это значит, что сыновья, обладая официальной поддержкой, могут утвердить собственную автономию по отношению к отцу.

Что же касается роли женщин ($D \rightarrow D'$), то ее значимость повышается. Следствием роста доходов является накопление излишков, которые и инвестируются в производство молочной продукции. Традиционно организацию этого производства и торговлю готовой продукцией осуществляют женщины. В деревне никто не ошибется в оценке уровня доходов, так как стоимость нарядов, одеваемых крестьянками в праздничные или ярмарочные дни, всегда служила способом измерения получаемой хозяйством прибыли.

Однако излишек доходов употребляется, как мы уже отметили, и на помощь тем, кто не в состоянии из собственного кармана профинансировать затраты на удобрения и необходимые материалы. В результате существующее неравенство в уровне доходов, престиже и статусе усиливается за счет возникающей финансовой зависимости. Но экономическая экспансия имеет следствием не только повышение задолженности, она вызывает и рост уровня потребления. Действуя одновременно, оба этих фактора подчеркивают сложившиеся иерархии. Богатые становятся не просто более богатыми, они выставляют свое богатство напоказ и особо подчеркивают. Впрочем, для того чтобы какой-либо крестьянин заинтересовался покупкой нового участка земли, необходимо сначала, чтобы уровень излишков, которыми он располагает, достиг определенного уровня. Ведь крестьянину совершенно не имело бы смысла приобретать новый участок при отсутствии достаточных средств на покупку также орудий труда, в частности рабочего скота, необходимого для его обработки. В итоге только самые богатые крестьяне могут позволить себе расширение участков. В целом, существующие различия между социальными классами стремятся к упрочению, а в рамках касты крестьян они определенно усиливаются ($E \rightarrow E$).

Развитие сельского хозяйства влечет за собой расширение потребности в рабочей силе. Культуры риса и сахарного тростника требуют большого количества живого труда, они относятся к категории *трудоемких*. Ход работ обеспечивается трудом членов данного хозяйства, а также за счет помощи в рамках взаимопомощи работников других хозяйств, равно как и использования труда поденщиков. Кроме того, заключаемые членами касты неприкасаемых договоры о займах у крестьянских семей впоследствии нередко оплачиваются работой. Взамен за совершаемую у крестьянина работу, неприкасаемый может рассчитывать на его помощь в

случае, если он окажется не в состоянии сводить концы с концами, когда смерть, свадьба или собственная болезнь потребуют дополнительных расходов. Отношения клиента и патрона между крестьянином и неприкасаемым представляют собой, таким образом, что-то вроде передаваемого из поколения в поколение контракта, которым предусматривается сложная система обмена услугами. Два обстоятельства — повышение спроса на рабочую силу со стороны крестьян и то, что неприкасаемые не располагают ресурсами, достаточными для перехода на возделывание более рентабельных культур, — усиливают существующие отношения клиентелизма. Поскольку экономический бум мало облагодетельствовал неприкасаемых, они не имеют возможности вести хозяйство самостоятельно и не испытывают желания перебраться на новое место жительства ($F \rightarrow F$). Представители касты неприкасаемых ни в коем случае не вступают в отношения конкуренции друг с другом, поскольку сами отношения патронажа обязывают их хозяев предоставлять им работу, поэтому им свойственны прочные узы духовной общности, которые последствия ирригации скорее усилили, нежели ослабили ($G \rightarrow G$).

Несмотря на экономический бум, Вангала сохраняет верность своему традиционному виду занятий — сельскохозяйственному производству ($I \rightarrow I$). Культуры риса и сахарного тростника относятся к числу столь трудоемких, что их возделывание не оставляет крестьянину возможностей для других занятий. У него нет времени для поездок в город. Его отношения с внешним миром не укрепляются, напротив, крестьянин отдаляется от него ($J \rightarrow J$). На рынок ходят теперь только женщины. Следствием экономического бума является и то, что крестьянин уже не может сам доставлять произведенную им продукцию. Он может поручить эту работу транспортникам, среди которых с большой вероятностью могут оказаться выходцы из «засушливых» деревень вроде Далены.

В Далене, как и в Вангале, уровень жизни растет. В ней также осуществляется переход от экономики натурального хозяйства к экономике товарного производства ($B \rightarrow B'$), но совсем на других основаниях. Возделывание засухоустойчивых культур, которое и до начала ирригационных работ, и после их завершения представляло собой единственный вид работ, а именно *сельскохозяйственные работы*, отныне дополняется занятостью в промышленности и в сфере обслуживания. Возделываемые на засушливых землях культуры оставляют крестьянам длительный период, когда не нужно вести никаких работ на полях и плантациях, и вследствие этого создают ситуацию хронической частичной занятости. Таким образом, Далена располагает избытком рабочей силы, готовой *при пер-*

вом удобном месте искать себе применение. Такой случай предоставляет людям в первую очередь наличие рабочих мест на заводе, перерабатывающем сахарный тростник, или финансируемая правительством работа на строительстве дорог и мостов. Эти работы обеспечивают занятость не только рабочих, они предоставляют возможности и тем, кто чувствует себя способным к организации общественных работ. Наконец, те деревни, в которых, как в Вангале, непосредственно сказывается влияние последствий орошения, теряют на использовании рабочей силы вне этих деревень ту часть прибыли, которая до осуществления ирригации экономилась в их хозяйствах. У крестьян этих деревень нет больше времени не только на то, чтобы самим доставлять произведенную продукцию на заводы, но и на то, чтобы чинить орудия труда или молотить зерно. Более выгодным для них становится использование за счет доходов, получаемых от возделывания риса и сахарного тростника, услуг со стороны предпринимателей Далены. Ирригация обуславливает также бум на рынке рабочего скота. Ориентируясь на повышение спроса, Далена становится центром барышничества. Крестьяне Вангалы приходят сюда, чтобы приобрести быков, которых предприниматели Далены закупили в отдаленных районах штата.

Повышение уровня жизни, переориентация жителей Далены на занятость вне сферы сельскохозяйственного производства, в управлении и обслуживании косвенно влияют и на семейные отношения. В Далене, как и в Вангале, хотя и по совсем другим причинам, сходит на нет семья патриархального типа. Здесь самостоятельность подрастающего поколения усиливается за счет того, что молодежь в большинстве своем посещает школу ($C \rightarrow C'$). Что касается роли женщин, то, напротив, произошедшие изменения не оказали на нее никакого влияния. Это объясняется тем, что культуры засушливой зоны требуют намного большего приложения именно женского труда, чем культуры, возделываемые на орошаемых землях. В то время как многие мужчины становятся рабочими или предпринимателями, женщины остаются привязанными — и теперь сильнее, чем прежде — к земле ($D \rightarrow D$).

Развитие малых предприятий сферы обслуживания, организаций, ведающих общественными работами, создает почву для конкуренции и тем самым способствует распространению норм индивидуалистической этики. В то время как в Вангале продолжают сохраняться традиционные символы социального различия (специфическая женская одежда), в Далене большой популярностью пользуются городские символы (наличие цветных литографий, часов, велосипедов и т.д.). Система стратификации смещена, и не

только появлением новых статусных символов, но и тем, что развитие промышленных предприятий и предприятий сферы обслуживания имеет своим следствием формирование деловой буржуазии ($E \rightarrow E'$).

Взаимоотношения крестьян и неприкасаемых постепенно лишаются присущего им смысла. Действительно, поскольку засушливые земли требуют меньшего приложения рабочих рук, неприкасаемые пытаются устроиться на организуемые администрацией штата стройки. Не имея возможности обеспечить полную занятость неприкасаемых, крестьяне не препятствуют их уходу. В том случае, если крестьянин становится предпринимателем и набирает среди неприкасаемых рабочую силу, вероятный риск неудачи, от которой он не застрахован, заставляет его отбирать рабочих, исходя из критериев эффективности, а не отношений клиентелизма. Таким образом, традиционная система стратификации постепенно меняется ($F \rightarrow F'$). В этой ситуации неприкасаемые конкурируют друг с другом ($G \rightarrow G'$). В результате утрачивают силу узы присущей им духовной общности. Когда появляется необходимость привлечь их к исполнению традиционных ритуальных услуг, они симулируют болезнь — случай, практически немыслимый в Вангале.

Разумеется, для Далены также характерно повышение уровня жизни за счет развития вторичной и третичной занятости ($I \rightarrow I'$), которые делают более интенсивными связи деревни с окружающим миром ($J \rightarrow J'$).

Исследование Эпстейн содержит важные выводы и позволяет подвергнуть сомнению целый ряд предположений, выдвинутых теориями изменения. Две деревушки, Вангала и Далена, явно представляют собой пример двух социальных систем, элементы которых в значительной мере связаны между собой. Несмотря на это, последствия проведенных ирригационных работ не только не выявили предсказываемой теориями изменения когерентности, но, напротив, доказали ее отсутствие, т.е. то, что можно обозначить как «отсутствие структурных закономерностей». Разумеется, эта некогерентность относительна. Я хочу сказать, что она относительна для одного ожидания, или, точнее, для определенной гипотезы, а именно той, которая исходит из «классического» разделения на *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, на традиционное и современное общества. В соответствии с этой гипотезой мы можем наблюдать лишь структуры А, В, С, N или А', В' С', N'; все же остальные комбинации признаются переходными между этими двумя. Может быть, говоря об этом различии, мы имеем дело всего лишь с *устоявшимися идеями*. Во всяком случае, если пути изменения не имеют *закономерного* характера, это еще не значит, что они непозна-

ваемы. Анализ Эпштейн, поскольку он опускается на микроуровень и поскольку для него присуще нечто, обозначенное мной во второй главе как веберовская парадигма, убеждает нас в том, что полностью необъяснимыми были бы случаи наблюдения и трансформации типа $A, B, C, \dots, N \rightarrow A, B, C, \dots, N$ (трансформация в сторону идентичности или воспроизводство) и типа $A, B, C, \dots, N \rightarrow A', B', C', \dots, N'$ (полная трансформация), несмотря на то значение, которое теории изменения приписывают указанным двум типам процессов.

Если эти два простых типа трансформаций не проявились в рассмотренном случае социальной системы Вангала—Далена, для которой характерна тесная взаимосвязь элементов, то спрашивается, каким образом они могут проявиться в более широких системах с менее выраженной взаимосвязью элементов. Несомненно, ситуация в Далене, в отличие от ситуации в Вангале, значительно лучше вписывается в рамки «теорий социального изменения», и модель полной трансформации хорошо подходит к данному случаю. Но нужно отметить, что характерная для Далены модернизация и сопротивляющийся изменениям традиционализм Вангалы суть два взаимодополняющих аспекта единого процесса.

В общем, исследование Эпштейн позволяет яснее представить *идеальный* характер (в том смысле, который придавал этому прилагательному Вебер), присущий типологическим различиям, которые бесконечно, в самых разных формах появлялись и появляются до сих пор в социальных науках. Достаточно даже незначительного экзогенного воздействия — осуществления ирригации, чтобы модель *Gemeinschaft*, по крайней мере некоторые ее параметры, усилилась в Вангале, в то время как поблизости, в аналогичной социальной подсистеме, а именно в Далене, установилась модель *Gesellschaft*. В первом случае усиливается *механический* характер солидарности; в другом появляется та форма солидарности, которую сторонники Дюркгейма скорее обозначили бы как *органическую*. В Вангале укрепляется модель *homo ierarchicus**, в Далене появляется модель *homo aequalis*** Здесь налицо доминирование традиции, там — возникают символы современности. Противоречия реалистическим интерпретациям этих типологий, которые пытаются свести частные социальные системы к общим понятиям (например, отдельные общества могут рассматриваться как приближающиеся *по своей сути* к *Gemeinschaft*, тогда как другие — к *Gesellschaft*), исследование Эпштейн концентрирует наше вни-

* Человек иерархический (лат.). — Прим. перев.

** Человек равный, равноправный (лат.). — Прим. перев.

мание на том, что эти две категории могут использоваться одновременно и описывать элементы, находящиеся в тесной взаимосвязи. Это замечание позволяет мне вкратце выразить одну мысль, к которой я более детально намерен вернуться далее, в главе 7 и эпилоге. Она заключается в следующем: свойственные теориям социального изменения метания из стороны в сторону зачастую обусловлены тем, что, несмотря на предостережения Вебера (см. его объяснение понятия *идеального типа*), они склонны давать реалистическую интерпретацию таким концептуальным категориям, которые не отражают никакой реальности.

Структурные и неструктурные элементы

Когда мы говорим о «структуре социальной системы» во втором из упомянутых выше значений, мы тем самым обозначаем элементы, которые, рассматриваемые вместе, позволяют дать объяснение интересующего нас макрофеномена. Речь может идти, к примеру, о стагнации (с определенной точки зрения) социальной системы или о ее изменении (также рассматриваемом с определенной точки зрения) в конкретный отрезок времени.

Вне всякого сомнения, в этом контексте использование понятия структуры не только абсолютно законно, но даже необходимо. Как только мы сталкиваемся с объектом комплексной природы, каковым является общество, мы, естественно, обязаны упростить этот объект. Если мы хотим, к примеру, объяснить экономическую стагнацию определенного общества, то во всем бесконечном многообразии поддающихся наблюдению фактов мы должны будем отобрать лишь те, которые, на наш взгляд, будут необходимы для объяснения причин стагнации. Этим фундаментальным или *сущностным* фактам (чертам) чаще всего и приписывается название *структура*; и наоборот, сущностными эти черты будут для нас являться в той мере, насколько они позволяют объяснить феномен стагнации (или изменения). Возвращаясь к ранее приводившемуся примеру, вспомним, что в так называемой теории порочного круга бедности, столь авторитетной в 60-х годах, предпринималась попытка объяснить постоянство бедности отсутствием способности к накоплению. Бедность, отсутствие возможностей накопления, локальный характер рынков, отсутствие возможностей инвестирования, отсутствие побудительных мотивов к инвестированию и т.д. — все это, согласно данной теории, *сущностные* или *структурные* черты в том смысле, что, будучи взятыми вместе, в качестве системообразующих, они вполне достаточны для

объяснения причин стагнации. Соответственно, многие иные черты, которые можно обнаружить в бедном обществе, могут рассматриваться как *не сущностные* или *неструктурные*.

Такое разделение социальной системы на структурные и неструктурные элементы обычно признается специфической чертой марксистской мысли. Действительно, для марксистской традиции характерен поиск идентификации фундаментальных *структур* социальной организации и одновременно определение законов их эволюции (впрочем, при этом эволюция может принимать форму воспроизводства идентичности). Так, в своей маленькой книжке, написанной в русле марксистской традиции, Ги Докуа¹³ пытается установить типологию систем производства, точнее говоря, типологию систем производственных отношений, и определить «законы» эволюции данных систем. Правда, не совсем верно ассоциировать его стиль мышления исключительно с марксистской традицией. «Программу», в рамках которой проводит свои исследования Докуа, а к ней относятся не только проблемы социально-экономического развития, разрабатываемые в том числе и учеными немарксистской ориентации, разделяет вся социология изменения. Цель, заключающаяся в определении типологии структур и установлении законов их эволюции, не связана с той или иной доктринальной традицией больше, чем с какой-либо другой.

По правде говоря, предметом дискуссии, разворачивающейся между марксистской традицией и иными типами традиций (например, культуралистской традицией), является не истинность самой программы, а та *зона реальности*, в которой должны вестись поиски *структурных* данных или переменных. Согласно утверждениям марксистской доктрины, такая зона реальности более или менее четко определена — это организация производственных отношений. В теориях немарксистской ориентации какого-либо подобного «онтологического» ограничения нет: на статус «структурных» элементов могут претендовать не только производственные отношения, но и, например, ценности, и, шире — «культурные» переменные.

Так, по теории Хозелица, характерная для традиционных обществ тесная взаимосвязь экономической, культурной и семейной сфер делает эти общества мало восприимчивыми к изменению, не важно эндогенному или экзогенному. По тому, какие данные и переменные такая теория принимает в расчет, она явно отличается от марксистских теорий, хотя и не отличается от них на уровне *парадигмы*: подобно марксистским и неомарксистским теориям,

Dhoquois G. Pour l'histoire. Paris, Anthropos, 1971., 42.

она действительно исходит из возможности выделения набора взаимосвязанных структурных элементов и объединения их одним общим законом эволюции (или, напротив, законом воспроизводства идентичности). Согласно этому закону, любое общество, располагающее подобной *структурой*, было бы неизбежно подчинено тому процессу, который, пользуясь марксистской терминологией, можно обозначить как процесс *воспроизводства*.

Если «структурная» парадигма оказалась в состоянии преодолеть доктринальные границы, то это произошло — необходимо признать данный факт — в силу ее определенной надежности и эффективности. *Объяснение* наличия макроскопического изменения (или его отсутствия) $M_t \rightarrow M_{t+k}$ есть не что иное, как представление его в виде результата системы отношений $R(A, B, \dots, N)$, связывающих сумму структурных элементов $A, B, \dots, N$. Иначе говоря, весьма важно учитывать, что правомерность репрезентации R зависит от набора условий K , каковые, как мы предварительно предполагаем, реализовались в рассматриваемой системе. Но из этого совершенно не следует, что в аналогичной форме они будут реализованы и в иных случаях подобного рода.

В результате даже в том случае, если общества характеризуются *одинаковой структурой*, из этого вовсе не следует, что в период времени между t и $t + k$ мы сможем наблюдать в них *аналогичные изменения*. Другими словами, из того факта, что модель $R(A, B, \dots, N)$ объясняет эволюцию $M_t \rightarrow M_{t+k}$ определенного общества, абсолютно не следует, что каждое обладающее подобной структурой общество должно быть подвержено аналогичной эволюции. В полном противоречии с общей для большинства теорий изменения (неважно, марксистских или немарксистских), из предположения « $M_t \rightarrow M_{t+k}$, поскольку $R(A, B, \dots, N)$ » совершенно не следует положение «если $R(A, B, \dots, N)$, то $M_t \rightarrow M_{t+k}$ ». Это все равно, что сказать, будто значительная часть теорий изменения основывается на принципе *non sequitur*, т.е. на ложном выводе из истинных посылок. Проиллюстрировать это существенное различие нам поможет конкретный пример.

Речь снова пойдет о примере, заимствованном из сферы социально-экономического развития. Мы взяли его из исследований, проведенных в Западной Бенгалии. Целью исследования было изучение причин стагнации, точнее говоря, выяснение причин того, почему, несмотря на все усилия, прилагавшиеся администрацией штата к пропаганде в крестьянской среде технических инноваций, позволявших сделать более эффективным сельскохозяйственное производство, последние упорно держались за дедовские методы работы. Такое их поведение способствовало, при явном отсутствии

какой-то фатальной неизбежности, сохранению совершенно невыгодной для всех ситуации.

Сталкиваясь с подобными фактами, исследователи обычно первым делом стремятся приписать актору такую черту, как *иррациональность*. Присущее ему почтение к традиции означает, по их мнению, что он «сопротивляется» изменениям, которые могут иметь выгодные для него последствия. Преимущество понятия «груз традиций» состоит в том, что с его помощью можно дать достаточно простое, легко запоминающееся объяснение, которое к тому же легко превратить в лозунг. Однако в лучшем случае оно звучит как тавтология, в худшем — парафраза.

Гораздо более приемлемой является неомарксистская интерпретация, предложенная Бадюри¹⁴. Она исходит из того, что акторы достаточно хорошо осознают собственный интерес, однако структура ситуации взаимозависимости, в которой они находятся, обуславливает возникновение феномена торможения. Каждый преследует собственный интерес и ради его успешной реализации использует те ресурсы, которыми он располагает. Однако, действуя подобным образом, индивид создает ситуацию, неблагоприятную для окружающих. Используя терминологию теории игр, в данном случае «решение игры» соответствует «субоптимальному» равновесию. В отличие от объяснения, строящегося с помощью понятий «сопротивление изменениям» или «груз традиций», подобное объяснение не есть ни тавтология, ни парафраза. Сопротивление инновации оно рассматривает как феномен, неожиданно появляющийся вследствие агрегирования индивидуальных поведенческих актов, которые можно исчерпывающим образом объяснить в том случае, если проанализировать структуру ситуации, в которой находятся акторы. Впрочем, необходимо проявлять осторожность, чтобы не приписать структуре системы взаимозависимости детерминирующую роль. Ведь сама по себе эта структура не может вызвать действительно наблюдаемых последствий, за исключением тех случаев, когда она сопровождается суммой «неструктурных» условий. К этому важному моменту мы еще вернемся.

¹⁴ Bhaduri A. A Study of Agricultural Backwardness under Semi-feudalism//Economic Journal. LXXXIII. 329. 1976. P. 20—137. В своей работе «Логика социального» я представил анализ этой работы, который, в силу популярного характера книги, оказался не очень детальным. Надеюсь, в этой книге мне удастся ответить на некоторые возражения, выдвинутые в свое время в наиболее примечательных статьях: Bénétou P. Logique et prégnance du social chez Boudon//Revue Tocqueville. 1980—1981. III. 1. P. 119—136; Swartz D. Classes, Educational Systems and Labor Markets//Archives européennes de sociologie. 1981. XXII. P. 325—353; Parijs P V Sociology as General Economics/Ibid; Favre P Nécessaire mais non suffisante: la sociologie des «effets pervers» de Raymon Boudon//Revue Française de Science Politique. XXX. 6. 1980. P. 1229—1270.

Предложенная Бадюри интерпретация выглядит следующим образом. Система производственных отношений в изучаемом регионе Бенгалии относится к *полуфеодальному* типу. Она не является чисто феодальной, поскольку крестьянин, возделывающий землю, которая ему не принадлежит, не привязан к собственнику фиксированными отношениями: он свободен в продаже своей рабочей силы. Но ее можно назвать полуфеодальной, так как ресурсы, которыми располагает арендатор земли, недостаточны для того, чтобы обеспечить его существование. Он вынужден влезать в долги, и единственный, кто может ссудить ему деньги, — это земельный собственник. Из-за недостаточности собственных ресурсов арендатор не может дать банку никаких гарантий, поэтому для него закрыт финансовый рынок. Коль скоро ресурсов у него недостаточно, а производительность его труда не растет, то он постоянно является должником. Не рассчитавшись окончательно с долгами, он не может уйти от своего хозяина, и получается, что он реально привязан к нему.

Представим теперь, что администрация штата пытается, как это она неоднократно делала раньше, убедить акторов в необходимости принять инновацию, требующую незначительных и, по всей видимости, дотируемых затрат. Предположим, что инновация, гарантирующая рост производительности труда арендатора, получила поддержку (что в реальности не имело места). В первый год (T_1) последствия инновации будут благоприятны для всех — и для собственников, и для арендаторов: продукции будет произведено больше, чем в прошлом году; арендаторы и собственники поделят в обычной пропорции плоды более обильного, нежели прошлогодний, урожая. К доходам, полученным от продажи своей части урожая, земельный собственник может добавить, по графе долговых расписок, деньги, полученные от его арендаторов. Инновация не увеличит эту часть его доходов, представляющую собой возмещение долгов прошлого года, т.е. до внедрения инновации. В первый год инновация представляет собой вариант «кооперативной игры»: каждый извлекает собственную выгоду из осуществленных изменений.

Но затем структура игры меняется. На второй год (T_2) урожай по-прежнему будет превосходить тот, который крестьянин получал до введения инновации (T_0). Он будет сравним с тем, который был в момент времени T_1 . Доходы арендатора, полученные за счет продажи части урожая, будут близки к уровню T_1 и будут превосходить уровень T_0 . Но его ресурсы в момент T_2 могут оказаться больше, чем в момент T_1 . Для этого необходимо лишь, чтобы в момент T_1 он не растратил всю сумму излишков, полученных за счет внедрения инновации, и оставил часть их на возвращение

какой-то суммы в счет частичного погашения накопившегося годами долга собственнику земли. Если ситуация будет складываться подобным образом, то две составные части дохода земельного собственника будут меняться так: размер выручки, получаемой от продажи принадлежащей ему части урожая, в интервале между T_0 и T_1 будет колебаться, оставаясь стабильным в интервале T_1 и T_2 . Доход, получаемый им от возмещения долгов, будет уменьшаться в результате частичного погашения их арендатором.

Таким образом, в случае внедрения инновации появилась бы вероятность того, что она затронула бы интересы обоих классов акторов и такое ее воздействие вполне могло бы иметь комплексный и прогрессирующий характер. Однако вернемся к только что рассмотренному возможному сценарию и попробуем уточнить характер *опасности*, которой инновация подвергает класс собственников.

В момент T_1 мы имеем дело с вариантом кооперативной игры, причем, говоря словами Раппопорта¹⁵, «явно стабильной» игры. Любой здравомыслящий актор принял бы ее правила. В момент T_2 она может сохранять кооперативный характер (в ней оба класса продолжают выигрывать по сравнению с моментом T_1), но теперь она становится уже «относительно стабильной» (оба класса выигрывают, но один из них выигрывает больше). Затем игра *может* принять *некооперативный характер*: действительно, вполне *возможно*, что по завершении определенного периода T_k общий объем ресурсов земельного собственника вновь станет таким, каким он был в момент T_0 , предшествовавший внедрению инновации, или даже стабилизируется на значительно более низком уровне. В таком случае через какой-то промежуток времени инновация будет выгодна только представителям класса арендаторов. Вполне вероятен и вариант, когда общий объем ресурсов земельного собственника стабилизируется на более высоком, нежели в момент T_0 , уровне и что инновация сможет оказаться выгодной представителям обоих классов. Но так или иначе (за исключением варианта, когда арендаторы предпочтут весь полученный излишек пускать на потребление), а через какой-то промежуток времени ее введение окажется *преимущественно* выгодным именно крестьянам.

Короче говоря, в самом начале являющаяся следствием внедрения инновации игра имеет кооперативный характер и обладает явно стабильным равновесием. Затем кооперативной она может быть лишь в лучшем случае и может иметь относительно стабильный характер (один из двух классов, в противовес другому, извлекает из иннова-

¹⁵ Rappoport A., Guyer M. A Taxonomy of 2x2 Games//General Systems. XI. 1966. P. 205-214.

ции относительно большой доход). Но эта игра *может* принять также *некооперативный* и даже *конфликтный* характер в случае, если в момент времени T_k земельные собственники окажутся в менее благоприятном положении, чем в момент T_0 . Скорость этой эволюции будет зависеть, с одной стороны, от того, как инновация скажется на производительности труда, с другой — от того, какова будет реакция арендатора на увеличение его ресурсов¹⁶.

Ценность такого мысленного эксперимента заключается в возможности показать, что, за исключением варианта, когда арендатор расходует на потребление весь полученный излишек, инновация устанавливает в лучшем случае кооперативную игру с относительно стабильным равновесием, выгодную прежде всего *арендатору*, а не собственнику. В худшем (с точки зрения собственника) случае начнется некооперативная игра, последствия которой будут неблагоприятными для собственника. Иначе говоря, решившийся ввести инновацию земельный собственник не может быть гарантирован от того, что через какой-то промежуток времени он понесет убытки. В этих условиях трудно ожидать с его стороны большого энтузиазма относительно внедрения инновации. Однако в рассматриваемой нами ситуации именно земельный собственник *способен* внедрить или отвергнуть ее.

Из двух классов акторов один имеет *возможность* внедрять инновацию, однако совершенно не имеет *мотивов* для этого; говоря точнее, у него есть основания опасаться, что инновация повлечет за собой нежелательные для него последствия. Представители другого класса, несомненно, имеют такую мотивацию, однако не имеют возможности принимать подобные решения.

В осуществленном Бадюри анализе можно выделить три характерных черты. Во-первых, он объясняет парадоксальный феномен, выяснение причин которого и составляет его задачу как исследователя (а именно, причин отторжения инновации, внедрение которой, по всей видимости, может иметь благоприятные последствия). При этом в бесконечном перечне элементов, которые могут характеризовать рассматриваемую социальную систему, он выделяет несколько основных. В этом смысле анализ Бадюри является калькой всех структурных теорий. Во-вторых, его теорию можно отнести к подклассу неомарксистских теорий, поскольку содержащиеся в ней *структурные* элементы заимствованы из той сферы реальности, которой марксистская доктрина приписывает некий «онтологический примат», а именно — из сферы организации «про-

¹⁶ Слабого повышения производительности и сдержанной реакции арендатора будет достаточно, чтобы игра приобрела некооперативный характер.

изводственных отношений». Наконец, эта теория содержит в себе идею закона эндогенного развития: общество, характеризующееся системой *полуфеодальных* отношений, стремится к воспроизводству собственной идентичности, поскольку «структурно» оно склонно отвергать предлагаемые ему инновации.

Действительно, необходимо самым тщательным образом разграничить те выводы, которые позволительно извлечь из данного анализа. По правде говоря, если анализ и предлагает убедительное объяснение конкретного в пространственно-временном отношении события (неприятие конкретной инновации в определенную эпоху и в определенном регионе), *то он не может содержать в себе каких-либо выводов ни относительно будущего рассматриваемой системы, ни относительно будущего структурно близких систем*, т.е. систем, характеризующихся полуфеодальной организацией производственных отношений. Это соображение основывается на том, что *структурные* элементы соответствуют лишь какой-то части подлежащей объяснению системы. Помимо этого она содержит и элементы, которые можно обозначить как *неструктурные*, но которые, тем не менее, важно принимать в расчет.

Проделанный нами анализ показывает, что земельный собственник, став сторонником проводимой администрацией штата инновации, тем самым подверг бы себя *определенному риску*. Он рисковал бы возможностью снижения своего социального статуса (проблема, рассматриваемая здесь только под углом зрения состояния его ресурсов). Масштабы этого риска оценить намного сложнее, чем в среднем сумму потенциального чистого убытка. Но само утверждение о возможном риске подразумевает неуверенность: созданная предложением администрации штата ситуация порождает неопределенность в том смысле, что создает ситуацию, когда актер, находящийся в ней, вполне имеет все основания принять это предложение или выбрать любой другой возможный путь. У земельного собственника достаточно оснований *отвергнуть* инновацию, ибо она чревата риском. Но у него не меньше оснований и *принять* ее, поскольку она, *помимо этого*, дает ему шанс увеличить доход вскорости или в долгосрочной перспективе.

Для того чтобы иметь возможность, исходя из структуры ситуации, *сделать выводы* о поведении акторов, нужно к только что рассмотренным нами структурным элементам добавить некую психологическую гипотезу или закон типа «в случае если ситуация грозит возможным риском, актер всегда принимает линию поведения, минимизирующую риск, даже в том случае, если это чревато потерей возможной прибыли». То есть критерий Уолда из теории игр мы признали бы универсальным. Но у нас нет совершен-

но никаких оснований, позволяющих выдвинуть такой закон. Разработчики теории игр предложили не только так называемый критерий Уолда, но и противоположный ему критерий Саважа¹⁷ (действующий в соответствии с ним актер склонен к риску с целью минимизировать последствия возможного проигрыша). Что касается психологов, то они никогда не выдвигали закона, согласно которому в ситуации неопределенности актер всегда склонен действовать в соответствии с критерием Уолда. Короче говоря, мы не располагаем *приемлемым* суждением общего порядка, которое позволило бы вывести поведение актора из структуры ситуации. Вне всякого сомнения, мы не располагаем таким суждением потому, что оно просто не существует.

Иными словами, предложенное Бадюри объяснение содержит две части, заслуживающие внимательного рассмотрения: демонстрирующую и констатирующую. Первая показывает нам, что инновация помещает земельного собственника в ситуацию неопределенного выбора: две возможные линии поведения, в конце которых маячат как возможный выигрыш, так и вероятная потеря. Вторая, констатирующая часть позволяет сделать на этом основании вывод, что в реальности собственники предпочтут воздержаться от выбора. Однако, повторимся, речь идет только об эмпирическом утверждении, которому никоим образом невозможно приписать обязательный характер. Более глубокое исследование, вероятно, позволило бы нам лучше *понять* причины уклонения от выбора. Может быть, какой-то более богатый и обладающий большим престижем землевладелец уговорил других богатых людей воздержаться от внедрения инновации. Возможно, наименее богатые из них заподозрили, что конкурентная игра может вышвырнуть их на обочину, если они не выдержат этой конкуренции в развертывании модернизации с более богатыми, и вследствие этого употребили свою власть с целью блокирования принятия инновации. Но исследование Бадюри не позволяет сделать выбор в пользу какой-то одной гипотезы. Каковы бы ни были причины, по которым земельные собственники воздержались от принятия инновации, одно совершенно очевидно: их решение невозможно объяснить, исходя из учитываемых теорией элементов. Из чего следует, что между теорией и объясняемым ею фактом вовсе нет *неизбежной связи*. Говоря точнее, теория показывает, что в случае принятия инновации земельные собственники оказались под угрозой риска; но она не объясняет, почему они решили избежать возможного

¹⁷ См.: Luce R. D., Raiffa H. Games and Decisions. Introduction and Critical Survey. N.Y., Wiley, 1957, 1967.

риска. Теория всего лишь ясно и отчетливо констатирует определенный факт. Но в другом контексте она могла бы с тем же успехом констатировать нечто противоположное, даже в том случае, если бы для данного контекста были характерны те же структурные черты, что и для рассмотренного нами выше (полуфеодальная организация производственных отношений).

Тогда, когда, для того чтобы вывести заключение, теория требует использования какого-либо эмпирического утверждения, строго ограниченного рамками рассматриваемого случая, выводы этой теории нельзя распространять на другие подобные случаи. Впрочем, это не дает оснований считать предлагаемую теорию неправомерной или неинтересной. Вполне очевидно, что теория Бадюри лучше помогает нам понять наблюдаемый феномен, чем все эти многочисленные используемые по любому поводу палочки-выручалочки, каковыми являются «общие» теории «сопротивления изменениям», характерного якобы для «традиционных» обществ.

Важно отметить также, что, хотя в *эксплицитном* виде теория Бадюри включает в себя лишь элементы, характеризующие систему производственных отношений, в *имплицитном* виде она содержит и множество других. Иными словами, за структурными элементами скрывается множество элементов неструктурного характера.

Представленная Бадюри модель, как и все модели, включает в себя набор параметров и переменных. Переменные представлены следующим набором: доход (усредненный) собственников, доход арендаторов, стоимость урожая до и после инновации, уровень потребления арендатора, размер его задолженности. Параметры модели включают: уровень реальной заинтересованности, долю урожая, оставляемого себе каждой из заключивших договор об аренде сторон; предельный уровень потребления арендатора. Все эти элементы, а также, разумеется, устанавливающиеся между ними связи создают «полуфеодальную» систему, которая и определяет отношения между двумя классами акторов. Уравнения модели выражают, в частности, и то обстоятельство, что положительное saldo между уровнем потребления и полученным доходом арендатора является не чем иным, как полученной от владельца земли ссудой, возвращаемой с процентами на следующий год. Этого достаточно для того, чтобы зафиксировать: арендатор является хроническим должником владельца обрабатываемого им участка земли. В общих своих чертах анализ исходит из предположения, что *способностью* принять или отторгнуть инновацию обладает только собственник земли. Что касается размеров параметров, то они практически константны. Так, по наблюдениям Бадюри, когда арендатор продает только свою рабочую силу и не использует собствен-

ных орудий производства, раздел урожая производится чаще всего в соотношении 60:40, т.е. 60% получает собственник, 40% — арендатор. Впрочем, он отмечает, что обычно ссудный процент колеблется от 50 до 60%, тогда как реальный ссудный процент приближается к 100%. Разница между двумя уровнями ссудного процента объясняется тем, что арендатор выплачивает старый долг после сбора урожая, когда цена на рис невысока, новую же ссуду берет несколько месяцев спустя, в тот момент, когда количество риса на рынке уменьшается и его цена приближается к максимальному годовому значению.

В общей сложности, модель имплицитно включает в себя разнообразные элементы, имеющие вероятностное отношение к структурным элементам (полуфеодальному характеру производственных отношений). Финансовый рынок не назовешь благосклонным к арендатору, однако ничто не указывает на то, что он таковым не может быть в принципе. С одной стороны, ничто не препятствует арендаторам брать недостающую им часть средств в качестве ссуды у зависящих от администрации штата организаций, если, конечно, организации будут уверены в необходимости такого займа. Ничто не указывает на то, что меры административного порядка не могли бы содействовать снижению ссудного процента¹⁸. С другой стороны, для того чтобы возможность принять или отторгнуть инновацию была прерогативой только собственника, необходимо, чтобы сама инновация обладала определенными характеристиками. Нетрудно понять, что если инновация будет требовать инвестирования, то она будет зависеть исключительно от решения собственника. Напротив, если инновация касается только, например, организации труда или подбора бригад сельскохозяйственных рабочих, то собственнику нелегко будет сопротивляться ей.

Короче говоря, отторжение инновации не является следствием исключительно «структурных элементов». Оно зависит и от элементов, которые формально не включаются в теорию и модель, объясняющую ее. Впрочем, при равенстве всех прочих условий, если бы была предложена инновация иного типа, то, вполне вероятно, она была бы принята, так как собственники не смогли бы оказывать ей сопротивление. При равенстве всех прочих условий, даже незначительная и необязательно беспроцентная финансовая помощь администрации арендаторам могла бы изменить условия модели и, соответственно, выводы, которые можно сделать на ее основе. Иными словами, модель исходит из допущения набора

¹⁸ Несмотря на крайнюю сложность подобных мер в данной ситуации. См.: *Popkin S. Op. cit.*

константных условий. Но ничто не свидетельствует в пользу того, что эти условия должны оставаться константными. Ведь достаточно мысленно изменить некоторые из имеющихся условий, и мы обнаружим, что изменение опрокидывает все данные анализа. В конце концов, полуфеодалская организация производственных отношений приводит к отторжению инновации, стагнации производительности труда и воспроизводству прежних производственных отношений лишь в том случае, если она сопровождается сложным комплексом имплицитных условий, т.е. тех условий, которые анализ склонен считать константными, в то время как они относятся к числу наблюдаемых *hic et hoc** Сказанное есть лишь еще один способ выразить ту мысль, что анализ не может быть правомерным иначе, как *hic et nunc*, говоря иначе, одни и те же структурные элементы вовсе не обязаны *постоянно* иметь одни и те же неизменные последствия.

Вот почему опасна попытка установления четких границ между *структурными* и *неструктурными* характеристиками системы; а особенно опасна попытка интерпретировать их различие в реалистической манере. В то же время следует иметь в виду, что структура конкретной системы не позволяет определить будущее этой системы, поскольку данная *структура* всегда связана с «неструктурными» элементами, которые нельзя воспринимать как нечто, обреченное на неизменность.

В этой главе я пытался выразить ту мысль, что определенные метания теорий изменения имеют своей причиной интерпретацию понятия *структуры* в *реалистическом* духе. Используя предлог *полезности* отдельных типологий, некоторые исследователи считают возможным рассматривать их как слепок с реальных различий. Они допускают также *реальное* существование структурных и неструктурных черт и на этом основании делают вывод о возможности игнорировать последние. Принимая подобное допущение, они тем самым закладывают фундамент своих будущих неудач.

Но сама по себе осуществляемая в духе реализма интерпретация понятия структуры имеет две сильные стороны. Во-первых, структурные различия (к примеру, различие между общиной и обществом, между обществом традиционным и современным или понятие полуфеодалской структуры производственных отношений) соответствуют зачастую эмоциональным, психологическим или идеологическим *истинам*. Во-вторых, когда понятие структуры интерпретируется в духе реализма (довольно распространенное явление), следствием такой интерпретации служит искусственное раздувание прогностических возможностей социальных наук.

* Здесь и теперь (лат.). — Прим. перев.

В своем стремлении к внешней наукообразности и истинной научности социологи, экономисты и представители политических наук склонны затушевывать тот интерес, который они по-прежнему питают к тем великим спорам, которые в XIX в. относили по ведомству философии истории.

Американский автор недавно появившейся работы¹, посвященной социальному изменению, заявляет, что его труд опирается на принципиальное предположение, а именно — конфликты между социальными группами являются основным двигателем происходящих изменений. Другие авторы говорят более определенно и главную роль приписывают *межклассовым* конфликтам. При этом последние рассматриваются как возможные двигатели изменений или, напротив, как обстоятельство, так или иначе служащее расширению пропасти между господствующим классом и классом, подчиненным ему. Разумеется, в свое время выдвигался и противоположный тезис: Дюркгейм считал социальные конфликты феноменами производного порядка. По его мнению, они возникали тогда, когда «социальная ткань» деградировала, когда оказывались неэффективными социальные механизмы, гарантировавшие социальный порядок. Данную точку зрения разделяют также некоторые более современные авторы².

Многие авторы ориентируются именно на «материалистическое» понимание изменения, хотя и склонны избегать частого употребления этого слова. Они считают, что изменения являются следствием игры строго определенных интересов, т.е. обуславливаются

* Перводвигатель, первопричина (лат.). — Прим. перев.

¹ *Garnier R. Ash. Social Change. Chicago, Rand McNally College Publishing Company, 1977*

² См., напр.: *Boulding K. Ecodynamics. Londres, Sage, 1978.*

социальной позицией акторов. В наиболее ортодоксальных версиях неомарксизма интересы строжайшим образом задают состояние идей. В более мягких вариантах высказывается утверждение, согласно которому противостоящие по своим интересам группы выдвигают противоположные «культурные» требования: группы, занимающие «функциональную» позицию, значимость которой для общества все более возрастает, всегда способны навязывать доминирование своих потребностей. Сама по себе будущая культурная инновация воспринимается, таким образом, как полностью зависящая от нынешней «социальной структуры»: настоящее выбирает из числа противостоящих групп те, которые способны обеспечить продвижение к будущему³.

Данной «материалистической» концепции изменения противостоит, в полном соответствии с классическим разделением, никогда не прекращавшая существования идеалистическая концепция, хотя из-за попыток подчеркнуть «разрыв» социальных наук с важнейшей философской дискуссией сам термин «идеалистическая» практически никогда не употребляется. Если не замечать этой длящейся уже много веков дискуссии, то будет непонятно, почему, например, «*Протестантская этика...*» Макса Вебера оказалась столь «популярной», тогда как другая часть его наследия не только осталась неизвестной «культурной публике», но ее влияние на современное состояние социальных наук весьма ограничено. Сегодня мы понимаем, что тезис Вебера, хотя он и был представлен автором в тщательно разработанном виде, должен быть дополнен и конкретизирован относительно новой ситуации в данной сфере знания (к данному пункту мы вернемся позже). Вместо этого его большей частью подают в догматической манере: кальвинистский *этос* вдохновляет его носителей, вызывая в них желание реализовать себя в сфере предпринимательства. Следовательно, именно *этос* ответствен за появление капиталистического предпринимателя как социального типа и, соответственно, за развитие самого капитализма. Успех веберовского тезиса, изложенного в столь вульгаризированной форме, может иметь лишь одно объяснение: его воспринимают как доказательство *метафизического* утверждения, которое якобы показывает, что появление какого-либо социального изменения, даже и столь значительного, как развитие современного капитализма, *может* быть интерпретировано скорее как результат формирования новых *ценностей* и новых *идей*, нежели как следствие изменений в «структурах». В более ши-

³ Touraine A. Le mouvement de mai ou le communisme utopique. Op. cit. Production de la société. Paris. Seuil, 1973.

роком плане это утверждение выдвигает примат идей и ценностей там, где, к примеру, марксистская традиция отдает приоритет «производственным отношениям» и структурам.

Роль конфликтов, роль идей и ценностей. Является ли конфликт первичным или вторичным, первична ли роль идей и ценностей, или она производна? Таковы основные дискуссионные вопросы, которые постоянно находятся в сфере внимания социальных наук. Парсонс — один из тех немногих авторов, кто признал это открыто. Он обладал достаточным авторитетом, чтобы написать столь недвусмысленно озаглавленную статью «Роль идей в социальном действии» («The Role of Ideas in Social Action»)⁴ и не прослыть при этом представителем спекулятивного рассудка, не рисковать быть изгнанным из сферы социальных наук. Статья Парсонса была написана давно, однако не думаю, что поставленные в ней вопросы сегодня можно воспринимать как утратившие актуальность. Сознательно утрируя свой подход, берусь утверждать, что, напротив, значительная часть представителей социальных наук занята именно этим спором.

Нисбет⁵ недвусмысленно и часто подчеркивает то обстоятельство, что другим, постоянно присутствующим в теориях социального изменения направлением является поиск ответа на вопрос: имеют ли изменения преимущественно *эндогенный* или *экзогенный* характер? Я полагаю, что он абсолютно прав, когда утверждает, что наиболее распространен первый вариант ответа на этот вопрос, причем распространен не только в социологии, отношение к которой у него довольно специфическое, но и среди значительной части экономистов и представителей политических наук.

Действительно, большая часть исследователей, занимающихся теорией социального изменения, стремится доказать, что состояние интересующей нас социальной системы в моменты $t + 1$, $t + k$ зависит («вытекает») от ее состояния в момент t . Будущее содержится в настоящем; настоящее вытекает из прошлого. Зачастую предполагается, что именно «противоречия» системы в момент t должны объяснять изменения, наблюдаемые в интервале между t и $t + 1$. В так называемом «функционалистском» стиле мышления именно «дисфункции» системы в момент t определяют скорость протекания изменений между моментами t и $t + 1$.

Как и Нисбет, я склонен признать факт наличия у социологов особой тяги к концепции эндогенных изменений. Причины этого

⁴ *Parsons T. The Role of Ideas in Social Action//Essays in Sociological Theory. N.Y. The Free Press, 1954. P. 19–33.*

Garner R. Ash. Social Change. Op.cit.

явления сложны, и сейчас я предпочел бы отложить их анализ. Однако одна из них заслуживает того, чтобы быть упомянутой уже сейчас: если можно рассматривать изменение как «по преимуществу» эндогенное, то тем самым легко подтвердить автономию социальных наук и, в частности, их независимость от столь древней, классической дисциплины, каковой является история. Напротив, если настаивать на гораздо большей значимости факторов экзогенного порядка, то становится значительно труднее отделить «территорию историка» от ареалов социолога или представителя политических наук. Симптоматично, что, когда, начиная с середины 70-х годов, социальные науки столкнулись с фактом утраты кредита доверия к себе, в то же самое время кредит доверия к *исторической науке* серьезно вырос, причем в такой степени, что отдельные представители социологии, политических наук, экономики заявляли о своей готовности стать историками⁶. Разумеется, тяготение социальных наук к идее эндогенного характера изменений не объясняется исключительно «корпоративными» причинами. Свою роль играют также — и это, пожалуй, основное — причины эпистемологического порядка: эндогенное изменение воспринимается в качестве более прогнозируемого (что совершенно бесспорно) и более интеллектуально приемлемого (но с этим согласиться уже сложнее).

Полагаю, что было бы нетрудно выявить занимаемую всеми теориями социального изменения позицию по отношению к трем только что обозначенным мною вопросам: роль конфликтов, роль идей и наличие у изменения «преимущественно» эндогенного или экзогенного характера. Эти позиции можно легко обнаружить у классиков теоретической мысли. Дюркгейм, как мы уже сказали, считал конфликты производными, ценности — вторичными (так, проявившийся в ходе Возрождения и Реформации «индивидуализм» предстает в анализе Дюркгейма продуктом процесса развития индивидуальности, соответствующего расширяющемуся разделению труда), а изменение он принципиально рассматривал исключительно как эндогенное⁷. Столь же легко эти позиции могут быть обнаружены в современных теориях. Так, Т.Х. Маршалл интерпретировал изменение как эндогенное; конфликты, а также идеи и ценности — как первичные. Теория «порочного круга бедности» относится к числу материалистических и отводит конф-

⁶ Это произошло и с Нисбетом, вставшим на позиции классического *историзма*, несостоятельность которых выявил еще Зиммель.

⁷ Данные утверждения не противоречат интерпретации, предложенной в работе: Cherkouhi M. Changement social et anomie; essai de formalisation de la théorie durkheimienne//Archives européennes de sociologie. XXIII. 1981. P. 3—39.

ликам лишь вторичную роль, являя собою пример теорий, строго следующих идее эндогенного характера изменения. Точнее говоря, в этой теории отсутствие изменения и стагнация рассматриваются как необходимое следствие исключительно эндогенных причин. Исходя из этого, в бедном обществе изменение будет следствием исключительно *экзогенного* вмешательства. Три вопроса (к которым можно присовокупить и некоторые другие, например, вопрос о том, является изменение линейным или нелинейным) можно образно представить как «фабрику по производству комбинаций факторов». Было бы достаточно легко показать, что любая «теория» социального изменения в присущей ей манере выбирает тот или иной набор комбинаций, произведенный на этой «фабрике».

В «Критике чистого разума» Кант показал, что существуют вопросы, сама природа которых позволяет дать на них противоположные ответы, причем внешне каждый можно аргументировать совершенно безукоризненным образом. Мне кажется, что аналогичной природой обладают «предельные» вопросы, скрывающиеся за каждой теорией социального изменения и имплицитно определяющие значительную часть «программы», обозначаемой тем же самым термином — «теории социального изменения». С помощью точно выверенной *аргументации*, построенной на совершенно безупречных доводах, можно доказать обоснованность любого общего положения, относящегося, например, к вопросу первичности либо вторичности конфликтов или идей. Постоянство данного спора, равно как и невозможность прийти в его ходе к какому-либо выводу, представляются мне совершенно неопровержимыми фактами.

Решение этих «антиномий» (воспользуемся термином Канта), на мой взгляд, возможно в критическом духе, а именно — в признании того, что большая часть вопросов, относящихся к социальному изменению, не могут иметь ответов, несмотря на то упорство, с которым их постоянно выдвигают. Бесплезно пытаться доказать, что предельные, или сущностные, причины изменений следует искать в каком-то отдельном секторе реальности, — неважно, о чем идет речь — об идеях, ценностях или производственных отношениях. Столь же бесплодны и предположения относительно того, что социальное изменение должно обеспечиваться действием одних механизмов в противовес другим, независимо от того, имеются в виду (приведем несколько классических примеров подобных механизмов) межгрупповые или классовые конфликты, «дисфункции» или «противоречия».

В отличие от этих спекулятивных теорий, попытки *научного* анализа социального изменения, т.е. те попытки, которые соответствуют определенным Поппером требованиям «рациональной

критики», имеют три специфические черты. Во-первых, они направлены на *четко определенный* объект исследования. Иными словами, они имеют своей целью дать ответы на четко сформулированные вопросы, обладающие чаще всего следующей формой: «Согласно наблюдениям, социальная система S в момент t характеризуется чертами A, B, C, ..., N, а в момент $t + k$ — A', B', C', ..., N' *Почему?*» Пример: «В момент времени t общество S переживает период экономической стагнации (A); в момент $t + k$ стагнация продолжает сохраняться (A), несмотря на принимаемые государством меры (B'), имеющие целью побудить данную категорию акторов к изменению своего поведения. В чем причина сохранения экономической стагнации?» Во-вторых (и здесь мы возвращаемся к тому пункту, на котором я настаивал в двух предыдущих главах), научным является такой анализ, который дает возможность показать, что изменение отдельных характеристик в интервале времени между t и $t + k$ действительно служит причиной изменения (или его отсутствия) ситуации той или иной категории акторов таким образом, что это побуждает их к совершению наблюдаемых в момент времени $t + k$ действий как агрегированных результатов A', B', ..., N' В-третьих (этот пункт есть следствие двух предыдущих), в соответствии с тем, какой именно процесс мы анализируем, мы вынуждены рассматривать тот или иной тип переменных в одних случаях в качестве независимых, в других — зависимых.

Я попросил бы непричастного к области социальных наук читателя простить мне выдвижение подобных утверждений, которые он с полным основанием может считать банальностями. Но я прошу этого читателя понять следующее: если бы такие утверждения всеми (особенно всеми специалистами в области социальных наук) воспринимались именно как банальность, то история этой области знания значительно отличалась бы от того, чем она является сейчас. Никто не задавался бы вопросами, определяют ли структуры состояние идей, первична или производна роль идей в процессе изменения, первична или вторична роль конфликтов. Короче говоря, никто не был бы ни «марксистом», ни «культуралистом», ни «структуралистом». Никто не принялся бы отстаивать «материалистическую» или «идеалистическую» концепцию изменений. Никто не пытался бы противопоставлять теории конфликта функциональным теориям изменения⁸. Все эти вопросы и предположения раз и навсегда были бы определены как «антиномии» социологического разума.

⁸ Coser L. Les fonctions du conflit social. Paris, Puf. 1982.

Однако мы имеем ту историю социальных наук, которую имеем. Поэтому, очевидно, было бы бесполезным настаивать на том, что механизмы изменения меняются от одного процесса к другому, что концептуальные инструменты, используемые в анализе процессов изменения, *зависят* от того, какой именно процесс мы рассматриваем. Кроме того, никакая общая (или претендующая на это звание) теория социального изменения не могла бы а priori заявлять о своем превосходстве тогда, когда речь заходит об объяснении того или иного частного процесса.

Далее в этой главе мы рассмотрим три проблемы: роль конфликтов в изменении, роль идей и ценностей и постоянство эндогенной модели изменения.

Роль конфликтов

Одно дело утверждать, что конфликты между социальными группами представляют собой часто наблюдаемое явление, и совсем другое дело утверждать, что они служат основным механизмом изменения. Первое утверждение вполне приемлемо, чего нельзя сказать о втором по той простой причине, что мы можем отыскать в качестве примеров тысячи процессов, приводивших к значительным изменениям, хотя конфликт играл в них всего лишь вторичную, второстепенную роль. Выше мы уже разобрали несколько примеров подобных процессов.

Все теории, ставящие своей целью «доказать», что межгрупповые конфликты являются *основным* механизмом изменений, в реальности строятся на использовании риторических или софистических приемов. Первенство в этом принадлежит, без сомнения, Марксу. Небезынтересно отметить, что именно у самого Маркса мы обнаруживаем и лучшее опровержение теории классовой борьбы, в которой она рассматривается как универсальный двигатель социальных изменений.

В «*Нищете философии*» Маркс выдвигает знаменитый тезис, который он развил год спустя в «*Манифесте*»*. Это тезис о том, что история является историей борьбы классов. «Феодализм также имел свой пролетариат — крепостное сословие, заключавшее в себе все зародыши буржуазии. Феодалское производство тоже имело два антагонистических элемента, которые тоже называют *хорошей* и *дурной* стороной феодализма, не учитывая при этом, что в конце

* Имеется в виду работа К. Маркса «Манифест Коммунистической партии». — *Прим. перев.*

концов дурная сторона всегда берет верх над хорошей. Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю. <...> Когда взяла верх буржуазия, то уже не было более речи ни о хорошей, ни о дурной стороне феодализма. Буржуазия вступила в обладание производительными силами, развитыми ею при господстве феодализма. <...> Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме»⁹

Внимательно изучая текст, нельзя не удивляться тому, что он пронизан гегелевским духом: феодализм имеет в своей основе два антагонистических элемента; «дурная сторона», т.е. низший класс, борется с «хорошей стороной»; в силу «мрачного труда негативности», как сказал бы Гегель, именно «дурная сторона» одерживает верх в этой борьбе, поскольку «крепостное сословие» заключает в себе «все зародыши буржуазии». Здесь мы встречаемся с великолепным примером эндогенной модели: когда «будут реализованы условия ее эмансипации», тогда группа, занимавшая в феодальной системе место низшего класса, трансформируется в доминирующий класс — класс буржуазии, которому будет противостоять новый низший класс — пролетариат.

Те же идеи прослеживаются и в «Манифесте», поэтому его текст интересен не столько с точки зрения содержания, сколько с точки зрения его контекста. Во-первых, Маркс занял ту самую позицию, за которую чуть выше* он критиковал Прудона. Экономист по своему духу, Маркс чувствителен к тем принципам, которые сегодня мы обозначили бы как принципы методологического индивидуализма¹⁰. Он мечет громы и молнии в адрес Прудона, который сводит общество к сумме индивидов, при этом сам он не замечает того, что общество действительно не существует без составляющих его индивидов. «...Господин Прудон персонифицирует общество; он делает из него *общество-лицо*, общество, которое представляет собой далеко не то же самое, что общество, состоящее из лиц, потому что у него есть свои особые законы, не имеющие никакого отношения к составляющим общество лицам... Господин Прудон упрекает экономистов в непонимании личного характера этого коллективного существа»**. И тут же Маркс встает на защиту экономистов. Чуть далее он с одобрением цитирует аме-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 143.

* См. с. 118. — Прим. перев.

¹⁰ В книге «Социологическая традиция» («The Sociological Tradition») Нисбет наглядно показывает роль объяснения для Маркса.

** Там же. — Прим. перев.

риканского экономиста Т. Купера, утверждавшего невозможность подхода к обществу как к разумному существу и необходимость рассмотрения его как суммы «личностей». «Юридическому лицу (the moral entity) — грамматическому существу (the grammatical being), называемому обществом, — были приписаны свойства, на самом деле существующие лишь в воображении тех, которые из слова делают вещь...»*

Эти замечания методологического характера полностью предаются забвению на следующих страницах, где разворачивается содержание теории классовой борьбы. Здесь классы выступают как самостоятельные субстанции. Маркс забывает, что они состоят из «личностей». Антагонизм, рассматривавшийся в первом процитированном отрывке, здесь уже отнюдь не является антагонизмом между сеньором и крепостным, это антагонизм между двумя «элементами» или «сторонами».

Мы ни в коей мере не заинтересованы в том, чтобы привлечь внимание к слабым сторонам написанного молодым автором текста, но они прекрасно иллюстрируют те зигзаги, которые характерны для теоретиков, желающих представить конфликт двигателем изменений. В первом процитированном тексте Маркс в духе софистики рассуждает: классы *по определению* являются антагонистами; *соответственно*, невозможно существование классов без классовой борьбы. Что же касается самой классовой борьбы, то, разумеется, она будет бесполезна и лишена *смысла*, если ее следствием не станет эмансипация «дурной стороны».

Еще больший интерес представляет несовпадение между тем текстом в «*Нищете философии*», в котором Маркс развивает теорию классовой борьбы, и другим текстом, расположенным несколькими страницами далее**, в котором он возвращается к спору с Прудоном по поводу причин разделения труда и соответственно к вопросу об исчезновении феодальной системы и развитии современной промышленности. Прудон полагал, что мастерские и мануфактуры развивались, по нашей терминологии, эндогенным путем по той лишь простой причине, что они позволяли повысить производительность труда. Маркс восстает против этой идеи и напоминает Прудону, что «на формулах в исторической науке далеко не уедешь»*** Преподав, таким образом, Прудону урок истории, он начинает развивать теорию исчезновения феодализма,

* Там же. — *Прим. перев.*

** См. Там же. С. 154–155. — *Прим. перев.*

*** Там же. С. 154. — *Прим. перев.*

которая не имеет ничего общего с текстом*, посвященным классовой борьбе. В данном случае закат феодализма Маркс анализирует точно так же, как некоторое время спустя это сделает Кейнс¹¹. Он рассматривает его как следствие процесса вовсе не эндогенного, а экзогенного характера, начало которому положило открытие Америки.

«Одним из необходимейших условий для образования мануфактурной промышленности было накопление капиталов, облегченное открытием Америки и ввозом ее драгоценных металлов.

Достаточно доказано, что следствием увеличения средств обмена было, с одной стороны, обесценение заработной платы и земельной ренты, а с другой — рост промышленных прибылей. Иными словами: в той мере, в какой пришли в упадок класс земельных собственников и класс трудящихся, феодальные сеньоры и народ, в такой же мере возвысился класс капиталистов, буржуазия.

Были еще и другие обстоятельства, одновременно с этим содействовавшие развитию мануфактурной промышленности: увеличение количества находящихся в обращении товаров с тех пор, как были установлены торговые сношения с Ост-Индией морским путем вокруг Мыса Доброй Надежды, колониальная система, развитие морской торговли.

Другим условием, которое еще не было достаточно оценено в истории мануфактурной промышленности, был роспуск многочисленных свит феодальных сеньоров, в результате которого входившие в эти свиты зависимые элементы превратились в бродяг, прежде чем поступить в мастерские. Созданию мануфактурной мастерской предшествовало почти повсеместное бродяжничество в XV и XVI веках»¹².

Я привел столь длинную цитату, ибо считаю, что этот текст представляет особый интерес, и прежде всего хотя бы потому, что подтверждает *отсутствие классовой борьбы* между феодалами и буржуазией. Следствием притока благородных металлов из Нового Света явилась хроническая инфляция. Одним из ее последствий было, в свою очередь, обнищание феодалов, поскольку теперь им было трудно, не рискуя получить новые Жакерии, пересматривать размеры ренты в соответствии с темпами роста инфляции. Вот почему феодальные сеньоры были вынуждены вести более скромный образ жизни и распускать свои свиты. Вместе с тем приток драгоценных металлов способствовал накоплению капиталов, что

* Там же. С. 143. — *Прим. перев.*

¹¹ Keynes J. M. A Treatise on Money. Londres, Macmillan, 1953.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 154—155.

стимулировало создание мануфактур. «Обстоятельства», таким образом, благоприятствовали нарождавшейся буржуазии, в то время как для класса феодалов они были совершенно неблагоприятны. Но взлет первых и закат вторых вовсе не был следствием *борьбы*, в которой феодалы якобы потерпели поражение.

С другой стороны, возвышение буржуазии и угасание класса феодалов ни в коей мере не были следствием причин эндогенного характера. Напротив, эти два процесса противоположной направленности стали следствием *стечения обстоятельств*, точнее суммы все нараставших последствий, вызванных притоком драгоценных металлов. Впрочем, инфляция имела следствием еще один классический эффект, несомненно, известный Марксу. Минимальная заработная плата повышалась медленнее, чем росла инфляция, в виду того, что рынок труда был переполнен (и продолжал пополняться в результате увольнений прислуги, которые вынуждены были проводить сеньоры) из-за все увеличивавшегося предложения рабочих рук. Но, очевидно, этого было недостаточно, что прекрасно чувствовал и сам Маркс, для доказательства существования внутренних причин классовой борьбы в период первоначального накопления¹³.

Этот текст*, в котором Маркс проявляет себя как блестящий историк экономики, ибо многие его заключения были впоследствии подтверждены Кейнсом и до сих пор признаются правомерными, никак (если только не пойти на приписывание слову «борьба» метафорического значения) не согласуется с отрывком о классовой борьбе**. В первом случае классовая борьба принимает форму процесса «наследования», хорошо известного в области экологии¹⁴. О процессе «экологического наследования» говорят в том случае, когда изменение благоприятствует развитию одного вида и неблагоприятствует развитию другого. В подобном случае мы, несомненно, имеем полное право говорить о «борьбе» между двумя видами, но это будет не более чем метафорой, поскольку между ними нет ни борьбы, ни даже конкуренции; налицо лишь противоположные по своей направленности последствия воздействия экзогенного фактора.

Legros D. Chance, Necessity and Mode Production: a Marxist Critique of Cultural Evolutionism//American Anthropologist. LXXIX. 1977 P. 26–41.

* См., Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 154–155. — Прим. перев.

** См., Там же. С. 143. — Прим. перев.

Hardin G. The Cybernetics of Competition: a Biologist's View of Society// Shepard P., McKinley D. The Subversive Science. Essays Toward an Ecology of Man. Boston, Houghton Mifflin. 1969. P. 275–296.

Короче говоря, только риторика и софистика могут объединить три проанализированных нами текста из «*Нищеты философии*»: во-первых, тот, в котором Маркс, подобно прилежному ученику англосаксонских экономистов, напоминает, сколь важно не персонифицировать группы, но помнить, что они состоят из индивидов; во-вторых, тот, в котором он, подобно хорошему историку, применяет этот принцип (недопущения персонификации. — М.М.) и показывает, что возвышение буржуазии и закат класса феодалов были не чем иным, как неизбежным результатом действия совокупности индивидуальных поведений в условиях, которые изменяются под давлением обстоятельств. И наконец, в-третьих, тот текст, в котором он, в противоречии с принципом, заявленным в первом тексте и реализованным во втором, объявляет историю результатом действия антагонизмов и «борьбы», разворачивающейся между двумя классами.

Маркс прибегает к софистике не в одном исключительном случае. Он обращается к ней при разработке других ключевых понятий марксистской концепции, а именно при определении понятий «эксплуатация», «прибавочная стоимость» и «прибавочное рабочее время». Эти понятия позволяют Марксу охарактеризовать отношения между двумя классами капиталистического общества, буржуазией и пролетариатом, как антагонистические. И затем он сразу же, после утверждения о существовании двух классов (вещи, бесспорной в условиях капитализма XIX в.), выдвинул положение о разделяющей их борьбе. В зависимости от обстоятельств эта борьба может быть более или менее заметной. Но даже в тех случаях, когда ее не удастся наблюдать непосредственно, когда она не принимает форму открытых столкновений, она все равно *существует*, ибо классовая борьба есть составная часть антагонизма, вытекающего из капиталистического характера производственных отношений, как они определены исходя из понятий эксплуатации и прибавочной стоимости.

Теория прибавочной стоимости, породившая научные дискуссии, на которых мы не станем здесь останавливаться, в действительности основывается, равно как и доказательство антагонизма между классом феодалов и классом буржуазии, на аргументах, относящихся к разряду *риторических*. Выявление этой аргументации представляет определенный интерес.

Начнем с того, что выдвинем несколько совершенно очевидных утверждений. Само по себе понятие разделения труда, тот феномен, которому Маркс, вслед за Адамом Смитом, посвятил множество страниц, содержит в своей основе необходимость дифференциации и координации множества элементарных задач. Вслед-

ствие этого затраты на производство создаваемого продукта зависят не только от стоимости *труда*, суть которого Маркс определяет как преобразование материи (по терминологии Маркса, «вещества природы». — *М.М.*), но также включают в себя стоимость *организации труда*, которая никак не может быть нулевой, поскольку к ней относится, например, зарплата управленческого персонала. Разумеется, эта стоимость компенсируется — и с лихвой — тем ростом производительности, который обуславливает разделение труда. Кроме того, любая фирма должна знать о запросах своих клиентов и вести делопроизводство, поэтому процесс коммерциализации продукта также содержит в себе необходимость затрат.

Разумеется, Маркс был хорошо знаком с этими аксиомами и достаточно часто и недвусмысленно подчеркивал данный факт. Но он затушевывал их различия и сводил стоимость производства к одному лишь элементу. Осуществить это ему помогало классическое (и тоже имевшее риторический характер) разделение, на существование которого часто указывал Парето: когда поддерживаемая нами политика представляет угрозу свободе, мы склонны противопоставлять понятию *истинной* свободы понятие неполной (ограниченной) свободы. Если для нас будет желательной легитимизация сомнительного поведения, то мы будем склонны различать *истинную* и *неистинную* добродетель.

Такой же прием Маркс неявно использует и при определении понятия *труда*. Труд действительный (*истинный*) — это тот труд, который приводит к трансформации материи. Из чего следует, что стоимость произведенного продукта есть результат труда *рабочих*, поскольку только они имеют дело с неживой природой. В таком случае представляется возможность игнорировать стоимость организации труда и коммерциализации продукта. Работа служащего, который организует хранение информации, руководителя, который координирует управление этой информацией, — все это проходит по категории *непроизводительного труда* (не производящего продукт). Прибавочная стоимость, в конечном счете, является не чем иным (хотя именно в такой форме Маркс данную мысль никогда не высказывал), как разностью между «стоимостью» *действительного, производительного* труда и «стоимостью» *непроизводительного* труда.

Разумеется, разделение труда на действительный (производительный) и непроизводительный — это софизм. Но софизмы, как говорил Парето, действительны тогда, когда они служат подтверждению наших *представлений*. Таков и рассматриваемый нами случай. Вне всякого сомнения, метафизическое и религиозное по своей сути представление, согласно которому труд есть борьба человека

с природой и материей, никак не противоречит представлению, обосновывающему достоверность риторического разделения труда на *действительный* (производительный) и непроизводительный.

Именно опора (в имплицитной форме) на различие подобно-го рода позволила Марксу в ходе анализа истории права «установить» вторичность *идей* и первичность производственных отношений: *истинное* право появляется тогда, когда производственные отношения требуют, чтобы работник имел право продавать свою рабочую силу. Вследствие этого право (именно *истинное* право) есть не что иное, как мыслительная конструкция, отвечающая некой потребности системы капиталистического производства.

Я столь долго задержался на примере Маркса лишь потому, что выдвинутые им положения и способы «доказательства» продолжают не просто вечно жить в современных социальных науках, но и вдохновлять исследователей, занимающихся теорией конфликта, т.е. тех, чьим самым горячим желанием является всеобщее признание межгрупповых, и в частности классовых, конфликтов движущей силой изменения (или, в зависимости от обстоятельств, его отсутствия). Интерес обращения непосредственно к самому Марксу продиктован не только тем, что он был автором ряда положений и методов, к набору которых неомарксисты добавили и ряд собственных подходов, но и тем, что марксистская концепция в произведениях ее основателя предстает как в высшей степени двусмысленная. Прекрасное знание экономики, глубокая историческая культура Маркса обусловили то, что проводившийся им самим исторический или экономический анализ все время выходил за рамки концепции, которую он стремился создать на их основе. В этом и заключается причина противоречий (в чисто логическом смысле данного понятия), проявляющихся, как я уже попытался это показать, в такой работе, как «*Нищета философии*», в которой теория классовой борьбы представлена практически в законченном виде, несмотря на то, что она плохо сочетается с историческими примерами, приводимыми в остальной части текста.

Современные неомарксисты заимствовали у Маркса идею неизбежности антагонизма между классами и на ее основе делают вывод о том, что само понятие класса подразумевает наличие перманентной классовой борьбы даже в том случае, если она протекает в *скрытой* форме. Любые формы социальной дифференциации, социального неравенства могут, таким образом, интерпретироваться как проявление и подтверждение классовой борьбы. У самого Маркса в его теории стоимости и эксплуатации конечной целью доказательства служит выявление «антагонизма». У современных неомарксистов антагонизм классов зачастую выступает

как непреложная истина, доказательством которой они себя не утруждают. Вероятно, причина заключается в том, что обосновывающая эту идею теория, а именно теория стоимости и эксплуатации, по мере углубления разделения труда становится все сложнее проверить на предмет ее истинности. Сегодня уже крайне трудно сводить к нулю такие *организационные затраты*, как накопление и обработка *информации*. Именно поэтому мы являемся свидетелями попыток приспособить классическую марксистскую теорию к миру современной экономики. Некоторые авторы¹⁵, придерживавшиеся теории прибавочной стоимости в ее самой ортодоксальной форме, считают служащих низшим слоем буржуазии, а именно — мелкой буржуазией. Мелкие буржуа относятся к буржуа потому, что их жалование составляет часть прибавочной стоимости, но поскольку оно невысоко, постольку они являются *мелкими* буржуа. Как совершенно очевидно, подобная аргументация предполагает, что теория классов, будучи сама по себе недостаточной, должна быть дополнена теорией стратификации.

Другие авторы идут несколько дальше и допускают включение затрат на коммерциализацию и организационные расходы в *стоимость* продукта¹⁶. В этом случае возникает возможность объединить в рамках рабочего класса рабочих и служащих. Критерием разделения на классы при этом будут отношения подчиненности («руководители» — «исполнители»). Но тогда теория классов должна полностью раствориться в теории стратификации.

Подобные попытки приспособления марксистской теории к новым обстоятельствам представляют определенный интерес. Они показывают, что теория стоимости и ее основа, разделение труда *на производительный и непроизводительный* отныне должны восприниматься как плохо согласующиеся с современными экономическими системами. Но если отмирает это марксово разделение труда, то рушится теория стоимости вместе с возможностью дать определения понятий прибавочной стоимости и эксплуатации. Таким образом, утрачивается возможность доказательства существования классового антагонизма, заявлений о том, что классы с *неизбежностью* должны находиться в состоянии борьбы, как становится невозможным апеллировать к скрытой классовой борьбе, якобы обусловленной структурным антагонизмом классов.

Вот почему в некоторых вариантах неомарксизма предпринимаются попытки перенести классовую борьбу из сферы экономи-

¹⁵ Baudelot C., Establet R., Malemort J. La petite bourgeoisie en France. Paris, Maspero, 1975.

¹⁶ Verret M. Pour une définition distinctive de la classe ouvrière // L'Année Sociologique. № 31. 1981. P. 49—68.

ки, например, в сферу культуры¹⁷ Но, по крайней мере, по сей день для этих вариантов не обнаружен эквивалент теории стоимости, «обосновывающей» классовый антагонизм. Вне всякого сомнения, в индустриальных обществах индивиды не имеют одинакового доступа к культуре. Между ними, несомненно, имеют место и различия, и проявления неравенства в самых разных формах. В своих классических трудах Вебер указывал, что индивиды принадлежат к различным *классам*, поскольку обладают различным *статусом* и располагают различными объемами *власти*. Эти аксиомы приложимы как к современным обществам, так и к большинству традиционных обществ. Однако, согласно Веберу, существование классов не требует с необходимостью существования и такого постоянного или «структурного» межклассового конфликта, наличие которого можно предполагать даже в том случае, если он не проявляется открыто. Повторимся еще раз: для того чтобы обосновать подобное предположение, требуется теория, содержащая в себе, подобно теории стоимости, утверждение о существовании принципиального антагонизма. В противном случае придется признать, что классовая борьба имеет место лишь тогда, когда есть возможность доказать, что мы действительно наблюдали ее проявления.

Последний этап развития социальных наук позволяет, как мне кажется, сделать выбор в пользу Макса Вебера, а не Маркса. Отныне уже более не существует достоверной теории «фундаментального» антагонизма классов. Однако, в соответствии с предсказанием Токвиля, «всеобщее и доминирующее чувство» справедливости имеет следствием то, что любое проявление несправедливости, какова бы ни была его природа, может быть объяснено как следствие скрытых конфликтов между антагонистическими группами, обладающими разной силой.

Ведь если ограничиться лишь наблюдаемыми конфликтами, то можно столкнуться с тем, что нередко они являются составной частью изменений, однако никоим образом не могут дать четкого представления как о сущностных механизмах самого социального изменения, так и о механизмах постоянства социальных структур (в том случае, когда последние действительно могут рассматриваться как не изменившиеся). По совершенно справедливому замечанию авторов макиавеллиевской традиции (Парето, Моска и др.) хронический и эндемический характер конфликты имеют только в политической сфере. Однако политические конфликты нельзя

Karabel J., Halsey A.H. (ed.). Power and Ideology in Education. N.Y., Oxford University Press, 1977.

рассматривать как отражение исключительно классовых или социальных конфликтов. Они могут быть также проявлением, например, соперничества конкурирующих группировок элит.

Логика чувств — это то единственное, что может поддержать принцип, согласно которому социальные конфликты якобы служат основным двигателем социального изменения.

*Роль идей и ценностей:
о том, что зачастую неверие более значимо*

Вторая антиномия социологического разума содержит тезис о том, что идеи и ценности производны от структур, а также анти-тезис: ценности являются независимыми переменными, они объясняют существующие различия между социальными системами, такие, например, как процессы изменения и воспроизводства. Несмотря на то что и тезис и антитезис редко высказываются столь явно, в скрытой форме они присутствуют в значительном числе современных работ. Весьма часто бывает так, что в социологии или политических науках успех какой-либо книги объясняется тем, что прямо или косвенно она воспринимается как направленная на поддержку тезиса или антитезиса. Тот значительный успех, который в Соединенных Штатах выпал на долю книги Мак-Клееланда «Достижительское общество» («*The Achieving Society*»), несомненно, был связан с «общей» идеей, вытекавшей из серии предпринятых автором частных анализов и заключавшейся в том, что ценности ответственны как за «динамизм» и прогресс, так и за стагнацию обществ¹⁸. Совершенно очевидно, что и успех книги Вебера «*Протестантская этика...*» объясняется, как я уже говорил, именно этими причинами. К той же категории относится и успех, выпавший в свое время на долю книги М. Фуко «*Слова и вещи*»¹⁹, в которой западная история предстает как направляемая серией «эпистемологических» скачков, но последние признаются непознаваемыми по своей природе. Содержание тезиса постоянно присутствует в различных вариантах неомарксизма и определенных вариантах «функционализма».

Вопрос, который ставит вторая «антиномия», как и в случае с первой, не может иметь общего ответа. Именно поэтому продол-

¹⁸ McClelland D. C. *The Achieving Society*. Princeton, D. Van Nostrand Co., 1961. N.Y., The Free Press. 1967

¹⁹ Foucault M. *Les mots et les choses*. Paris, Gallimard, 1966. В рус. перев. Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*/Пер. с франц. СПб., 1994.

жающаяся дискуссия ни на шаг не продвинулась к его решению. Анализ социального изменения может иметь *научный* характер, т.е., повторимся, соответствовать попперовским критериям рациональной дискуссии, лишь тогда, когда он нацелен на конкретный, четко определенный в пространственно-временном отношении процесс. Тогда мы можем заметить, что *некоторые* подобного рода процессы могут быть убедительным образом проанализированы при постулировании *автономии* идей и ценностей, или, употребляя термин более широкого и общего плана, мыслительных данных. В то же время содержание других процессов предполагает, что эти мыслительные данные должны восприниматься как *гетерономные*, или, говоря языком статистики, как зависимые переменные. Представители эконометрии сказали бы, что во втором случае речь идет об *эндогенных* переменных, а в первом — об *экзогенных*.

Вкратце рассмотренная в предыдущей главе работа Эпстейн принадлежит ко второму типу: в ней идеи и ценности рассматриваются как зависимые переменные. Вспомним схему произведенного ею анализа. Ирригация создает новые возможности, природа которых меняется вместе с типами акторов. Они не только различны для крестьян и неприкасаемых, но и не совпадают у земельных собственников двух деревень. В результате Эпстейн выдвигает предположение, что акторы используют данные возможности настолько, насколько они способны к этому, и что их основной целью является улучшение условий жизни. Таким образом, ее интерпретация может быть оценена как *материалистическая* (структуры объясняют поведение) и *утилитаристская* (акторы руководствуются собственными интересами). Несомненно, Эпстейн наблюдала, помимо прочего, и изменения на уровне ценностей. Так, с недавних пор крестьяне Далены стали приверженцами современных символов, тогда как обитатели Вангалы держатся за традиционные символы престижа и статуса. Но эти изменения ценностей автор интерпретирует как достаточно легко умопостигаемые *последствия* вхождения Далены в контакт с ее окружением и разрушения социальных структур в результате проведения ирригации. Аналогично и причина наблюдавшегося в Вангале упрочения традиционных символов коренится в том, что ирригация имела своим следствием упрочение иерархии внутри касты крестьян, равно как и отношений клиентелизма между крестьянами и неприкасаемыми. Другим ее следствием было то, что ситуация, которая стала складываться после проведения ирригации, постепенно отдаляла деревню от ее окружения. Соответственно, изменения системы ценностей в Далене, как и сохранение традиционных ценностей в

Вангале, могут рассматриваться в *данном конкретном случае* как производные и вторичные.

Вне всякого сомнения, имеют место и случаи, в рамках которых ценности могут рассматриваться как независимые переменные.

В этом плане интересно сопоставить исследование Эпстейн и работу Дора²⁰, посвященную японской агрикультуре XIX в. Впечатляющие страницы работы Дора показывают, как традиционная практика, на первый взгляд абсолютно простая, сыграла решающую роль в процессе развертывания модернизации сельского хозяйства, которое пребывало в глубоком застое вплоть до начала XIX в. Самое главное в проведенном им анализе — это доказательство того, что в *данном конкретном случае* необходимо *идеологическим* или *аксиологическим* переменным приписывать детерминирующую роль, трактовать их как независимые переменные, а также того, что влияние идеологии в данном случае, как и в других, должно восприниматься, исходя из ситуации, в которой находятся акторы.

Практика ведения сельского хозяйства в Японии в рассматриваемый период ставила перед собственником земли два обязательных условия: снижать арендную плату в неурожайные годы и не повышать ее в удачном году. Роль детонатора процесса развития, которую сыграла такая практика, объясняется *противоречивостью* порождавшейся ею системы мотиваций. Действительно, земельный собственник имел все основания стремиться к повышению производительности, поскольку это могло избавить его от необходимости снижать ренту в неблагоприятные годы. Но точно так же он имел все основания и не принимать инновацию, поскольку арендаторы, привыкшие к стабильности размеров земельной ренты в благоприятные годы, с трудом могли принять мысль о ее повышении, неважно, чем оно объяснялось — изменением погодных условий или ростом производительности.

Впрочем, дали о себе знать и другие моменты, также способствовавшие поддержанию и укреплению двусмысленности ситуации, в которой оказались японские землевладельцы. В конце XIX в. правительство развернуло пропагандистскую кампанию, поддержанную обещанием субсидий на проведение ирригации. Но при этом было выдвинуто условие: собственник, желавший воспользоваться помощью государства, должен был представить данные кадастра. Однако во времена Мэйдзи, когда вводилась кадастровая система, собственники нередко при помощи взяток «убеждали» чиновников занижать стоимость их земель. Таким образом, пере-

²⁰ Dore R. P. Land Reform in Japan. Londres, Oxford University Press, 1959.

смотр земельного кадастра был чреват для собственника неприятностями фискального порядка. Более того, подобный пересмотр готовил ему еще одну западню: поскольку земельная рента устанавливалась на зарегистрированном в кадастре уровне, постольку земельный собственник, чьи земли подверглись переоценке, не имел бы возможности увеличить арендную плату, не рискуя вызвать тем самым протесты со стороны арендаторов. А он не мог не повышать ее, иначе вызвал бы недовольство других собственников.

Двусмысленность ситуации, которую создавало одновременное действие сложившейся традиции и предложений государства, не позволяет применить классическую утилитаристскую модель, полностью подходившую к предыдущему случаю. Взвешивая возможные выгоды и потери при различных линиях поведения, собственник не может принять решение, и определить его интересы отнюдь не просто. Именно поэтому, согласно наблюдениям Дора, *идеология*, по всей видимости, сыграла главную роль в окончательном установлении отношений, которые были приняты всеми сторонами.

Похоже, что модернизация сельского хозяйства действительно стала делом рук именно тех (во всяком случае, в первое время), кто оказался сторонником идеологии физиократов, которую голландцам удалось распространить в отдельных кругах японского общества. Однако необходимо добавить, что влияние идеологии физиократов было усилено действием факторов, имевших случайный и ситуационный характер. Вблизи городов арендаторы были более мобильны, поскольку располагали более широкими возможностями применения своей рабочей силы, нежели в деревенской глубинке. Земельный собственник, соответственно, был более склонен к принятию инновации, так как мог воспользоваться уходом арендаторов с целью пересмотра размеров ренты и таким образом извлечь в процессе производства максимальную выгоду от инновации. Поэтому в начале процесса введения инновации его осуществляли в основном те земельные собственники, имения которых располагались вблизи городов и которые были воспитаны в духе идеологии физиократов. Затем началась цепная реакция: у новаторов появились последователи, которые поставили в сложное положение сторонников традиционного ведения хозяйства. По мере того как этим новаторам и их последователям удавалось снижать (по сравнению с традиционалистами) издержки производства, они все больше таким косвенным образом подталкивали последних к изменению традиционной практики.

Однако принципиально важно подчеркнуть следующее обстоятельство. С одной стороны, в интересующем нас случае нельзя не учитывать влияние *идеологического фактора*, а с другой — необхо-

димо помнить, что он явился следствием той структуры ситуации, в которой оказались акторы. Разумеется, структура ситуации не определяла *содержания* ориентаций акторов. Но она подталкивала к поиску идеологического обоснования выработки ими правильного решения тогда, когда таковым актору казалось любое решение, кроме очевидного. Именно поэтому те, кто испытал на себе влияние европейской философии эпохи Просвещения, в схожих ситуациях проявляли большую склонность к инновациям, нежели их соседи, воспитанные на культе традиций и местной практике хозяйствования.

Между прочим, к данному анализу необходимо сделать то же примечание, которое мы сделали в главе 3 к разработанной Хагеном теории развития Колумбии. Как и в случае хагеновской работы, здесь совершенно ясно, что анализ не продвинулся далее середины процесса. Прежде всего, анализируя последовательность изученного Дором процесса, необходимо отметить, что с того момента, когда, по причинам, рассмотренным выше, начинают формироваться очаги инновации, они вызывают феномен кумулятивного развития. Совершенно очевидно, что, когда Некто производит рис по минимальной себестоимости, следствием этого будет его косвенное воздействие на Другого, который не сможет не заметить этого воздействия. Разумеется, вовлечение в процесс инновации растягивается на долгий период и вызывает прекрасно описанные Дором трансформационные последствия, на которых, из соображений экономии места, я не могу здесь останавливаться. Скажу лишь, что к числу таких последствий можно отнести эрозию связей клиентелизма (поскольку данный процесс может побуждать собственника избавляться от арендаторов), формирование классов, политическую мобилизацию в деревне и открытие деревни для проникновения политических идей, характерных для города. Рассматривая процесс в обратной последовательности, можно заметить, что если появление инновации в момент t анализируется как агрегированный результат, зависящий от структуры ситуации той или иной категории акторов в момент t , то сама по себе эта структура ситуации является следствием данных, относящихся к гораздо более ранним событиям. В своем изложении я вынужден был опустить некоторые элементы анализа Дора, и тем не менее в нем можно увидеть характерные особенности этого анализа, а именно: Дор рассматривает развитие Японии как последовательный и растянутый во времени процесс и, кроме того, он уверен в том, что каждый момент процесса будет понятен лишь при условии соотнесения его с макроскопическими данными самого широкого временного интервала. Повторим: нам представляется

необходимым подчеркнуть, что веберовская парадигма методологического индивидуализма не ограничивается анализом процессов, разворачивающихся в кратчайшей и средней по размерам временной перспективе; она может быть успешно приложена и к более длительным процессам.

Роль идей, ценностей и, более широко, мыслительных данных зависит, таким образом, от структуры ситуаций, которые подлежат анализу в ходе того или иного исследования. Некоторые ситуации ставят такие проблемы, которые актер не может легко решить, если он не имеет идеологических убеждений. Другие ситуации (типа рассмотренных в предыдущих примерах), напротив, могут восприниматься «рационально» или квазирационально. В них актер способен с легкостью оценить одновременно весь спектр возможных линий поведения, определить и выбрать наиболее предпочитаемую из них.

Сравнение двух примеров вновь показывает нам (повторим мимоходом нашу мысль), насколько бесполезны споры *априорного* и *общего характера* относительно правомерности рациональной модели действия. Эта модель может быть правомерной в одних случаях и не быть таковой в других, поскольку даже если гипотеза, в соответствии с которой актер стремится адаптироваться к новым для него ситуациям, все же обладает универсальной значимостью, то форма его адаптации будет зависеть от структуры ситуации. Парето наблюдал такое явление: люди могут построить мост, прибегая к использованию того, что называют «логическими» действиями (т.е. они делают рациональный выбор, основанный на научных данных), но не способны, действуя подобным образом, избрать депутата.

Эта банальная, но зачастую недооцениваемая идея связи между структурой ситуации и «ролью идей» столь важна, что заслуживает более углубленного рассмотрения. Точнее говоря, я хотел бы, опираясь на заимствованный у Хиршмана²¹ пример, подчеркнуть, что сложные решения, особенно коллективные, могут опираться на более или менее взаимосвязанные системы верований, которые при желании можно обозначить как *парадигмы*, поскольку по своим функциям и природе они действительно близки к куновским парадигмам²².

Природа парадигмы относительно той или иной ситуации в определенной мере детерминирована (хотя, скорее, в *негативном*

Hirschman A. O. Journeys toward Progress. N.Y The XXth Century Fund. 1963. Ch. I

²² Kuhn T Op. cit.

плане) самой реальностью и сутью проблемы; так, некоторые парадигмы демонстрируют свою неспособность дать ответ на возникшие проблемы. С другой стороны, «выбор» парадигмы определяется «социальными факторами», влиянием или запросами отдельных категорий действующих акторов. Но если ее содержание можно *объяснить* структурой системы, в рамках которой она появляется, и ситуацией акторов, то это еще не означает, что из них мы можем *вывести* ее содержание. Мы, соответственно, должны предоставить ей определенную автономию. Иными словами, ее нельзя рассматривать как *зависимую* или эндогенную переменную.

При равенстве всех условий ситуация по сути аналогична описанной Куном ситуации в истории науки. В данном случае парадигма является системой утверждений, которые служат ориентиром в исследованиях, предпринимаемых членами научного сообщества, и представляет собой объект более или менее одноподчиненной коллективной *веры*. До тех пор пока она не вступит в явное противоречие с реальностью и пока никакая другая парадигма не появится на горизонте, находится мало желающих оспаривать ее. Если же ошибки множатся, если случайные гипотезы, позволяющие устранить противоречия между реальностью и основанными на парадигме теориями, воспринимаются как теории *ad hoc*, т.е. изобретенные «для данного случая», то некоторые исследователи начинают проявлять склонность к поискам новой парадигмы, которая в благоприятный момент и замещает прежнюю.

Аналогичный процесс, как показывает пример Хиршмана, можно наблюдать в том случае, когда проблема заключается не в интерпретации данных наблюдения, а в достижении практических целей: в обоих случаях мы можем видеть, что поиск решения определяется, исходя из системы коллективных верований, представляющей собой более или менее связанное и более или менее ясно формулируемое целое. За этой системой необходимо признать определенный уровень автономии. Можно даже, если хотите, уточнить наш лексикон и говорить в дальнейшем об «идеологических парадигмах».

Исследование Хиршмана касается существовавших с конца XIX в. до начала Второй мировой войны подходов к трактовке «проблемы» северо-восточных областей Бразилии (*sertão*). Для них характерен особый режим выпадения осадков: семимесячный период *устойчивой* засухи (июнь—декабрь) сменяется *неустойчивым* периодом, когда могут идти дожди различной интенсивности, а могут и не идти вовсе. Однако *sertão* — это отнюдь не пустыня. Напротив, здесь развиты и скотоводство, и земледелие. Но эти виды деятельности находятся под постоянной угрозой такой ката-

строфы, как засуха. В засушливые годы крестьяне отправляются к берегам Сан-Франсиско и Парнаибы либо в южные города или прибрежную зону в надежде найти там временную работу и благотворительную помощь в ожидании начала периода дождей, который позволит им вернуться в *sepião*. Само собой разумеется, экономическое положение северо-восточного региона всегда представляло для правительства страны политическую проблему.

В течение первого и достаточно длительного, растянувшегося на десятилетия, периода «решение» северо-восточной «проблемы» воспринималось как решение *технического* порядка: предполагалось обеспечить постоянное водоснабжение, построить плотины и водохранилища, пробурить скважины. В 1877–1879 гг. начался период засухи, сменивший исключительно долгий (предыдущая засуха была в 1845 г.) период достаточно высокого уровня осадков. Была создана государственная комиссия по изучению проблемы. Среди ее рекомендаций были предложения по развитию транспортной сети, особенно по строительству множества железнодорожных веток, а также возведению двадцати больших и малых плотин. Работы были начаты, но они велись таким образом, что оказались не в состоянии разрешить проблему засухи.

В 1888–1889 гг., в период следующей засухи, всплыла тема политической коррупции: выбор месторасположения плотин и трасс будущих дорог принципиально осуществлялся исходя из политических соображений и интересов местных политических лидеров. Разумеется, оппозиция была крайне заинтересована в развитии темы политической коррупции. Но результат проведенного ею анализа, несмотря на его частичную обоснованность и определенную ангажированность, привел к выводу, что причиной краха политики строительства плотин явилась не сама эта политика, как таковая, а способ ее реализации, особенно то обстоятельство, что в ее осуществлении слишком большая роль была отведена политикам. В конце концов, в 1909 г. было решено создать правительственное агентство «Инспектория» (*Inspetoria*), деятельность которого была связана с деятельностью Министерства общественных работ. Все ведущие должности в «Инспектории» заняли ученые и инженеры.

Полученные учеными и инженерами властные полномочия определялись целым комплексом соображений, ориентированных на одну цель. Во-первых, предполагалось, что, опираясь на медленно разворачивавшийся анализ причин неудачи, удастся избежать пробуксовки процесса строительства, возникшей из-за политической коррупции. Во-вторых, достигался общий консенсус по поводу парадигмы, согласно которой решение проблем Северо-Востока имеет *технический* характер. В-третьих, именно вследствие

влияния французского позитивизма в Бразилии основные инженерные школы страны обладали завидным социальным престижем. Впрочем, идея строительства водохранилищ представлялась столь *естественным и очевидным* решением еще и по той причине, что этому благоприятствовал рельеф местности. Многочисленные то в изобилии переполнявшиеся водой, то пересыхающие речки ниспадали в узкие горловины ущелий. Кроме того, очевидной была и необходимость дополнительного бурения скважин, и развития транспортных средств, чтобы можно было переселить крестьян на менее засушливые земли и доставлять им продукты и материалы.

Несомненно, многие полагали, что лучшим решением проблем Северо-Востока была бы эмиграция, а не борьба с засухой, однако такое «решение» было политически нежизнеспособным. Этот вариант с самого начала встретил сопротивление со стороны приверженцев северо-восточного регионализма, являвшегося следствием той политической роли, которую регион играл ранее. Кроме того, «Инспетория» шла навстречу пожеланиям спорящих сторон, поскольку она не менее других понимала необходимость развития транспортных путей с тем, чтобы переселить крестьян поближе к местам сооружения плотин. Впрочем, идея эмиграции натолкнулась на еще одно соображение, а именно: земледелие и скотоводство в течение длительного периода времени были традиционными занятиями населения *sertão*. Там широко распространены засухоустойчивые культуры, адаптированные к местному климату. Кроме того, если режим выпадения осадков и усложнял ситуацию, то другие факторы, как, например, отсутствие насекомых — сельскохозяйственных вредителей, благоприятствовали занятиям земледелием и скотоводством.

Таким образом, в данном случае, как и в классическом анализе Куна, некая сумма факторов приводит к появлению *парадигмы* («проблема Северо-Востока имеет исключительно *технический* характер»), вокруг которой складывается одновременно и позитивный, и негативный консенсус. Такой консенсус сохранялся несмотря на все неудачи, поскольку последние могли быть отнесены на счет политической коррупции, искажившей черты запущенной в 1877 г. политики. Этот процесс весьма схож с процессами, описанными Куном. Используя его терминологию, можно сказать, что крах разработанной в 1877 г. политики строительства плотин представлял собой *аномалию*, а ее *устранение* было достигнуто благодаря выдвигению случайной гипотезы относительно последствий коррупции.

Однако исключительно *технический* характер парадигмы, использованной для решения «проблем» Северо-Востока, в дальней-

шем столкнулся не только с неизбежными трудностями, которые обычно препятствуют реализации любой программы подобного рода, но и с непредвиденными случайностями политического и экономического плана. В результате эта парадигма подверглась внутренней эрозии. Ее чисто технический характер, а также специфический техникстский образ мышления инженеров и ученых реально оказались причиной того, что в тени остались *социальные* последствия технических мероприятий. Когда через какой-то промежуток времени эти последствия стали более или менее заметными, соответственно достоверность парадигмы была подвергнута сомнению. Но в отличие от того, что произошло в 1877 г., публика теперь не довольствовалась отнесением неудач данной политики (впрочем, весьма относительных) на счет непредвиденных случайностей и различного рода противодействий, которые в самом деле в какой-то мере мешали реализации этой политики и снижали ее эффективность. Специалисты стали задаваться вопросом о пригодности *техникстского* подхода, с помощью которого на протяжении десятилетий рассматривались проблемы Северо-Востока. С того момента, когда встал вопрос о смене парадигмы, если опять прибегнуть к терминологии Куна, начали появляться и политические силы, готовые принять сторону тех, кто оспаривал техникстский подход. Со своей стороны, интеллектуалы принялись формулировать новую, противоположную парадигму, потребность в которой ощущалась довольно отчетливо. Неважно, что в первое время ее формулировка выглядела расплывчатой. Разумеется, эта парадигма создавалась уже не инженерами и учеными, которые ранее пренебрегли рассмотрением социальных последствий их собственной политики. Совершенно естественно, что теперь ее разработкой занялись специалисты в области социальных наук.

На трудности, с которыми столкнулась политика строительства плотин, с самого начала указывали представители бюро «Инспектории», на которое была возложена задача координировать деятельность станций, расположенных вдоль линии крупных водохранилищ. При сооружении водохранилищ не особо учитывались ирригационные проблемы. Причиной этого было то обстоятельство, что строительство плотин в горловинах ущелий выглядело «естественной» операцией, а кроме того приносило определенные политические дивиденды, позволяя показать, что «что-то все-таки сделано». У исполнителей были все основания форсировать строительство плотин за счет того времени и тех средств, которые могли бы быть затрачены на ввод в действие ирригационной системы. Эти основания имели не только *политический*, но и *экономический* характер. Ведь поскольку плотины позволяли обеспечивать все-

возможные потребности в воде, постольку они представляли собой и неоценимый способ борьбы с засухами. Что же касается ирригационных каналов, то каждый считал их необходимость само собой разумеющейся; причем все склонны были полагать, что было бы вполне разумно запланировать их строительство на следующем этапе.

А между тем не преминули проявиться *социальные* последствия проводившейся политики. Начиная с 1940 г. именно они завладели вниманием акторов. Эти последствия были проанализированы экономистом Фуртадо, которому было суждено сыграть главную роль в утвержденной впоследствии политике распределения земель. Основным следствием являлось то, что благотворное воздействие проведенных широкомасштабных работ менее всего отразилось на культурах, наиболее полезных для населения sertão, особенно его беднейших слоев. Поскольку государство устранилось от строительства каналов, то эту проблему взялись решать, на достаточно скромном уровне, крупные собственники, чьи земли были расположены в непосредственной близости от водохранилищ. Они же использовали ирригацию в основном для расширения посевов сахарного тростника, с тем чтобы увеличить свои доходы от продажи сахара и местной водки. Напротив, в возделывании основных жизненно важных культур прогресса не наблюдалось. Что касается водохранилищ, которые позволяли избежать потерь скота во время засухи, то выгодами от этого более всего могли воспользоваться также лишь крупные собственники.

В целом результаты оказались полностью противоположными тем, на которые рассчитывали ранее: политика строительства плотин в наибольшей степени благоприятствовала развитию индустриальных культур (хлопок, сахарный тростник) и скотоводству, нежели возделыванию жизненно важных культур, производство которых в периоды засух так и застыло на явно недостаточном уровне. Помимо всего прочего, следствием развернутых с большим размахом общественных работ было то, что они удерживали в sertão обедневших крестьян, которые в иные времена несомненно предпочли бы уехать отсюда. В результате крупные земельные собственники могли располагать многочисленной дешевой рабочей силой, что совершенно не способствовало поискам более эффективных методов скотоводства и земледелия. Поэтому производительность сельского хозяйства замерла на крайне низком уровне, автоматически сдерживая рост заработной платы.

Таким образом, строительство плотин не решило проблем Северо-Востока. Засухи продолжали жестоко преследовать большую часть населения. Более того, политика строительства плотин привела к усилению неравенства между крупными собственни-

ми, с одной стороны, и мелкими собственниками, сельскохозяйственными рабочими и арендаторами — с другой.

С интересующей нас точки зрения предпринятый Хиршманом анализ показывает, что проводившуюся на первом этапе политику нельзя считать выражением коллективных интересов. Следствием ее были новые доходы наиболее богатых, наименее же состоятельным слоям она принесла новые потери. Но классовые интересы ни в коей мере не могут служить объяснением причин ее проведения. Усиление неравенства, явившееся следствием этой политики, точнее было бы признать *непроизвольным* результатом лишь кажущегося единодушным *стремления* политиков к борьбе с последствиями засухи. Что же касается влияния техницистской парадигмы и возможностей ее реализации, то они должны анализироваться как неожиданно возникший результат: воздействие суммы макроскопических факторов на различные категории акторов сформировало их *веру* в то, что решение проблем Северо-Востока имеет технический характер.

В более общем плане анализ показывает, что, как только какая-либо проблема достигает определенного уровня сложности, ее решение начинают искать путем более или менее сознательной выработки «теорий» и «парадигм». Если, с одной стороны, эти конструкции и принимают в расчет реальные факты, то, с другой стороны, на них оказывают влияние и социальные переменные, и случайные превосходящие моменты (в нашем случае — уровень престижа инженеров). То же происходит и с научными теориями, на которые могут действовать эти две группы факторов. Утвердившись, такие практические «теории» разделяют примерно ту же судьбу, что и научные теории. Срок их жизни зависит от того, смогут ли они быть распространены и на те факты, которые выдвигает реальная действительность и которые опровергают их, от существования альтернативных «теорий», от достоверности этих практических теорий и от степени привлекательности, которой они обладают в глазах отдельных групп акторов (как, скажем, экономистов на втором этапе в нашем примере), и от тех ресурсов, которыми располагают акторы, чтобы отстаивать свое мнение.

Не продолжая эту тему, поскольку я уже сделал подобное замечание в главе 3 по поводу теории Хагена и теории Дора в настоящей главе, ограничусь лишь тем, что обращаю внимание читателя на тот временной интервал, в рамках которого проводит свой анализ Хиршман. Как и в двух других примерах, этот интервал *весьма велик*: например, влияние Фуртадо после Второй мировой войны невозможно понять без учета предшествовавших этапов процесса, без обращения, как это делает Хиршман, к середине XIX в.

Наконец, анализ показывает установленную и подчеркиваемую Парето взаимозависимость идей, ценностей, интересов и данных стратификации, а также, соответственно, свидетельствует о невозможности выделить результаты, к которым приводит действие каждой из этих категорий переменных.

*Роль идей и ценностей: о том, что зачастую
отсутствие веры менее значимо*

Для определенных традиций, как, например, для традиции марксистской, характерна недооценка самостоятельности «идей» и «ценностей», в других же случаях в социальных науках наблюдается противоположная тенденция — ценностям и, шире, мыслительным актам приписывается статус *primum mobile*.

Бэчлер²³ с полным основанием оспаривает распространенную интерпретацию «Протестантской этики» Вебера: кальвинист, будучи уверенным в своей избранности, ищет *знаки* своей избранности в этом мире и мире ином, что побуждает его к предпринимательству и порождает стремление к успеху, а также, в случае открытия собственного дела, к наращиванию вложений капитала в него за счет сокращения потребления. Тем самым, независимо от своего желания, он способствует росту капитализма.

Такую интерпретацию нельзя признать убедительной по двум причинам: она полностью затушевывает социальное окружение, в котором находятся предприниматели-кальвинисты. В данном случае мы имеем дело не с *агрегированием* микроскопических поведений, а лишь с простым *переносом* на макроскопический уровень микроскопической гипотезы. Во-вторых, из-за подобной вульгаризированной трактовки Вебера трудно понять причинно-следственные связи. Почему экономический и коммерческий успех должен быть знаком небесного спасения?

Более приемлемой является интерпретация, отмечающая ту *автономию*, которую протестантизм и особенно кальвинизм предоставляют социальному субъекту. Дюркгейм²⁴ также высказал мысль о том, что развитие протестантизма привело к распространению индивидуалистических ценностей, которые, без сомнения, способствовали развитию духа предпринимательства. Но эта вторая интерпретация, равно как и первая, имеет один существенный недостаток: она вводит прямую связь между появлением, с одной сторо-

²³ Baechler J. Les origines du capitalisme. Paris, Gallimard, 1971.

²⁴ Durkheim E. Le suicide. Op.cit.

ны, новых ценностей, а с другой — тех совокупных результатов, которые, как предполагалось, обусловили эти ценности.

Вульгаризированную интерпретацию «Протестантской этики» необходимо рассматривать как частную иллюстрацию гораздо более общего феномена. Во многих теориях выдвигается гипотеза о прямом влиянии ценностей на социальное изменение и допускается, что наличие корреляций между первыми и вторыми достаточно для доказательства данного воздействия. Так, согласно Мак-Клелланду, когда потребность в достижении («достижительская потребность») и стремление к преуспеванию становятся очень значимыми в глазах индивидов, тогда общество приобретает предпринимательский и динамичный характер. Та же самая идея выражена в некоторых текстах Парсонса²⁵: динамизм американского общества объясняется тем, что в нем глубоко укоренилась ценность преуспевания, достижения («достижительность»). Таким же образом Парсонс пытается объяснить определенные различия между американским обществом и обществами Европы (особенно немецким) различием присущих им ценностей. Что же касается социологов неомарксистской ориентации, то они, в соответствии с марксистским канонem, придерживаются *эндогенной* концепции ценностей: для них ценности — продукт структур. Делая такое допущение, они, однако, легко соглашались с тем, что *ценности* играют непосредственную и основополагающую роль в социальном изменении или, напротив, в укреплении «социальных структур»: последние порождают классовые «субкультуры», ответственные за воспроизводство социальных классов²⁶. Несколько лет назад теоретики политического развития предложили аналогичные схемы, согласно которым, например, появление и консолидация демократических режимов в решающей степени зависят от появления и консолидации определенных индивидуалистических ценностей²⁷. Некоторые теоретики экономического развития также склонны в имплицитной форме воспроизводить вульгаризированную интерпретацию веберовского тезиса и утверждать, что развитие непосредственно связано с появлением и консолидацией определенных ценностей, внушенных индивидам в ходе процесса социализации²⁸. В целом тема социализации приобрела огромное

²⁵ *Parsons T. Nouvelle ébauche d'une théorie de la stratification//Éléments pour une sociologie de l' action. Paris, Plon, 1955. P. 256–325.*

²⁶ Впрочем, эта гипотеза не является исключительной принадлежностью неомарксистов.

²⁷ *Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, Princeton University Press, 1963.*

²⁸ К числу таковых относится, например, Е. Харен («On the Theory of Social Change». *Op. cit.*).

значение в сфере социальных наук, вплоть до того, что зачастую стала восприниматься как самостоятельное исследовательское направление²⁹. Вне всякого сомнения, такая самостоятельность в какой-то мере является продуктом характерного для социальных наук разделения труда. Но она обусловлена именно тем, что данное исследовательское направление основывалось на заключенной в нем теории, признающей возможность установления прямой связи между интериоризованными индивидом *ценностями* и определенными макроскопическими феноменами, такими, как «политическое развитие», «экономическое развитие», «социальное воспроизводство» и т.д. Сама эта теория смогла утвердиться (хотя она выступает в основном в имплицитной форме) лишь потому, что сумела совместить свои идеи с различными направлениями теоретической мысли.

Разделение труда вполне может, как с полным основанием подчеркивал Дюркгейм, иметь *аномичный* (отклоняющийся) характер. На мой взгляд, мы имеем дело именно с таким случаем. Автономизируя процессы социализации, мы рискуем преувеличить их значимость и, что особенно важно, затенить тем самым подлежащие объяснению макроскопические феномены. Я попытался показать это на примере теории Хагена: развитие Колумбии в начале XX в. становится намного более понятным, если рассматривать его в качестве совокупного результата индивидуальных поведенческих актов, который несомненно определяется ценностями, но, помимо них, и конкретными обстоятельствами той ситуации, иначе говоря, ясно видно, что *ценности* ни в коей мере не обладают основополагающей значимостью, которую стремился приписать им Хаген.

Причина заметного интереса, который вызывают работы Треворора Ропера³⁰, заключается в том, что они аналогичным образом корректируют веберовский тезис *протестантской этики*, точнее, вульгарные интерпретации данного тезиса. Было бы интересно несколько задержаться на этой дискуссии, поскольку книга Вебера является основным справочником для сторонников приоритета ценностей в процессе зарождения социального изменения.

Предпринятый Тревором Ропером способ доказательства описывается в первую очередь на уточнение некоторых фактических данных, ускользнувших в свое время от внимания Вебера. Совершенно верно, что кальвинисты составляли большую часть предпринимателей XVI в. Но ни шотландцы, ни голландцы, ни жители Женевы или Палатината*, т.е. четырех по преимуществу кальви-

²⁹ Percheron A. Les études américaines sur les phénomènes de socialisation politique dans l'impasse? // L'Année Sociologique. № 31. 1981. P. 69–96.

³⁰ Trevor Roper H. R. De la Réforme aux Lumières. Paris, Gallimard, 1972.

* Историческая область Германии. — Прим. перев.

нистских обществ, не выдвинули предпринимателей из своей среды. Вместе с тем было бы несправедливо утверждать, будто все предприниматели-кальвинисты были предрасположены к аскетизму, тому самому якобы внутренне присущему аскетизму, о котором писал Вебер. Многие из них жили вполне комфортабельно. Некоторые скопили внушительные личные состояния, и далеко не все в равной мере разделяли пыл кальвинистской веры.

Без сомнения, многие предприниматели XVI в. были кальвинистами, даже те, кто вращался при дворах шведских и датских принцев, являвшихся лютеранами. Также верно и то, что Гамбургский банк был создан голландскими кальвинистами. Но предпринимателям-кальвинистам была присуща еще одна общая черта — практически все они были эмигрантами. Никто из активно действовавших предпринимателей Женевы не был швейцарцем по происхождению. Очень часто они были родом из фламандских провинций, находившихся под протекторатом Испании. В Голландии состоятельными были тоже в основном фламандские предприниматели. И в деловом мире Гамбурга и Германии в целом также заправляли голландцы фламандского происхождения. Что же касается католических предпринимателей Кельна или Голландии, то в основном они были выходцами из Антверпена или Льежа.

Итак, многие предприниматели XVI в. были кальвинистами (т.е. происходили из кальвинистской Фландрии), но помимо этого их объединяло и то, что они являлись эмигрантами из большинства крупных торговых и промышленных центров XV в.: Аугсбурга, Антверпена, Льежа, городов Ломбардии и Тосканы, Лиссабона (в последнем случае среди них было больше евреев, чем кальвинистов). Однако, согласно Тревору Роперу, сегодня уже трудно настаивать, как делал Вебер, на идее сущностного различия между предпринимателями XV и XVI вв., противопоставления «авантюристов» XV в. «предпринимателям» XVI и XVII столетий. Конечно, предпринимателей типа семейства Фуггеров в XVI в. было гораздо больше, нежели в XV. Это «частотное» различие вкупе с гипотезой Ропера относительно влияния кальвинизма на дух предпринимательства, несомненно, явилось тем фактором, который подтолкнул Вебера к тому, чтобы охарактеризовать Фуггеров как «авантюристов». Но это хрупкое различие можно отбросить, если интерпретировать влияние кальвинизма в деловых кругах как следствие адаптивной реакции и если, вместе с тем, признать, что расширение численности частных капиталов в XVII в. облегчало складывание класса «предпринимателей».

Причины взаимосвязи кальвинистской экспансии и развития капиталистического предпринимательства намного сложнее, чем

полагал Вебер. В XVI в. индустриальная и торговая буржуазия по совершенно понятным причинам была чувствительна к влиянию идей Эразма Роттердамского, утверждавшего равную значимость мирского состояния и духовного звания, настаивавшего на внутреннем характере веры, а также на том, что деловой человек может вести свои дела без ущерба собственной набожности. И впоследствии буржуазия, воспитанная в духе философии Эразма (к примеру, миланская), склонилась к кальвинизму, повторявшему все основные положения этой философии. Но она вынуждена была осознать себя частью кальвинистского интернационала и присоединиться к нему, особенно с тех пор, как начало усиливаться давление Контрреформации. Эмигрируя в города, где ее угроза чувствовалась менее отчетливо (к их числу относились прежде всего города Голландии), прежняя экономическая элита Европы фактически бежала от власти, считавшей учение Эразма еретическим и усиливавшей тяжесть налоговых сборов в пользу церкви, провоцируя тем самым отток капиталов. А в общем и целом власть таким образом стремилась упрочить господство бюрократического государства над предприятиями. Что же касается тех деловых людей, которые не намеревались никуда эмигрировать, то они ориентировали своих детей на армейскую карьеру. Таким образом, в то время как в Милане и Антверпене капитализм угасал, в Амстердаме он явно расцветал.

Дополненный корректировками, которые произвел Тревор Ропер, знаменитый веберовский тезис выглядит гораздо более достоверным. На *микроскопическом* уровне механизмы заметно упрощаются и лучше согласуются с веберовскими правилами, смысл которых передает термин «понимание». Нам понятно, что деловые люди склонны к восприятию учения Эразма, признающего их деятельность законной, правомерной и позволяющего подрубить тот сук, на котором сидят их противники. *Понятно*, что они очень хотят воспользоваться той поддержкой, которую им может предоставить кальвинистский интернационал, и что иные из них готовы устремиться к более гостеприимным землям в случае, если возникает опасность со стороны власти, намеревающейся уничтожить эразмизм и усиливающей фискальное давление на предприятия, а в общем задавшейся целью расширить свое господство. Понятно, что остающиеся предприниматели склонны ориентировать своих детей на профессии, которые обладают престижем в обществах, находящихся под влиянием Контрреформации, и потому их действия приводят к угасанию деловой активности и духа предпринимательства в этих обществах. Предлагая абсолютно приемлемую интерпретацию причин симпатии деловых людей к кальвинизму,

Тревор Ропер может, таким образом, избавиться от сомнительной причинной связи, согласно которой занятие предпринимательством является следствием веры в предназначение.

На *макроскопическом* уровне Тревор Ропер анализирует отношения между кальвинизмом и развитием капитализма как совокупный результат, являющийся следствием всех разнообразных реакций деловых людей на меняющиеся условия, особенно на появление Контрреформации. Он приходит к системе объяснений, полностью удовлетворяющей классическим критериям, с помощью которых Поппер предлагал измерять правомерность научной теории. Действительно, теория Тревора Ропера принимает в расчет не только роль, которую сыграл кальвинизм в развитии капитализма, но и большое число данных, которые сам по себе веберовский тезис не объясняет, а именно: почему обосновавшиеся в Женеве деловые люди по своему происхождению не были швейцарцами; почему деловые люди Германии были в основном фламандского происхождения; почему области, охваченные Контрреформацией, дали немало предпринимателей из числа католиков и евреев; почему на фоне угасания деловой жизни в Антверпене имел место ее подъем в Амстердаме; почему деловые люди, осевшие в *лютеранских* странах, зачастую были *кальвинистами* (несомненно, именно это наблюдение побудило Вебера к настойчивым утверждениям о наличии в кальвинизме специфических аспектов по сравнению с другими формами протестантизма и заставило приписать решающую роль доктрине предназначения). Таким образом, теория Тревора Ропера позволяет избежать некоторых нежелательных (в виду их недостаточной исторической достоверности) выводов, являющихся составной частью теории Вебера. Примером может служить утверждение о том, что католическое семейство Фуггеров было всего лишь «авантюристами», тогда как кальвинистские деловые люди XVI столетия могут рассматриваться как прообраз современных «предпринимателей». В целом теория Тревора Ропера выглядит более правомерной, нежели веберовская, и с точки зрения веберовского критерия «*понимания*», и с точки зрения попперовских критериев.

Соответственно, утверждает Тревор Ропер, *идеи, ценности, верования* должны рассматриваться как элементы системы интерпретаций, включающей в себя помимо этого комплекс и других данных. Так, тягу деловых людей к эразмизму, а позднее (особенно с тех пор, как они оказались отброшенными в оппозицию) к кальвинизму, а также их бегство от Контрреформации следует интерпретировать как их ответную реакцию на изменение ситуации и соответственно как зависимую от характеризующих эту ситуацию данных.

Однако следует самым решительным образом подчеркнуть также и то, что разразившаяся после смерти Вебера дискуссия по поводу «Протестантской этики...» совершенно не затрагивает основное ядро его теории. Действительно, утверждение о том, что экономические элиты XVI в. гораздо больше привлекал кальвинизм, нежели лютеранство, совершенно правильно. Причины же этого тяготения, несомненно, были значительно сложнее, чем думал Вебер. Разделяя мнение Тревора Ропера, особо нужно подчеркнуть ту тесную интеллектуальную связь, которая установилась между кальвинизмом и эразмизмом. Но не менее истинным остается и то, что кальвинистская проповедь, нацеленная на внутри-мировой аскетизм, была более предпочтительна для этих элит, чем лютеранство, с точки зрения которого христианин может в равной мере служить вящей славе Божьей, и будучи человеком, в полной мере вкушающим блага этой жизни («Pforzet und rülpsset Ihr nicht? Hat es Euch nicht geschmecket?» — взывал Лютер), и будучи рачительным предпринимателем. И тем не менее, как подчеркивал Трельч в работе «Социальные и христианские церкви и группы», дополнившей Вебера по данному вопросу, неуверенность в спасении лишает лютеранина того спокойствия и твердости, которые кальвинист черпает из своей веры в неизбежность собственной избранности.

Экзогенное или эндогенное изменение?

Я анализирую, хотя и очень кратко, последнюю антиномию (используя кантовское понятие), на существовании которой с полным основанием настаивал Нисбет.

Зачастую социальные науки исходят из мысли, что теория изменения, если только она заслуживает такого названия, должна быть *эндогенной*, а изменение системы между t и $t + k$ должно интерпретироваться как функция состояния этой системы в момент t . Например, в момент t наблюдаются «дисфункции» (говоря языком функционалистов) или «противоречия» (по терминологии марксистов); они объясняют изменения системы в интервале t и $t + k$. Антитезис: изменение по большей части является следствием причин экзогенного характера. Основной аргумент в поддержку данного предположения следующий: закрытая система (т.е. изолированная или находящаяся в постоянном окружении) обычно, по прошествии некоторого времени, достигает некоего равновесного состояния. Поэтому изменение такой системы может быть следствием внешнего воздействия на нее. Согласно теориям, основыва-

вающимся на данном антитезисе, изменение «традиционных» обществ чаще всего вызывается воздействиями экзогенного характера. Я не уверен, что, враждебно относясь к теориям изменения, в которых последние объяснялись эндогенными причинами, Нисбет мог бы достаточно твердо противостоять воздействию противоположного тезиса. Антропология может предоставить нам другую классическую иллюстрацию обоих положений (тезис и анти-тезис) антиномии. Мнению функционалистов, считающих, что изменение имеет эндогенный характер, противостоят диффузионисты, полагающие его экзогенным³¹.

Несомненно, желание решить спор в пользу тезиса или анти-тезиса отчасти имеет своей причиной некоторые метафизические чувства, но, с другой стороны, оно диктуется той социальной необходимостью, которую испытывают социологи, политологи и экономисты (причем в отдельные моменты она ощущается намного сильнее) при разделении сфер своих наук и истории. К этим вопросам мы вернемся чуть позже, в главе 7. Но сейчас важно отметить именно то обстоятельство, что признание эндогенного или экзогенного характера изменения полностью определяется самим вопросом, подлежащим разрешению, а точнее — тем феноменом, объяснение которого мы ставим своей целью. Один классический пример позволяет проиллюстрировать эту идею, а именно — предложенный Мертонем анализ расизма в американских профсоюзах после первой мировой войны³².

Мертон задается вопросом: почему, несмотря на эгалитаристские ценности, в целом подчеркивавшиеся профсоюзным движением, столь широкое распространение получила в тот период практика дискриминации чернокожих? Ответ заключается в выявлении некоего самовоспроизводящегося процесса эндогенного характера: чернокожие рабочие, прибывавшие с Юга, из слабо-развитых в индустриальном отношении регионов, в прошлом трудились главным образом в сельском хозяйстве и не имели ни опыта, ни культуры профсоюзной работы. В тех случаях, когда у профсоюзов появлялась возможность самим осуществлять набор и был выбор, то они, исходя из собственных *интересов*, предпочитали брать белого рабочего с Севера, а не черного рабочего с Юга. Такая ситуация повторялась постоянно, в результате чего чернокожим было *в целом* намного труднее найти работу, нежели бе-

³¹ Wolf E. R. The Study of Evolution//Eisenstadt S.N. (ed.). Readings in Social Evolution. Op. cit. P. 179—191.

³² Merton R. K. *Éléments de théorie et de méthode sociologique*. Paris, Plon, 1965. P. 1-ге. Ch. 4.

лым. Но в ту эпоху профсоюзы были не столь признаны, востребованы и институционализированы, как сегодня, поэтому для хозяев предприятий было заманчиво получить возможность для срыва забастовок, прибегая к помощи чернокожих работников. А те, в свою очередь, испытывая трудности с поисками работы, готовы были ухватиться за первую предоставившуюся возможность. В итоге процесс шел по спирали: сомнения белых профсоюзных лидеров в наличии у чернокожих чувства профсоюзной солидарности «подтверждались фактами». Не осознавая того, белые переходили от простого чувства *недоверия*, основывавшегося на желании отстоять свои профсоюзные интересы, к *дискриминационным* отношениям.

Если остановить изложение на этом моменте, т.е. задаться целью лишь объяснить причины появления и укрепления у белых рабочих расистских чувств, направленных против черных, то получим *эндогенный* процесс, который разворачивается в *закрытой* системе, состоящей из четырех категорий акторов: белых рабочих, профсоюзных лидеров, черных рабочих и хозяев предприятий. Каждая из них с «пониманием» реагировала на свою собственную ситуацию, сложившуюся в момент t . В *совокупности* же эти реакции создавали *новую* ситуацию в момент $t + 1$ (черные рабочие испытывают еще большие трудности в поисках работы, чем в момент t ; у хозяев предприятий больше возможностей использовать их в своих интересах и т.д.), которая в момент $t + 2$ провоцирует появление также поддающихся нашему пониманию реакций, и т.д. Эффект спирали, заключавшийся в неосознанном переходе от недоверия к дискриминации, являлся следствием эндогенной комбинации действий и реакций. Такая эндогенная модель может быть легко представлена как математическая модель, и тогда она была бы аналогична тем моделям, которые используют экономисты для учета эффектов спирали, имеющих место в сфере экономики (например, «теорема паутины»).

Но предположим теперь, что мы наблюдаем процесс *гораздо большей длительности*. Через какой-то период времени проводимая профсоюзами институционализация практики дискриминационного порядка начинает привлекать внимание акторов, до того момента остававшихся пассивными и не включенными в ситуацию. Эта практика находилась в противоречии с ценностями, которые американское общество рассматривало как фундаментальные. В определенный момент она привела к тому, что в нее вмешались политики, интеллектуалы, журналисты и т.д. *Экзогенное* воздействие (т.е. воздействие, вызванное вмешательством сил, внешних по отношению к только что определенной *системе*) внесло корректив-

вы в этот развивавшийся по спирали процесс путем изменения *норм*, определявших отношения акторов в предыдущей фазе.

Я полагаю, что данный пример имеет универсальное значение. Социальная система не является таким же непосредственно наблюдаемым и идентифицируемым фактом, как, например, камень на дороге. Она может быть определена только с того момента, когда мы устанавливаем подлежащий объяснению феномен. Расизм американских профсоюзов после Первой мировой войны представляет собой совокупный результат, развивающийся внутри закрытой системы, которая состоит из четырех категорий акторов, причем каждая из них подчиняется своим принципам действия, которые мы «понимаем» достаточно легко. Если же, напротив, мы зададимся целью объяснить *одновременно* и развитие, и последующее затухание дискриминационной практики, то будем вынуждены воспринимать первоначальную систему как *открытую*, т.е. подверженную вероятным реакциям экзогенного порядка со стороны акторов, первоначально находившихся по отношению к системе *в ее внешнем окружении*.

Итак, характер — эндогенный или экзогенный — изменения некоего процесса в очень большой степени зависят от природы этого процесса и тех временных рамок, в которых мы его рассматриваем. Следовательно, было бы бессмысленно пытаться ориентироваться *в целом* как на утверждение об эндогенном характере социального изменения (что присуще в большинстве случаев марксистам и функционалистам), так и на идею о чисто экзогенном его характере (что свойственно Нисбету).

Суть занимающих столь большое место в социальных науках споров о роли конфликтов, ценностей или вопроса о преимущественно эндогенном или экзогенном характере изменения заключается, в конечном счете, в попытке решить вопросы, не имеющие ответов. Однако они интересны тем, что свидетельствуют о наличии неких *онтологических* верований. Эти верования могут играть весьма полезную роль и ориентировать исследования в направлениях, представляющих интерес. Но они способны и деформировать анализ. «*Протестантская этика*» Вебера, со всеми ее слабыми и сильными сторонами, равно как и все риторические уловки Маркса, в конечном счете свидетельствуют о сложном характере взаимодействия науки и метафизики.

Сторонники одного, время от времени упорно возникающего, предрассудка изо всех сил стремятся утвердить детерминистский постулат в качестве необходимого основания процесса научного познания¹: располагая данными о состоянии системы в момент t , необходимо признать, что данное состояние явилось следствием суммы внешних или внутренних по отношению к системе факторов в момент $t - 1$. При этом они допускают, что у какого-либо *реального* наблюдателя несомненно может возникнуть ощущение отсутствия детерминизма, поскольку он не может понять всю сумму этих факторов, причем делается оговорка, что речь может идти только об ощущении. *Сведущий* наблюдатель был бы способен «прочесть» будущее состояние мира в момент t по его состоянию в момент $t - 1$. К сожалению, Лаплас так и не объяснил, каким образом *несведущий* наблюдатель смог бы, не будучи всеведущим, узнать то, что известно его знаменитому демону.

В сфере социальных наук лапласовский демон продолжает свою пляску, хотя сам по себе он всего лишь фикция, приносящая больше вреда, чем пользы.

Начнем хотя бы с того, что некоторые процессы порождают *открытые* ситуации, в то время как следствием других являются *закрытые* (для краткости мы будем называть такие процессы *открытыми* и *закрытыми*). Однако лишь вторые позволяют определить состояние процесса в момент $t+1$, исходя из его предшествовавшего состояния.

Проиллюстрируем их различие рядом поучительных примеров. Представим себе систему взаимодействий двух персонажей. Они

Thom R. Halte au hasard, silence au bruit//Le Débat, № 3, Juillet-août 1980. P. 119–132. Рекомендую также весьма полезную работу: Largeault J. Observations sur le déterminisme et l'ordre//Ibid. Septembre 1981. P. 102–106. В ней автор отмечает комплексный характер позиции Р. Тома.

должны, следуя друг за другом, сделать выбор между двумя действиями, А и В. Каждый может, независимо от другого, избрать А или В. В зависимости от того, какой выбор они сделают, могут возникнуть четыре реальных ситуации: АА (оба избрали А), АВ (первый избрал А, второй — В), ВА (первый избрал В, второй — А), ВВ (оба избрали В). Кроме того, предположим, что из этих четырех ситуаций каждый, совершенно не задумываясь, предпочел бы всем прочим ситуацию АА. Это значит, что всякий раз, когда будет предоставляться возможность выбора, каждый будет выбирать А. Соответственно, все время будет в реальности складываться ситуация АА. Но никто из участников не сможет в отдельности избрать эту *ситуацию*, поскольку она возникает только в результате выбора их обоих, действовавших независимо друг от друга. Хотя каждый имеет возможность исключить определенные ситуации. Выбирая А, первый участник исключает ВА и ВВ. Выбирая А, второй аналогичным образом исключает АВ и ВВ. Но, исключая ВА и ВВ, первый в то же время открывает возможность для появления ситуаций АА и АВ. Второй при выборе одного из двух вариантов, исключив В, открывает две возможности — АА и ВА, из которых сам он не может навязать другому ни первую, ни вторую. Таким образом, каждый из двух имеет возможность создать другому определенный набор ситуаций, из которых тот и будет выбирать подходящую для него. Может статься так, что результат окажется неприятным для одного участника или для обоих сразу, но сейчас мы разбираем иной случай. Выбирая между ситуациями, предлагаемыми ему другим, каждый из них делает реальной некую ситуацию АА, относительно которой мы уже предположили, что для обоих персонажей она предпочтительнее прочих. Всякий раз, когда им будет предлагаться выбор, каждый из них будет выбирать А и тем самым способствовать, со своей стороны, созданию ситуации АА.

Обозначим понятием «*структура* процесса» сумму имеющихся гипотез: участники обязаны совершать последовательно друг за другом выбор между А и В; обоим ситуация АА устраивает больше, чем какие-либо иные. Процесс подобного рода может спрогнозировать и сторонний наблюдатель, который тем самым может овладеть структурой процесса. Ситуацию АА будет сменять ситуация АА, затем вновь возникнет ситуация АА и т.д. Этот вымышленный процесс подчиняется столь же строгому детерминизму, как и случай с ньютоновским яблоком. Причина того, почему такое прогнозирование оказывается достаточно легким, заключается в том, что данный процесс ставит акторов в *закрытую ситуацию*. С *онтологической* точки зрения от случая с ньютоновским яблоком их

отличает то, что они обладают способностью мышления и предвидения. Но наш пример доказывает, что только при участии разумных, способных к предвидению и выбору акторов можно построить детерминированный и прогнозируемый процесс и, соответственно, такой процесс не может включать в себя пассивных субъектов. В общем, детерминистский характер процесса зависит от *природы* не составляющих систему элементов, а связывающих их отношений.

Рассмотрим теперь процесс, аналогичный предыдущему по всем позициям, за исключением одной. Как и ранее, каждый из двух участников осуществляет последовательный выбор между А и В. Но на этот раз между ними нет единодушия по поводу предпочтительной *ситуации*. Первый ситуацию АВ предпочитает больше, чем какие-то иные, в то время как для другого предпочтительнее противоположная ситуация — ВА. Нетрудно представить себе социальные ситуации, вызывающие появление симметричных предположений подобного рода: «Нужно избрать вожака и нужно, чтобы им был я» — так решает каждый из двух играющих детей. С формальной точки зрения этот банальный пример передается системой следующих предпочтений: АВ предпочтительнее АА, ВВ, ВА для первого, ВА предпочтительнее АА, ВВ, АВ для второго.

В данном случае первый актор в состоянии исключить из поля возможностей либо сумму ситуаций ВА—ВВ (для этого необходимо лишь, чтобы он избрал А), либо сумму ситуаций АА—АВ (для этого ему достаточно избрать В). При зеркальном отражении второй имеет возможность исключить либо сумму АА—ВВ, выбирая А, либо сумму АА—ВА, выбрав В. Но ни один из возможных выборов не будет в полной мере удовлетворять ни первого, ни второго. Первый может надеяться на возникновение благоприятной для него ситуации АВ лишь в том случае, если он выберет А. Выбирая В, он может ставить крест на возможности возникновения ситуации АВ. Но выгоден ли для него выбор А? Ведь для него необходима ситуация АВ, а для этого надо, чтобы второй имел все основания выбрать В. Но этот второй совершенно не расположен к такому выбору, поскольку выбор В исключает возможность появления желательной для него ситуации ВА. И первый, и второй имеют все основания выбрать А. Но коль скоро их желания полностью совпадают, то они вполне могут столкнуться с тем, что не реализуются ни АВ, ни ВА. Таким образом, для каждого из них выбор А бесполезен. Для первого и для второго имело бы смысл выбрать А, если бы ситуации ВА и АВ были совершенно нежелательными для обоих. Но в данной гипотезе ничто не указывает на то, что ситуация ВА более нежелательна для первого, чем, например, АА, или что

АВ более нежелательна для второго, чем АА. Мы только предположили, что всем иным ситуациям первый предпочтет ситуацию АВ, а второй — ВА.

И что же произойдет в ближайшем будущем? Предсказать это невозможно. Система гипотез приводит нас к ситуации полной неопределенности. Структура процесса (сумма гипотез) такова, что ни первый, ни второй участник не располагают достаточными основаниями для предпочтения выбора А перед В. Структура процесса создает *открытую ситуацию*. Разумеется, можно ввести ряд случайных гипотез. Можно, к примеру, предположить, что только первый актер обладает характером, склонным к доминированию. В таком случае он может навязать второму ситуацию АВ. Но можно выдвинуть и гипотезу о том, что оба персонажа обладают одинаковым характером. В таком случае эволюция процесса непредсказуема. Короче говоря, наш пример показывает, что равно легко представить себе как элементарные социальные процессы, характеризующиеся *всеобщей детерминированностью* (т.е. такие, которые порождают *закрытые ситуации*), так и процессы, характеризующиеся *полной неопределенностью* (порождающие *открытые ситуации*).

Вопреки распространенному сегодня предрассудку, недетерминированный процесс представляет для нашего познания ничуть не меньший интерес, чем процесс, строжайшим образом детерминированный. Сколь бы парадоксальным и провоцирующим ни было это высказывание, оно становится банальным, если мы обратимся к двум нашим поучительным примерам. В первом примере наблюдатель сможет с полной уверенностью предсказать, что именно будет происходить каждый раз, если участники будут сталкиваться с выбором между А и В. С такой же легкостью он сможет понять, в чем кроются причины его столь ясного понимания перспектив процесса: поскольку предпочтения акторов естественны (согласно гипотезе, они не могут, оставаясь в здравом рассудке, предпочесть ситуации АА какую-либо иную) и совпадают (единство в предпочтении ситуации АА), то вообще неясно, каким образом может сложиться другая, чем АА, ситуация. Во втором примере наблюдатель не может предсказать варианты выбора участников, но он может достаточно точно понять причины своей неспособности спрогнозировать их: поскольку ситуация, в которой находятся акторы, является открытой, то ни один из них не может выбрать А в противовес В, или наоборот. Наблюдатель не может предсказать состояние процесса в момент t — но он может понять и объяснить, почему подобное предсказание невозможно. Иными словами, невозможность предсказания есть следствие струк-

туры второго процесса, равно как и возможность предсказания вытекает из структуры гипотез, определяющих первый процесс.

Короче говоря, никакая общая связь не может быть установлена между возможностью наблюдателя понять процесс и характером — строго детерминированным, частично детерминированным или же абсолютно недетерминированным — данного процесса. Не существует связи между *интересом*, который вызывает у нас процесс, и степенью его детерминированности. Понять, почему акторы, попавшие в ситуацию второго типа, не имеют оснований для выбора А и предпочитают выбрать В, не менее интересно, чем понять, почему акторы, оказавшиеся в ситуации первого типа, склонны выбирать скорее А, нежели В. Я не понимаю, почему одно из этих двух познавательных занятий может оказаться более интересным и интеллектуальным, чем другое.

В сфере социальных наук лапласовский демон сталкивается, таким образом, с первым препятствием — существованием *незакрытых* ситуаций. Второе препятствие — существование не являющихся абсолютно прогнозируемыми *инноваций* (что вовсе не означает их непознаваемости). Третье препятствие представляют собой то, что я обозначу, прибегнув к ссылке на классика, как *эффекты Курно*. Незакрытые структуры, не поддающиеся абсолютному прогнозированию инновации, эффекты Курно не позволяют представить социальные процессы в духе Лапласа. Из этого следует, что постулат детерминизма, зачастую рассматриваемый как необходимое основание для познания реальности, может, напротив, — по крайней мере, применительно к социальным процессам, — создавать помехи для анализа и тормозить процесс их познания.

Закрытые и открытые процессы

Весьма известным исследованием французских социологов, специалистов в области функционирования организаций, является данный М. Крозье анализ предприятия, обозначенного кодовым названием «*монополия*»². Он исследует процесс, содержащий в себе закрытые ситуации: участвующие в них акторы постоянно сталкиваются с выбором. Но как в нашем первом воображаемом примере, приведенном выше, так и здесь их выбор в значительной мере предсказуем. Необходимо несколько детальнее рассмотреть, почему он является таковым.

² Crozier M. Le phénomène bureaucratique. Paris, Le Seuil, 1963; Peaucelle J.-L. Théorie des jeux et sociologie des organisations//Sociologie du Travail. XI. 1969. P. 22–43.

Монополия — это группа предприятий, обладающая, как указывает само ее кодовое название, монополией на производство некоего продукта. Каждым из заводов управляют директор и его заместитель. Директор отвечает за успешное функционирование предприятия, его заместитель — за производство. Заместителю подчиняется технический инженер. В команду директора входит также эксперт по финансам, которому вменен контроль за своевременностью принимаемых директором финансовых решений. Что же касается рабочих, то они распределены по производственным цехам, во главе которых стоят начальники цехов. Бригады рабочих, ремонтирующих машины и обслуживающих их, как и производственные бригады, находятся под контролем технического директора.

Предприятие (и все оно в целом, и составляющие его отдельные предприятия) предстает в исследовании Крозье как малоэффективное, нединамичное, рутинное, на нем постоянно возникают конфликты. Любопытно, что смысл конфликтов на всех предприятиях в рамках Монополии один и тот же. Думается, что и способы решения этих конфликтов могли бы быть одинаковыми на всех заводах. На каждом из них реальные властные полномочия технического инженера превышают те, которые положены ему согласно официальному определению его роли. Заместитель же директора выглядит неспособным к реальному осуществлению той власти, которой, в соответствии с существующей органограммой, он наделен по отношению к техническому инженеру. Похоже, на всех заводах рабочие-ремонтники обслуживают машины рабочих производственных подразделений по собственным правилам и ведут себя как привилегированная каста, имеющая прикрытие в лице технического инженера. Но почему система, которую нельзя признать удовлетворительной ни с точки зрения коллектива, ни с точки зрения многих акторов или отдельных групп акторов и которая абсолютно очевидно является *дисфункциональной*, воспроизводится совершенно в том же виде в течение долгого времени?

Ответ на наш вопрос может быть таким: организация является структурой, отличающейся следующими характеристиками.

1) Теоретически каждый актор (или категория акторов) может выбрать любую из многочисленных интерпретаций своей роли. Обозначим как (I_i) эту сумму возможных интерпретаций, например $(I_i) = (I_{i1}, I_{i2})$.

2) Каждого актора (или категорию акторов) «структура» усиленно побуждает (далее мы уточним значение этого понятия) к выбору определенной интерпретации элемента (I_i) . Например, речь идет о I_{i1} , в этом случае мы имеем дело с закрытым процессом.

3) Осуществляя навязываемый структурами «выбор» интерпретации собственной роли, отдельные акторы оказываются в невыгодном положении: ситуация, которую они сами создали собственным выбором, с их точки зрения, не является наилучшей. Но воздействие структур столь сильно, что акторы не способны сопротивляться ему. Вследствие этого появляются одновременно ощущения бессилия и фрустрации. Пользуясь технической терминологией, можно сказать: равновесие, в которое приходит система интеракций, дефицитно³.

4) В условиях дефицитного равновесия мы зачастую сталкиваемся с инновационным поведением части акторов: если правила игры таковы, что меня постоянно загоняют в угол, то я могу попытаться изменить их. Но нужно еще и иметь возможность сделать это. Однако в случае с Монополией акторы находятся в такой ситуации, что ни один из них не обладает одновременно и *способностью* и *мотивацией* для изменения правил игры.

Короче говоря, ни один актер реально не способен к выбору между возможными, теоретически открытыми для него интерпретациями его роли. Теоретически актер может сделать выбор между I_1 и I_2 . Но побуждение к выбору I_1 столь сильно, что возможность выбора так и остается чисто теоретической. Это *сокращение* пространства выбора ни в коей мере не является общей особенностью взаимодействующих структур. Но в некоторых случаях она возможна. Тогда мы должны вскрыть причины ее существования. Вместе с тем, некая структура может иметь тенденцию (как в рассматриваемом нами примере) медлить с введением инновации, т.е. в данном случае к созданию пространства нового выбора. *Сокращение* пространства выбора и перекрытие акторам возможностей войти в это пространство обуславливают закрытый характер процесса, подчиненного закону «воспроизводства».

Рассмотрим, к примеру, систему взаимодействий рабочих производственных бригад, рабочих-ремонтников и начальников цехов. Зарплата рабочих производственных бригад в определенной степени зависит от их выработки, поэтому они заинтересованы в том, чтобы поломки машин устранялись как можно быстрее. (Необходимо уточнить: поскольку используемое сырье неоднородно, то машины ломаются часто, предвидеть их поломки трудно и не менее трудно избежать их.) Начальники цехов также заинтересованы в том, чтобы поломки машин устранялись в кратчайшие сроки, ведь они несут ответственность за нормальную работу це-

³ Это значит, что существует другое теоретически возможное решение, которое с полным единодушием предпочли бы акторы.

хов. Их авторитет не может не страдать, если цеха будут работать с перебоями. Что же касается рабочих-ремонтников, то их интересы противоположны интересам двух других категорий акторов. Если бы они взяли за правило устранять поломки как можно скорее, то тем самым создали бы себе не самые лучшие условия труда, поскольку в какие-то дни их нагрузка была бы очень большой, а в какие-то они маялись бы от безделья. Они совершенно не заинтересованы иметь такие условия труда: коль скоро их работа, в отличие от работы производственных бригад, не поддается строгому учету, то и зарплата их не зависит от того, когда они выполняют ее. Вместе с тем, находясь в положении монополистов, они, по определению, не подпадают под действие моральных санкций, каковым могли бы быть подвергнуты, если бы результаты их труда выглядели как малоэффективные по сравнению с результатами труда конкурирующей бригады.

Мы можем непосредственно наблюдать последствия, вытекающие из только что описанных нами технологических и институциональных данных: теоретически рабочие-ремонтники имеют выбор между двумя возможными интерпретациями их роли: (I_1, I_2). Они могут (I_1) принять модель альтруистического поведения и относить на свой счет все неудачи и сбои, являющиеся следствием непредсказуемости поломок машин. Регламентируя график своей работы, они могут даже (I_2) проигнорировать интересы рабочих производственных подразделений, неважно, что впоследствии на них может лечь ответственность за возникновение очередей, если поломки будут происходить одновременно в нескольких цехах. Разумеется, пространство выбора (I_1, I_2) является чисто теоретическим или скорее его можно назвать *возможным, потенциальным*. Все подталкивает рабочих-ремонтников к выбору I_2 : эта ситуация им выгодна и не создает никаких неудобств. Соответственно, не составляет особого труда понять, что именно выбор I_2 будет представлять собой ту форму поведения, которую предпочтут рабочие ремонтных бригад.

Единственная неприятность, которая могла бы грозить рабочим-ремонтникам вследствие выбора I_2 , — это возможность подвергнуться осуждению со стороны их товарищей по работе. Последнее, в свою очередь, располагают двумя теоретически возможными интерпретациями своих отношений с ремонтными бригадами. Они могут успокоиться и в случае поломки спокойно ожидать прибытия рабочих-ремонтников (J_1). Само собой разумеется, подобная линия поведения чревата неприятностями, поскольку цифры в платежной ведомости рабочих производственных бригад зависят от их выработки. Но ведь выполнение рабочими-ремонтниками

нерегулярной по своему характеру работы, предполагающей непрогнозируемое чередование авралов и периодов затишья, — обязанность не из неприятных. Другая (J_2) линия поведения могла бы выглядеть как попытка воздействовать на рабочих-ремонтников: взывать к их совести, расшевелить их с целью участить их появление. Разумеется, теоретически J_2 была бы наилучшей из возможных линий поведения. Но наилучшей она могла бы быть только при условии ее эффективности. В противном случае она будет представлять выбор, еще менее оптимальный, нежели J_1 : если рабочие производственных цехов начнут безрезультатно давить на ремонтников, то это приведет лишь к ухудшению общего климата в цехе и на предприятии. Кроме того, они рискуют тем, что именно на них ляжет ответственность за ту напряженность, которая может возникнуть между этими двумя категориями рабочих, их даже могут обвинить в подрыве рабочей солидарности и нормального функционирования профсоюзного аппарата. Короче говоря, J_2 является для рабочих производственных цехов лучшей стратегией, чем J_1 , но при одном условии: если она способна произвести впечатление и вызвать изменение стратегии рабочими-ремонтниками. Иными словами, она будет наилучшей, если окажется способной подтолкнуть рабочих-ремонтников к принятию стратегии I_1 тогда, когда их собственные интересы толкают их к выбору I_2 .

Действительно, выбор J_2 привел бы к *ситуации* I_2J_2 , которая для рабочих производственных подразделений хуже, чем та, которая сложилась бы, если бы они избрали стратегию примирения (J_1). То есть рабочие производственных подразделений, если они изберут стратегию J_2 , подвергнут себя значительному риску — либо риску противостояния, либо риску быть обвиненными в разрушении рабочей солидарности. Ни то, ни другое не приведет к положительному результату. Как только рабочие производственных подразделений вознамерятся следовать стратегии типа J_2 , рабочие-ремонтники легко смогут показать им, сколь нерушимо связаны они с моделью I_1 . Однако маловероятно, чтобы первые пытались найти выход в ситуации J_2 : данная ситуация, а точнее, получаемая рабочими-ремонтниками выгода от их положения монополистов, а также сдельный характер оплаты их труда могут разубедить рабочих производственных подразделений в необходимости прибегать к нажиму. Ремонтники могут оказаться не чувствительными к возможному моральному воздействию на них — единственному оружию, которое в состоянии использовать рабочие производственных цехов: если они не появляются в каком-либо цехе в требуемое время, то всегда могут объяснить это занятостью их в других цехах.

Все складывается таким образом, что рабочие-ремонтники «предпочитают», так сказать, «эгоистическую» интерпретацию своей роли, избирая ситуацию I_1 . Все складывается так, что рабочие производственных подразделений ясно осознают свою неспособность применить методы запугивания или угроз по отношению к ремонтникам. Короче говоря, у рабочих производственных цехов нет выбора. Пространство их выбора *сводится* к J_1 . Это (а именно сумма организационных и технологических факторов) практически обрекает их на «выбор» J_1 .

В конечном счете ясно, почему данная часть процесса является закрытой: из четырех теоретически возможных комбинаций стратегий, или ситуаций, от I_1 J_1 до I_2 J_2 , три относятся к числу потенциальных и лишь четвертая реальна.

При включении в систему взаимодействий начальников цехов мы получим возможное пространство выборов, теоретически предполагающее восемь ситуаций. Как и рабочие производственных подразделений, начальники цехов заинтересованы в том, чтобы тормозить (K_1) ремонтников. Если рабочие-ремонтники будут являться для починки машин, когда им вздумается, то начальники цехов, ответственные за их нормальное функционирование, будут поставлены в трудное положение: рабочие-производственники, скорее всего, начнут обвинять их в неэффективности работы, и их авторитет окажется под угрозой. Даже если рабочие производственных подразделений не будут открыто выражать свое недовольство, у начальников цехов может сложиться впечатление, что они не способны нести тот груз ответственности, который предписывает им их «роль». Но загвоздка в данном случае та же, что и в предыдущем. K_1 может стать оптимальной стратегией для начальников цехов только в случае ее эффективности. В противном случае ее использование чревато серьезным риском. Занимая ответственную должность, начальник цеха заинтересован в сохранении своего морального авторитета. В глазах рабочих производственных подразделений моральный вес начальника цеха только возрос бы, если бы он оказался способен подчинить рабочих-ремонтников интересам своего цеха. И его авторитет действительно был бы ущемлен, если бы, пытаясь воздействовать на ремонтников, он сумел бы лишь в худшем случае предоставить тем возможность подчеркнуть их самостоятельность, а в лучшем — выявить собственное бессилие. Короче говоря, K_1 является наилучшей стратегией только в том случае, если есть надежда на ее эффективность, и опасна в случае ее возможной неэффективности. Соответственно, все говорит за то, что она может оказаться неэффективной, поскольку начальник цеха не располагает какими-либо средствами для запуги-

гивания рабочих-ремонтников. В таком случае у начальника цеха есть все основания избрать стратегию K_2 (стратегию уступок), хотя, следуя ей, он приходит к тому, что своими собственными руками создает для самого себя неблагоприятную ситуацию. Но ситуация, которую он мог бы создать, прибегнув к стратегии K_1 (активное вмешательство), была бы еще более обескураживающей.

Возможное пространство $I_1 J_1 K_1 - I_2 J_2 K_2$ *сокращается*, таким образом, до реального пространства $I_2 J_2 K_2$: рабочие-ремонтники навязывают свои законы поведения двум другим категориям, которые, в силу своей неспособности предпринять какие-то иные шаги, вынуждены смириться. Ситуация складывается благоприятно для рабочих-ремонтников и неблагоприятно — для двух других категорий. Разумеется, можно было бы представить себе, как эти категории работников требуют изменить правила игры, ставящие их пока в позицию совместных разработчиков той ситуации, которую они не могут расценивать иначе, как неблагоприятную для них. Однако «правила» игры представляют собой продукт не только системы сложившихся отношений, но и технологических факторов, которые трудно изменить за короткое время (неоднородность исходного сырья, ненадежность машин). Все эти факторы и установившиеся в Монополии отношения, как и технологические факторы, формирующие *систему*, в сложившейся ситуации приносят определенный доход, которым пользуются и рабочие-ремонтники; само собой разумеется, они не намерены терять свою долю.

Все предпринимаемые исследования Монополии упираются в одно обстоятельство: институционализированные факторы и практики приводят к формированию стратегических пространств, включающих в себя тех или иных акторов, но любое стратегическое пространство ограничено. Так, заместитель директора и технический инженер включены в систему двусмысленных отношений, которая формируется вследствие того, что первый обладает формальной властью над вторым, однако у него гораздо меньше опыта в решении практических вопросов. Первый — это чаще всего молодой выпускник Политехнической школы, отсиживающийся на работе в ожидании следующего назначения. Второй, посевший на службе специалист, имеет значительно больший практический опыт. Если между ним и заместителем директора возникнет конфликт, то именно за ним, скорее всего, окажется последнее слово. Как и в предыдущем случае, возможное стратегическое пространство реально сжимается до небольшой клеточки: заместитель директора смиряется с мыслью о необходимости уступить техническому инженеру часть выгоды от наличной ситуации, а именно той выгоды, которую предоставляет тому практика найма

на работу и правила функционирования предприятия. Таким образом, возможное стратегическое пространство сводится к минимальным размерам. Как и в предыдущем случае, «решение» «игры» неодинаково удовлетворяет ее участников. Технический инженер, имеющий *реальную* власть, совершенно не стремится к изменению правил игры. Что же касается заместителя директора, то он располагает исключительно *формальной* властью, но тоже не намерен добиваться изменения правил, поскольку его пребывание на предприятии — лишь этап в его карьере.

Монополия представляет собой образцовый тип структуры, деятельность которой приводит к *закрытому* процессу, подчиненному относительно строгому детерминизму. Поведенческие акты в ней имеют прогнозируемый и повторяющийся характер. Это объясняется тем, что образующие систему факторы, во-первых, сводят к минимальному уровню суммы определяемых ими стратегических пространств и, во-вторых, формируют у акторов убеждение в бессмысленности действий, направленных на модификацию правил игры.

Но настоятельно необходимо подчеркнуть также, что *закрытый* характер процесса непосредственно зависит от суммы условий. При изменении хотя бы одного из них процесс может утратить закрытый характер. Если техническая инновация изменит частоту поломок машин, то вновь станет открытым стратегическое пространство, соответствующее системе взаимодействий трех категорий работников: рабочих производственных подразделений, начальников цехов и рабочих-ремонтников. Следствием этого будет то, что решение «игры» может утратить *детерминированный* характер. Изменение практики назначения и приема на ответственные должности тоже может открыть новые стратегические пространства. При изменении органограмм может измениться и структура взаимодействия подсистем. Таким образом, *закрытый* и предсказуемый характер процесса не является следствием досадных культурных традиций, мешающих актерам лицом к лицу встретить возникающие конфликты. Он, скорее, следствие относительно хрупкого комплексного сочетания (хрупкого именно в силу комплексности) технологических и институциональных факторов.

Выводы, которые позволяет сделать рассмотренный нами пример, следующие: 1) в сфере социальных наук явно существуют процессы, подчиняющиеся строгому детерминизму; так, поведение акторов Монополии строго предсказуемо; 2) процессы данного типа имеют место тогда, когда акторы поставлены в такие условия, что все стратегические пространства, определяемые системой их взаимодействий, сводятся к минимальным размерам;

3) закрытый характер процесса всегда в огромной степени зависит от целого комплекса условий. Вывод: если какое-либо условие подвергается изменению, то процесс может утратить свой закрытый характер. Поведение акторов перестанет быть детерминированным и предсказуемым.

Отметим, между прочим, что относительно выводов Крозье, сделанных им на основе анализа Монополии, можно высказать те же самые замечания, что были сформулированы в главе 3 по поводу анализа Хагена. Совершенно очевидно, что присущее Монополии «торможение» («блокирование») тесно связано с характеристиками системы взаимодействий, описанной под этим кодовым названием. Соответственно, в Монополии невозможно увидеть последствий того коренящегося в культурном наследии влечения, которое якобы присуще французам и заставляет их избегать дискуссий, чреватых конфронтацией, что, однако, независимо от их желания, приводит к созданию ситуаций торможения (блокирования), которые не могут быть преодолены иначе, как только путем прохождения через фазу кризиса. Другими словами, «торможение» («блокирование») Монополии не может восприниматься как частная иллюстрация *общего* процесса, который оно якобы позволяет обнаружить индуктивным путем.

Ситуации «навязанного выбора» характеристик закрытого процесса, совершенно естественно, не обладают никаким приматом, ни онтологическим, ни научным. Речь абсолютно не может идти об *онтологическом* примате, поскольку очевидно, что в случае существования ситуации навязанного выбора должны существовать и ситуации реального выбора. Речь совершенно не может идти также о *научном* примате: действительно, почему лишь ситуации навязанного выбора должны представлять интерес с научной точки зрения? Выявление того, почему одна сумма условий не приводит к серьезному сокращению поля решений, отнюдь не представляется с научной точки зрения менее интересной задачей, чем выявление того, почему другие наборы условий приводят к сужению его до минимума. Констатировать, что какая-то игра относится к категории закрытых, и объяснить причины этого, задача не более и не менее «научная», нежели попытка доказать, что другая игра является открытой, и объяснить причины ее открытости. Если, конечно, мы не исходим из посылки, что без детерминизма нет науки. При такой посылке, действуя подобно пьянице, который искал потерянные ключи под фонарем только из-за того, что там было светлее, исследователь может обратиться к процессам закрытого типа не потому, что они представляют больший интерес, а лишь в силу их большей предсказуемости.

Многие из упомянутых в предыдущих главах работ представляют собой примеры открытых процессов. Таковы, например, посвященное проблемам Бенгалии исследование Бадюри, исследование Дора¹ трансформации японской агрикультуры. Напомним в нескольких словах содержание последнего. Когда в конце XIX в. японское правительство начало стимулировать земельных собственников к повышению производительности, на первых порах успех был достаточно скромным. Причина этого заключалась в следующем: существовавшая практика пересмотра размеров ренты побуждала собственника к инвестированию и одновременно отталкивала от этой идеи. В пользу инвестирования говорил такой факт: увеличивая производительность, он мог рассчитывать на погашение тех потерь, которые обуславливала существовавшая практика снижения ренты до минимальных размеров в неурожайные годы. Нежелательность инвестирования доказывало следующее соображение: к чему производить инвестиции, если общепринятая практика убеждает в стабильности ренты в удачные годы. Логика ситуации создавала поле с двумя возможными вариантами выбора: инвестирование и отказ от инвестирования. Земельный собственник не мог игнорировать суть поставленного правительством вопроса об инвестировании, поскольку оно предлагало ему субсидии и он должен был принять решение. В то же время логика ситуации складывалась таким образом, что каждый имел равные основания для того или иного выбора.

С самого начала данный пример показывает (если только эта мысль нуждается в подтверждении), что существуют открытые процессы, в которых логика ситуации определяет сумму вариантов выбора, но не позволяет предположить, какой из них предпочтительнее. Такое предположение выдвигается большей частью тогда, когда речь заходит о действиях индивидов, на которых лежит «ответственность». Намного реже его выдвигают, когда речь заходит об «ограниченных решениях», которыми занимаются социальные науки, экономика или социология. В этом случае обычно предполагают, что выбор в целом навязан логикой ситуации или традицией; если же не удастся объяснить его таким образом, то обычно утверждают, что он не представляет интереса. Но подобное заключение имеет метафизический характер. Процессы, которым свойственны ограниченные пространства выбора, в большинстве своем являются исключениями. Я не могу понять, во имя каких принципов можно утверждать, что только такие процессы единственно заслуживают рассмотрения. Второе предположение

¹ См. гл. 4 и 5.

заключается в том, что открытый или закрытый характер пространства выбора является основополагающим параметром анализа. Если не замечать того, что пространство выбора, в котором оказались японские землевладельцы, было открытым, то мы так и не поймем, почему одни из них *делали инвестиции*, а другие нет; ведь *объективно* все они находились в одинаковой ситуации. Столь же непонятной будет и роль идеологии и верований. В принципе идеология и верования могут сообщать актору *основания* выбора той или иной линии поведения, потому что логика ситуации создает открытое пространство. В противном случае они несомненно имели бы ограниченное влияние. Короче говоря, сумму наблюдавшихся Дором фактов можно объяснить лишь в том случае, если исходить из наличия *открытого* пространства выбора. Признание недетерминированного характера процесса является условием его анализа.

Инновация и социальное изменение

Существование открытых процессов — вот первая фундаментальная причина, по которой детерминистское объяснение социальных процессов следует признать малопримемым. Второй причиной является то, что действие не принимает с необходимостью форму выбора между предлагаемыми вариантами, оно в равной мере может иметь и инновационный характер. На это чаще всего возражают, что инновация вовсе не обязательно должна создавать прорехи на ткани детерминизма, поскольку она всегда соответствует некоему запросу («Ты не искал бы меня, если бы уже не нашел раньше»). Инновация, принятая в момент $t + 1$, есть, согласно этой концепции, ответ на запрос, сформулированный в момент t , т.е. знать запрос — значит предвидеть инновацию. Но необходимо отличать ситуации, в которых инновация является ответом на четко сформулированный запрос, от тех ситуаций, в которых она должна восприниматься скорее как *специфический* ответ на *четко* сформулированный вопрос. Во втором случае инновация может быть совершенно непредсказуемой и играть роль генератора «прорех».

Однако инновация может восприниматься как система только тогда, когда последняя способна к ее восприятию. Говоря точнее, необходимо, чтобы инновация воспринималась определенными акторами как нечто, имеющее позитивные последствия. Необходимо также, чтобы определенные акторы приняли на себя труд по ее внедрению. Принятие (либо отвержение) инновации системой является, таким образом, функцией определенных характеристик

системы. Как указывал Линтон⁵, трудно привить навыки употребления штыковой лопаты в обществах, представители которых незнакомы с обычаем носить обувь. Точно так же Уайт⁶ наглядно показал, что плуг с металлическим лемехом менее всего распространен именно в областях с минимальной плотностью населения. Будучи более мощным орудием, чем соха, плуг с металлическим лемехом был способен поднимать более тяжелые и плодородные слои земли. Он мог, таким образом, существенно повысить производительность сельскохозяйственного труда. Но он требовал больше энергии, поскольку тащить его в единой упряжке могли несколько сильных быков. Развитие сельскохозяйственного производства и уровень жизни в рассматриваемую Уайтом эпоху (европейское средневековье) были таковы, что средний крестьянин не имел необходимого количества тягловой силы для использования плуга с металлическим лемехом. Поэтому в основном он прививался в районах, где плотность населения позволяла крестьянам кооперироваться и объединять быков. В этих примерах принятие инновации является функцией характеристик системы. Но тем не менее из них вовсе не следует, что, зная характеристики системы, можно объяснить изменение технического порядка. Для использования населением плуга с металлическим лемехом необходимо, чтобы оно познакомилось с ним и научилось его изготовлять. Таким образом, тот факт, что инновация не может быть принята, если она не соответствует *требованиям* системы, вовсе не достаточен для трактовки распространения инновации как простого следствия характеристик системы. Нужно также, чтобы существовало предложение, соответствующее запросу. Однако второе не обуславливает с необходимостью появления первого.

Абсолютно верно, что появление инновации *иногда* гораздо сильнее, нежели в предыдущих примерах, зависит от характеристик системы и что запрос на инновацию можно рассматривать как напрямую ответственный за возникающее предложение. В подобном случае появление и распространение инновации могут рассматриваться в качестве составных частей эндогенного процесса. Хотя по определению инновация содержит в себе непредсказуемые аспекты, *в данном случае* она может восприниматься как следствие особенностей системы. В Англии в XVIII в.⁷ появление пер-

Linton R. Cultural and Personality Factors Affecting Economic Growth// Hoselitz B. (ed.). The Progress of Underdeveloped Areas. Chicago, University of Chicago Press, 1952. P. 73–88.

⁶ White L. Technologie médiévale et transformations sociales. Paris, Mouton, 1969.

⁷ Smelser N. Social Change in the Industrial Revolution. London, Routledge & Kegan Paul, 1959, 1967.

вых ткацких станков сопровождалось созданием ткацких мастерских. Но рентабельность последних зависела от того, насколько легко ткач мог обеспечить себя запасом нити. Однако традиционно нить пряли на фермах и такая профессия ткача, естественно, была не чем иным, как одним из занятий фермеров. По прошествии некоторого времени ткачи столкнулись с невозможностью удовлетворения собственных потребностей в запасах нити путем ассоциирования своих мастерских с мастерскими по производству нити. Прядильное производство было слабым, и стоимость производства нити была чрезмерно высокой. Образовавшееся «узкое место» в производстве определило четкий запрос ткачей, на который мог быть только один ответ: техническая инновация. Человек, который предложил бы способ, позволяющий прясть больше хлопка за меньшее количество времени, был бы просто обречен на успех. В случаях, подобных этому, система побуждает отдельных акторов к четкой формулировке запроса. Однако в момент формулирования запроса невозможно было предвидеть в деталях все технические изобретения, которые позволили бы улучшить ткацкое производство, иначе как вообще можно говорить об изобретении? Но вполне обоснованно можно было бы предвидеть, что в более или менее отдаленной перспективе появятся одна или несколько инноваций, отвечающих на запрос ткачей.

Существование подобных случаев — это манна небесная для тех, кто мечтает совместить инновацию с детерминистским видением изменения. Да, совершенно верно, *в определенных случаях* инновация выступает как предложение (ответ) на некий эксплицитный запрос, следовательно, ее можно рассматривать в качестве следствия этого запроса. А поскольку сам запрос является производным «структуры» системы, постольку инновация, причем любая, тоже может рассматриваться как следствие структуры системы. Для историка, социолога или экономиста знание того, какие конкретные технические варианты были предложены для решения проблемы повышения производительности системы ткацкого производства, является несущественным. Единственно важным для них будет тот факт, что повышение производительности отвечало настойчивому запросу, который и привел к решению исключительно *технического* характера.

Но, повторимся, этот пример, каким бы интересным он не был, представляет собой частный случай. Случай с металлическим плугом представляет собой уже пример другого рода, поскольку здесь предложение не может рассматриваться как следствие запроса. Предложение, усвоенное в силу его адаптивной ценности, имеет происхождение, независимое от запроса. Впрочем, все приве-

денные Уайтом примеры выстроены по аналогичной схеме: инновации (идет ли речь о плуге с металлическим лемехом, применении удил или четырехцилиндровом моторе) возникают примерно так же, как появляются *мутации* в некой популяции⁹. Если данная инновация обладает адаптивной ценностью (т.е. позволяет, например, увеличить производительность) и если она приемлема (если условия, на которых ее можно ввести в действие, не препятствуют процессу), то у нее есть шансы пройти отбор (*селекцию*). Но помимо этого существуют инновации, адаптивную ценность которых оценить сложнее. Колеман⁹ с полным основанием подчеркивает, что понятие моральной личности было юридической инновацией, соответствовавшей определенным запросам, но в полной мере оно к ним не сводится. Его адаптивная ценность измерялась тем, в какой мере оно способствовало облегчению процессов обмена. Но совершенно очевидно, что адаптивная ценность такой инновации не поддается такой же точной оценке, как адаптивная ценность применения удил. Речь идет скорее об организационном новшестве, подобному англосаксонскому «closed shop»¹⁰. Эта новинка уже вошла в жизнь. Она, очевидно, потому обладает адаптивной ценностью, что позволила профсоюзному движению расширить свое влияние. Но то, что она прошла отбор (*селекцию*), должно рассматриваться не только как результат реализации профсоюзными организациями собственных интересов, но и как следствие случайных факторов. Что же касается другой известной инновации, партии ленинского типа, то она с большим трудом может быть сведена к схеме «мутация — селекция».

Не углубляясь далее в эту дискуссию, задержимся, тем не менее, на нескольких ее моментах. С самого начала необходимо, как подсказывают вышеприведенные примеры, различать множество типов инноваций, даже если с точки зрения практики их различия имеют идеальный характер. Я хочу сказать, что, решая, к какому типу относится определенная инновация, мы можем столкнуться с трудностями. Однако существование этих типов и постоянство порождаемых ими различий, как мне представляется, имеют универсальный характер. Отдельные инновации (кроме технических), действительно являются бесхитростными ответами на четко сформулированные запросы. Такие инновации совместимы с де-

⁹ Farrel M.J. Some Elementary Selection Processes in Economics//Review of Economic Studies. XXXVII. 1970. P. 305—319.

⁹ Coleman J. Resources for Social Change. N.Y., Wiley, 1971.

¹⁰ Выражение, обозначающее контроль над рабочим местом со стороны профсоюзов.

терминистским пониманием социальных процессов: поскольку их появление выступает следствием некоего запроса, то они могут рассматриваться как порождение характеристик системы. Другие инновации скорее можно свести к мутациям: они не являются продуктом системы, а отобраны ею (говоря точнее, отдельными акторами, принадлежащими к системе) в силу их совершенно бесспорной адаптивной ценности. В данной ситуации принятие инновации в момент t является следствием (в определенной мере) характеристик системы в момент $t-1$: в районе, где плотность населения невелика, плуг с металлическим лемехом, даже если население знакомо с его применением, не будет воспринят. Но в данном случае предложение не зависит от запроса. В других же случаях инновация не может рассматриваться ни как следствие запроса, ни как ответ на запрос. Тогда необходимо усложнить типологию и «развести» *запрос* и *адаптивную ценность*: я могу заметить, что инновация представляет интерес, хотя я не в состоянии даже приблизительно сформулировать запрос. Между этими идеальными типами возможно существование промежуточных типов. Разумеется, из того обстоятельства, что некая инновация проходит «отбор» благодаря своей адаптивной ценности, вовсе не следует, что выбор именно ее должен быть предпочтительнее иных «решений». *Closed shop* обладает адаптивной ценностью для профсоюзов, поскольку позволяет сдерживать строптивых работников; но совершенно естественно, возможны и другие «решения», которые, может быть, были бы «адаптированы» еще лучше.

Как ни забавно это выглядит, но в социальных науках зачастую проявляется тенденция сводить инновацию к первому типу и видеть в ней ответ на преимущественно внутренний запрос, независимо от того, как — четко или неотчетливо — он сформулирован. Если формулировка четкая, ясная, то говорят о *запросе*, если же нечеткая, приблизительная, то говорят скорее (в зависимости от сути рассматриваемой проблемы и интеллектуальной традиции, к которой относится исследователь) о *функциональном требовании*, *дисфункции*, *противоречии*, «узком месте» или *структурном требовании*.

Пример подобной интеллектуальной диспозиции можно обнаружить в серьезной статье, принадлежащей перу Гудмунда Гернеца¹¹: в ней инновация представлена как по большей части ответ на функциональное или структурное требование.

Случай *функционального требования* можно проиллюстрировать вышеприведенным примером развития английского прядильного

¹¹ *Hernes G. Structural Change in Social Processes//American Journal of Sociology. LXXXII. 3. 1976. P 513—547.*

производства; *структурное требование* Гернес иллюстрирует примером из истории математики. Невозможность решить уравнение типа $x = 2 - 4$ в системе, содержащей только положительные числа (тогда как уравнение типа $x = 4 - 2$ имеет простое решение в этой системе), *может объяснить* введение отрицательных величин. Невозможность решить уравнение типа $x = 2 - 4$ в системе, содержащей только целые числа (тогда как уравнение типа $x = 4 - 2$ имеет простое решение в этой системе), аналогичным образом может быть *причиной* введения «рациональных» чисел и т.д. Так, история математики может рассматриваться как движимый внутренними причинами процесс, инициируемый на каждом этапе *структурными требованиями*, созданными на предыдущей фазе процесса.

В самом же деле каузальные зависимости, на установление которых претендует Гернес, являются следствием осуществленной а posteriori* рационализации: Гернес переписывает историю математики, исходя из того оформления, которое придала ей современная математика.

В определениях теории множеств отрицательные величины действительно не составляют больше загадки, как и положительные числа. Но развенчание их загадочности предполагает наличие всецело формалистской концепции чисел. Однако эта концепция является современной инновацией. Иными словами, нужно совершенно забыть о том, что математические структуры должны быть приложимы к реальному миру, чтобы рассматривать отрицательные величины в качестве таких же «естественных», как и положительные, или дробные величины считать такими же «естественными», как и целые. Но абстрагирование математики от реального мира противоположно простому процессу. Именно поэтому «структурные требования» (вытекающие, например, из невозможности найти решение уравнения $x = 2 - 4$ в целых числах) были удовлетворены лишь спустя столетия. Для того чтобы взглянуть на эту проблему свежим глазом, достаточно вспомнить об удивлении, которое испытывал Гегель¹² при мысли о том, что решение уравнения не меняется при переносе одного из слагаемых из левой его части в правую при условии изменения его знака. Эта операция казалась ему примером действия темных законов «диалектики».

В своей глубокой и наводящей на интересные размышления статье представитель биологического направления Гаррет Хардин¹³ также утверждает, что «изобретение» права на забастовку следует

* На основании опыта, из опыта (лат.). — Прим. перев.

¹² Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. Leipzig, Willy Kolbe. T.1, 2^e partie. ch.1, 2.

¹³ Hardin G. The Cybernetics of Competition. Op. cit.

воспринимать как своего рода естественный ответ на позитивную «feed back»* власти. Коль скоро утверждалась власть капиталистов, она должна была породить (правда, непонятно, было это требование структурным или функциональным) некую контрвласть. Инновация *должна* была появиться: она соответствовала четко сформулированному требованию системы. Для того чтобы убедиться в том, что в данном случае мы имеем дело с еще одним вариантом рационализации a posteriori, достаточно вспомнить, что данную инновацию, кажущуюся нам сегодня столь «естественной», никак не отметил даже такой внимательный наблюдатель и аналитик капиталистической системы, как Рикардо. «Закон паутины» применительно к оплате труда означает, что в действительности рабочие не представляют себе возможность создания ассоциации с целью добиваться пересмотра заработной платы. Почему Рикардо не заметил, что его «закон паутины» (говоря словами Лассалья) рискует утратить правомерность в результате появления контрвласти профессиональных союзов? Очевидно потому, что понятие «ассоциация» вызывало в его представлении, равно как и в представлении большинства его современников, образ прежних корпораций и каждый из них был склонен видеть в ассоциациях устаревшую форму социальных организаций¹⁴. Во всяком случае, применительно к заработной плате сам факт выдвижения «закона паутины» показывает, что Рикардо считал «естественным» отсутствие какой-либо контрвласти, или (на кибернетическом языке Хардина) негативной feed back, призванной исправить позитивную feed back власти. Сегодня же, напротив, Хардин рассматривает ее *появление* как нечто «естественное». Очевидно, это свидетельствует о том, что нужно «семь раз отмерить», прежде чем рассматривать инновацию как простой ответ на четко или неотчетливо сформулированный запрос либо как следствие структурных или функциональных «требований».

Три демона порождают возможность такой неправомерной интерпретации. Первый из них — демон обобщения: если существуют инновации, по сути представляющие собой следствия некоего запроса, то почему бы им всем не быть таковыми?

Второй демон — это демон детерминизма. Любое наблюдаемое в некой системе состояние вещей есть следствие состояния пред-

*«Обратная связь» (англ.). — Прим. перев.

¹⁴ В 1791 г. закон Ле Шапелье запрещал рабочим объединяться с целью защиты «так называемых общих интересов». В США, где воспоминания о корпорациях не не были столь тяжелы, как в Европе, первый профессиональный союз был создан в 1792 г. в Филадельфии.

ществовавшего периода. Но если эта схема применима, скажем, для объяснения появления прядильных машин в Англии XVIII в., то это еще не значит, что с ее помощью можно объяснить причины распространения плуга с металлическим лемехом в средневековой Европе. Несомненно, инновация принимается в силу определенных характеристик системы, но сама по себе инновация выступает чем-то вроде *deus ex machina**, необъяснимого, исходя из самой системы; и предложение вовсе не является следствием запроса. Детерминистская схема *a fortiori*** неприемлема в случаях таких инноваций, как появление партии ленинского типа.

Третий демон — демон эндогенизма (Нисбет). Он исходит из того, что любая система является закрытой, и следовательно, любое изменение «при ближайшем рассмотрении» обнаруживает свои глубинные причины в структуре самой системы. «При ближайшем рассмотрении» любая инновация должна выступать как ответ на функциональное требование. Такое предположение, очевидно, не совсем свободно от влияния идеи Парсонса¹⁵ о том, что инновация есть ответ на привнесенное в систему неравновесное состояние. Но эта схема может быть приемлемой лишь в ограниченном числе случаев.

Шумпетер является, пожалуй, тем автором, который в своей работе «Циклы деловой активности» (*«Business Cycles»*), одном из шедевров мировой экономической социологии, прекрасно подчеркнул недостаточность любой *структурной* теории инновации: применительно к случаю индустриализации в Англии, в эпоху Тюдоров и Стюартов, *изобретения*, использовавшиеся промышленниками, чаще всего были новинками, заимствованными за рубежом. Например, способы откачивания воды из шахт были разработаны в Германии, а переворот в области производства стали и железа обеспечивали немецкие и голландские технологии. Источником энергии служил преимущественно древесный уголь, поэтому следствием увеличения производства железа и стали был не только рост цен на древесину, но и появление мер по защите лесных угодий. В данном случае инновация не была ответом на запрос, сформулированный окружением. Она не была следствием, например, расширения рынков на предыдущем этапе, что могло бы подтолкнуть производителя к расширению производства. Ско-

Букв. «бог из машины» (лат.). Развязка вследствие вмешательства какого-либо непредвиденного обстоятельства. — Прим. перев.

** Тем более (лат.). — Прим. перев.

¹⁵ Parsonс T Sociétés. Essai sur leur dévolution comparée. Paris. Dunod, 1966, 1973. Ch. 2.

рее она являлась следствием решения предпринимателей производить на месте ранее импортировавшиеся товары и заимствовать разработанные за рубежом производственные технологии. Действуя подобным образом, они нарушили равновесия (например, возник дефицит древесины), чем вызвали проявление адаптивных реакций со стороны других акторов и таким образом создали им *возможность* развивать инновации иного рода. В отдельных случаях сопротивление окружения последствиям определенных инноваций (скажем, меры по охране лесов) также может облегчить появление других инноваций. Так, замена древесного угля каменным, долго использовавшегося лишь в отдельных отраслях индустрии, например в производстве стекла, стало следствием длительного и сложного процесса, одной из составляющих которого было истощение лесов.

Анализ привел Шумпетера к мысли о том, чтобы рассматривать инновацию как результат определенной стратегии, которая, хотя и основывается на характеристиках окружения, однако не может быть механически выведена из них: окружение создает *возможности*, которые могут быть использованы или отброшены. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что характерные для окружения параметры должны рассматриваться как результат столкновения серий независимых причин в смысле Курно. Так, производитель железа эпохи Стюартов находился в двойственной *ситуации*: с одной стороны, он мог воспользоваться энергией отечественного рынка (древесный уголь), а с другой — прибегнуть к зарубежным технологиям.

Эту концепцию инновации, рассматривающую ее как результат определенных стратегий и взаимодействий, можно противопоставить «структурной» концепции, поскольку она имеет своим следствием важный вывод, который заключается в том, что любой анализ, имеющий целью локализовать в пространстве и времени крупномасштабный процесс социальной трансформации и объявить его результатом действия доминантных *факторов*, есть в общем не более чем простая фантазмагория. Как с иронией отмечает Шумпетер, при желании можно употреблять словосочетание типа «английская индустриальная революция», но лишь при условии, что мы будем остерегаться попадать в ловушку слов и не станем воспринимать эту «революцию» как «разрыв», объясняемый несколькими простыми причинами. Мы должны ясно представлять себе, что это «событие» или этот «разрыв» простирается в пределах длительного периода — от XIII до XIX в. Как мы уже видели, данное замечание вполне можно отнести и к приведенным выше примерам развития Колумбии и Японии: хотя прове-

денный Дором анализ, как, впрочем, и анализ Хагена, охватывает совершенно определенный процесс, тем не менее он совершается в весьма широком временном интервале. То же можно сказать и об анализе ситуации в Бразилии, проведенном Хиршманом, о чем мы упоминали в предыдущей главе. Этих замечаний достаточно, чтобы дисквалифицировать все теории, претендующие на сведение процессов социальной трансформации к действию доминантных факторов («зависимости», «культурной мутации», «устранения узких мест», «расширения рынков», «классовой борьбы», «характеристик политической организации»).

Роль случая

В социальных науках случай большей частью предстает как нежелательный гость. Он встречается повсюду, но в целом его стараются затушевать, стереть из памяти, а в отдельных случаях — отрицать его существование. Мнения расходятся в том, какой способ существования ему следует приписать. Некоторые признают и его существование, и объективность. Но подавляющее большинство хотело бы видеть в нем простой продукт нашего незнания: только потому, что мы не располагаем доступом ко всем «переменным», определяющим некий феномен, он кажется нам отчасти недетерминированным. Однако если мнения относительно способа существования случая и варьируются, то он все же является тем пунктом, по поводу которого в социальных науках (а может быть, и в более широких кругах) сложился хоть какой-то консенсус. Суть его заключается в том, что случай по определению не может представлять интереса для процесса познания. Может ли то обстоятельство, что какое-то событие обязано своим происхождением случаю, заинтересовать социолога, экономиста или любого другого человека, желающего понять причины рассматриваемого явления? Не означает ли утверждение о том, что своим происхождением событие обязано случаю, признания другого утверждения, а именно о том, что своим происхождением оно *ничему* не обязано или, по меньшей мере, что нам неизвестны причины его появления?

В действительности же случай преспокойно существует, и если мы хотим иметь представление о большом числе феноменов, то должны выяснить причины его существования.

В своей прекрасной книге, посвященной ленинизму, Кола убедительно показал¹⁶, что всю свою жизнь Ленин разделял пред-

¹⁶ Colas D. Le léninisme. Paris, Presses Universitaires de France, 1982.

ставление о социальном порядке и организации общества как об огромном оркестре. В частности, капиталистическое предприятие покоряло Ленина, восхищавшегося тейлоризмом, зачарованного легкостью, с которой музыканты повинуются движению дирижерской палочки, прежде всего той дисциплиной и порядком, которые царили на нем, той напоминающей часовой механизм точностью, с которой каждый выполнял свою задачу. И не удивительно, что основным вкладом Ленина в марксизм стала его теория партии как вождя, просветителя и организатора масс. Он показал, что как музыканты ничего не смогли бы сделать без дирижера, как рабочие без управления не смогли бы создать сложный продукт, точно так же революционный порыв масс обречен оставаться лишь потенциальной возможностью без партии, объединяющей энергию и организующей деятельность масс. Там, где Маркс колебался, Ленин делает решительный выбор: партия должна опережать и вести массы, направлять их деятельность, обеспечивать их научной теорией. Опираясь на тщательный и блестящий анализ ленинских текстов, Кола показывает, что, начиная с работы «Что делать?», в письменных и устных выступлениях Ленина можно обнаружить постоянное присутствие не только тезиса о партии как вожде и просветителе масс, но и определенных представлений о социальном порядке, на которые опирается этот тезис. Образ оркестра, восхищение тейлоризмом и военной дисциплиной, четким разделением труда и его координацией на современном предприятии выступают основным *лейтмотивом* на протяжении всего ленинского произведения. Кроме того, Ленин довольно настойчиво выражал свое недоверие к тому, что называли самоуправлением, и неприятие коллективной стихии, не заслуживающей, по его мнению, иного определения, как «историческая».

Д. Кола умышленно отказывается от попыток проникновения в психологию «автора». Отказывается он и от попыток поместить высказывания Ленина в их политический контекст. Он ограничивается извлечением из этих ленинских текстов их основных тем, мыслей, а также выявляет их организацию, взаимосвязь и повторяемость. Это смелое решение, когда речь идет о человеке дела и творце Истории. Однако риск обоснован: действительно, к этим темам Ленин неизменно обращался на протяжении двух десятилетий. Конечно, прагматизм и оппортунизм подталкивали его к корректировке позиций в практических вопросах. Но в том, что касается основного вопроса, а именно роли партии, принципов социальной организации, эффективности политического действия, ленинские выступления продолжали сохранять свое удивительное

постоянство и полную подверженность менявшейся конъюнктуре. Проявляя в ходе анализа высокий профессионализм, автор убеждает читателя в правомерности своей гипотезы, согласно которой политическая деятельность и политическое учение Ленина были продуктом системы представлений о мире и социальном порядке, поразительным образом остававшейся неизменной со времени написания «Что делать?».

Однако прежде она была иной...

Несколькими годами раньше Ленин выдвинул тезисы, диаметрально противоположные тем, которые он развивал в работе «Что делать?». Вполне вероятно, они могли отражать какую-то систему верований; кроме того, они могли представлять собой, как мы увидим далее, следствие эффекта Курно, т.е. следствие пересечения двух независимых каузальных серий. Как известно, Курно иллюстрировал это понятие простыми примерами типа случая с прохожим, убитым свалившейся ему на голову черепицей. Падение черепицы было несомненно предопределено: поскольку она была плохо закреплена, то упала от малейшего порыва ветра. Тот факт, что внизу в этот момент шел человек, тоже является следствием довольно просто объясняемых причин: в свой последний день жизни он занимался тем же, чем обычно занимался в это время в предыдущие дни, что и обусловило его нахождение около злополучной крыши.

Таким образом, мы явно имеем дело с двумя каузальными сериями, однако их пересечение ни в коей мере не является, согласно Курно, следствием какой-либо причинности: ничто не предвещало того, что черепица упадет именно в тот момент, когда внизу будет идти прохожий.

Зачастую использование каким-либо автором простых и поучительных примеров для иллюстрации своей концепции приводит к тому, что читатель плохо воспринимает сферу ее приложения. Такая участь, по всей видимости, постигла и теорию Курно: даже если читатель и склонен принять ее, то чаще всего он думает, будто ее действие распространяется на мало интересные случаи того же типа, что и приведенные Курно для иллюстрации своей теории. Напротив, рассматриваемый пример Ленина показывает нам другое: аналитик социального изменения должен быть заинтересован в том, чтобы в его подходах постоянно присутствовала теория случая Курно, если только он хочет избежать введения, помимо своего желания и против собственных принципов, того, что называют волей Провидения.

В 1895 г. Ленин утверждал, что роль интеллигенции должна ограничиваться ее присоединением к рабочему классу, его просве-

щением, совместным с рабочими участием в развернутой ими борьбе¹⁷. Почему? Поиск ответа не представляет собой никаких трудностей. Достаточно проанализировать экономическую и политическую обстановку в России в 1895 г. В 1890 г. Россия переживала период мощной индустриальной экспансии. Особенно хорошо эти моменты отражены в работе Гершенкрона¹⁸. Иностранные инвестиции были значительны, уровень безработицы невысок. Как часто бывает в случае быстрой экспансии, имели место многочисленные стачки. В первую очередь они были характерны для рабочих малых кустарных предприятий крупных городов, особенно Москвы, но несколько позже в них включились и рабочие крупных индустриальных предприятий. Причем тогда рабочие были заинтересованы в том, чтобы призвать на помощь интеллигенцию, использовать ее знания в целях организации и пропаганды. Но в то же время они не забывали и о популистской агитации в предшествовавшие годы, помнили, как экстремистски настроенная интеллигенция предпринимала попытки направить исторический процесс, используя методы политического террора. По этой причине (а также ряду других) они проявляли определенную сдержанность в отношении интеллигенции.

Экономическая ситуация, интенсивность развернутой рабочими борьбы, сдержанность рабочих по отношению к интеллигенции — все это привело интеллектуально ангажированного Ленина к теории, которую он, по сути, отстаивал в тот период: рабочие являются основной силой (субъектами) изменений; борьба рабочих есть дело самих рабочих; интеллигенция может помочь успеху рабочего движения, выполняя сопутствующую и вспомогательную роль. Как одновременно профессиональный политик и интеллигент, Ленин не мог не высказаться по поводу отношений между рабочими и интеллигенцией. Но вместе с тем он не мог, не рискуя утратить свое влияние, и отступить от «теории», которую доказали ему определенные обстоятельства. Было ли это отступление проявлением оппортунизма? Такая гипотеза бессмысленна в силу ее упрощающего характера. Несомненно, Ленин был заинтересован в том, чтобы использовать «теорию» рабочего движения, которую в тот момент рабочие воспринимали, во всяком случае, она была широко распространена в их среде. Поддержав противоположный тезис (тот, который он выдвинет несколько лет спустя), он рисковал бы лишиться своего авторитета. С другой

¹⁷ *Brym R. Intellectuals and Politics. Londres, George Allen & Unwin, 1980.*

¹⁸ *Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, Harvard University Press, 1962.*

стороны, вполне возможно, что он действительно *верил* в эту теорию. Потрясения в России, явившиеся следствием быстрой и мощной индустриальной экспансии, в тот момент ощущались чрезвычайно остро, как и массовый характер забастовочного движения. В подобной ситуации трудно было бы не только открыто высказать популистскую идею о роли интеллигенции как просветителя и вождя бездеятельных, порабоженных масс, но и просто *поверить* в нее.

Несколькими годами позже произошел значительный спад забастовочного движения. Несмотря на экономический бум предшествующих лет, несмотря на значимость рабочего движения, рабочие не смогли добиться ни того уровня организованности, ни того уровня зарплаты, которые требовались для накопления необходимых коллективных и индивидуальных ресурсов. Соответственно, возбуждение в рабочей среде стало быстро затухать и вскоре сошло на нет. Рабочие в массе своей были больше озабочены проблемой сохранения своих рабочих мест и какого-то уровня благосостояния, чем политической деятельностью. Новая обстановка подталкивала рабочих к принятию скорее тактики индивидуальной защиты, нежели коллективного протеста и коллективного действия. Казалось, рабочий класс сошел со столбовой дорожки истории.

Но именно в это время и без всякой видимой связи между двумя данными феноменами просвещенная элита начала со своей стороны, проявлять признаки «классового» поведения. Экономическая экспансия благоприятным образом отразилась на контингенте учащихся школ. Среди студентов Петербурга, испытывавших множество неприятностей со стороны царской власти, начались волнения, к которым вскоре присоединились учащиеся других городов. Вступил в действие цикл «насилие — репрессии». Постепенно студенчество стало своеобразным полюсом притяжения, вокруг которого сплотились не только недовольные, но и многие из тех, кто был просто не согласен с политикой, проводимой царским режимом. В результате к 1901 г. дело приняло такой оборот, что, казалось, историю двигала скорее просвещенная интеллигенция, чем рабочий класс. Она была основным источником сопротивления власти. Хотя, впрочем, разве на протяжении XIX в. в Европе студенты не сыграли значительную роль в политике? Не они ли составили крепкое ядро движений, которые привели к глубоким политическим и социальным изменениям?

Именно в такой ситуации Ленин пишет книгу «*Что делать?*». В ней он разделяет рабочих на сознательных и несознательных и отныне признает за интеллигенцией основную роль в организации

рабочего движения. Наконец, «разводя» просвещенную элиту и несознательные массы, он формулирует централизаторские и авторитарные принципы организации. Дальнейшая история известна: эти принципы были воплощены в жизнь и реализованы на деле. В работе «Что делать?» Ленин выдвинул принципы, которые, по существу, определили процесс организации российской социал-демократии. Когда в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, обстановка опять изменилась и стачечное движение вновь пошло на подъем, она не обладала уже тем влиянием, которым пользовалась в 1901 или 1902 г. Теперь социал-демократическая партия была партией, организованной в соответствии с принципами ленинизма, и не являлась политической организацией *in statu nascendi** В 1912 г. в своих речах Ленин довольствовался признанием стихийно-революционного характера выступлений рабочего класса, на практике же поддерживал определенную демократию в партийной жизни, хотя принципы организации не подверглись изменению. Война, опустошившая ряды рабочего класса, обусловила становление большевистской организации в той строгой форме, в какой мы знали ее на протяжении многих лет.

Я полагаю, эту историю невозможно понять, если не видеть в ней наличия серии эффектов Курно. Естественно, рабочее движение 1895 г. нельзя считать необъяснимым, равно как и его ослабление вследствие депрессии конца XIX в. или возобновления студенческого движения в начале XX в. Но если сами каузальные цепи можно объяснить достаточно просто, то это еще не означает, будто мы можем сказать, что они все связаны между собой. Несомненно, индустриализация объясняет появление рабочих движений и рождение политических партий, выступающих от имени этих движений. Но не было никакой необходимости искровцам отворачиваться от социальной базы своей организации при таком *стечении обстоятельств*, которое обусловило снижение рабочего движения до самого низкого уровня. Отдельные частные каузальные цепочки вполне познаваемы, как познаваемо и их пересечение. Но *синхронность* действия этих цепочек нельзя интерпретировать как строго детерминированный результат. Итак, то обстоятельство, что одна серия причин пересекается со второй именно на данном, а не на каком-то ином этапе своего развития, может иметь критические и даже необратимые последствия. Нельзя утверждать, будто отсутствие синхронности между рабочим и студенческим движением (одно из них развивалось тогда, когда другое уже затухало)

* В состоянии зарождения: в момент образования (лат.). — Прим. перев.

было следствием какой-то необходимости. Каждое из них было вполне объяснимо, но в следовании их одного за другим не было никакой закономерности: ни один из них не был причиной другого. Нельзя сказать, что они должны были сменять друг друга в строго определенном порядке.

Предыдущая история имеет типичную структуру, которая весьма часто встречается при анализе социальных процессов. Цепочки типа $A \rightarrow B$ (A причина B) не обладают какой-то тотальной упорядоченностью, т.е. из них не следует $A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D$. Они не представляют собой даже частичной упорядоченности ($A \rightarrow B \rightarrow C$ и $B \rightarrow D$), а составляют сумму частных цепочек $A \rightarrow B$, $C \rightarrow D$ и т.д. Сосуществование во времени этих частных цепочек приводит к появлению результатов *sui generis**, природа которых зависит от синхронности действия серий причин, каковая может быть констатирована *a posteriori***, но в целом является непредсказуемой.

Таким образом, случай не есть просто *ничто*. Он представляет собой частную *форму*, которую могут принимать соединения цепочек типа «причина — следствие» в *глазах реального наблюдателя*. Некоторые из таких цепочек имеют форму тотальной упорядоченности (спичка является причиной пожара, пожар — причиной прибытия пожарных), другие — частичной (спичка является причиной пожара, другим ее следствием может быть крик боли обожженного ею человека). Другие такие цепочки характеризуются случайными связями: серия « A есть следствие B , B есть причина C » разворачивается в том же временном промежутке, что и серия « P есть следствие Q , Q есть причина R », но при этом невозможно определить, где в первую очередь будет иметь место синхронизация: между B и P , B и Q или же между C и Q . Следовательно, мы не можем определить, какое из трех возможных событий — BP , BQ или CQ — должно реализоваться. А ведь все они могут иметь самые разные последствия.

Таким образом, случай все-таки существует, и в этом смысле мы можем довериться одновременно простой и глубокой концепции Курно. Просто необходимо воспринимать случай не как некую первооснову, сущность (субстанцию), переменную или набор переменных, а как характерную *структуру* некоторых объединений каузальных цепочек в том виде, в каком они предстают перед наблюдателем. Так или иначе, случай, как я понимаю, можно интерпретировать не просто как «абсолютно пустое, с негатив-

* В своем роде; своеобразный (лат.). — Прим. перев.

** На основании опыта; из опыта (лат.). — Прим. перев.

ным смыслом понятие, не представляющее научного интереса» (Thom¹⁹).

Тезисы, содержащиеся в работе «Что делать?», может быть, больше соответствуют личности Ленина, нежели те, которые он отстаивал несколько лет спустя. Вполне вероятно, что Ленин был (сперва бессознательно, а впоследствии вполне осознанно) сторонником интерпретации социального порядка как большого оркестра. Но этот факт отражает лишь часть истории, причем довольно незначительную. Для того чтобы *понять*, почему ленинизм установился в авторитарном варианте, необходимо принимать в расчет обстоятельства (случайности), под влиянием которых происходило формирование доктрины.

Если утверждение о том, что события, *обязанные своим происхождением случаю*, в целом не представляют никакого научного интереса и являются истинными, то все же для объяснения события, феномена или процесса может быть необходимым понимание роли и места случая. Некоторые из моих действий объясняются преимущественно структурой моей личности, другие невозможно понять, не учитывая того, что я поставлен в особые обстоятельства. Сам факт, что я поставлен в такие обстоятельства, вовсе не объясняется какой-то необходимостью. Однако не знающий этого сторонний наблюдатель может не понять, почему я действовал именно так, а не иначе. Точно так же мы не поймем действий и позиции Ленина, если не сможем понять ту ситуацию, в которой он находился.

¹⁹ В нашей личной беседе Р. Том с полным основанием высказал мнение, что нередко случайность может быть элиминирована путем расширения парадигмы. Так, если бы психология была более развита, то мы могли бы лучше объяснить различные реакции в схожих ситуациях. Но для объяснения одновременности событий совершенно необходимо (и я полагаю, что именно это хотел выразить Курно) прибегать к усиленной до бесконечности регрессии, что абсолютно невозможно, каких бы высот ни достиг научный прогресс.

Настало время подводить итоги. Программа, лежащая в основе теорий социального изменения, предстает, в полной мере соответствуя поставленному Нисбетом диагнозу, как потерпевшая крах. Постоянно возобновляемая погоня за *gratum mobile* так и остается безрезультатной. Законы изменения — абсолютные, универсальные или причинно-следственные — представляют собой практически пустую конструкцию. Структурные закономерности имеют множество исключений. Стоит ли заходить так далеко, как Нисбет, и утверждать, что эта программа, общая для большинства социальных наук, обречена? Что судьба теорий политологии или экономики — быть опровергнутыми фактами либо утратить все их отличия от истории как науки? Я считаю, что подобный вывод чрезмерен; проблема скорее заключается в необходимости уточнения логического статуса программы. Относительно позиции Нисбета нужно отдавать себе полный отчет в том, что она объясняется не только крушением теорий социального изменения, но и его приверженностью реалистической концепции социальных феноменов, которую в свое время стремился утвердить Ранке. Впрочем, в данном случае история идей представляет собой вариант весьма забавного переливания из пустого в порожнее, ибо именно против реализма Ранке была нацелена классическая немецкая социология в лице Макса Вебера и Георга Зиммеля.

Постулаты и констатации

Теории социального изменения грешат прежде всего следующим нарушением логики: предположения, которые должны восприниматься в качестве *констатаций* локального порядка, трактуются как *постулаты*, обладающие универсальной значимостью.

Итак, бывают (выше мы привели несколько соответствующих примеров) *детерминированные* процессы, состояние которых в момент $t+1$ может быть определено, исходя из имеющейся у нас информации об их состоянии в момент t . Но такая особенность процессов не относится к числу всеобщих, а зависит от структуры процесса. Для того чтобы данная особенность могла проявиться, необходимо наличие и поддержание суммы таких условий, при которых актор будет поставлен в *закрытую* ситуацию. Само собой разумеется, подобное случается далеко не всегда. Существуют и *открытые* ситуации, в которых актор сталкивается лицом к лицу с серией возможных вариантов выбора, не располагая при этом решающими доводами в пользу выбора того или иного из них. Также могут иметь место ситуации, в которых отдельных акторов будут побуждать к принятию инновации. Но, повторимся, случаи, когда инновация является следствием специфического запроса, причем ее содержание в конечном счете значительно детерминировано, имеют скорее частный, нежели общий характер. В других случаях инновация лишь частично зависит от запросов системы. Наконец, возможны случаи, когда инновация полностью не зависит от них. Соответственно, такие понятия, как «*структурное требование*» или «*функциональное требование*», дают определенную пользу, но в то же время их употребление чревато риском. Этот риск заключается в возможности не заметить либо того, что в целом существует множество ответов на структурный запрос, либо того, что определенные инновации вообще не представляют собой ответа на какой-либо запрос. Наконец, отдельные инновации существенно зависят от проявления эффектов Курно, вспомним пример ленинской работы «Что делать?». Одна из наиболее значимых социальных инноваций XX в. — создание партии ленинского типа — не может быть объяснена, если мы не примем в расчет социальные и политические условия, в которых она появилась на свет.

Таким образом, в сфере социального изменения детерминизм не является необходимым *постулатом*, а выступает в качестве *констатации*, но в зависимости от рассматриваемой ситуации ее приходится либо устанавливать, либо игнорировать. Детерминизм служит не условием познания, а присущей отдельным процессам частной особенностью, отсутствие или наличие которой определяется структурой процесса. Единственный постулат, который следует здесь выдвинуть, будет заключаться (в полном противоречии с тем, что обычно утверждают по этому поводу) в том, что мы в равной мере можем констатировать как наличие детерминизма, так и его отсутствие. Отрицая вторую из этих двух возможностей, мы рискуем признать непознаваемыми некоторые факты. Так, не-

возможно понять влияние философии Просвещения на поведение японских земельных собственников, если не отдавать себе отчет в том, что они были поставлены в ситуацию, требовавшую от них выбора между решениями А и В, причем у них имелись все основания выбрать как А, так и В¹. Непонятной будет и *слабость* корреляции между типом образования, полученного крестьянами (традиционное — современное), и их поведением (инновация/традиция), если мы не обратим внимание на то обстоятельство, что те из них, кто получил образование, основанное на идеях физиократов, имели веские основания не следовать этой доктрине.

Эпистемологическая модель *ступенчатого детерминизма* (или назовем ее моделью «весьма умеренный детерминизм»), которую я пытался обосновать в предыдущей главе, далека от того, чтобы вызвать единодушие в области социальных наук. Гораздо чаще приходится сталкиваться с двумя другими позициями. Первая исходит из того, что отсутствие детерминизма объясняется преимущественно субъективными причинами, и прежде всего ограниченностью получаемой информации, а также невозможностью установить или исследовать все определяющие феномен переменные, с которой сталкивается наблюдатель. Вторая позиция основывается на том, что для социолога, экономиста или представителя политических наук могут представлять интерес лишь детерминированные процессы. Нисбет абсолютно прав в одном: социологи и представители других дисциплин, склонных (употребим термин Пиаже) к *номотетическому* подходу, либо принципиально интересуются только эндогенными процессами, либо склонны каждый процесс рассматривать как эндогенный. Вместе с тем как в первом, так и во втором случае они допускают, что эндогенный процесс по определению относится к тому типу процессов, состояние которого в момент $t + 1$ детерминировано их состоянием в момент t .

Первая позиция, исходящая из субъективности как основной причины недетерминированности процесса, явно неприемлема. Она противоречит тому простому наблюдению, что существование открытых ситуаций возможно и что инновация не всегда жестко детерминируется каким-либо запросом. Вторая позиция, увязывающая научный интерес и детерминизм, на первый взгляд более осторожна и тем не менее лишена реального основания. Мне не ясно, почему выявление открытого характера одной ситуации должно представлять меньший интерес, чем доказательство того, что другая ситуация имеет закрытый характер. Кроме того, неясно, почему установление факта, что определенная инновация отчасти

¹ См. гл. 5.

объясняется присутствием эффекта Курно, должно быть менее интересным, чем доказательство того, что другая инновация есть следствие специфического запроса.

Подобная *смена подходов* должна быть произведена относительно всех вопросов, на которые теории социального изменения претендуют дать ответ общего порядка. Нежелателен постулат примата ценностей, который характерен в основном для теорий, построенных на той идее, что изменение есть продукт механизмов социализации. Значение ценностей обуславливается тем, каким именно процессом мы интересуемся. Оно, как и детерминизм, является функцией структуры процесса. В зависимости от того, какой случай мы анализируем, ценности могут быть заслуживающей внимания «переменной», а могут и не быть таковой, они могут рассматриваться и как первичные, и как вторичные, если только вообще имеется возможность установить их характер (первичный или вторичный).

В исследовании Эпстейн последствий ирригации на юге Индии изменения в ценностях вторичны². Если позволительно прибегнуть к терминологии марксистов, то можно было бы сказать, что данный процесс поддается «материалистической» интерпретации: в данном случае ценности изменились в результате изменений в сфере производительных сил и производственных отношений. Поскольку процесс ирригации не коснулся земель, принадлежавших крестьянам Далены, постольку они не могут воспользоваться ее плодами для увеличения рентабельности их земель. Но изменения, обусловленные ирригацией близлежащих земель, предоставляют им или, во всяком случае, наиболее состоятельным из них возможность для инвестирования их излишков в предприятия транспорта, сервисного обслуживания, организации общественных работ. Эти новые сферы деятельности способствуют тому, что теперь крестьяне Далены находятся в постоянных контактах с жителями городов. Соответственно, они воспринимают характерные для горожан статусные символы. Проживающие на территории Далены неприкасаемые оказываются в хронической ситуации частичной занятости. Ирригация предоставляет им возможность найти работу в городах или на предприятиях сервиса. Вследствие этого присущий им «дух общности» начинает заметно ослабевать. Об этом говорит то, что рекрутирование неприкасаемых производится в соответствии не только с *аскриптивными*, но и меритократическими критериями, поэтому они оказываются включенными в коллективы, состоящие из индивидов разного происхождения. Вслед-

² См. гл. 4.

ствие опосредованного воздействия ирригации социальные структуры размывались и жители Далены стали больше внимания уделять общинным богам, гораздо меньше — местным божествам. Весь анализ может быть проведен в строгом соответствии с «материалистическими» принципами. В исследовании же Дора, посвященном ситуации в Японии XIX в., напротив, подходит скорее «идеалистическая» модель: если бы голландцы не познакомили страну с идеологией физиократов, то история развития Японии, несомненно, выглядела бы совсем иначе. В некоторых случаях бывает невозможно установить характер — первичный или вторичный — идей и ценностей. Согласно теории Вебера — Тревора Ропера, кальвинистское видение мира способствовало развитию духа предпринимательства, но сама привлекательность этого видения и его влияние были *следствием* тех трудностей и препятствий, которые создавала предпринимателям политика Контрреформации. Соответственно, первичность или вторичность идей и ценностей не может быть установлена раз и навсегда; возможны случаи, когда, подобно последнему примеру, она не может быть установлена. Напротив, место идей и ценностей является функцией структуры подлежащего изучению процесса и зачастую воспринимается нами как недетерминированное.

То же можно сказать и о значении социальных конфликтов: его также, в свою очередь, необходимо рассматривать как функцию структуры изучаемого процесса. Несомненно, существуют ситуации, ставящие группы акторов в оппозицию друг другу. Так, если рассматривать в *одномоментном срезе* распределение прибыли и заработной платы, то оно будет представлять собой «игру с нулевым результатом»: по мере увеличения заработной платы снижается прибыль, и наоборот. Но *во временной перспективе* давление профсоюзов с целью добиться повышения зарплаты может стимулировать производительность и обусловить одновременно как увеличение зарплаты, так и рост прибыли. В зависимости от временных рамок, в которых мы рассматриваем процесс, конфликт между заработной платой и прибылью предстает, таким образом, то в качестве такой «игры», которая характеризуется диаметрально противоположными интересами, то такой, в которой элементы конфликта переплетены с элементами кооперации, даже если эта кооперация и произвольна.

Но, обращаясь к вопросу о значении конфликтов, необходимо особо подчеркнуть два обстоятельства. Первое заключается в том, что понятие класса не включает в себя понятие конфликта между классами. Это утверждение, сам того не желая, выдвинул Маркс своим замечанием о том, что замещение класса феодальных соб-

ственников классом буржуазии является не следствием классовой борьбы, в ходе которой последние одерживают верх, а результатом процесса, примеры которого можно обнаружить в растительном мире. Приток ценных металлов, добытых в Новом Свете, обусловил обогащение буржуазии и обеднение феодалов точно так же, как изменение климата благоприятствует развитию одного вида и подавляет развитие другого: несмотря на то что в конце процесса первый вид «доминирует» над другим, между тем и другим конфликт отсутствует. Во всяком случае, мы должны признать это, *если склонны верить Марксу*. В действительности также отсутствует и конфликт между классами буржуазии и феодалов. Как бы то ни было, теория конфликта имеет совершенно разное значение применительно к данной ситуации и к случаю конфликта середины XIX в. между пролетариями и буржуазией. Попробуем выразить ту же мысль иными словами: мы не можем придавать конфликтам, особенно классовым, решающее значение, если только не придадим понятию конфликта предельно широкое значение и откажемся от необходимости проводить различие между метафорическим и неметафорическим использованием этой теории.

Второе обстоятельство, которое необходимо подчеркнуть, правда, несколько сдержаннее в силу его банальности, это то, что значительные изменения могут происходить, не сопровождаясь конфликтами. Исследование Эпстейн является еще одной уместной иллюстрацией этого замечания: ирригация обуславливает изменение ситуации каждого жителя, на что каждый отвечает, исходя из наибольшей выгоды для себя. Следствием агрегирования этих индивидуальных стратегий становятся глубокие изменения, а именно усиление традиционалистской структуры в одном месте и разрушение ее — в другом, т.е. в первом случае имеет место воспроизводство, во втором — трансформация. Но ни изменение, ни отсутствие изменения ни в коей мере не есть следствие конфликта.

Вульгарная интерпретация Вебера, когда речь заходит об объяснении влияния кальвинистской доктрины на развитие капитализма, склонна не придавать большого значения конфликтам. Вульгарная интерпретация Маркса (появлению которой, впрочем, весьма способствовал сам Маркс) переоценивает значение конфликтов в период «перехода» от феодализма к капитализму. Возникновение этих интерпретаций и их влияние наглядно показывают, что теории социального изменения зачастую являются (используя термин Парето) деривациями (отклонениями), прикрывающими остатки: они ставят своей целью не столько выработать представления о реальности, сколько попытаться поставить эту реальность на службу чувствам и ощущениям.

Социальные процессы не являются с необходимостью ни эндогенными, как того нередко хотелось бы социологам, ни экзогенными, какими их явно желал бы видеть Нисбет. Повторимся, приписывание некоему процессу той или иной из этих двух характеристик зависит не от *постулата*, а от *констатации*. Некоторые процессы можно трактовать в рамках эндогенного подхода. Так поступает, к примеру, Смелзер, когда анализирует процесс развития английской текстильной промышленности в XVIII в. и показывает, что ее развитие было следствием возникновения последовательной цепи «узких мест». Так, появление ткацких машин породило спрос на инновации, которые позволили бы увеличить производство нити. Введение этих инноваций, в свою очередь, вызвало определенные последствия: постепенно производство нити сконцентрировалось в мастерских, а не на фермах; механизация ткацкого процесса, а затем и процесса изготовления нити повлекла за собой миграционные перемещения и т.п. Само собой разумеется, из подобных примеров нельзя делать вывод, будто любой эволюционный процесс является следствием ликвидации «узких мест», «дисфункций» или, как сказали бы марксисты, «противоречий». Действительно, одни эволюционные процессы относятся к числу экзогенных, в то время как другие мы можем определить как эндогенно-экзогенные в том смысле, что на определенном этапе их развитие вызывает реакцию акторов, остававшихся до сей поры пассивными. Не трудно привести примеры, соответствующие этим двум категориям процессов. Инициатива бразильского правительства по решению проблем Северо-Востока представляет собой пример экзогенного процесса³. Появление плуга с металлическим лемехом в Европе средних веков также было не чем иным, как экзогенным изменением, которое впоследствии должно было породить цепную реакцию. Исследованный Мендра пример внедрения гибридной кукурузы представляет собой еще один пример эндогенного изменения, вызывающего цепную реакцию⁴.

Многочисленные примеры *эндогенно-экзогенных* процессов мы также уже приводили ранее: «неосознанный» расизм, развившийся в профсоюзных кругах США в период между двумя мировыми войнами, вызвал соответствующую реакцию «общественного мнения» и политического аппарата. Начиная с того момента, когда расизм стал очевиден и когда уже нельзя было игнорировать его или пытаться трактовать как «внутреннее» дело профсоюзов, ра-

³ См. гл. 5.

⁴ См. гл. 2, 6.

зоблачение дискриминационной практики, противоречащей фундаментальным ценностям американского общества, стало постоянной темой для интеллектуалов, смысл профессии которых — стоять на страже ценностей, и для политиков, которые использовали ситуацию для поднятия своего авторитета и расширения числа сторонников. Такой процесс, без сомнения, относится к числу эндогенно-экзогенных. В его первой фазе практика действий профсоюзов вызвала эндогенный спиралевидный процесс, развивавшийся внутри системы, состоящей из четырех категорий акторов: хозяев предприятий, белых рабочих, темнокожих рабочих, профсоюзных работников. И только при переходе определенного порога спиральный эффект обусловил включение в действие акторов, до той поры остававшихся вне системы⁵.

Развитие сельскохозяйственной и пищевой индустрии в послевоенный (после Второй мировой войны) период также имело своим следствием унификацию и, очевидно, снижение качества продовольственной продукции. Столкнувшийся с этой ситуацией потребитель был лишен возможности действовать, во всяком случае вначале, потому что он принадлежит к большой по численности и атомизированной группе. Вследствие этого затраты потребителя на участие в акции коллективного протеста весьма высоки, а возможная выгода невелика. Каков может быть вес протеста отдельного индивида, принадлежащего к «латентной» группе большой численности? В ситуациях подобного рода протест нельзя отнести к числу рекомендуемых стратегий. С другой стороны, потребитель не может устраниваться или отступить (прибегнуть к тому, что Хиршман назвал *уклонением*), если ухудшение качества приобретает всеобщий характер, — ведь каждый производитель вынужден подстраиваться к процессу индустриализации производства своей продукции, если его коллеги уже включились в этот процесс. Потребитель не может сменить своего поставщика, так как это ни к чему бы не привело. Таким образом, до этого момента мы имеем дело исключительно с эндогенным процессом: производители вынуждены индустриализировать производство продукции в результате действия механизма самовоспроизводства. Этот механизм совершенно не оставляет шансов для появления эндогенной негативной *feed back*, поскольку со своей стороны потребители из-за структуры ситуации, в которой они пребывают, совершенно лишены возможности как прибегнуть к протесту, так и самоустраниться. Подобно предыдущему случаю, *дисфункция*, или *противо-*

⁵ См. гл. 5.

речие, может быть разрешена путем выхода на сцену акторов, внешних по отношению к системе, представленной, с одной стороны, группой потребителей, а с другой — производителями. Разумеется, необходимо также, чтобы эти акторы не только существовали, но и одновременно обладали способностью и мотивацией на то, чтобы вмешаться в процесс. Если все эти три условия не будут соблюдены, то негативная *feed back* экзогенного характера проявиться не сможет. Как в предыдущем случае, «организаторов» может захватить идея эксплуатации этого пока скрытого недовольства. Само собой разумеется, организаторами вполне могут стать представители разных категорий акторов, описанных в предыдущем примере, поскольку здесь речь идет именно об эксплуатации недовольства, а вовсе не о противодействии практике, противоречащей фундаментальным ценностям.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что при анализе процесса $(A_i, B_i, \dots, P_i) \rightarrow (A'_{i+k}, B'_{i+k}, \dots, P'_{i+k})$ возможны самые разные случаи. В первом из них акторы или объединения акторов $a_1, a_2, \dots, a_n$ производят на момент t результаты или феномены $A_i, B_i, \dots, P_i$. Эти результаты обуславливают определенные последствия: они изменяют ситуацию (или, в зависимости от того, какой случай мы рассматриваем, способствуют ее сохранению), в которой находятся определенные категории акторов; последние в результате того, что произошло, изменяют свое поведение и в момент $t+k$ производят следствия $A'_{i+k}, B'_{i+k}, \dots, P'_{i+k}$. Таким образом, процесс имеет исключительно эндогенный характер. Именно этому типу процессов марксистская традиция, равно как и функционалистская, уделяет наибольшее внимание.

Если процесс типа $(A_i, B_i, \dots, P_i) \rightarrow (A'_{i+k}, B'_{i+k}, \dots, P'_{i+k})$ объясняется вмешательством в момент t некоего актора или группы акторов, не входивших ранее в объединение $a_1, a_2, \dots, a_n$, то мы имеем дело с экзогенным, а точнее говоря, с экзогенно-эндогенным процессом или, иными словами, с процессом экзогенного *происхождения*.

Может быть и так, что процесс сначала является эндогенным, и производимые группами акторов $a_1, a_2, \dots, a_n$ результаты вызывают в определенный момент между t и $t+k$ реакцию акторов (например, a_p), не включенных до того времени в систему взаимодействий, причем для объяснения состояния процесса в момент $t+k$ необходимо учитывать эти воздействия. В таком случае мы имеем дело с процессом эндогенно-экзогенного характера.

По поводу этих различий можно возразить, что границы системы не представляют собой некую естественную данность. Почему бы, задавая правила игры, не определить, что система включа-

ет в себя не только акторов $a_1, a_2, \dots, a_n$, но и акторов a_r . В таком случае процесс можно рассматривать как абсолютно эндогенный. Но, поступив подобным образом, мы упускаем из виду сущностное различие. Более того, мы рискуем принять произведенные системой дисфункции или противоречия за единственную причину изменения. Ведь для того чтобы появилась какая-то реакция, необходимо наличие акторов, имеющих предрасположенность или интерес к ее появлению. Совершенно очевидно, это нельзя считать универсальным правилом⁶. Изучавшаяся Крозье Монополия представляет собой пример ситуации стагнации, в которой возникающие дисфункции не влекут за собой никакой реакции: ни один из акторов — ни внутренних, ни внешних по отношению к системе — не обладает одновременно и мотивацией, и возможностями их изменения. Но в подобной ситуации нет ничего неизбежного, напротив, мы видим, что она является продуктом такого сочетания данных, которое нельзя рассматривать иначе, как *случайное*. Установление различий между эндогенным и экзогенно-эндогенным процессами дает нам то преимущество, что позволяет избежать опасности рассматривать возможную реакцию акторов, не включенных в исходную систему, как *необходимость*, проистекающую из наличия дисфункций. Дисфункции (противоречия) *могут* вызывать, а могут не вызывать реакции корректирующего порядка — это зависит от случайных факторов, т.е. от эффекта Курно.

Интересно отметить, что такой автор, как Маркс, полностью отдавал себе отчет в постоянстве этих различий, по крайней мере, в своих эзотерических произведениях. Возможно, третий том «Капитала» так и остался незавершенным потому, что Маркс прекрасно понимал существование двух с трудом примиримых между собой принципов: для того чтобы какой-либо процесс был предсказуемым и детерминированным, необходимо, чтобы он был эндогенным, но такой процесс способен вызывать «противоречия», «разрешение» которых нельзя рассматривать как механический результат их взаимодействия. Закон снижения нормы прибыли Маркс представил как обладающий свойствами *тенденции*, поскольку он совершенно отчетливо видел, что экзогенные (концентрация производства, являющаяся следствием технического прогресса) и эндогенные (стремление капиталистов обуздать закон снижения нормы прибыли путем образования союзов) факторы могут привести к нарушениям этого закона, хотя такие нарушения и не неизбежны. В целом утверждение «закон обладает свой-

⁶ См.: Jamous H. Sociologie de la décision. Paris, CNRS, 1969. ¹

ствами тенденции» следует понимать в том смысле, что оно фиксирует некую возможность. Закон вытекает из *теоретической* модели, из которой (Маркс отдавал себе в этом отчет) можно производить эмпирические умозаключения лишь с большой долей осторожности.

Точно так же можно лишь констатировать и пытаться *a posteriori* объяснить *форму* процесса в интервале между t и $t + k$, но никак не постулировать ее. В этом отношении я ограничусь небольшим примером. Вслед за Адамом Смитом в течение длительного времени разделение труда рассматривалось как самовоспроизводящийся процесс, требующий эндогенного анализа⁷. Отсюда был сделан вывод о том, что тенденция объединения предприятий является неизбежной и что распределение предприятий в зависимости от их размеров с необходимостью изменяется в строго заданном направлении. Однако на примере Франции можно наблюдать относительную стабильность процесса распределения⁸. Вопреки ожиданиям теоретиков изменения, малые предприятия вовсе не собираются «отмирать». Ошибка прогноза ученых «заключается» в том, что они неоправданно завысили значение отдельных факторов. Вне всякого сомнения, константность распределения представляет собой комплексный феномен, являющийся следствием как эндогенных, так и экзогенных процессов. Для объяснения она представляет собой большую сложность, нежели тенденция концентрации, если бы таковая действительно наблюдалась. Но мы можем отметить некоторые причины, которые еще недавно работали против «тенденции» концентрации. Одна из таких причин — не что иное, как расширение влияния профсоюзов, которые (что характерно для Франции и Италии) побуждают руководителей предприятий к децентрализации и субподрядной организации работ, с тем чтобы выработать способы адаптации к случайностям конъюнктуры⁹.

Итак, необходимо отдавать себе отчет в следующей очевидной вещи: *общие* теории социального изменения не существуют и существовать не могут. В зависимости от того, какой случай мы рассматриваем, процесс типа $(A_i, B_i, \dots, P_i) \rightarrow (A'_i, B'_i, \dots, P'_i)$ может подчиняться строгому детерминизму, а может и не подчиняться. Это определяет структура процесса. Те или иные переменные (или категории переменных) могут иметь значение для объяс-

⁷ Elster J. Explaining Technical Change. A Case Study in the Philosophy of Science. Oslo, 1981. Roneo.

⁸ Didier M., Malinvaud E. La concentration de l'industrie s'est-elle accentuée depuis le début du siècle? // Economie et Statistique. № 2. Juin 1969. P. 3—10.

⁹ Piore M., Berger S. Dualism and Discontinuity in Industrial Societies. Cambridge, Cambridge Press, 1980.

нения процесса, а могут и не иметь. В зависимости от структуры процесса, идеи и ценности могут играть решающую роль, а могут не играть никакой. Некоторые процессы подобны экологическим процессам, которые можно наблюдать в растительном мире, и мы можем избавить себя от необходимости прибегать к категории *конфликта* при их описании. Но существуют и такие процессы, которые, напротив, включают в себя взаимодействия групп акторов, имеющих стратегическое значение. Некоторые процессы вызывают в качестве следствий результаты линейного или циклического характера до тех пор, пока экзогенное воздействие не прервет течение процесса или не включится механизм возвращения к исходному состоянию; но это произойдет только при соединении (всегда отчасти случайным образом) необходимых условий.

Противоположным предыдущему утверждению является утверждение о том, что в окружающей нас реальности можно обнаружить бесчисленное множество процессов, которые могут устроить *любую* теорию социального изменения.

Именно поэтому, как отмечает Старк¹⁰, на протяжении всей истории социальных наук не стихают споры (естественно, в разные эпохи они звучат по-разному) между сторонниками механистического и органицистского подходов к интерпретации изменения, между «идеалистами» и «материалистами», между теоретиками конфликта и носителями «экодинамического» (по Боулдингу) видения изменения. Со временем меняются лишь *слова*: к тому моменту, когда произвело фурор понятие «культурализм», понятие «идеализм» уже обесценилось. Однако и то и другое отражали в значительной мере совпадающие *подходы*. Изучение подобных лингвистических метаний могло бы дать весьма интересные результаты¹¹. Я в этом плане могу удовлетвориться лишь выдвижением идеи. Во всяком случае, одно совершенно ясно: при всем различии употребляемых *слов* теоретики социального изменения ставят перед собой те же вопросы, что и «историческая социология», которая, в свою очередь, как показал Шумпетер, задавалась теми же вопросами, что и «философия истории»¹². Причина постоянства этих вопросов заключается в том, что возможные ответы на них могут в равной мере подтверждаться такими теориями, которые, говоря словами Парето, «основываются на опыте», и такими, которые «выходят за пределы опыта».

¹⁰ Stark W. The Fundamental Forms of Social Thought. Londres, Routledge.

¹¹ Оно могло бы быть предпринято по типу исследования Бенетона. См.: Bénétou P. Histoire de mots. Culture et civilisation. Paris, Presses de la Fondation Nationale des sciences politiques, 1975.

¹² Schumpeter J. History. Op. cit.

Именно поэтому можно наблюдать определенные циклы и чередования в смене наших представлений о социальных изменениях: теории конфликта сменяются органицистскими теориями, культуралистские — экономическими и т.д. Но нередко эти циклы оказываются трудно различимыми из-за используемой терминологии при переходе от одного цикла к другому. Слово «организм» в следующем цикле было заменено на слово «система», слово «культуралист» сменило слово «идеалист» и т.д.

Демаркации

В противоречии с общераспространенной идеей научная деятельность конечной целью имеет не объяснение *реальности*, которая, *как таковая*, является непознаваемой или, по меньшей мере, познаваема лишь в метафизическом смысле, а попытку ответить на *вопросы* по поводу реальности. Как заметил Поппер, стоящий в данном случае на позициях Канта, в зависимости от того, в какой форме поставлен вопрос, он может иметь ответ, правомерность которого поддается проверке, либо неопределенный ответ, который, тем не менее, будет полезен и правдоподобен, либо ряд несовместимых друг с другом ответов. К первому типу относятся научные вопросы, на которые можно получить *научные* ответы. Ответы на вопросы второго типа есть не что иное, как *предположения*. Третий тип объединяет вопросы, которые, вслед за Поппером, можно обозначить как *метафизические*.

Следует со всей настойчивостью подчеркнуть бессмысленность установления какой-либо иерархии между этими типами вопросов и соответственно бессмысленность предположений о том, что, например, вопросы первого типа могут быть более «значимы», нежели третьего, и наоборот. Но необходимо внимательно следить за тем, как разграничиваются три указанных типа. Действительно, можно с полным правом утверждать, что причины двусмысленности теорий социального изменения коренятся либо в том, что мы не отдаем себе отчет в этих различиях, либо в том, что, предугадывая их существование, мы смешиваем категории друг с другом или заносим определенную частную теорию в ту классификационную ячейку, к которой она не принадлежит.

Я не буду говорить о третьем типе, т.е. о метафизических вопросах. Полагаю, мне удалось показать, что многие из тех вопросов, ответить на которые стремятся теории социального изменения, принадлежат именно к этому типу.

Другие вопросы уже в самой своей форме содержат *ответы-предположения*. Мне кажется, что большинство «законов», выдвинутых теоретиками социального изменения, принадлежат именно к этому типу. Когда теоретики социальной и политической мобилизации утверждают, что мобилизация возникает чаще всего в те периоды, когда развитие сменяется резким упадком, то их утверждения являются не столько законом *stricto sensu**, сколько выражением возможности. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на то, что другие теоретики выдвигают прямо противоположное утверждение, а именно: мобилизация чаще всего проявляется тогда, когда период стагнации сменяется быстрым ростом. Совершенно очевидно, что оба «закона» не могут быть одинаково справедливыми. Правда, это не значит, что они не представляют никакого интереса. Напротив, они привлекают наше внимание к *возможности* некоторых состояний вещей. Отсюда происходят и законы Токвиля, Дюркгейма: согласно этим законам, ослабление внешнего принуждения может стать причиной либо «аномии», либо бунта. Из-за своего парадоксального характера они обладают большой значимостью, поскольку привлекают наше внимание к тому обстоятельству, что ослабление принуждения может иметь следствия, противоположные тем, которые мы чаще всего надеемся получить. Но все эти предположения имеют характер скорее *утверждений относительно возможностей*, чем *законов*.

Когда подобное утверждение вызывает ощущение того, что возможное состояние дел более правдоподобно, чем противоположное, тогда чаще всего говорят о наличии *предположения*. Так, утверждение типа «во время инфляции вероятен риск того, что замораживание размеров квартплаты может вызвать разрушение рынка недвижимости» можно рассматривать как обоснованное предположение. Вполне правдоподобной выглядит мысль о том, что меры по стабилизации квартплаты будут препятствовать реализации желания собственников квартир поддерживать их в надлежащем состоянии; очевидно и то, что эти меры не зависят от решения собственников жилья. Данное предположение настолько правдоподобно, что можно даже говорить о причинно-следственном законе типа «если А, то В». В такой ситуации не трудно предугадать результаты воздействия мероприятия А на *мотивации* актора (который будет меньше мотивирован на поддержание в нормальном состоянии своей собственности), а кроме того, нам известно, что актор *имеет возможность* действовать в соответствии со своей мотивацией.

* Строго говоря; в точном смысле слова (лат.). — Прим. перев.

Таким образом, существует некая логическая цепочка, идущая от утверждений о возможности к причинно-следственным законам, между которыми располагаются более или менее правдоподобные предположения.

Как показывает (на мой взгляд, в достаточно полной мере) содержание предыдущих глав, для социальных наук характерна тенденция к *завышению статуса* подобных утверждений. Утверждения относительно какой-либо возможности зачастую представляют как предположения, а то и законы, т.е. нередко предположениям присваивают статус законов. Так, все законы политической мобилизации в действительности являются всего лишь простыми утверждениями относительно определенной возможности. В равной мере это касается и закона — тенденции нормы прибыли к понижению: *ceteris paribus** норма прибыли должна снижаться. Однако мы не можем утверждать наверняка, существует ли вероятность сохранения самого «равенства всех прочих условий». У нас есть твердые основания полагать, что, напротив, определенные условия, в силу действия которых данный закон может утратить свою правомерность, вполне могут и не оказаться константными. Это касается и парсоновского закона нуклеаризации семьи. Он «работает» до тех пор, пока мы противопоставляем традиционные и современные общества. Несомненно, семейные связи в обществах первого типа обладают большей социальной значимостью, чем в обществах второго типа. Такое замечание представляет собой утверждение чисто описательного характера, и его трудно оспорить. Но из него невозможно, не соблюдая сугубой осторожности, вывести какой-либо закон (будь то даже «закон-тенденция») относительно эволюции семейных структур. Вспомним, что, согласно Каплоу, семейные связи в США в 70-х годах оказались более прочными, чем они были в начале века.

Вопреки нашим ожиданиям, вырастающим на почве амбиций теоретиков социального изменения, число *законов*, даже причинно-следственных, невелико. Конечно, они существуют. Есть, к примеру, законы, которые должно учитывать государство, если оно заинтересовано в проведении взвешенной политики. Эти законы проявляются при соблюдении двух условий: во-первых, необходимо, чтобы установление некоего порядка вещей А производило такие изменения в мотивах отдельных категорий акторов, которые можно было бы достаточно легко предугадать; и во-вторых, необходимо иметь основание для утверждения о том, что изменения в мотивах акторов действительно повлекут за собой

* При прочих равных условиях (*лат.*). — *Прим. перев.*

изменения в их поведении. Не случайно подобные законы чаще всего могут выдвигаться в сфере экономики, ибо именно здесь предпочтения акторов могут быть (как минимум, в отдельных случаях) достаточно легко определены и спрогнозированы.

Но если мы имеем все основания для того, чтобы «не классифицировать» предложенные теоретиками социального изменения «законы», а рассматривать их как чаще всего действительно простые *утверждения возможности*, то необходимо видеть и другую их ошибку, а именно: прочие *вопросы*, затрагиваемые теоретиками социального изменения, имеют строго научную трактовку. Иными словами, часть посвященной проблемам социального изменения литературы включает в себя, на мой взгляд, теории, уровень научности которых никак не ниже уровня теорий в естественных науках. И здесь необходимо подчеркнуть: насколько важно соблюдать тщательные меры предосторожности, имея дело с отдельными хрупкими теориями социального изменения, настолько же важно понимать, что другая часть этих теорий следует абсолютно тем же путем, каким идут так называемые точные науки. Эти различия представляются мне весьма весомыми. Я полагаю, они могут положить конец тому трудному спору, который восходит, как минимум, к Дильтею и Риккерту и касается вопроса о дуализме или единстве естественных и социальных наук¹³

Для того чтобы проиллюстрировать эту мысль, рассмотрим снова некоторые из уже приводившихся примеров.

Как я утверждал в предыдущей главе, теория Вебера—Тревора Ропера, касающаяся взаимосвязи кальвинизма и процесса развития капитализма, не отличается с логической, а точнее, эпистемологической точки зрения от естественных теорий. Вебер был поражен обрушившимися на него *фактами*: предприниматели XVI в. слишком часто принадлежали к числу сторонников кальвинизма, что нельзя было объяснить простой случайностью. Даже в лютеранских странах банкиры были кальвинистами. Естественно, эти наблюдения побудили Вебера обратить внимание на различия между кальвинизмом и лютеранством и выделить наиболее явное из них, а именно учение о предопределении, в качестве решающего фактора. До сего момента он использовал метод, восходящий еще к классическим канонам компаративистского метода, сформулированным Стюартом Миллем. Но теперь этот метод не мог удовлетворить Вебера, поскольку установленное им различие не могло все объяснить. Ведь отношения между людьми могут обладать каким-либо значением лишь в том случае, если в них можно

¹³ См.: Aron R. La philosophie critique de l'histoire. Op. cit.

видеть результат доступных познанию поведенческих актов. Вебер оказался не в состоянии выполнить все требования, которые включает в себя выдвинутый им же самим императив *понимания*: утверждение о том, что успех в предпринимательской деятельности должен служить для кальвиниста знаком его избранности на небесах, выглядит как предположение *ad hoc**. Короче говоря, Веберу не удалось доказать, что поведение можно объяснить верованиями. С другой стороны, если теория Вебера (хотя бы в той упрощенной интерпретации, в которой я изложил ее выше) и «объясняет» некоторые *факты*, то все же имеется множество других, объяснить которые она не в состоянии, например такие: женевские банкиры, даже если они и являлись кальвинистами, происходили отнюдь не из Женевы; кельнские банкиры были католиками; многие предприниматели, как заметил Зомбарт, были евреями¹⁴.

Внесенные Тревором Ропером дополнения служат сохранению тех из «интуитивных прозрений» Вебера, которые можно признать вполне правомерными. Например, вне всякого сомнения, протестантская этика намного более терпимо, чем этика католицизма, относится к коммерческой и промышленной деятельности. Может быть, у протестанта изначально было больше шансов на уход в предпринимательскую деятельность. Однако именно ставший предпринимателем человек с высокой долей вероятности мог увлечься идеями Эразма или протестантизмом кальвинистского толка. В такой форме взаимосвязь кальвинизма и предпринимательства уже становится «понимаемой». Но, с другой стороны, Тревор Ропер показывает, что если проанализировать влияние Контрреформации на *ситуацию*, в которой оказались индивиды, принадлежавшие к деловой элите, то можно составить представление не только об описанных Вебером фактах, но и о многих других, включая те, которые теория Вебера не объясняет, или те, которые несовместимы с ней. Скажем, тот факт, что в лютеранских странах банкиры были кальвинистами, объясняется следствием миграций и лишь очень опосредованно может быть связан с учением о предопределении. В рамках теории Тревора Ропера без малейших сложностей объясняется также и средоточие деловых людей католического вероисповедания в Кельне и евреев в Амстердаме.

Теория Вебера объясняет сумму агрегированных данных (М), но в этом объяснении он использует довольно спорную микросо-

* Букв.: «к этому»; для данного случая, для этой цели; кстати (*лат.*). — *Прим. перев.*

¹⁴ *Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Leipzig, Duncker et Humblot, 1902—1927; Die Juden und das Wirtschaftsleben. Leipzig, 1911.*

циологическую теорию $m(S)$, поскольку ей присущ характер теории *ad hoc* или *post factum*¹⁵, т.е. она разработана под конкретный вопрос и к тому же весьма неудовлетворительно отвечает критерию «понимания». В главе 2 мы говорили о *транспозиции*, обозначив этим термином способ действия, который заключается в калькировании по принципу *ad hoc* микроскопической теории и перенесении ее на тот совокупный результат, который эта теория призвана объяснить. В работе Тревора Ропера микросоциологические положения можно признать удовлетворительными в той мере, в какой они соответствуют критерию понимания. С другой стороны, в этих положениях наблюдаемое поведение представлено как ответ на ситуацию: делового человека с большой долей вероятности могла привлечь как эразмианская идеология, так и кальвинистская этика, которые, впрочем, являются антагонистами по ряду существенных позиций. Но с того момента, как Контрреформация парализует его деятельность, он также будет вынужден, если не предпочтет сменить веру, эмигрировать в более спокойные края и присоединиться к кальвинистскому интернационалу. В целом объясняемая теорией Тревора Ропера сумма фактов (N) более значима, чем сумма фактов (M), принимаемая в расчет Вебером. С другой стороны, (M) полностью входит в содержание (N). Что же касается отношения $m(S)$, то оно является *понимаемым*. Наконец, характеристики ситуации, в которой находятся акторы, связаны с макросоциологическими данными M' , выявленными в ходе исследования: $S(M')$.

История развития теории Вебера–Тревора Ропера представляет собой великолепную иллюстрацию процесса научного открытия, или так называемого «приращения знания», в том виде, как он описан современными представителями философии познания от Поппера до Лакатоса. В той форме, какую придал ей Тревор Ропер, теория достигает высокого уровня достоверности¹⁶. Путем комбинирования ограниченного числа полностью достоверных утверждений она объясняет значительное число данных наблюдения. Причем она делает это таким образом, что трудно представить себе другую теорию, которая, существенно отличаясь от теории Ропера, обладала бы вместе с тем и способностью объяснить подобную или большую сумму данных наблюдения.

Нет смысла множить приводимые примеры, но аналогичные наблюдения мы могли бы сделать по поводу большинства исследо-

¹⁵ Об этом понятии см.: Boudon R. *Théories, théorie et Théorie*//La crise de la sociologie. Op. cit. P 159–204.

¹⁶ Определение этого понятия см.: Boudon R. Ibid. P 179–192.

ваний, описанных в предыдущих главах. Так, исследование Эпстейн последствий ирригации в Южной Индии включает значительный набор данных, касающихся эволюции отношений между подгруппами и полами, эволюции символических практик и видов экономической деятельности. Эпстейн интерпретирует эти комплексные эволюции, исходя из небольшого набора положений, полностью соответствующих критерию понимания, и видит в них совокупные результаты, обязанные своим происхождением тем изменениям, которые ирригация внесла в ситуации акторов. Сумма объясняемых теорией данных столь значительна, что трудно представить себе, как ее могла бы принять в расчет альтернативная теория. Это свидетельствует в пользу того, что для теории Эпстейн характерен высокий уровень достоверности.

Очевидно, что уровень ее достоверности намного выше, чем уровень достоверности структуралистских или культуралистских теорий, которые, доверившись общим принципам, выдвигают утверждение о том, что привходящее в традиционное общество экзогенное изменение всегда должно иметь следствием либо механизм отказа $(A_i, B_i, \dots, P_i) \rightarrow (A'_{i+k}, B'_{i+k}, \dots, P'_{i+k})$, либо механизм цепной реакции $(A_i, B_i, \dots, P_i) \rightarrow (A'_{i+k}, B'_{i+k}, \dots, P'_{i+k})$. Эпстейн же, напротив, показывает, что можно наблюдать изменения, которые мы при желании можем определить как *некогерентные*; и одновременно она объясняет, почему эти изменения являются *некогерентными*. Прогресс, знаменовавшийся переходом от культуралистских теорий к теориям, подобным той, которую предлагает Эпстейн, имеет ту же природу, что и в предыдущем рассмотренном нами случае. Теория $\{M\} = Mm\{S(M)\}$, все положения которой можно признать абсолютно приемлемыми, служит объяснению комплексной суммы данных $\{M\}$. Микросоциологическая теория $m()$ наглядно выявляет адаптационную функцию новых типов поведения, причем что касается данных $\{M\}$, то они интерпретируются как эффект композиции, или агрегации.

Аналогичный анализ может быть предпринят и в отношении теории Хагена, если рассматривать ее в той форме, как она изложена мной в главе 3. В попперовском смысле слова она представляет собой *прогресс* по сравнению с более амбициозными, но одновременно и менее достоверными теориями развития.

В рамках теорий социального изменения можно выделить совокупность теорий, границы которой действительно очертить трудно, но которая точно отвечает критериям, определяющим согласно утверждениям современных эпистемологов принадлежность теории к разряду научных. В отдельных случаях мы можем наблюдать несомненно кумулятивные процессы, при анализе которых

отдельная теория T' может объяснять все данные, лишь учитываяшиеся предыдущей теорией, а кроме того и еще ряд других.

Само собой разумеется, категория «понимание» не имеет эквивалента в естественных науках. Высказываемые нами суждения типа: « X ведет себя подобным образом, *поскольку* это ему выгодно» или «в глазах X данный предмет обладает ценностью, *поскольку* он является для него символом модернизации» будут, несомненно, иметь смысл лишь в том случае, если X — человек. Но нужно учитывать, что подобные суждения, как и суждения, относящиеся к *не субъективным* состояниям вещей, могут подвергаться критической оценке. Так, в первый момент у меня может сложиться впечатление, будто поведение индивида «иррационально», а уже во второй момент, будучи более информирован, я могу прийти к выводу, что его поведение вполне можно понять, если учесть некоторые данные, ускользнувшие от моего внимания вначале.

Но важно отметить особо то обстоятельство, что природа X вовсе не определяет *форму* объяснения. Теория всегда является совокупностью *приемлемых* положений, комбинация которых позволяет объяснить сумму данных более или менее комплексного характера. В любом случае теория T' более предпочтительна, чем теория (T), если она позволяет отсечь сомнительные положения, содержащиеся в T , либо позволяет объяснить более полную совокупность данных¹⁷

Таким образом, теории социального изменения *могут* соответствовать, и в некоторых случаях действительно соответствуют, «логике научного познания» и процедурам установления закономерности, которые имеют место в теориях естественных наук. Как таковые, они могут достигать различного уровня достоверности. В некоторых случаях вполне возможно, избегая всякой двусмысленности, заключить, что некая теория более предпочтительна, чем другая. Нетрудно привести примеры несомненного прогресса на пути движения от одной теории к другой. Таким образом, анализ социальных изменений ни в коем случае не относится к числу наук, по самой своей сути не являющихся точными и природой своего объекта обреченные на использование процедур, несовместимых с понятием *Интерпретации*. Конечно, мы можем «понять» поведение *индивида*, но мы не можем понять «поведение» атома; тем не менее социальную систему мы объясняем так же, как систему физическую. Отношение *понимания*, которое в свое время

¹⁷ Само собой разумеется, две теории могут быть «несоизмеримыми» (Фейерabend), если сумма данных, которую можно объяснить с помощью одной из них, не входит в число тех данных, которые в состоянии объяснить вторая теория.

выдвинул Вебер, является характеристикой пары «наблюдатель — субъект», но оно, в полном противоречии с зачастую совершаемым искажением веберовской идеи, лишается всякого смысла, если речь заходит о парах «наблюдатель — социальная система» или «наблюдатель — социальный процесс».

Теории социального изменения могут соответствовать требованиям научного жанра (в попперовском смысле слова) лишь при одном условии: подлежащие объяснению данные должны представлять собой четко определенную систему; из чего следует, что такие теории могут иметь только *локальный* и *частичный* характер, и никакой иной. Это можно заметить на примере обращения Тревора Ропера к теории Вебера. В результате Роперу удалось не только предложить объяснение более полного набора четко определенных данных, но и теорию, отличающуюся более скромными претензиями: речь уже идет об объяснении не происхождения капитализма (по всей видимости, это вообще не имеет смысла¹⁸), а только суммы данных, касающихся капиталистических предпринимателей XVI и XVII вв.

Это в равной мере касается и теории Хагена. Вопреки претензиям автора, его теория не представляет собой ни общую теорию развития, ни даже теорию развития Колумбии в XX в. Однако она совершенно убедительно объясняет как приходящийся на эту эпоху процесс формирования класса предпринимателей, так и значительное число данных, относящихся к характеристикам этого класса. Но что интересно отметить, так это относительное забвение, в котором оказалась теория. А причиной его было то, что Хаген, желая придать теории универсальную значимость, был склонен интерпретировать ее данные на основе предположений, зыбкость которых проявилась слишком быстро. Таким образом, оригинальная *частная* теория, характеризующаяся высоким уровнем достоверности, была погребена под развалинами слабо обоснованной *общей* теории.

Совершенно очевидно, что такие понятия, как «модернизация», «политическое развитие», «экономическое развитие», «бедность», «развитие капитализма» и т.п., не могут обозначать сумму четко определенных данных. Вследствие этого теории модернизации, воспроизводства бедности и т.п. не могут принадлежать к тому же типу теорий, речь о которых шла выше. Но значит ли это, что,

¹⁸ Парето в своем «Трактате по общей социологии» отметил, что для поисков «корней» характерны одновременно две особенности: постоянство возобновления таких поисков и их общая бесплодность. Несмотря на это, сегодня продолжается активный поиск «корней» Государства.

как на том настаивает Нисбет, они не могут представлять для нас интереса? Я не думаю, что такой вывод неизбежен. Мою позицию в этом вопросе можно обозначить как *критическую* и *релятивистскую*, позицию же Нисбета — как *скептическую*. Она заключается в следующем: сколь необходимо отдавать себе отчет в существовании различий логического порядка между, например, теорией Хагена и теорией «порочного круга бедности», столь же категорически следует настаивать на том, что первая имеет смысл, а вторая — нет. То, что лишь первая, но никак не вторая может соответствовать попперовским процедурам, — несомненный факт. Но, исходя из него, никак нельзя утверждать, будто вторая лишена оснований и смысла.

Именно это отличие мы и намерены теперь подвергнуть анализу.

Вариации на тему Зиммеля

С точки зрения Георга Зиммеля, социальные науки отличаются от истории не столько своим пристрастием к выдвиганию *номотетических* предположений (пристрастием, которого они не должны были бы иметь), сколько своим *формальным* характером. Это различие относится к числу весьма существенных, но плохо понимаемых. Самым простым было бы проиллюстрировать данное обстоятельство на каком-либо примере.

Но для предварительного ознакомления с темой было бы полезно воспроизвести давний диалог между Дюркгеймом и Зиммелем по поводу этого различия. В 1894 г. в журнале «*Revue internationale de sociologie*» появилась посвященная «социальной дифференциации» статья Зиммеля, в которой он подверг критике номологические устремления Дюркгейма: «Мания абсолютного желания обнаруживать «законы» социальной жизни является простым возвратом к философскому кредо прежних метафизиков, согласно которому любое знание должно быть абсолютно универсальным и неизбежным». Шесть лет спустя, в 1900 г., Дюркгейм дал Зиммелю дружеский ответ в статье «Социология и ее научная область» («*La sociologie et son domaine scientifique*»), появившейся в сборнике «*Rivista italiana di sociologia*». Задача Зиммеля, который стремится построить формальную социологию, «заключается в том, чтобы утвердить ее (социологию. — *Р. Будон*) в той метафизической идеологии, в освобождении от которой она так нуждается». Таким образом, «метафизик» — это сам Зиммель. Однако в то же время (что самое интересное в данном тексте) Дюркгейм показывает, что он хорошо понял как стремления Зиммеля, так и его

замысел, которые точно передает термин «формальная социология», хотя он и был склонен отбрасывать их и наклеивать им ярлык «абстракций». Дюркгейм упрекает Зиммеля за его желание следовать примеру Смита или Рикардо, точнее, прибегнуть, как бы мы сказали сегодня, к методу *моделей*, т.е. к тому виду деятельности, который представлялся Дюркгейму окончательно устаревшим («...прежняя политическая экономия заявляла, что она также обладает правом на абстракцию...»). В противовес методологии, которую он считал архаичной и которая напоминала, по его мнению, *прежнюю* политическую экономию, Дюркгейм отстаивает номологическую концепцию социологии. Подобно физике (в том виде, в каком он сам ее себе представлял и какой она, вероятно, имела в ту эпоху, хотя сегодня она явно утратила эти характеристики), социология должна стремиться к установлению эмпирических закономерностей, управляющих социальными фактами, которые следует рассматривать в присущих им внешних проявлениях и неизменно отличающимися от «индивидуальных фактов».

Было бы достаточно интересно доказать, что такая книга, как «Философия денег» («Philosophie de l'argent»), в действительности является набором *моделей* и что проявившийся в ней образ мышления Зиммеля на самом деле подобен образу мышления экономистов прошлого. Впрочем, этот образ мышления характерен не только для экономистов, но и для многих современных социологов. Однако выявление данного обстоятельства выходит за рамки нашей книги. Для иллюстрации различий, предложенных Зиммелем, я бы предпочел использовать более современный пример, достаточно наглядно показывающий ту эпистемологическую пропасть, которая разделяет понятие модели и понятие закона.

В 1927 г. Готеллинг опубликовал статью¹⁹, о которой можно сказать, что ей принадлежит своеобразный рекорд долгожительств. Судя по появившейся в 1970 г. маленькой, но тем не менее принесшей ему большую популярность книжке, Хиршман был явно вдохновлен идеями статьи Готеллинга. В своей статье Готеллинг ставит проблему, кажущуюся, на первый взгляд, совершенно искусственной и вызывающую ассоциации с теми логическими ребусами, которые предлагают своим читателям некоторые журналы. Представим себе, что некий поселок был построен в виде длинной череды домов, расположенных вдоль абсолютно прямой дороги. В поселке не было бакалейной лавки, и два бакалейщика одновременно пришли к решению обосноваться в нем. Допустим, что

¹⁹ Hotelling H. Stability in Competition//The Economic Journal. XXXIX. 1929. P. 41–57.

они совершенно свободно могут выбирать место для своей бакалейной лавки и что решение о выборе места они принимают независимо друг от друга. Если представить себе поселок в виде прямолинейного отрезка, ограниченного двумя крайними точками А и В, то вопрос заключается в том, в каких точках отрезка АВ решат разместить свои лавки оба бакалейщика. Предположим, что ассортимент обеих бакалейных лавок приблизительно один и тот же и жители поселка будут склонны посещать ту из них, которая будет ближе другой расположена к их жилищу. Что же касается бакалейщиков, то в их интересах будет завоевание максимально большего числа покупателей.

Само собой разумеется, что если бы место расположения лавок выбирали не бакалейщики, а жители поселка, то они предпочли бы расположить лавки в первой трети (С) и во второй трети (D) отрезка АВ. Впрочем, такое решение удовлетворило бы и самих бакалейщиков, так как обеспечивало бы им относительно равномерное распределение покупателей.

Однако мало вероятно, что бакалейщики действительно предпочли бы именно такое решение. Первый скорее всего предпочел бы обустраиваться в точке С (первая треть АВ) при условии, что второй расположится в точке D (две трети отрезка АВ), но, в соответствии с нашей гипотезой, у него нет уверенности в том, что второй поступит подобным образом. Ему известно лишь, что кроме него в поселке намерен обосноваться только один бакалейщик, который и будет его конкурентом. Второй тоже может принять решение обосноваться в точке D лишь при условии, если будет уверен в том, что конкурент выберет точку С. Как может проверить читатель, к одному и тому же заключению можно прийти, если предположить, что пункты С и D представляют собой, соответственно, одну и три четвертых, одну пятую и четыре пятых и т.д. отрезка АВ. Все эти варианты выбора места привели бы к равномерному распределению покупателей между двумя бакалейщиками, но подобные варианты не представляют для них никакого интереса. Единственным надежным местом расположения лавки как для первого, так и для второго была бы *середина* отрезка, поскольку это гарантировало бы обоим, что ни один из них не сможет выбрать такое место, которое может лишить его другой части потенциальных покупателей.

Впрочем, тот же самый результат мы получим, если предоставим бакалейщикам возможность поочередно выбирать место расположения лавки. Делаящий выбор первым просто обязан избрать место в середине отрезка, поскольку любое иное решение позволит его конкуренту привлечь к себе больше половины покупателей.

Но с того момента, как первый обустроится в середине отрезка, там же с необходимостью начнет обосновываться и второй — иначе он накажет самого себя. Подобное решение не представляет для бакалейщиков никакой выгоды по сравнению с решением «одна треть — две трети», и его следствием будет создание неудобств для жителей поселка. Действительно, те, которые живут в конце поселка, будут вынуждены проходить путь в два раза длиннее, чем путь, который им пришлось бы проходить, если бы было принято «оптимальное» решение типа «одна четверть — три четверти».

Предположим теперь, что отрезок АВ представляет собой не поселок, а сумму идеологических установок, идущих от левозэкстремистских позиций (А) к крайне правым (В), представители же электората теоретически могут быть размещены в этом континууме. Одни предпочтут направление А, другие выберут направление В, третьи — промежуточные направления. Умеренная часть займет позиции, прилегающие к середине отрезка. Если бы мы могли наблюдать политические пристрастия людей с такой же легкостью, как можем, например, фиксировать их рост, то мы могли бы построить распределение, позволяющее наглядно представить численное неравенство различных позиций. Но коль скоро это практически невозможно, то удовлетворимся предположением, что умеренные позиции относятся к числу наиболее распространенных и что чем ближе к крайним точкам расположена позиция, тем меньше число ее сторонников.

Согласно нашей гипотезе, электорат стремятся разделить, а говоря точнее, привлечь на свою сторону его большинство, уже не два бакалейщика, а две партии. С этой целью они составляют предвыборную программу, которая, в соответствии с нашей гипотезой, точно так же соотносится с одной из точек отрезка АВ. Программа левозэкстремистского толка представлена точкой А; программа, соответствующая середине отрезка, является той программой, которая в наибольшей степени удовлетворяет избирателей, относящихся к данной точке отрезка АВ. Вопрос остается тем же, что и в предыдущем случае: с какой точкой отрезка партиям выгоднее соотнести свою программу, учитывая, что избиратели предпочтут голосовать за ту из них, которая меньше всех отклоняется от их собственных позиций. Как и в предыдущем случае, по тем же самым причинам, получим аналогичный ответ: в середине.

Прделанное нами упражнение не содержит в себе никакого эмпирического вывода и, как таковое, не позволяет дать какие бы то ни было прогнозы. Оно не может быть напрямую соотнесено с реальностью. Самое большее, чего можно было бы ожидать от него, так это возможность понять, почему в двухпартийной системе,

как, например, в американской, может случиться так, что полученные партиями результаты будут практически одинаковыми, а программы обеих партий — столь сходными, что их можно признать идентичными. Но хорошо известно и то, что в подобной системе при некоторых обстоятельствах программы могут быть весьма различными, а победы — весьма внушительными, как, например, победа Никсона над Мак-Говерном в 1972 г. Однако было бы совершенно необоснованно пытаться извлечь из модели Готеллинга эмпирические утверждения типа: «в двухпартийных системах (1) обе партии стремятся представить близкие программы, и (2) результаты выборов имеют тенденцию к малому отклонению от распределения 50:50»²⁰. Результаты выборов в некоторых случаях могут оказаться практически равными, но был бы чрезмерным допущением не только вывод о том, что они должны быть такими, но и предположение о наличии подобной тенденции. Короче говоря, на основе схемы Готеллинга нельзя построить никакого эмпирического утверждения. Она исключительно формальна. В лучшем случае, ее можно рассматривать как правдоподобную, но обладающую чересчур частным характером интерпретацию отдельных, реально имевших место выборов.

Однако, как показывает пример Хиршмана, «теорию» вполне можно дополнить, позволив ей принимать в расчет ситуативные различия. Само собой разумеется, такое дополнение должно учитывать данные каждой ситуации и варьировать в соответствии с ними. Рассмотрим, например, историю триумфального избрания Никсона в 1972 г. Она явно противоречит теории Готеллинга, если считать, что последняя эмпирически правомерна²¹. Но эта история не будет противоречить ей, если мы будем рассматривать ее в качестве того, чем она является, а именно в качестве идеальной или формальной модели, составляющие которой должны уточняться всякий раз, когда мы хотим применить ее к реальному миру.

В той упрощенной форме, в которой модель Готеллинга была представлена выше, она исходит из положения, что ни один избиратель не воздерживается от голосования и каждый склонен голосовать за ту партию, которая выдвигает программу, наиболее отвечающую его ожиданиям. Само собой разумеется, если обе

²⁰ Впрочем, как отмечает А. Ланселот в своей статье «Политические партии» (*Lancelot A. Partis politiques*//Encyclopaedia Universalis. XII. 578—583), выводы подобного рода встречаются довольно часто.

²¹ Работа О. Хиршмана «Перед лицом упадка» (*«Face au déclin»*), представляет собой подобную адаптацию модели Готеллинга применительно к избранию Никсона. Автор склонен считать свой анализ опровержением теории Готеллинга, что, конечно же, не соответствует действительности.

партии предложат программы, ориентированные на электорат центра, то они не устроят экстремистские слои избирателей. Во всяком случае, они будут этим *менее удовлетворены*, чем избиратели центристской ориентации. И что же они предпримут? Дать общий ответ на этот вопрос невозможно. Но предположим, что, подобно тому как это действительно имело место в 1972 г., идеологический климат в целом будет благоприятствовать кандидату левой ориентации и будет неблагоприятным для кандидата правой ориентации. В таком случае у экстремистов левого направления появится больше возможностей, чем у экстремистов правого толка, протестовать против «центризма» той партии, к которой они наиболее близки. В условиях такой идеологической конъюнктуры первые будут более, чем вторые, расположены к проявлению своего недовольства. Именно это и произошло в 1972 г.: леворадикальные слои демократической партии активизировались и сделали все, чтобы навязать партии выдвижение наиболее левого кандидата. Однако, в соответствии со схемой Готеллинга, в действительности это привело к росту числа голосов, поданных за кандидата-республиканца, и в конце концов обеспечило триумфальное избрание президентом Р. Никсона²².

Точно так же подобный анализ позволяет объяснить изменение курса кандидата от республиканцев сенатора Голдуотера, принятое им в 1964 г., — в ту эпоху, когда тема порядка всесторонне обсуждалась в рядах республиканской партии. *Протест* правой части электората привел к выбору кандидата крайне правого направления и обусловил чрезвычайно легкую победу кандидата от демократической партии. Схема Готеллинга может также подсказать интерпретацию победы Рейгана: демократическая партия либо не сумела, либо не смогла найти ответ на заметное смещение вправо распределения идеологических позиций, хотя многочисленные исследования и позволяли предвидеть его. В результате произошедших изменений программа демократов оказалась впоследствии чересчур смещенной влево.

Само собой разумеется, анализ данных примеров не исчерпывает предмет разговора. Если я и избрал в качестве примера теорию Готеллинга, то сделал это лишь потому, что она, на мой взгляд, особенно наглядно иллюстрирует логическую природу того

²² Впрочем, необходимо уточнить, что идеологический климат облегчил принятие изменений в законах, регламентировавших проведение первичных выборов и партийных съездов, на которых выдвигались кандидаты в президенты. Именно это изменение привело к радикализации демократов. Кроме того, необходимо учесть и эффект одержанного Кнессинджером успеха в переговорах по Вьетнаму.

явления, которое я называю *формальными теориями*. Повторюсь еще раз: теория данного типа, как таковая, не приложима к какой бы то ни было реальной ситуации. На ее основе невозможно построить какой-либо прогноз или сделать эмпирическое заключение. Она не поддается *опровержению* в попперовском смысле этого слова, поскольку не содержит никакого утверждения относительно реальности. Используя еще одно попперовское понятие, нельзя сказать, что она является *научной* теорией. Однако совершенно ясно, что она тем более не может быть *метафизической* теорией. Попперовские категории не позволяют ее классифицировать.

Будучи должным образом дополненной, теория дает возможность интерпретировать целую серию фактов, конечно интерпретация будет упрощенной, но вместе с тем и будет отражать нашу мысль. При надлежащем использовании *одна и та же модель* объясняет, например, и смену курса Голдуотера, и успех Никсона или Рейгана. Следуя за Зиммелем, я предлагаю использовать выражение «формальная теория» для обозначения данной категории фундаментальных теорий в сфере социальных наук. Теория Готеллинга является *формальной* в том смысле, что она не приложима к реальным ситуациям и скорее представляет собой некое подобие рамки, которую, для того чтобы составить себе представление о реальных наблюдениях, необходимо заполнить данными на момент ее (теории) использования. Она является *общей*, но не в том смысле, что способна дать представление обо всех возможных наблюдаемых ситуациях, а в том, что ее можно использовать для формирования представлений о самых разных ситуациях, правда, при условии, что в каждом случае в нее будут вноситься необходимые уточнения. В этом же смысле само по себе отношение $y = ax + b$ не только не может быть приложимо к какой-либо частной реальности, оно даже *ирреально*, поскольку, как таковое, не представимо. Однако с того момента, когда будут уточнены значения a и b , это отношение будет способно помочь нам получить адекватный образ самых разнообразных феноменов. Говоря словами Бертрана Рассела, формальная теория (в том смысле, какой я вкладываю в это понятие) представляет собой организованное единство «гипотетических функций», т.е. утверждений, которые могут принимать эмпирические значения лишь с того момента, когда содержащиеся в них переменные трансформируются в константы.

Многие теории социального изменения принадлежат к этому типу. «Логику коллективного действия» Олсона зачастую интерпретируют как реалистическую теорию, в которой якобы содержится прогноз спада коллективных движений в Америке 60-х годов

и, может быть, во всех индустриальных обществах²³. Основной аргумент Олсона известен: даже если членам какой-либо латентной группы выгодно действовать в целях достижения коллективного интереса, т.е. интереса, который в случае своей реализации пойдет на пользу всем, то они, тем не менее, склонны ничего не предпринимать. Они поступают подобным образом, с одной стороны, поскольку осознают, что даже максимальный вклад каждого из них будет незначителен, и, с другой стороны, поскольку может случиться так, что кто-то может воспользоваться благом, предоставив другим трудиться за него самого. Но эта теория, как таковая, не содержит в себе никакого эмпирического заключения, даже в виде «тенденции». Она приложима к предельно идеализированным ситуациям, которые в чистом виде никогда не встречаются в реальности. Таким образом, ее нельзя назвать ни истинной, ни ложной. Она не подчиняется попперовским критериям научности, а всего лишь предоставляет нам формальную рамку, которая, если мы желаем использовать ее для интерпретации реальных ситуаций, подлежит уточнению.

Так, Олсон отмечает, что после периода застоя Американская Медицинская Ассоциация зафиксировала резкое увеличение числа своих членов. Прирост численности ее членов совпал с тем моментом, когда, учитывая технологическое оснащение здравоохранения и значительное развитие исследований в области медицины, Ассоциация выдвинула идею предложить своим членам помощь в снабжении их периодической документацией, которая позволяла бы им знакомиться с появляющимися новинками. Кроме того, участвовавшие случаи обращения граждан в судебные инстанции побудили Ассоциацию предложить своим сторонникам не только вариант достижения коллективного интереса (в виде повышения уровня медицинского обслуживания, разблокирования фондов на исследования в области медицины и т.д.), выгоду из чего мог извлечь любой, даже не участвовавший в ее создании, человек, но и систему мер, обеспечивающих индивидуальную выгоду для членов Ассоциации. Вследствие этого приток новых членов пошел

²³ Olson M. *Logique de l'action collective*. Paris, Puf, 1978. А.О. Хиршман в книге «Изменение форм участия. Частный интерес и публичное действие» (*Shifting Involvements, Private Interest and Public Action*. Princeton, Princeton University Press, 1982) интерпретирует эмпирическим образом теорию Олсона и выводит подобное заключение. Для того чтобы объяснить возникновение социальных движений, он вынужден развивать довольно слабую теорию, в соответствии с которой эти движения отчасти определяются (эндогенным образом) чувством недовольства, порождаемым «частным» потреблением.

мощной волной, и в итоге медики получили сильную организацию, способную отстаивать их интересы.

Благодаря уточнениям *та же самая* теория способна дать нам, например, интересную интерпретацию роли интеллигенции в социальных движениях. Учитывая, что члены латентной группы, особенно если они многочисленны и раздробленны, могут не очень поддаваться на призывы к действию, инициатива развертывания коллективного действия или формирования общественного мнения может исходить от определенной категории людей. К ней относятся люди, имеющие свободный доступ к средствам коммуникации, причем они могут быть склонны не только к «делу» защиты латентной группы, но и к тому, чтобы преследовать в процессе этой защиты собственные интересы.

Эти два примера применения теории (как и многие другие) со всей очевидностью свидетельствуют о том, что теория может не только не привести к выводу об отсутствии организованных движений коллективного характера, но, напротив, может помочь объяснению частоты их проявлений. Сама по себе она не позволяет сделать никакое эмпирическое утверждение, но она предоставляет нам определенную рамку, с помощью которой можно объяснить отдельные случаи мобилизации и организации коллективного действия, равно как и отсутствие таковых. Мы можем дать какую-то интерпретацию только в том случае, если переменные в составляющих ее гипотетических функциях будут заменены на относящиеся к рассматриваемому вопросу константы, т.е. будут адаптированы к характеристикам рассматриваемой в каждом отдельном случае ситуации.

Две только что рассмотренных нами теории состоят, в конечном счете, из систем утверждений, ориентированных не на саму реальность, а на те *принципы*, которые они помогают обнаружить аналитику, желающему составить представление об отдельных классах явлений — будь то результаты выборов при двухпартийной системе (Готеллинг) или мобилизация и организация коллективного действия (Олсон). Так, Олсон побуждает аналитика задаться вопросом о выгодах и затратах индивида при его включении в коллективное действие. Для того чтобы зафиксировать его идеи, отметим, что его «логика коллективного действия» имеет одновременно *формальный* и *метатеоретический* характер. Она обозначает те моменты, которые представляют наибольший интерес для теории, сталкивающейся с необходимостью объяснения коллективной мобилизации и организации, независимо от того, какие особенности им присущи.

На мой взгляд, очень многие *теории* социального изменения принадлежат к той же самой эпистемологической категории. Ины-

ми словами, мы должны рассматривать их не как *эмпирические*, а скорее как *формальные* или *метатеоретические*. Я полагаю, что если бы данное различие учитывалось и принималось в расчет, то это позволило бы избежать многих неясностей.

Выдвинутые Парсонсом и Смелзером модели социальной *дифференциации* также относятся к этому типу. Когда на каком-либо предприятии или, шире, в организации или социальной системе возникает дисфункция, то она *может быть* устранена путем создания новых ролей, следствием чего станет дифференциация всех — старых и новых — ролей. Как показывает описанный Олсоном случай, данная теория позволяет всего лишь обрисовать пустую концептуальную рамку, из которой напрямую нельзя вывести какое-либо эмпирическое предложение, но которая может рассматриваться как потенциально полезная при анализе отдельных процессов. Именно эта модель дифференциации была использована Парсонсом в его знаменитом анализе дифференциации функций авторитета на предприятии²⁴ и Смелзером в анализе развития английской текстильной промышленности²⁵, а также во многих других случаях. Данная модель позволяет нам объяснять различные процессы в той же мере, в какой теория Олсена позволяет объяснить впечатляющий прирост числа членов Американской Медицинской Ассоциации, а также становление «closed shop»* или роль интеллигенции в отдельных процессах социальной мобилизации. Но объяснение становится возможным лишь с того момента, когда та пустая рамка, которую представляет собой формальная теория, заполняется частными предположениями и конкретными в пространственно-временном отношении данными.

Таким образом, «теория дифференциации» дает нам общую рамку, которая может быть приложима к самым разным процессам, хотя сама она является чисто *формальной*. Мы можем, вслед за Парсонсом, утверждать, что процессы дифференциации имеют *типический характер*²⁶, но лишь при условии, что такое определение их не несет в себе никакого указания на *частоту проявления*. Парсонс вовсе не хочет сказать, что процессы изменения представляют собой *в целом, чаще всего* или просто *часто* процесс дифференциации. Подобное предположение было бы практически

²⁴ Parsons T., Smelser N. A Model of Institutional Change//Economy and Society. Glencoe, The Free Press, 1956. P. 255—273.

²⁵ См. гл. 6.

* Контроль над рабочим местом со стороны профсоюза (англ.). — Прим. перев.

²⁶ Parsons T., Smelser N. Op. cit. P. 255. У Парсонса дифференциация выступает всего лишь «типическим» процессом изменения, чего нельзя сказать о процессе «дифференциации».

лишено смысла, поскольку даже в идеальном случае подобная частота не может быть определена. Скорее Парсонс хочет сказать, что модель, которую он обозначил понятием «дифференциация», может быть использована при анализе *различных* процессов. Совершенную бессмыслицу (которой не только не удастся избежать, но которая, наоборот, встречается очень часто) представляет собой противоположная попытка — извлечь из парсоновской теории дифференциации эмпирический «вывод», который вовсе в ней не содержится, а именно вывод о том, что процессы социального изменения в целом представляют собой процессы дифференциации.

Аналогичным способом можно проанализировать и другой классический пример, а именно мертоновскую «парадигму функционального анализа»²⁷ Тот простой факт, что для Мертонса употребление слова «парадигма» более предпочтительно, чем слова «теория», достаточно ясно показывает, что он рассматривает функциональный анализ не как теорию *stricto sensu**, а как концептуальную рамку, приложимую к самым разным процессам. Эта парадигма выдвигает следующее утверждение: для получения представления о каком-либо институте желательно задаться вопросом о том, какие *функции* он выполняет. Так, механизм американской демократической партии в 50-х годах принял на себя те *функции*, с которыми не могла справиться система социальной защиты, а не могла по той простой причине, что на тот момент она находилась еще в эмбриональном состоянии. В благотворительных целях демократическая партия предложила помощь безработным и тем, кого болезнь лишила рабочих мест. Она предоставляла займы тем, кто обеднел настолько, что не мог обеспечить себе приличную крышу над головой.

Как и в предыдущем случае, укоренившаяся бессмыслица заключается в уверенности, будто «парадигма функционального анализа», или в более употребимом варианте — «функционалистская теория», есть теория, в рамках которой можно представить общество как организм, т.е. систему, элементы которой способствуют созданию гомеостатического равновесия целого. Как показывает только что приведенный мною пример, рассматриваемая «теория» не содержит в своей основе возможности подобного вывода. Она претендует лишь на выдвижение умозрительной модели, прило-

Merton R. K. *Eléments de théorie et de méthode sociologique*. Paris, Plon, 1965. I. Ch. 3.

* Строго говоря, в точном смысле слова (лат.). — *Прим. перев.*

жимой к самым разным случаям при условии предварительной адаптации ее (модели) к отдельным данным каждого рассматриваемого случая.

Теоретики социального изменения — и это необходимо признать — не только не отдают себе отчет в различии двух партий, т.е. в том, что я обозначил как противопоставление «формальной теории» и теории в точном смысле слова, но, напротив, зачастую активно способствуют поддержанию сложившейся путаницы.

Вернемся к уже многократно упоминавшейся мною «теории» развития. Теория «порочного круга бедности» была представлена ее создателями как строго научная теория *stricto sensu*, т.е. как теория, описывающая (в манере, позволяющей получить реальную интерпретацию) механизм, который лежит в основе воспроизводства бедности. Интерпретированная подобным образом, данная теория неприемлема, поскольку она противоречит большому числу данных наблюдения. Поскольку в ее основе лежит утверждение о том, что развитие не может иметь эндогенный характер, постольку она не в состоянии объяснить, например, факт развития Японии в XIX в. Она противоречит тому факту, что даже в самых бедных обществах всегда существуют и излишки, и накопление. Бросающееся в глаза несоответствие между этой известной теорией и данными наблюдений уже достаточно отмечались, поэтому я могу не задерживаться больше на этом вопросе. Если интерпретировать ее с позиций реализма, то она попросту оказывается ложной. Но ее можно интерпретировать и с *формальных* позиций, как теорию, чье достоинство заключается в выявлении идеального механизма, который в реальности мы никоим образом не сможем наблюдать в чистом виде. Во втором варианте она представляет научный интерес. В первом она предстает перед нами не только как ложная, но даже опасная конструкция, поскольку на ее основе возможно сделать (что действительно имело место) практические выводы, влекущие за собой опасные последствия.

Для того чтобы завершить эту тему, подчеркнем важное значение различий между «формальной» теорией и теорией в точном смысле слова. Заметим при этом, что данное различие важно иметь в виду не только в сфере социальных наук, но и в ряде аспектов естественно-научных дисциплин.

Как известно, Поппер неоднократно²⁸ задавался вопросом: можно ли рассматривать дарвиновскую теорию эволюции как *научную*? Если *научная* теория действительно должна допускать

²⁸ Popper K. *Misère de l'historicisme*. Op. cit. § 27

возможность собственного опровержения, как это следует из знаменитой попперовской концепции различения *метафизических* и *научных* теорий, то теория эволюции, не содержащая в себе возможностей собственного опровержения, не может быть отнесена к числу научных. Как таковая, она действительно не позволяет вывести никакого эмпирического заключения. Например, она не дает оснований выдвинуть утверждение, что такой-то вид, обладавший в момент t определенными характеристиками, в момент $t + k$ будет обладать теми или иными конкретными характеристиками. Высказанное предположение будет истинно независимо от того, обозначает период от t до $t + k$ прошлое и будущее. Даже в том случае, если t и $t + k$ обозначают уже завершившийся период, то в действительности мы не можем, исходя из теории эволюции, вывести *состояние* вида в момент $t + k$ из его состояния в момент t . Эта теория представляет собой не более чем умозрительную модель: от t до $t + k$ происходят определенные мутации, отдельные мутации, представляющие адаптивную ценность, получают «преимущество» и «закрепляются» в процессе естественного отбора.

Однако, для того чтобы составить себе представление о том, как эволюция действительно протекала в период между моментами t и $t + k$, необходимо иметь возможность заполнить предоставляемую эволюционистской моделью *рамку историческими* данными, которые в случае эволюции видов зачастую являются отрывочными. Для того, например, чтобы выдвинуть утверждение о том, что определенные мутации представляют самые лучшие возможности для адаптации, необходимо, в частности, довольно точно знать характеристики окружения, в котором находился данный вид в момент t . Кроме того, необходимо показать, что, в соответствии с четко определенными критериями, эта мутация позволяла виду адаптироваться наилучшим образом. Однако чаще всего данные, необходимые для выдвижения подобного рода доказательств, отсутствуют. Именно поэтому дарвиновскую теорию эволюции, равно как и теорию неodarвинизма, отдельные исследователи нередко склонны рассматривать как тавтологию²⁹. Из-за отсутствия необходимых данных она обрекает нас на порочный круг: распространение некой характеристики интерпретируется как следствие адаптивной способности, единственным доказательством существования которой является... сам факт ее распространения.

Равно как и в случае с теориями социального изменения, на мой взгляд, эпистемологический спор вокруг теории эволюции

²⁹ Chauvin R. Sur le néo-darwinisme dans les sciences du comportement//L'Année Biologique. XIX. 2. 1980. P. 203–216.

может быть наилучшим образом прояснен, если учитывать существенные различия между формальной теорией и теорией в точном смысле слова. Как таковая, теория эволюции не содержит в себе никакого эмпирического заключения. Однако в тех случаях, когда будут доступны необходимые данные, она предоставит вполне применимую рамку, на основе которой можно построить строго научные теории, они-то и позволят *объяснить* отдельные, действительно наблюдаемые эволюционные процессы.

Это же следует сказать и о большинстве теорий социального изменения: они представляют собой простые формальные рамки, которые не могут трансформироваться в строго научные теории (т.е. дать нам представление о наблюдаемых в действительности феноменах), если не будет выполнено условие заполнения их системой дополнительных предположений и подобранных данных.

Отказ от беспорядка

Подошли к концу наши длительные странствия. Множество дискуссий, споров, вызванных теориями социального изменения, являются следствием того, что исследователи либо ухитрились не замечать определенного набора различий между ними, либо, отмечая их наличие, не использовали их должным образом. Многие утверждения о возможностях представлялись публике или воспринимались ею в качестве «законов». Многие формальные теории интерпретировались или воспринимались как строго научные теории. Множество теорий *stricto sensu*, правомерных при наличии суммы строго специфических условий, воспринимались как обладающие универсальным характером, т.е. как правомерные не зависимо от набора этих условий.

Построение строго научных теорий социального изменения, т.е. теорий, удовлетворяющих попперовским критериям научности, возможно только относительно частных, локальных, социальных процессов с определенными пространственно-временными параметрами. Теории социального изменения, претендующие на всеобщий характер, даже в самом лучшем случае должны рассматриваться как формальные теории, которые не могут быть напрямую приложимы к реальности, но которые, тем не менее, могут быть полезными при анализе отдельных процессов благодаря либо языку, который они предлагают, либо описанию идеальных примеров. В худшем случае, когда они претендуют на выдвижение одновременно и эмпирических, и универсальных утверждений, их опровергает сама реальность.

Нельзя отнести к числу истинных такие утверждения: сам по себе «порочный круг бедности» свидетельствует о неразвитости экономики; разделение труда неизбежно должно усиливаться; идеи всегда зависят от «структур»; любой институт должен выполнять определенную функцию; классовая борьба является двигателем изменений; индустриализация с неизбежностью влечет за собой нуклеаризацию семьи; развитие зависит от экзогенных факторов; быстрый рост или резкое падение экономики обычно сопровождаются мобилизацией; структуры тяготеют к когерентности.

Не являются истинными и утверждения о том, что развитие науки и техники обусловило (или должно обусловить) девальвацию религиозных ценностей; что расширение политических прав обычно сопровождается расширением социальных прав; что запаздывание в развитии является причиной, обуславливающей появление централизованных государств; или, напротив, что только централизованное государство может ликвидировать запаздывание в развитии.

Не верно и утверждение о том, что *зависимость* стран, вступивших на путь развития, от развитых стран чаще всего влечет за собой, с точки зрения интересов первых, не благоприятные, а негативные последствия.

Нельзя признать истинными утверждения о том, что маргинализированные элиты всегда ориентированы на инновации; что полуфеодалная структура содержит в себе механизм самовоспроизводства или, шире, что та или иная структура несет в себе закон эволюции.

Не является истинным и то, что институты образуют когерентные системы и что возникающие между этими институтами «противоречия» являются общей причиной социального изменения. Не являются истинными и утверждения о том, что любой процесс детерминирован, как и противоположное ему утверждение о том, что любой процесс недетерминирован и непредсказуем. Нельзя признать истинными как утверждение о первичности мифов, так и утверждение о первичности производственных отношений.

Повторимся, *научная* теория социального изменения может существовать исключительно как *частная* и *локальная*. Некоторые из таких теорий рассматривают случаи, в которых мы действительно должны признавать производственные отношения основополагающими. Но в иных случаях эти отношения не играют никакой роли. Одни теории социального изменения правомерно рассматривают ценности как обладающие экзогенным характером, другие — эндогенным. Также с полным правом они рассматривают инновацию то как преимущественно эндогенное, то как экзоген-

ное явление. Некоторые теории с полным основанием используют утилитаристскую аксиоматику, другие не прибегают к ней. Те и другие могут дать убедительные объяснения изучаемых ими процессов. Ведь уместность определенной аксиоматики не может быть установлена а priori, это можно сделать только исходя из содержания процесса, объяснить который мы ставим своей задачей.

Именно потому, что *великие* теории социального изменения, а именно те из них, которые обусловили формирование позитивизма и марксизма, культурализма и структурализма, функционализма и девелоппментализма, не заметили этих нескольких простых положений и различий эпистемологического характера, они и превратились в некое подобие «города мертвых».

Вопрос (его решение я ставил в этой книге в качестве главной задачи) о том, почему реальность постоянно опровергает теории социального изменения, как мне представляется, имеет решение, состоящее из нескольких простых утверждений.

Теория социального изменения может быть *научной* в том смысле, который после Поппера обычно придают этому слову только тогда, когда она ставит задачей объяснить, почему определенная серия характеристик $A_t, B_t, \dots, P_t$, свойственных системе в момент t , трансформируется в момент $t+k$ в другую серию характеристик $A'_{t+k}, B'_{t+k}, \dots, P'_{t+k}$. Для окончательного прояснения вопроса необходимо, чтобы сами по себе характеристики A, B, P были четко определены. Необходимо также, чтобы сравниваемые периоды $t, t+1, t+k$ были определены с точностью, исключающей всякую двусмысленность. Искомый ответ на вопрос заключается в объяснении того, как и почему в период между t и $t+k$ ситуация акторов изменилась, что сказалось на их поведенческих реакциях, агрегирование которых и объясняет *результат* $A'_{t+k}, B'_{t+k}, P'_{t+k}$. Я полагаю, что любая строго научная теория социального изменения сводится к этой схеме.

Однако совокупность «теорий социального изменения» содержит в себе и другие классы теорий, которые не сводятся к данной схеме. Одни из них представляют собой догадки, другие являются утверждениями о возможности, третьи суть *формальные* теории, не имеющие никакого эмпирического приложения, но обладающие решающим значением в том смысле, что могут решительным и эффективным образом ориентировать на создание теорий в точном смысле слова. Вне «парадигмы функционального анализа» сложно объяснить такой конкретный в пространственно-временном отношении феномен, как значимость партийной *машины* демократической партии в 50-х годах. Не прибегая к олсоновской парадигме коллективного действия, трудно объяснить распростране-

ние практики «closed shop»* в истории английского профсоюзного движения. Не прибегая к парадигме дифференциации, сложно объяснить существующие на современном предприятии различия между функцией собственности и функциями власти и принятия решения.

Те трудности, с которыми сталкиваются теории социального изменения, возражения, выдвигаемые против них, в основном имеют своей причиной смешение жанров. Есть научные теории изменения, но есть и теории-предположения; теории в строгом смысле слова и формальные теории. Любая из этих категорий с точки зрения логики существенно отличается от других. Но поскольку существует эффект завышения оценки, постольку имеет место и тенденция затушевывать различия и приписывать возможности эмпирического предсказания теориям, которые выдвигают скорее простые формальные модели. По той же причине утверждениям о возможности приписывается статус «закона», основывающегося на эмпирических закономерностях.

Таким образом, теории социального изменения не заслуживают ни той высокой значимости, которая нередко приписывается им, ни обвинений в якобы бесцельности, которые выдвигает против них Нисбет. Вопрос заключается вовсе не в том, чтобы выяснить, какие они — черные или белые; необходимо определить их истинное место с точки зрения логики. Такое критическое и релятивистское отношение, как могут мне возразить, приведет к мизерным результатам. Может быть. Но этот результат чреват такими выводами, относительно которых трудно предположить, что они будут приняты без возражений. Ведь они покажут, к примеру, не только то, что понятие марксистской, функционалистской или структуралистской теории изменения лишено значения, но и то, что отдельные теории изменения являются научными в столь же строгом смысле слова, как и физические теории.

В этой книге я пытался возобновить дискуссию, начатую Поппером в его «*Нищете историцизма*» и продолженную Нисбетом в книге «*История и социальное изменение*» («*History and Social Change*») (ее вопросы затрагивали и многие другие, особенно Арон во «*Введении в философию истории*»). В таком случае было бы полезно отметить разницу между диагнозом первых двух авторов и моим собственным. Релятивизм Поппера основывается на различии абсолютных и причинно-следственных законов: установление причинно-следственных законов может стать в той же мере законной сферой деятельности для социальных наук, как и для естественных наук, в то время как поиск абсолютных законов является «мета-

* Контроль профсоюзов над рабочими местами (англ.). — Прим. перев.

физическим» занятием. Сложность этой позиции коренится, во-первых, в том, что многие «абсолютные» законы, предложенные социальными науками, были выведены из причинно-следственных законов; во-вторых, в том, что большая часть причинно-следственных законов, выдвинутых данными науками, предстают как спорные. И последнее: многие теории социального изменения не привели к установлению ни абсолютных, ни причинно-следственных законов. С другой стороны, многие теории социального изменения, будь то парсоновская теория дифференциации или олсоновская теория социального действия, не поддаются классификации соответственно знаменитой попперовской дихотомии, противопоставляющей «метафизические» и «научные» теории.

Позиция, занимаемая Нисбетом, является скорее скептической, нежели релятивистской. Привязанность к идеалу, в классической форме выраженному Ранке — описывать изменение так, как оно происходит в действительности, — приводит Нисбета к убеждению, что никакой анализ социального изменения не способен выдвинуть какое-либо номотетическое и универсальное утверждение. В соответствии с идеалом, сформулированным Ранке и Моммзеном, социолог, экономист, представитель политических наук не должны, подобно историку, задаваться какой-либо иной целью, кроме единственно возможной — анализировать единичные процессы в их единичности, не пытаясь найти в них объяснение номологических закономерностей, не пытаясь применить к ним *идеальные модели*.

Я стремился показать, что позиция Нисбета порочна также в том смысле, что приводит к мало приемлемому реализму: если бесспорные номологические или номотетические утверждения не существуют, то все-таки существуют системы категорий и идеальных моделей, относительно которых трудно утверждать, что они бесполезны при анализе социального изменения. Напротив, следует признать, что они необходимы для понимания социального изменения в той мере, в какой они предоставляют нам определенные рамки, в которых затем и создаются теории в строгом смысле слова. Если эти категориальные системы и идеальные модели сами по себе и не являются, строго говоря, ни «метафизическими», ни «научными» (в том смысле, который придавал этим словам Поппер), то они незаменимы при создании таких теорий, которые уже будут соответствовать попперовским критериям верификации. Иначе говоря, Нисбет недооценивает те возражения, которые Зиммель и Вебер выдвигали против реализма Ранке. Однако в его пользу говорит то, что теоретики социального изменения редко учитывали необходимость различения формального и эмпиричес-

кого, в качестве эмпирических теорий общего характера они зачастую представляли конструкции, которые обычно нельзя воспринимать иначе, как идеальные модели.

Замечание по поводу понятия «правомерность»

Осается затронуть один важный вопрос технического характера, к которому в настоящем контексте не представляется возможным разобрать детально. Мы видели, что объяснение процесса, соответственно тому, какой случай мы рассматривали, могло вводить на микроуровне тот или иной тип аксиоматики (например, психология когнитивного типа или психология утилитаристского типа). Мы видели, что природа используемых переменных зависела от характера рассматриваемого случая, и на этот счет не могло быть выдвинуто никаких универсальных правил. С другой стороны, следуя Зиммелю и Веберу, мы обязаны, если не хотим создавать сомнительные апории, признать, что когда социолог, экономист или представитель политических наук объясняют конкретные феномены, они всегда используют *идеальные* схемы, даже если склонны подгонять их под ту реальность, которую они анализируют. Таким образом, основной эпистемологический вопрос заключается в том, чтобы уяснить, как можно избежать произвольных ситуаций или, говоря иначе, как может быть установлена правомерность теории.

Поскольку я детально разбирал этот вопрос в других работах³⁰, то здесь я могу ограничиться лишь кратким напоминанием.

Исходная точка научной теории всегда основывается на определении конечной совокупности данных $\{D\}$. В теории, затрагивающей вопрос социального изменения, у этих данных имеется одна особенность: они индексированы по шкале времени. Следующий этап заключается в выборе одной или нескольких идеальных схем $\{S\}$, отнositельно которых мы рассчитываем (при условии дополнительной проверки), что они предоставят надлежащие элементы для конструирования теории, объясняющей $\{D\}$. Таким образом, отталкиваясь от $\{S\}$, мы создаем теорию T . Эта теория T не должна включать в себя утверждения, неприемлемые с точки зрения веберовского критерия понимания. Помимо этого, T должна быть действительно сопоставимой с $\{D\}$. Соответственно, вопрос правомерности T иначе может быть выражен в следующей форме: можем ли мы представить себе теорию T' , отличную от T и столь же хорошо отвечающую веберовскому критерию понимания и поппе-

³⁰ Théories, théorie et Théorie. Op. cit.

ровским критериям «фальсификации»? Если да, то можно построить «несоизмеримые» (в том смысле, какой придавал этому слову Фейерабенд) теории той же самой совокупности данных $\{D\}$. В таком случае невозможно решить вопрос об относительной правомерности T и T' . Иными словами, невозможно будет определить уровень правомерности T . Если $\{D\}$ может быть объяснена серией несоизмеримых теорий $T, T', T'' \dots$, состоящих из многочисленных элементов, то T не может обладать какой-либо иной правомерностью, кроме субъективной.

Вообразим себе противоположный случай, а именно, что нам невозможно представить теорию T' , объясняющую $\{D\}$, так же хорошо, как объясняет T . На мой взгляд, к числу таких теорий относятся некоторые из приведенных выше, в частности теории Эпштейн или Вебера—Тревора Ропера. В подобном случае мы не можем считать теорию T истинной — понятие истины не может быть предельным понятием, но мы должны признать, что эта теория *более правомерна*. Если же создается теория T' , несоизмеримая с теорией T , то ее правомерность уменьшается. Если появляется теория T'' , соизмеримая с T и объясняющая сумму данных $\{D''\}$ такого рода, что $\{D\}$ включена в объем $\{D''\}$, то правомерность T снизится и мы можем заместить теорию T теорией T'' . Предпринятая Тревором Ропером ревизия теории Вебера является случаем подобного рода.

Таким образом, *правомерность* теорий не принадлежит к числу вопросов, которые не имеют ответов, напротив, на него можно предложить аналитически точный ответ. Такие понятия, как «*правомерность*», «*достоверность*» или «*истинность*» теории, могут получить четкое определение. Но, начиная с того момента, когда может быть установлена правомерность теории (исключая те, в целом достаточно редкие, случаи, когда несколько несопоставимых теорий позволяют в равной мере объяснить одну и ту же сумму данных), мы можем судить о правомерности идеальных схем, использованных этой теорией. Идеальные схемы могут претендовать не на *универсальность*, а лишь на *высокую частоту проявления* (выше мы имели возможность наблюдать значимость такого различия). Из этого следует, что мы не можем распределить их в определенном порядке друг относительно друга, как это можно сделать с *теориями* в точном смысле слова. Так, «материалистическая» схема не имеет никакого преимущества над «идеалистической» схемой, как ни в коей мере не может рассматриваться как какая-то низкосортная по сравнению с ней; бывают случаи, когда не могут быть применены ни та, ни другая. Но невозможность приписать какую-либо правомерность этим схемам никак не ведет к произволу, по-

сколько единственным значимым вопросом является вопрос о том, содержит ли теория Т, выстроенная, исходя из S, объяснение {D}. Итак, следует признать, что данный вопрос (за исключением случаев использования несопоставимых теорий) не только является четким сам по себе, но и содержит в себе возможность получения точного ответа.

Здесь, равно как и в других областях, необходимо различать две концепции: скептическую и релятивистско-критическую. Скептическая концепция, способная принимать различные формы и, например, утверждать, что ничто не является неоспоримым, «anything goes» (Фейерабенд); «мир является настолько *комплексным*, что любое высказанное по его поводу суждение будет стоить другого»; «истинно, ибо верую»; чистота и интенсивность восприятия являются критериями истинности, — в конечном счете переполнена разного рода элементами догматизма, поскольку не позволяет отличать аргумент авторитета от критерия истинности, а также всевозможной путаницей.

Впрочем, как заметил Гегель, сама народная мудрость признает, что только ночью все кошки серы.

Познание, интересы и интерпретации социального изменения

Для того чтобы задача, стоящая передо мной, была выполнена полностью, мне остается проанализировать еще один момент. Но я удовлетворюсь лишь кратким изложением его анализа, поскольку сам по себе он может представить отдельное исследование. Я имею в виду влияние на теории социального изменения того, что можно обозначить термином «социальный детерминизм». В какой мере новый виток в развитии теорий социального изменения, отмеченный в последние десятилетия, является следствием отдельных социальных факторов?

Возвращаясь к старой теме, немецкий социолог Хабермас высказал такое мнение: познание, особенно социальной сферы, должно теснейшим образом определяться интересами³¹. Такое видение социологом процесса познания без труда нашло отклик, чему благоприятствовала интеллектуальная обстановка того времени. Историческая эпистемология, особенно работы Куна, Лакатоса и Фейерабенда, показали, что научное познание, в том числе в сфе-

³¹ *Habermas J. Connaissance et intérêt. Paris, Gallimard, 1976.*

ре самих точных наук, определяется социальными факторами. Образ бесплотного исследователя, стремящегося к постижению истины с помощью четко кодифицированных правил научного открытия, сменился образом борьбы за выживание в научном сообществе³². К тому времени Поппер уже заменил понятие истины понятием фальсификации. Лакатос отмечает, что теория, с трудом согласующаяся с фактами, может долго поддерживать свое существование и что интересы ученых играют в этом долгожительстве не последнюю роль³³. Фейерабенд привлек наше внимание³⁴ к тому обстоятельству, что научные теории могут быть «несовместимыми», т.е. предварительно, исходя из нашего опыта, трудно решить, какая из них предпочтительнее. В подобных случаях *интересы*, как, впрочем, и *предположения* ненаучного порядка, могут играть решающую роль и объяснять приверженность исследователя той или иной теории.

Если индивидуальные и категориальные интересы невозможно вычеркнуть из истории естественных наук, то не должны ли мы на этом основании считать, что еще большую роль они играют в социальных науках, с одной стороны, потому, что правила этих наук менее кодифицированы и признаются учеными с меньшим единодушием, а с другой — потому, что затрагиваемые ими вопросы обладают жизненной ценностью?

По правде говоря, я полагаю, что в данном случае следует остерегаться чересчур прямолинейных подходов. Хотя та роль, которую играют интересы, не подлежит сомнению, она недостаточна для того, чтобы дискредитировать понятие *объективности*. Страсти и интересы, несомненно, играют основную роль при отборе проблем, которым посвящает себя исследователь. Идеологии вторгаются в процесс выбора ученым методологии, на основе которой он выстраивает свою теорию. Кроме того, влияние эмоций и идеологий может приводить к тому, что определенной теории уделяется больше внимания, чем она заслуживает, либо ей приписывается способность воспроизводиться на более высоком уровне, чем тот, на котором она находится в настоящий момент, либо завышается ее логический статус. Но коль скоро за рациональной критикой сохраняются все ее права и возможности, то последнее слово всегда остается за *реальностью*.

³² Lemaine G., Matalon B. La lutte pour la vie dans la cité scientifique//Revue française de sociologie. X. 2. 1969. P. 139—165.

³³ Lakatos I. Op. cit.

³⁴ Feyerabend P. Contre la méthode. Esquisse d'une théorie anarchiste de la connaissance. Paris, Seuil, 1979.

Для того чтобы проиллюстрировать эту позицию, я приведу лишь один пример. Теории экономического развития, бурный расцвет которых пришелся на 50-е и 60-е годы, были, несомненно, связаны с состоянием послевоенного «мирового порядка». Ускоренное развитие «западных» народов обусловило рост их благосостояния. Факт усиления взаимозависимости стран представлялся неоспоримым. Очевидность неравномерного развития разных народов, расширения и углубления движений за национальную независимость обеспечили успех понятиям *«третий мир»*, *«развитые»* и *«отсталые»* страны. Запрос, исходивший чаще всего из различных сегментов общества и нередко имевший весьма специфический характер, вызывал у социологов и экономистов стремление к поискам причин замедленного развития отдельных стран и возможных лекарств от этой болезни. Условия, в которых формировался данный запрос, и характер постановки проблем служили для исследователей стимулом к разработке общих теорий развития. Но именно эти обстоятельства в определенной мере побуждали ученых и к тиражированию экзогенных теорий, отстаивавших положительную роль внешней помощи в процессе развития, тем самым вынуждая их легитимизировать эту помощь.

Я полагаю, что такие теории, как теория «порочного круга бедности» или теория стадий роста (Росту), невозможно понять, если абстрагироваться от этого контекста. Можно даже пойти дальше и утверждать, что созданные в тот период экономические теории были в значительной мере обусловлены ролью, которая им предписывалась, и формой вопросов, поставленных перед разработчиками новых теорий.

Но рациональная критика «стояла на страже своих рубежей». Через какой-то промежуток времени стали замечать, что теории развития противоречат определенному числу бесспорных данных. Постепенно достоверность теорий стала размываться.

В общем, важно признать, что многие причинно-следственные законы или тенденции, на выдвижение которых претендовали социальные науки, в реальности основываются на социоцентрическом предрассудке. Именно революционные эпизоды французской истории убедили Конта, а вслед за ним и Дюркгейма в том, что человечество движется в сторону исчезновения крупных религий. Вебер, обладавший большей прозорливостью, отметил, что в США, самом развитом и самом «материалистическом» из всех индустриально развитых обществ, целая совокупность факторов, напротив, обусловила живучесть протестантизма. Опираясь на английский опыт, Маршалл полагал, что расширение юридических прав должно, в определенной последовательности, смениться расширени-

ем сперва политических, а затем и социальных прав. Токвиль, со своей стороны, явно предвидел, что расширение социальных прав *потенциально* способно привести к появлению «мягкого и опекающего» деспотизма, т.е. к сужению политических прав. И несомненно, собственный американский опыт Парсонса подсказывал ему гипотезу исчезновения расширенной семьи. Точнее, этот «закон» отражал характерные для того времени ожидания, что к 50-м годам может начаться эволюция семейных структур в США.

Таким образом, теории социального изменения в действительности зачастую являются *деривациями* (отклонениями) в том смысле слова, который ему придавал Парето, т.е. их нужно рассматривать как конструкции, выражающие *эмоции* в псевдонаучной форме. Иначе говоря, несмотря на то что эти теории основываются на опыте, из-за владеющих их авторами эмоций они приводят к чрезмерно резким, крайним выводам. Уровень доверия к ним определяется не только качеством доказательств, но и степенью распространенности отраженных в них эмоций. Именно поэтому деривации мало связаны с реальностью, а нередко выполняют задачу облачения в новые одежды (если не по форме, то, во всяком случае, по функциям) риторической аргументации. По этой причине одни и те же деривации могут приводить к противоположным выводам. Это можно наблюдать на примере теории «порочного круга бедности». С точки зрения Нурксе, указанная теория призвана доказать обязанность развитых стран оказывать внешнюю помощь странам третьего мира. Гэлбрейт использует тот же закон в такой форме, что он, напротив, приводит к выводу о бесполезности всякой внешней помощи («Всякий резкий рост прибыли порождает силы, которые сводят его на нет и устанавливают наименее допустимый уровень бедности»). Причина подобной метаморфозы заключалась в том, что за тот период доминирующая эмоция приняла рецессивный характер и догма, строившаяся на признании экзогенного развития, была заменена догмой, ориентированной на эндогенное развитие.

Таким образом, если бы кто-то вознамерился создать *историю* теорий социального изменения, то он должен был бы уточнить те специфические и распространенные запросы, на которые они стремились дать ответ, а также оценить результат влияния этих запросов на содержание теорий.

Необходимо было бы изучить и влияние естественных наук или, по меньшей мере, тех образов и представлений, которые сложились у представителей социальных наук относительно наук естественных. То значение, которое социальные науки обычно приписывают постулату детерминизма, вероятно, является (по крайней

мере, отчасти) следствием воздействия этих образов. Постоянно дающий знать о себе отказ от трактовки социальных феноменов как результата агрегирования индивидуальных действий, вероятно, тоже есть следствие определенного образа *Науки*, согласно которому она не должна оставлять места субъективным феноменам.

Однако исторические вопросы, сколь бы значимыми они ни были, суть не что иное, как дополнения к *критическим* вопросам, ответить на которые мы и пытались в этой книге. *Случай* и *субъективность* зачастую отбрасываются социальными науками по причинам, которые истории этих наук еще предстоит выяснить. Но необходимо отметить и то, что, только учитывая реальную роль этих феноменов, теории социального изменения могут претендовать на *объективность*, которая предполагает, согласно всегда актуальному уроку Канта, идентификацию и исключение тех вопросов, которые не имеют ответов.

Можно анализировать частные и локальные процессы развития, можно разрабатывать общие, но *формальные* схемы, применимые в анализе реальных процессов изменения, модернизации и развития. Однако понятия, которые включает в себя каждая из теорий — теория социальной эволюции, теория развития, теория социального изменения, — представляют собой разнородные совокупности, содержащие элементы, которые относят только к той или иной теории, и придать единство этим совокупностям, объединить вместе все понятия невозможно.

Единства нельзя достичь иначе, как дополнив эти теории (что чаще всего происходит имплицитно) ценностными суждениями, которые в большинстве своем не поддаются доказательству, даже если являются объектом коллективных верований.

Ловушка реализма

Очевидно, Зиммель, наряду с Вебером, был одним из тех пионеров социальных наук, которые обладали наименее религиозным, точнее, я хочу сказать, наименее идеологизированным, видением социального изменения.

Он отчетливо сознавал, что появление некой последовательности АВ или комбинации АВ нельзя объяснять иначе, как результат соединения индивидуальных действий. Но для того чтобы эти действия имели своим следствием одновременно А и В или, если речь идет о последовательности, сперва А, потом В, необходима реализация комплекса обстоятельств К. Если же этого не происходит или реализуется лишь часть их, то вслед за А В может и не появиться. На макроуровне А может сопровождаться В или противоположным ему явлением. Чаще всего невозможно утверждать, что комбинация АВ должна быть более распространенной, чем комбинация АВ'. Недостоверный характер формирования макроскопических комбинаций становится совершенно очевидным, как только мы перестаем искать в них проявление естественных законов и начинаем понимать, что в действительности они не могут быть не чем иным, как продуктом индивидуальных действий. Зиммель наверняка не удивился бы, если бы узнал, что безработица и инфляция могут находиться как в прямой, так и в обратнопропорциональной зависимости друг от друга, и совершенно бессмысленно звучал бы вопрос о том, какой из этих двух феноменов появляется чаще.

В явном противоречии с социологией действия многие исследователи подходят к социальному изменению с натуралистических позиций. Воспринимая его как *естественное явление*, они стремятся раскрыть его законы. По правде говоря, стоит еще выяснить, не

несут ли в себе теории социального изменения столь же большой дозы метафизики, подобно тем доктринам, которые выросли на базе прежней философии истории.

По другому важному вопросу, связанному с первым, Вебер и Зиммель заняли позицию, отличную от позиции многих других. Их подход был обусловлен близким знакомством этих ученых с мыслью Канта, поэтому лучше, чем кто-либо другой, они могли увидеть западную *реализма* и считали необходимым четко отличать создаваемые исследователями умозрительные схемы от самой реальности. В этом и заключается весь смысл зиммелевского понятия «формальная социология» и веберовского понятия «идеальный тип». Отношение $y = ax + b$ есть не что иное, как *форма*, в том смысле, что до тех пор, пока величины a и b не будут уточнены, оно не может быть приложимо ни к какой реальности. Напротив, как только эти величины уточняются, оно приобретает способность приемлемым образом трактовать отдельные реальные отношения.

То же самое можно сказать и о «модели», которую предлагает Готеллинг (см. гл. 7). Как таковая, она не приложима ни к какой частной реальности и, следовательно, в этом смысле является *формальной*. В то же время ее следует признать *всеобщей*, поскольку, будучи наполнена эмпирическими данными, иначе говоря, как только будут надлежащим образом уточнены ее параметры, она может быть приложима к самым различным ситуациям. То же можно сказать и о других типах умозрительных схем, в частности, об используемых социальными науками классических концептуальных системах. Так, введенное Тённисом различие между *Gemeinschaft* (община) и *Gesellschaft* (общество) представляет собой формальную умозрительную схему, хотя и совсем другого типа, нежели «модель» Готеллинга¹. Как таковое, произведенное Тённисом разграничение не приложимо ни к какой конкретной социальной реальности. Скорее оно является направляющей идеей, побуждающей обращать внимание исследователя на доступные наблюдению различия в том случае, когда он сравнивает ограниченные по численности группы и общества. В этом смысле оно обладает высоким уровнем *всеобщности*. Но в действительности никакого собственного смысла это различие в себе не несет и может быть использовано только при сравнении реальных групп и реальных обществ. Как и в случае с «моделью» Готеллинга, для того чтобы различие было уместным, необходимо, чтобы его «параметры» были адаптированы к рассматриваемым объектам. В противном случае,

¹ О различиях между разными типами умозрительных моделей см.: Boudon R. Théories, théorie et théorie. Op. cit.

если различие накладывается на «сырой материал», оно оказывается составной частью идеологии или утопии. Это касается и «закона» — *тенденции* нормы прибыли к понижению. Строго говоря, он является не эмпирическим законом, а умозрительной схемой, параметры которой должны быть адаптированы к тем ситуациям, которые мы хотим изучить. Она показывает, что в зависимости от рассматриваемого случая норма прибыли может повышаться, понижаться или оставаться стабильной. Иными словами, она не позволяет сделать ни эмпирического заключения, ни прогноза.

Суть западни, которую ставит реализм и которой Зиммель посвятил книгу «Проблемы философии истории» («Die Probleme der Geschichtsphilosophie»)², заключается в попытке выдать умозрительную схему за реальность, т.е. в смещении формы и реальности или — повторим знаменитую гегелевскую формулу — в уподоблении «рационального» «реальному». Не трудно привести пример подобных метаний. Интерпретированная в реалистической манере, модель Готеллинга приводит к ложному «прогнозу» о том, что в двухпартийных системах программы партий практически не должны отличаться друг от друга, тогда результаты выборов для каждой партии будут мало расходиться. Трактующее в реалистической манере, различие Тённиса приводит к преувеличению значения противоположности общины и общества, к утопическому по своему характеру противопоставлению традиционных и современных обществ и превращению роли противоречий во второй и гармонии в первой. Понятие общины подсказало, например, Хозелицу³ мысль о том, что традиционные общества образуют настолько интегрированные единства, что любое изменение в них либо будет отторгнуто (община «в стадии стагнации»), либо вызовет в них потрясения, способные лишить их свойственной им идентичности. Интерпретация в духе реализма закона тенденции нормы прибыли к понижению приводит к утверждению о том, что пороки капиталистической системы являются врожденными. Следовательно, все эти интерпретации приводят либо к прогнозам, которые впоследствии опровергаются фактами, либо к утопическим представлениям об изменении. В целом порожденные социальными науками всеобъемлющие идеологии, такие, как марксизм, структурализм или функционализм, представляют собой продукт реалистической иллюзии. Так, структурализм в реалисти-

² На первых страницах Предисловия к 3-му изданию (1907) этой работы она представлена как «критика исторического реализма».

³ Hoeselitz B. Les principaux concepts de l'analyse des répercussions sociales de l'évolution technique // Hoeselitz B., Moore W. (red.). Industrialisation et société. Op. cit. P. 9—28.

ческой манере интерпретирует противопоставление структурного и неструктурного; функционализм имеет тенденцию рассматривать *аналогию* (общество—система, общество—организация и т.д.) как *идентичность*.

Но важно отметить также (как это ясно дает нам понять Зиммель, настаивая на различиях между *формальным* и *реальным*), что умозрительные схемы, подобные тем, которые мы только что рассмотрели, нельзя признать ложными *по самой их сути*. Напротив, они могут оказаться необходимыми при объяснении социального изменения. Трудности возникают лишь тогда, когда мы начинаем интерпретировать эти схемы в реалистической манере, т.е. как описывающие реальные механизмы или различия, и не видим того, что их нельзя прилагать к тому или иному *частному* объекту без предварительного уточнения и адаптации.

Как я уже отмечал, западню реализма нельзя рассматривать как изначально присущую социальным наукам. Например, многие дискуссии по поводу дарвинизма являются следствием того, что мы интерпретировали в реалистической манере некую теорию, которая в реальности представляет собой умозрительную модель. Вспомним, что сам Поппер сомневался относительно статуса дарвиновской теории, т.е. признать ее «метафизической» или «научной», но так и не смог решить эту проблему, поскольку не взял на себя труд провести границу между теорией, с одной стороны, и умозрительной моделью — с другой. Действительно, теория Дарвина говорит нам лишь о том, какие типы механизмов могут рассматриваться как включенные в процесс эволюции видов. Но если мы захотим представить процесс эволюции одного конкретного вида в течение определенного периода, то нам придется наполнить эту теоретическую модель *эмпирическими*, или, если угодно, *историческими* данными. Иными словами, необходимо принять в расчет случайности и условия протекания процесса. То обстоятельство, что, например, какой-то вид укрылся от конкурентов в борьбе за выживание в благоприятной экологической нише, может объяснить частную эволюцию. Но, как таковая, теория эволюции не позволяет сделать никакого эмпирического вывода. Было бы бесполезно продолжать настаивать на том, что в тех случаях, когда эта теория интерпретируется в духе реализма, она может дать самые спорные прогнозы (достаточно взять в качестве примера социал-дарвинизм) и выводы; об этом наглядно свидетельствует часто адресуемый ей упрек в тавтологичности.

Постоянство иллюзии реализма в социальных науках, как, впрочем, и в других областях знания, объясняется тем, что она служит основным механизмом формирования идеологий.

Когда созданные социальными науками умозрительные схемы интерпретируются так, как это и следует делать, т.е. не как реалистические, а как формальные, тогда они представляют собой необходимые инструменты процесса познания реальности. Но в таком случае их эффективность объясняется не тем, что они отказываются учитывать все существующее разнообразие, а, напротив, тем, что они признают его право на существование, т.е. они не отвергают и существование определенных случайностей и беспорядка, исключение которых составляет сущностную черту идеологической мысли.

Наконец, представители классической социологии действия сходятся еще в одном — третьем — пункте, а именно в том, что научное объяснение можно дать только четко определенным процессам, но тогда следует признать, что эти процессы частичны. Здесь совершенно очевидно влияние известной кантовской идеи: в соответствии с «Прологоменами...» если наука не имеет границ (Grenzen), то ее существование возможно лишь при признании ею своих пределов (Schranken).

Несомненно, во многом именно из-за присущей ей особенности устанавливать достаточно узкие границы как в претензиях на разработку общих теорий относительно социальной сферы, так и в выявлении эмпирических закономерностей общего порядка социология действия, несмотря на свою плодотворность, постоянно противостоит другим парадигмам.

В конечном счете, из методологического исследования, которое я предпринял в данном эссе, вытекает один фундаментальный вывод. Анализ процессов изменения может отвечать критериям научности, сформулированным Поппером и его многочисленными предшественниками, лишь в том случае, если к нему приложима идеальная модель познания, которую я связываю с именем Вебера. Я не вижу, что мешало бы нам принять полностью эти критерии, если мы не желаем отказаться от любых возможностей провести различие между научным и другими формами познания. Итак, веберовская модель приложима только к четко определенным и частичным процессам, причем в том техническом смысле, который я придаю этому понятию. Стоит нам выйти за эти рамки, как мы сразу теряем уверенность и попадаем в область конъюнктуры и правдоподобия. Такие теории вовсе не следует рассматривать как лишенные научного или практического интереса, но необходимо проявлять внимание к тому, что можно назвать их *логическим* статусом. Точно так же важно отличать *формальные* теории, снабжающие нас идеальными схемами, которые могут служить основой для конструирования теорий в точном смысле этого слова, от самих строго научных теорий, как таковых.

Одной из главных задач философии познания как «методологии» является задача различения того, что именно в процессах познания относится к познающему субъекту, и того, что относится к познаваемому объекту. На одном из полюсов континуума, который позволяют очертить два этих термина, находятся теории, построенные так, что реальность способна либо подтвердить их, либо опровергнуть самым недвусмысленным образом. Другую крайность представляют теории, которые можно вслед за Фейербахом определить как «сказки феи». Между двумя этими полюсами возможны самые различные варианты. Основная цель философии познания, методологии, заключается в определении истинного места этих теорий. В анализе социального изменения эта цель играет, вероятно, более решающую роль, чем в какой-либо другой области. Причиной этого является влияние теорий социального изменения на практику, или, говоря словами Парето, их «социальная полезность». Именно в силу такого влияния в ряде случаев действительно подстерегает угроза попасть в западню реализма.

В тот момент, когда западня захлопывается, структуры процессов смешиваются с их сущностью, а идеальные модели — с законами, описывающими «тенденции». Исследователи забывают, что «структуры» не проявляются вне конкретных ситуаций; они приписывают неизбежный и универсальный характер локальным и случайным закономерностям; смешивают идеальные категории и реальные различия, не проводят различий между *общей* моделью и *универсальным* законом, эмпирическими и формальными следствиями; завышают способность социальных наук к предвидению; смешивают объяснение и предвидение — два понятия, о которых нельзя сказать, что одно из них включает в себя другое, разве лишь в том случае, если не определять объяснение как подведение отдельных фактов под универсальные законы. Несмотря на то что теории социального изменения, разработанные в последние десятилетия, много дали для нашего понимания исторических перспектив (именно потому, что они не были склонны учитывать указанные различия), они, как и представители философии истории XIX в., угодили в самую глубину западни реализма.

Порождаемые ими сегодня сомнения создают, по всей видимости, благоприятный контекст для возобновления критической рефлексии по поводу пределов познания в области анализа макроскопических изменений, влияющих на состояние общества.

Само собой разумеется, необходимо подчеркнуть также (и это одна из тем данной книги), что методологический индивидуализм как принцип, определяющий различные направления социо-

логии действия, является единственной возможной базой, на которую может опереться научный анализ социального изменения. Это утверждение истинно независимо от того, говорим мы об анализе изменения на микроуровне (например, в рамках организаций) или о макроизменениях, т.е. таких, которые, создавая определенную тенденцию, влияют на состояние общества в целом. Оно истинно и независимо от того, к какому типу относится рассматриваемое общество. Как наглядно показывают приведенные выше примеры (и многие другие примеры, которые нетрудно привести), принцип методологического индивидуализма в равной мере эффективно приложим к анализу социальных изменений и в современной Индии, и в Японии периода традиционного общества, и в предреволюционной Франции и, наконец, к анализу индустриальных обществ. Кроме того, он в равной мере хорошо применим к анализу идеологических или религиозных феноменов и, например, к анализу феноменов политических или экономических.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что теории социального изменения имеют зачастую статус *моделей* или *формальных* теорий. Эти теории-модели представляют собой целый корпус конструкций, значение которых для понимания исторической перспективы столь высоко и эпистемологическая специфика которых столь неоспорима, что это объясняет причину становления понятия «*социальное изменение*» наряду с понятием «*история*». Эти формальные теории показывают, что социальные науки вовсе не обречены на анализ единичного, на номологическую перспективу.

Понятие *социального изменения* является простым и загадочным одновременно. Как и почему случилось, что оно стало обозначать общепризнанную «научную» специализацию, в то время как в реальности изучение «социального изменения» напрямую или косвенно можно было обнаружить во всех разделах всех социальных наук? Как оказалось, что некой, принимаемой и признаваемой большинством институционализированной сущности не соответствует никакая свободно улавливаемая *концептуальная* сущность? Чем именно (вернемся к нашему первоначальному вопросу) «социальное изменение» отличается от «истории»?

В основе понятия социальной сферы лежат три возможных концепции «науки». Первая — это концепция *эмпиризма*. Приложенная к анализу социального изменения, она соответствует концепции того, что в Германии XIX в. называлось *историзмом*. Представители последнего видели идеал исторического познания в описании эволюций или произошедших изменений в том виде, в каком они действительно имели место или «как мы их видели соб-

ственными глазами», если повторить знаменитую формулу Леопольда фон Ранке. Сторонник историзма не будет отыскивать закономерности там, где их нет. Он не будет ставить вопрос о том, действительно ли существуют тенденции, ритмы, исторические циклы. Ему не интересно выяснять, чему были обязаны своим происхождением серьезные крупные изменения — переменам в производственных отношениях, как считал Маркс, или скорее изменениям в ценностях, как полагал Макс Вебер.

Вторую фундаментальную концепцию, которой может воспользоваться исследователь, изучающий отдельные исторические процессы, можно обозначить как *номологическая* концепция. Приверженец историзма выдвигает в качестве идеала описание реальности в ее конкретной комплексности. Сверх того, он делает заключение, что, исходя из потребностей исследования или изложения, необходимо упростить данные наблюдения, организовать их, короче говоря, принять необходимые меры для введения их в повествование, имеющее с необходимостью линейный характер. Исследователь же, признающий *номологическую* концепцию, стремится обнаружить в исторической реальности тенденции, закономерности, циклы, законы наследования, различные вариации взаимодействия серий, каузальные связи между факторами, короче говоря, все то, что в общих чертах можно обозначить как *макроскопические*, или *структурные, закономерности*.

Можно выделить и третий фундаментальный тип концепции, проекта или программы и на этом основании говорить о *формальной*, или *гипотетико-дедуктивной* концепции, если читатель согласится с таким названием. Это всего лишь способ производства научного знания, который заключается в выдвижении *гипотез*, *выведении* из этих гипотез следствий и использовании созданных таким образом *моделей* для объяснения, уточнения и понимания реальности. Гипотетико-дедуктивная концепция *может* принимать математическую форму, хотя и не обязательно принимает: *в отдельных случаях* математический язык, очевидно, необходим для того, чтобы извлечь выводы из отдельных систем гипотез. Но он не является таковым всегда. Дедукция из математической формы есть не что иное, как просто возможный случай.

Таким образом, краткий обзор того, что называют социальными науками, позволяет отметить следующее обстоятельство: если *в реальности* их не всегда легко отличить от истории, то на *концептуальном, или теоретическом, уровне* они заслуживают *самостоятельности*, которая в целом за ними признается. Самостоятельность способствует легитимации социальных наук, поскольку они установили перспективы, *программы* (по терминологии предста-

вителя философии науки И. Лакатоса). Эти программы они используют систематически, в отличие от историков, которые обращаются к ним от случая к случаю, а если и используют, то признают факт их заимствования из багажа социальных наук.

Весьма важная причина того, по своей природе лингвистического, явления, которое представляет собой перевод на обыденный уровень понятия «социальное изменение», коренится, на мой взгляд, в следующем: социальные науки уже достаточно давно и легко вводят в научный обиход *концепции* и *модальности* объяснения, которые так непривычны для традиционной истории. Когда заводят речь о *социальном изменении* в противовес историческому процессу, то под этим подразумевается стремление дать анализ исторического развития в том или ином аспекте в соответствии с *перспективой* или с *программой*, характерной для социальных наук, т.е. в соответствии либо с *номологической*, либо *формальной* перспективой. Когда Токвиль в первых фразах «Старого режима...» сообщает, что его книга не является исторической работой, то в этой фразе важно видеть свидетельство его огромной проницательности: Токвиль подсказывает нам ту мысль, которую явственно выразят идущие следом за ним авторы — Вебер и Зиммель, а именно мысль о том, что исторический объект может быть познан с помощью *программ* или *перспектив*, весьма отличающихся от тех, которые используются традиционной историей, и что особенно большую роль в этом могут сыграть гипотетико-дедуктивные методы.

Две наиболее характерных для социальных наук программы, *номологическая* и *формальная*, очень четко отличаются друг от друга. Это можно заметить и по тому, что слово «закон» в первом и во втором случаях имеет совершенно разный смысл. В рамках номологической программы оно обозначает утверждение, фиксирующее закономерность, т.е. в данном случае речь идет о *законе* в том смысле, в каком мы говорим, например, о «законе Кеплера». Напротив, знаменитый «закон сравнительной выгоды» Рикардо точнее мог бы быть назван *теоремой*, поскольку он описывает следствие, выведенное из гипотетико-дедуктивной системы.

Так, *социальное изменение* существует, поскольку существует и значительная масса исследований, каждое из которых соответствует программам, описанным мною выше.

Но необходимо отметить и то обстоятельство, что, как только эти три программы заявляют претензии на монопольное господство, так возникают соответствующие им три *доктрины*. Когда «формальная» и «экспериментальная» программы интерпретируются как не представляющие интереса или нелегитимные, тогда мы стал-

квиваемся с классическим отношением историзма. Впервые оно проявилось у представителей классического немецкого историзма, принявших с жаром отстаивать эту точку зрения, отмечает оно и у многих наших современников. Книга Нисбета «Социальное изменение и история» («Social Change and History») в конце концов является не чем иным, как манифестом историзма, причем манифестом достаточно традиционным как по содержанию, так и по аргументации.

В том случае, когда «экспериментальная» программа заявляет претензии на исключение «формальной» программы, это приводит к появлению новой доктрины, которую точнее назвать натурализмом. Классическим примером является Дюркгейм, который рассматривал модели, традиционно используемые в экономике и политической философии, как абстрактные, спекулятивные или метафизические. Несмотря на все теоретические расхождения с Рикардо, Маркс, как и он, успешно использовал (а австрийские маржиналисты — так же хорошо, как и Маркс) гипотетико-дедуктивные модели для анализа экономической реальности. Действуя подобным образом, Маркс и Рикардо применяли в политической экономии метод, который уже давно использовался в политической философии Руссо и Гоббсом. Согласно Дюркгейму, социологии предстоит великое будущее именно потому, что, в соответствии с программой, которую он сам стремился ей навязать, она должна *порвать* со «спекулятивным» методом экономики. С точки зрения Дюркгейма, развитие социологии свидетельствует по сути о переходе социальных наук от *метафизического* состояния к позитивному. И без тени иронии он провозглашал (настолько эволюционистская теория Конта представлялась ему вполне естественной), что социология призвана отправить «прежнюю политэкономия» в музей.

Подобное видение вовсе нельзя считать неизбежным: представители немецкой классической социологии, в частности, Макс Вебер, Зиммель, Зомбарт и другие, полагали, что, напротив, метод моделирования может использоваться в социологии с не меньшим успехом, чем в политэкономии. Рассуждения Зиммеля о «формальной социологии» указывают на его желание реализовать в социологии то, что ранее хорошо зарекомендовало себя в экономике. По существу в требовании *разрыва*, характерном для дюркгеймовской концепции социологии, проявилось его очень частное видение науки.

Разумеется, следует говорить и о наличии определенного догматизма, соответствующего «формальной» программе. Например, его можно встретить у Маркса, который полагал, что выводы,

вытекающие из его моделей, должны развиваться в зависимости от изменений реальности. Подобно тому как Дюркгейм унаследовал от Конта определенную концепцию *науки*, так и Маркс никогда не мог избавиться от гегелевского принципа: реальное должно быть тождественно рациональному.

Эти ссылки на классические примеры необходимы, если мы хотим понять, почему современные исследования «социальных изменений» вызывают одновременно и интерес, и ощущение *двусмысленности*.

Весьма часто социальные науки считали необходимым с целью обретения собственной легитимности (в которой они вообще-то не нуждались) заявлять о своей способности к предвидению. Это было особенно характерно для двух или трех послевоенных десятилетий, т.е. того периода эйфории, когда многие считали возможным контролировать «социальное изменение» так же, как инженер может контролировать изменения физической системы. В те годы иллюзия возможности предвидеть и контролировать социальное изменение была распространена весьма широко. «Технический» характер моделей обеспечивал им одновременно и престиж, и высокий уровень доверия. И для того чтобы превратить их в то, чем они по сути не являлись, а именно в инструмент предвидения, было достаточно лишь интерпретировать их в духе реализма.

Когда мир, по окончании периода поступательного развития, вновь ощутил хаос, когда выяснилось, что «социальное изменение» не расположено к тому, чтобы осуществляться постепенно, размеренно, эта смена эмоций вызвала изменения и в способах восприятия реальности социальными науками: последние вознамерились отыскать в ней рациональность, однако сама реальность не давала для этого никаких оснований. Напротив, реальность предстала теперь как нечто, ускользающее от рассудка. Единственной наукой, способной отныне описывать реальность, является история, или, говоря словами Симианда, «историзирующая история». Короче, сложилась новая интеллектуальная ситуация, которая вывела на сцену старый *историзм* — долой теории социальных изменений. Единственное, что имеет место быть, — это историческое становление во всей его сложности.

Первое проявление историзма, связанное с именем Ранке, вызвало заметный всплеск эпистемологической рефлексии, который обусловил появление неокантианской перспективы Вебера и Зиммеля. Эта перспектива развела по разные стороны баррикад «историков» и «гегельянцев»: для того чтобы понять

социальное, и в частности социальное изменение, необходимо (или, во всяком случае, полезно) следовать по пути конструирования моделей. Просто при этом важно не интерпретировать модели в духе реализма, не приписывать им прогностические способности, которыми они не обладают: реальное всегда шире рационального, особенно если речь идет о таких особо сложных феноменах, как социальные. Ведь уверенность в том, что мы можем постичь реальность во всей ее сложности, есть не что иное, как иллюзия. Именно поэтому такие конструкции, как *модели*, являются необходимыми инструментами познания. Но именно поэтому реальность никогда не удастся втиснуть в их рамки.

- Авторитет** (влияние) — 16, 67, 71, 93, 248
 властные полномочия — 172, 192, 255
 власть — 197
 моральный авторитет — 197
 научный авторитет — 7
- Агрегирование** (индивидуальных действий, поведенческих актов, индивидуальных поведений) — 41, 45–47, 51–53, 71–76, 83–84, 130, 140, 177, 185–186, 223, 263, 264
- Агрегация** (соединение; совокупность; агрегированный эффект, результат) — 38, 41, 45–47, 51–53, 79, 83–84, 130, 169, 234
- Аксиоматика** — 254, 257
- Алмонд Г.** — 178
- Америка** — 30, 51, 53, 63, 158, 184–186, 207, 223, 224, 232, 243–245, 248, 261–262
- Аналогия** — 267
- Англия** — 34, 51–52, 96, 100, 202, 208, 224, 248, 255, 261
- Аномалия** — 22–24, 29, 173
- Аномия** (аномичный) — 179, 231
- Антиномия** (противоречие закона самому себе) — 23, 153, 162, 165, 183, 226
- Аргентина** — 100
- Арон Р.** — 255
- Аскетизм** — 180, 183
- Бадюри** — 28, 140, 141, 143, 145–146, 200
- Бедность** (теория, закон «порочно-го круга бедности») — 5, 21, 101, 137, 152, 238, 250, 253, 261–262
- Белл Д.** — 16, 118, 120, 121
- Бенгалия** — 139, 200
- Бихевиоризм** — 40
- Блюм Л.** — 124
- Боулдинг К.** — 229
- Бразилия** — 171–175, 210, 224
- Будон Р.** — 36, 58, 73, 74, 84, 112, 140, 235, 257, 265
- Буржуазия** — 52, 56, 135, 155–160, 163, 181, 223
- Бэчлер Ф.** — 177
- Вебер М.** — 25, 28, 30, 38, 40–42, 49, 55, 63, 65, 66, 68, 70, 71, 76, 137, 150, 164, 165, 177, 179–183, 186, 218, 223, 233, 234, 238, 256, 258, 264, 265, 268, 271–274
- Вера** (верование, вероисповедание) — 34–35, 122, 168–170, 179–183, 201, 212, 213–214, 232–234, 235, 259–260
- Вико Дж.** — 12
- Воспроизводство** — 26, 127, 136, 178, 193, 229, 238, 250
- Гарр Т.** — 94–95
- Гегель Г.В.Ф.** — 23, 28, 83, 256, 206, 259
- Gemeinschaft, Gesellschaft** — 68–70, 113–114, 126, 136, 265
- Гемпель К.** — 111
- Гернес Г.** — 205–206
- Гершенкрон** — 213
- «Гипотетические функции» (Б. Рассел)** — 245, 247
- Гоббс Т.** — 273
- Голдуотер Б.** — 244, 245
- Готеллинг** — 240, 243–245, 247, 265, 266
- Гэлбрейт Дж.К.** — 5, 262
- Дарвин Ч.** — 250, 267
- Дарендорф Р.** — 16, 28

Движение (социальное) — 16–17, 29–30, 33, 88–89, 95–97, 122, 247–248

забастовочное — 214

за национальную независимость — 261

коллективное движение — 245

рабочее — 213

социалистическое — 50–51

Девелоппментаризм — 100

Действие (акт, акция):

коллективное/индивидуальное — 38–42, 45, 51, 90, 95–96, 214, 225, 245–247, 254

логичное/нелогичное (В. Парето) — 60–61, 170

парадигма действия — 38–41, 268

рациональное/иррациональное — 59–61, 76, 125–126, 140

Детерминизм — 149, 187–190, 198–202, 204–205, 207–208, 210, 215, 219, 220–221, 227, 253, 259, 262

Джонсон Л. — 119

Дильтей В. — 233

Диффузия — 42–43, 52–53, 85, 251

Докуа Г. — 138

Дор Р.П. — 167, 169, 176, 200, 201, 210, 222

Достижение (преуспевание) — 104

Достижительность — 178

Достижительское общество — 28

Дэвис Дж. — 18, 94

Дюркгейм Э. — 9, 18, 41, 55, 68, 76, 83, 84, 87, 136, 149, 152, 177, 178, 231, 239, 240, 261, 273, 274

Единодушие (согласие) — 5, 68, 189, 193, 220

Закон

воспроизводства — 127–128, 138, 144

закон Кеплера — 272

закон-тенденция — 118, 228, 232, 266–267, 269

логический — 85

локальный — 83, 84, 94

причинно-следственный — 16–22, 28, 31, 77, 79–87, 90–91, 94, 96, 97, 115, 130, 137–138, 169, 255

развития (в т.ч., преемственности, последовательности, стадийный) — 16, 77, 87, 97–101

структурный — 20, 27–28, 87, 115–117, 125, 128–129

эволюции — 77, 138

Зиммель Г. — 12–14, 38, 41, 71, 76, 218, 239, 240, 245, 256, 264–266, 272–274

Зомбарт В. — 50, 51, 53, 122, 123, 273

Игра

закрытая/открытая — 193–196

кооперативная/конфликтная — 141–143

теория игр — 140, 142, 193–196

Идеология (идеологический, ценность идей) — 68, 117–125, 148, 165–171, 200, 239, 242, 260, 264–266, 267, 268, 270

Изменение

законы структурных изменений — 17–19, 77–78, 110, 112

натуралистический подход к социальным изменениям — 39, 262–263, 264

причины социальных изменений — 24–28, 37, 115, 153–154, 207–208, 253

сопротивление изменению — 63, 65, 67, 75, 140, 146, 209

теории (социальных) изменений — 5–7, 8–37, 53, 75, 78, 101, 104–105, 135–137, 139, 147–148, 151–152, 183, 218, 229–233, 236, 237, 245, 247, 250–257, 259, 262, 263, 265, 269, 270, 274

Индивидуализм

методологический — 41, 66–71, 76, 83–84, 156, 170, 269

социологический и этический смысл индивидуализма — 66–68, 121–123, 134–135, 152–153

- Индия — 63, 126, 221, 270
 Ост-Индия — 158
 Южная Индия — 236
 Индустриализация — 10, 18–19, 22, 28, 98–99, 102, 215
 Инки (империя инков) — 35
 Инновация:
 адаптивная — 201–205
 культурная — 147–148, 150, 204, 206
 неприятис (отклонение) инновации — 20–21, 26, 42–46, 126–127, 141–148, 167–168, 192–193, 201–204, 205–206
 прогнозируемая инновация как предсказание, предвидение — 191, 201–202
 техническая — 20, 27, 37, 78, 84, 85–86, 139, 142–143, 146–147, 167, 197–198, 202–205, 224
 типы инноваций — 147–148, 201–210, 219, 253
 Интеллигенция (интеллект, интеллектual) — 117–119, 120, 121, 123–125, 174, 185, 213–215, 223–225, 247, 253–254
 Интересы (заинтересованность) — 76, 82, 120–122, 140, 149, 166–167, 172, 176, 184, 193, 246, 259–260
 Ирригация — 63, 126–136, 166–167, 174, 221–222, 236
 Испания — 109
 История:
 и социальные науки — 39–40, 83, 228–229
 и социология — 8–12, 151–152, 184, 218, 239
 исторические данные — 176, 251, 267, 268–270
 философия истории — 24, 149, 229, 265, 269
 Кант И. — 6, 153, 230, 263, 265
 Каплой Т. — 31–34, 232
 Кейнс Дж. — 158
 Киссинджер Г. — 245
 Класс — 13, 16, 22, 26, 31, 66–68, 103–104, 109–111, 118–121, 128–130, 132, 142–143, 146–147, 149, 155–165, 168, 175–176, 178, 192, 211–215, 222–223, 238, 253
 Когнитивный — 57, 70, 257
 Кола Д. — 210, 211
 Колеман Дж. — 42, 43, 204
 Колумбия — 101–109, 115, 169, 179, 209, 238
 Кондорсэ А. — 12, 23
 Консенсус (К. Поппер) — 7, 69, 172
 негативный консенсус — 173
 Конт О. — 9, 15, 28, 55, 76, 83, 261, 273, 274
 Конфликт — 16, 31, 149–151, 152–154, 155–165, 186, 192, 197–198, 229–230
 Коэн Г. — 24
 Крозье М. — 23, 24, 191–192, 199, 227
 Культурализм (культуралистская традиция) — 138, 154, 229–231, 236, 254
 Кун Т. — 22–23, 24, 28, 29, 171, 173–174, 259
 Купер Т. — 157
 Курно (эффект Курно) — 191, 209, 212, 215, 216, 219, 221, 227
 Лакатос И. — 13, 235, 259, 260, 272
 Ланселот А. — 243
 Лаплас П. — 187, 191
 Лассаль Ф. — 207
 Ленин В.И. — 210–212, 213–215, 217
 Ленски Г. — 9, 10, 11, 12, 13
 Линд Р. и Э. — 31
 Линтон Р. — 202
 Лютер М. — 183
 Мак-Говерн — 243
 Мак-Клелланд Д. — 26, 28, 165, 178
 Макро-/микро- — 37, 56–58, 65, 72, 75, 76, 79, 80, 81, 91, 139, 169, 177, 179, 235, 236, 257, 264, 271
 Манхейм К. — 117
 Маркс К. — 26, 27, 34, 35, 42, 83–84, 127, 155–162, 164, 186, 211, 222, 223, 227, 228, 271, 273, 274
 Маршалл Т.Х. — 5, 152, 261

- Мендр — 224
 Мертон Р.К. — 38, 76, 184, 249
 Методология — 7, 41, 268
 Мид М. — 127
 Миллс Ч.Р. — 16
 Милль Дж.С. — 233
 Мобилизация — 17–19, 87–97, 169, 231, 247, 253
 Мобильность (социальная) — 16, 22, 32, 70, 73, 122
 Модель:
 адаптации — 250
 всеобщая/универсальная (закон) — 57, 86, 265
 кумулятивная — 127–130
 логическая — 86
 рациональная (рационалистическая) — 58, 170
 утилитаристская — 57, 71, 168
 Модернизация — 30, 52, 78, 97–101, 128, 129, 136, 145, 238, 263
 Моммзен Т. — 256
 Монтескье Ш. — 12, 113
 Моска Г. — 38, 76, 164
 Московиси С. — 67
 Мэйдзи — 167
- Насилие** (в т.ч. коллективное) — 18, 36, 88–89, 91, 94–97
Натурализм (в т.ч. натуралистические ориентации, подходы, парадигмы, концепции) — 39–40, 96
Неомарксизм — 20, 76, 138, 143, 150, 162–165, 178
Никсон Р. — 243–245
Нисбет Р. — 8–13, 34, 76, 151, 183–184, 186, 208, 218, 220, 224, 239, 255, 256, 273
Номиналистический — 85
Номологические:
 закономерности — 5, 12, 14, 34, 55, 83
 интерпретации — 84
 концепции — 109, 110–111, 130, 135, 218, 255, 268
 перспективы — 270
 предрассудки — 77
 притязания (науки) — 10
- Номотетический — 10, 14, 101, 130, 220, 239, 256
 Нурксе Р. — 21, 28, 262
- Объективность, объективный** — 88, 201, 210, 260, 263
Общество:
 современное/традиционное — 14–19, 22, 41, 98, 113–114, 115–116, 118–119, 127, 135–136, 146, 148, 164, 183, 246–247, 266–267
Общность (Gemeinschaft) — 68, 71, 92, 126–127, 135–137, 148, 221, 265–266
Объяснение (интерпретация) — 49–50, 53–55, 56, 76, 110–111, 139, 145, 182, 184, 185, 206, 217, 237–238, 250, 267, 268
Олсон М. — 97, 245, 246–247, 248
Организация — 24, 37, 76, 138, 146, 191, 207, 210, 211, 213–215, 247, 267, 270
- Парадигма** — 22–23, 38–39, 40–41, 42–55, 97, 138, 170–174, 217, 249, 254–255, 268
Парамстр — 146, 265
Парето В. — 13, 38, 60, 61, 76, 161, 164, 177, 223, 229, 262, 269
Парсонс Т. — 9, 19, 28, 29, 33, 34, 38, 76, 77, 151, 178, 208, 248, 249, 262
Пиаже Ж. — 10, 35, 77, 220
Пифагор — 68
Позитивизм — 39–41, 173, 254
Познание — 7, 35, 54, 70, 111, 117, 121, 187, 191–192, 210, 219, 235, 259–263, 268–269
Понимание (М. Вебер) (интерпретация) — 39–40, 49–50, 65–66, 70–71, 110, 145, 181, 190, 217, 219–220, 234, 257, 268, 270
Поппер К. — 6, 36, 77, 78, 96, 153, 182, 230, 235, 245, 250, 255, 260, 267, 268
Правомерность (правомерный, законный) — 14, 19, 31, 36, 55, 57–58, 77–78, 86–87, 95–97,

- 110, 139, 170, 212, 230, 231, 232, 234, 257–259
- Прибавочная стоимость** (закон, теория К. Маркса о прибавочной стоимости) — 160–162
- Причина** — 24–26, 87–88, 95–97, 183–184, 206, 210, 212, 215–216
- циркулярная причинность** — 24
- Производительность** (производительный) — 20–21, 29, 98–99, 138–139, 148, 156, 200, 222
- продуктивность земли** — 52
- Производство** (производительные силы и производственные отношения) — 20, 26–28, 37, 99, 138, 141, 143, 146–148, 157–158, 160–162, 163, 208, 222, 224, 253
- Протестантизм** — 25, 30, 92, 150, 165, 177, 178–183, 222, 233–235, 261
- «Протестантская этика и дух капитализма»** (М. Вебер) — 25, 150, 165, 177, 178, 179
- Профсоюзы** (профсоюзный) — 121–125, 184–186, 195, 204, 207, 222, 224–225, 228, 255
- Процесс**:
 автоматический, самовоспроизводящийся — 175, 184, 225–226, 228
 конкретный, частный (локальный) — 166, 168, 210, 226–227, 252, 263, 267–268
 кумулятивный — 78, 236
- эндогенный/экзогенный** — 157–158, 184, 202, 220, 224–228, 253–254
- Прудон П.Ж.** — 156, 157
- Психология**:
 и социология — 55–57, 144–145, 216–217, 257
 психология толпы — 54, 67
- Развитие**:
 научное — 23, 259–260
 неомарксистские теории развития — 100
 политическое — 21, 41, 98, 178, 238
- социально-экономическое — 21, 29–31, 38, 87, 97–101, 117, 138, 139, 177–179, 238, 261, 263
- Ранке Л. фон** — 12, 218, 256, 271, 274
- Раппопорт А.** — 142
- Рассел Б.** — 245
- Рациональность, рациональный**:
 критика (К. Поппер) — 36–37, 153–154, 166, 261
 рациональное/иррациональное действие — 58–59, 60, 75–76, 237
 уподобление «рационального» «реальному» — 266
- Реализм** (реалистический, реальный) — 218, 230, 243–245, 250, 264–270
- Редфрид** — 68
- Рейган Р.** — 244, 245
- Релятивизм и скептицизм** — 35, 239, 255–256, 259
- Решение** — 43–44, 59, 168, 170, 199–200, 209, 231, 242, 255
 «поле решений» — 199–200
- Рикардо Д.** — 207, 240, 272, 273
- Риккерт Г.** — 233
- Роль** — 49, 104, 118–119, 124, 131–132, 151–152, 153–154, 185–186, 192–195, 196, 211, 247–248
- Ропер Тревор** — 179, 180, 181–183, 222, 233–235, 238, 258
- Ростоу У.** — 15, 28, 78, 261
- Руссо Ж.Ж.** — 273
- Саваж** (критерий Саважа) — 145
- Салинс М.** — 10
- Сельское хозяйство** (агрикультура) — 51–52, 69–70, 72, 128–130, 131–135, 139, 166–168, 200, 201, 203–204
- Семья** — 19, 22, 29, 32, 63–64, 68, 73, 77–78, 98–99, 107, 128–132, 134, 232, 253, 262
- Сен Симон К.** — 16, 117
- Сервис Э.** — 10
- Симианд** — 274
- Система** — 19–20, 33, 34, 77, 93, 96, 107, 111, 119–122, 133, 135–

- 136, 140, 141, 143–144, 148, 151, 171, 182, 183, 185–186, 187, 193, 201–207, 212, 237–238, 249, 266–267
- Ситуация (ситуативный):**
 двойственная (двусмысленная) — 82, 144
 неопределенная — 144
 открытая/закрытая — 187–191, 195, 197–199, 219
 структура ситуации — 40–41, 43–44, 58–65, 71, 79–80, 109–110, 119, 124, 125–126, 128, 129–131, 140, 144, 145, 168–171, 191, 193, 209, 225, 234–235, 236–237
- Смелзер Н. — 224, 248
 Смит А. — 38, 160, 228, 240
 Снайдер Д. — 88, 89, 91, 95
- Сознание** (в т.ч. «ложное сознание») — 40–41, 42, 65, 84
- Социоцентрический предрассудок** — 261
- Спенсер Г. — 9, 117
- СССР, Россия, Москва — 117, 123, 213–215
- Старк В. — 229
- Статус** (в т.ч. социальный) — 19, 29, 73, 103, 114, 129, 132, 135, 144, 164, 221
- Стратегия** — 59, 71, 97, 122, 195–198, 209, 223, 225, 229
- Структура** — 20–21, 26–27, 33–34, 36, 39, 43–44, 78, 93, 106, 108, 110, 112–148, 154, 163–164, 170, 178, 188, 190, 192–193, 198, 203, 216, 219, 221, 228, 253–254, 269
- Структурализм (структуралистский подход)** — 112–115, 154, 236, 254, 255, 266
- Стюарты — 208, 209
- США — 30, 35, 51, 53–54, 91–92, 119, 122–123, 165, 207
- Субъективизм (субъективность, субъективный)** — 40–41, 49, 56, 65–66, 83, 125, 220, 237, 258, 263
- Тард Г. — 87
- Тенденция** — 14, 21, 28, 31–33, 78, 227, 261
- Теория:**
 локальные, частные теории — 238, 253
 правомомерность, достоверность теории — 5–6, 21, 31, 58, 146, 182, 238, 243, 252, 257–258
 теории *stricto sensu* («теории в точном смысле слова») — 231, 249–252, 258, 268
 теоретическая модель — 228, 240, 248, 269–270
- Техника (технический прогресс)** — 9, 118
 см.: инновация техническая
- Тённис Ф. — 68, 69, 113–114, 265, 266
- Тилли П. — 88, 89, 91, 94, 95
- Типология** — 113–114, 136, 138, 148
- Токвиль А. де** — 5, 17, 18, 30, 33, 35, 51, 53, 54, 72, 76, 94, 164, 231, 262, 272
- Токугава** — 104
- Том Р.** — 217
- Томас (теория Томаса)** — 92
- Традиция** — 63, 64, 68, 69, 76, 114, 126–128, 133, 140, 166–169, 220, 223
- Транспозиция** — 75, 235
- Трансформация** — 136, 209–210, 223
- Тренд** — 15
- Трёльч Э. — 183
- Труд** (работа, рабочая сила, орудия труда, разделение труда) — 13–14, 20–21, 32, 92, 101–102, 114, 128, 132–133, 146, 148, 152, 159–163, 179, 228, 253
- Турэн А. — 16, 76
- Тюдоры** — 208
- Уайт Л.** — 27, 202, 204
- Уолд (критерий Уолда)** — 144, 145
- Утилитаризм (утилитаристский)** — 58, 125, 166, 254, 257
- Фальсификация** (К. Поппер) — 258, 260

Феодализм (феодалный, полуфеодалный) — 20–22, 102–103, 141, 144–148, 155–160, 222–223, 253

Фейерабенд П. — 18, 238, 258, 259, 260, 269

Физиократы — 52, 168, 220, 222

Фогель Э. — 98

Фор П. — 124

Формальная социология (Т. Зиммель) — 85, 239–263

Франция (французский) — 23, 30, 51–52, 70, 72, 88, 91, 95–96, 124–125, 199, 228–230, 261

Футгеры — 180, 182

Фуко М. — 16, 165

Функционализм — 151, 165, 183–184, 249, 254

Функционалист — 151, 165, 183–184, 186

Функция — 39, 201–202, 221, 222, 245, 249, 253, 255, 262

дисфункция — 153, 183, 192, 224, 225, 248

функциональный — 150, 151, 154, 219, 249, 254, 266–267

функционирование — 196

Фуртадо К. — 175, 176

Хабермас Ю. — 259

Хардин Г. — 206, 207

Харизма — 67

Хаген — 100–105, 108–111, 169, 176, 179, 199, 210, 236, 238, 239

Хайек Ф. — 66

Хальбвакс М. — 84

Хиршман О. — 51, 97, 170, 171, 176, 210, 225, 240, 243

Хобхаус Л.Т. — 9–10

Хозелитц Б. — 127, 138, 201, 266

Холизм (холистский подход) — 76, 97

Ценность:

автономия/взаимозависимость ценностей — 165, 177–178

диффузия (распространение ценностей вширь) — 177

интериоризация ценностей — 75, 179

религиозные ценности — 93, 129, 253

роль ценностей — 25–26, 150–151, 152, 155, 165–183, 185, 221, 229

ценностные суждения и объективность — 263

Шумпетер Й. — 12, 13, 21, 208, 209, 229

Экономика (экономический) — 6, 13, 38, 54, 56–58, 76, 83–84, 101–102, 132, 151–152, 156, 185, 200

Эксплуатация (К. Маркс) — 160, 162–163

Эмиграция — 173

Эндогенный/экзогенный — 20, 34, 126–129, 138, 144, 151, 153, 156, 158, 166, 171, 183–184, 202, 236, 262

Эпстайн С. — 126, 128, 129, 130, 135, 136, 166, 167, 221, 223, 236

Эразм Роттердамский — 181, 234

Эразмизм — 182, 183, 235

Эффект (результат, следствие):

внешний, агрегирования, совокупный — 38, 71–72, 74, 83, 96, 110, 154, 177, 179, 236

демонстрационный — 100

«порочный эффект» — 71

спиральный эффект агрегирования — 74, 225

Япония — 29–30, 34, 53–54, 98, 100, 101, 103, 108, 167–169, 200, 209, 220, 222, 250, 270

Содержание

Предисловие	5
Г л а в а 1. Теории социального изменения	8
Программа: теории социального изменения	13
Иллюзия?	29
Три ответа	33
Г л а в а 2. Индивидуальное действие, эффекты агрегирования и социальное изменение	38
Веберовская парадигма	42
Психология социальных наук	55
О понятии рациональности	58
О понятии «индивидуализм»	66
Агрегирование индивидуальных поведенческих актов	71
Г л а в а 3. Законы изменения: номологический предрассудок	77
О причинно-следственных законах в целом	79
Модели и законы	84
Законы мобилизации	87
Законы развития и модернизации	97
Анатомия одной теории социального изменения	101
Г л а в а 4. Структуры и изменение: структуралистский предрассудок	112
Структура = тип	112
Структура = основные черты	115
Структурные законы	116
Структура и идеологии	117
Когерентность структур перед лицом изменений	126
Структурные и неструктурные элементы	137
	283

Глава 5. <i>Поиск primum mobile: онтологический предрассудок</i>	149
Роль конфликтов	155
Роль идей и ценностей: о том, что зачастую неверие более значимо	165
Роль идей и ценностей: о том, что зачастую отсутствие веры менее значимо	177
Экзогенное или эндогенное изменение?	183
Глава 6. <i>Весьма умеренный детерминизм</i>	187
Закрытые и открытые процессы	191
Инновация и социальное изменение	201
Роль случая	210
Глава 7. <i>Место беспорядка</i>	218
Постулаты и констатации	218
Демаркации	230
Вариации на тему Зиммеля	239
Отказ от беспорядка	252
Замечание по поводу понятия «правомерность»	257
Познание, интересы и интерпретации социального изменения	259
<i>Эпилог.</i>	
Ловушка реализма	264
Предметный указатель	276

Учебное издание

Раймон Будон

Место беспорядка
Критика теорий социального изменения

Редактор **А.Г. Гридчина**
Технический редактор **Н.К. Петрова**
Корректор **А.А. Барниова**
Компьютерная верстка **С.А. Артемьевой**

ЛР № 090102 от 14.10.94
Подписано к печати 10.04.98. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Тираж 3500 экз.
Заказ № 619

Издательство «Аспект Пресс»
111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.
e-mail: Aspect.Press@relcom.ru
Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г Можайск, ул. Мира, 93.